

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

СВЯТИЛИЩЕ САВИН-1 ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ПРИТОБОЛЬЕ

Антология статей

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»
Курганская областная общественная организация
«Зауральское общество друзей истории, археологии и культуры (ЗОДИАК)»
Российское историческое общество
(Курганское отделение)

Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье

Антология статей

Курган 2020

УДК 902.2(082.2)
ББК 63.442.15(2)я43
С 25

Святылище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье : антология статей / сост., отв. ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – 208 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Ответственный редактор: Д. Н. Маслюженко.

Рецензент:

Менщиков Владимир Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры «История и документоведение» Курганского государственного университета.

Антология статей включает в себя научные публикации по вопросам открытия и изучения святылища энеолита Савин-1 в Белозерском районе Курганской области. В них предложены авторские концепции использования этого святылища, в том числе в качестве «обсерватории», проведены реконструкции древних ритуалов, определена культурная принадлежность и хронология существования памятника.

Книга предназначена для историков, культурологов, научных работников, преподавателей учебных заведений и всех, кто интересуется археологией и древней историей Западной Сибири.

Проект издан с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

В оформлении обложки использованы:

- 1 Вид на место расположения сооружений святылища в процессе их реконструкции в 1997 г. Вид с Севера. Фото Т. М. Потемкиной;
- 2 Реконструкция святылища Савин по материалам раскопок 1983–1985, 1997 гг. Автор – Т. М. Потемкина.

ISBN 978-5-4217-0529-1

© Курганский государственный университет, 2020
© Авторы, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Среди многочисленных памятников каменного века Зауралья – стоянок и поселений, выделяется несколько необычных объектов, которые исследователи с большей или меньшей долей вероятности относят к культовым: различного рода святилищам, археоастрономическим сооружениям и т. п. Для разных эпох – от палеолита до энеолита они имеют различающиеся формы воплощения, различное содержание и смысл. В целом святилища – это объекты, почитаемые людьми, в которых совершались ритуальные действия, например, в честь духов местности, умерших предков или покровителей общины. Отправление культов (поклонение, молитвы и т. п.) обычно связано с той или иной сферой жизнедеятельности человека и требовало учитывать специфику ритуала и его направленность.

Самыми ранними в нашем регионе являются палеолитические пещерные святилища с настенной живописью: Каповая (Шульган-Таш) и Игнatieвская (Ямазы-Таш), их возраст от 16 до 13 тыс. лет назад. Культурный слой, обнаруженный в пещерах, получил название «слой посещения». От поселенческого его отличает присутствие многочисленных частиц угля от факелов и светильников, кусочков охры, украшений и костей животных. Своеобразные черты археологических остатков в этих пещерах могут свидетельствовать о том, что люди верхнего палеолита не жили здесь постоянно, а лишь приходили сюда для совершения определенных обрядов, а живопись пещеры являлась составной частью древнего святилища.

Рисунки в Каповой и Игнatieвской пещерах размещены в глубине и созданы с целью проведения обрядовых церемоний. Вероятно, основным являлся обряд инициаций – посвящения, перехода человека из одного состояния в другое, например, подростка в мужское звание. В пещерной живописи были заключены и основные сюжеты первобытной мифологии. Композиции Большого зала Игнatieвской пещеры и Зала рисунков Каповой пещеры в основном связаны с охотничьей темой – это рисунки различных животных и знаки, похожие на стрелы и копья, загонные изгороди и ловушки. Зал Хаоса в Каповой пещере и Дальний зал в Игнatieвской, вероятно, были главными в проведении обрядов, и в их рисунках, вероятно, отражены мифы о сотворении мира (Петрин, 1992; Щелинский, 2016, с. 4–40).

Общество конца палеолита представляется уже довольно развитым социальным организмом, в котором обряды посвящения – инициации играли важную стабилизирующую роль. Структуру общества определяло половозрастное разделение труда, и целью обряда было ознакомление молодого человека с природным и социальным содержанием культуры общества, включение его в действующую систему отношений и представлений. Пещера представляла собой модель мира, с этим связано многообразие различных тем и сюжетов, отраженных в живописи. Существование южноуральского центра пещерной живописи свидетельствует о стабильности связей многочисленных коллективов охотников, единстве их мировосприятия, что и является основным условием функционирования каждого отдельного общества.

Еще одним типом пещерного святилища эпохи палеолита является святилище, посвященное культу медведя в пещере Заповедная, расположенной в горной части Южного Урала в Белорецком районе Башкирии (Котов, 2012, с. 15–25). Культурный слой, обнаруженный в пещере, имеет возраст около 13 тыс. лет назад. На полу пещеры изначально было обнаружено около сотни черепов пещерного медведя и огромное количество костей. Ритуальный комплекс в пещере Заповедная демонстрирует сложность обрядов, связанных с почитанием пещерного медведя и его черепов. Наиболее значимыми чертами этих обрядов является поклонение древних людей черепам пещерного медведя и самой пещере как входу в Нижний мир, где «обитает» хозяин этого потустороннего мира.

Кардинальные изменения, которые начали происходить в природе на рубеже плейстоцена и голоцена около 12 тысяч лет назад, коснулись не только материальной основы жизни людей. Исчезает «мамонтная фауна», на месте открытых пространств тундростепи начинают формироваться привычные для нас ландшафты – леса, покрывающие горы, разнообразная в разных местах лесостепь, реки занимают свои современные русла, появляются зеркала знакомых нам озер. Изменения происходят не только в материальной культуре, которую приходится приводить в соответствие с новыми природными условиями, кардинально изменяется и само общество, и его мировоззрение. Глубокое, темное пространство пещер, где раньше проводили обряды инициации, теперь представляется так же, как и глубина рек и озер

потусторонним миром, куда уходят умершие. Появляются и новые обряды, которые должны стать помощниками в жизни охотников.

Уникальное святилище Камень Дыроватый, связанное с проведением охотничьих обрядов населением Зауралья в мезолите – энеолите, было изучено Ю. Б. Сериковым на реке Чусовой (Сериков, 2000). Километровой длины скала заканчивается отвесным монолитом высотой до 60 м. Здесь, на высоте 20 м, и находится святилище с историей в более чем десять тысяч лет. Если смотреть на пещеру с противоположного берега или с реки, то на скале как будто бы можно рассмотреть лицо «хозяина-духа». Хорошо различимы глаза в углубленных участках скалы и нос в виде выступа. Сама пещера напоминает открытый в крике рот, а остатки колонн в ней, как зубы. Какого-либо выхода на поверхность на вершине скалы не обнаружено, а от вершины до пещеры 40 м по вертикали. «Попасть» в пещеру можно было только вместе со стрелой, выпущенной из лука, часть найденных там предметов, вероятно, были привязанными к древкам стрел.

Наконечники, которых больше 20 тысяч, очень разнообразны: вкладышевые наконечники из кости, относящиеся к эпохе мезолита, а также наконечники на пластинах и двусторонне обработанные, изготовленные из кремня и яшмы и бытовавшие у зауральского населения в неолите и энеолите. В процессе обследования пещеры были обнаружены наконечники, воткнувшиеся в стены. Угол залегания наконечников показывает, что стрельба происходила с разных направлений: и сверху по течению, и снизу, и с середины реки напротив пещеры, и с противоположного берега, и даже от подножия скалы. По имеющимся фактам можно предполагать, что здесь в течение нескольких тысяч лет проводился охотничий обряд стрельбы из лука в пещеру с целью жертвоприношения украшений, костей животных, самих наконечников стрел или посланий богам и духам.

Знаковое для неолита Зауралья святилище Кокшаровский холм расположено в лесной зоне Среднего Зауралья, на берегу Юрьинского озера. Долгие годы исследовался А. Ф. Шориным (Шорин, 2007, с. 30–42). Кокшаровский холм представляет собой искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м, высотой более 1 м в южной и около 3,5 м в северной части. Автор исследований считает Кокшаровский холм святилищем высокого ранга. В цен-

тре Юрьинского поселения для обрядовых действий была создана возвышенная площадка, которая подсыпалась не менее трех раз в течение неолита. Затем территорию холма отделили от пространства Юрьинского поселения двумя рвами.

В насыпанных слоях холма были зафиксированы остатки 15 деревянных объектов размерами 2×2 м и 5×5 м, высотой не менее 1 м, которые представляли собой огороженное канавками четырехугольное пространство. В канавках был обнаружен уголь от сгоревших жердей, из которых, вероятно, были сложены стены. Как предполагает исследователь памятника, возможно, это были деревянные «домики для духов», подобные таковым у хантов и манси. Рядом или внутри некоторых из них отмечены конструкции меньших размеров: 55×30, 80×55 см. Внутри или рядом с некоторыми из таких построек найдены перевернутые вверх дном сосуды. Обнаруженные следы мощных кострищ свидетельствуют, что после проведения обрядов на площадке деревянные конструкции сжигались. О культовом характере холма свидетельствуют и необычные находки: сверленная орнаментированная каменная булава в виде стилизованной головы животного, тальковые стержни с насечками, глиняная головка утки, керамические «пряслица» и диски, обломок обушковой части сланцевого шлифованного ножа серповидной формы, оформленный в виде головки птицы, глиняные предметы сферической и биконической формы, обычно орнаментированные, глиняные «утюжки», свыше 60 сосудов с зооморфными налестками и др. В слоях святилища представлена посуда всех культурных традиций неолита Зауралья: кошkinsкая, козловская, боборыкинская, полуденская.

В Зауралье изучено несколько энеолитических святилищ, которые отличаются от «холмов» периода неолита. Самым восточным является святилище Велижаны 2, расположенное на левом берегу р. Иска, на высоте 8 метров над уровнем воды. Памятник открыт В. Т. Галкиным и полностью исследован Л. А. Дрябиной с 1989 по 1996 годы. Общая площадь святилища составляет 800 кв. метров. Основная часть святилища представляет собой два круга, образованных рвами. В центре круга располагается площадка круглой формы диаметром 9,2 м. Сердцевину этой площадки занимала яма глубиной 1,5 м, дно которой было заполнено крупными обломками сосудов, охрой, угольками. На расстоянии 0,2 и 1,4 метра к севе-

ро-западу от этой ямы фиксировались два кострища на разных глубинах, то есть огонь здесь разжигался в разные периоды. Центральную площадку окружал ров общим диаметром 18-19 м, отстоящий от центрального столба на 7,5–8 м. Во рву фиксируются ямки, на дне которых лежали обломки сосудов, возле ямок стояли сосуды, часть которых перевернута вверх дном. В северо-западной части рва располагалось сооружение, представляющее собой яму шириной 2,5 м в центре, глубиной до 2,2 м. Северо-западную часть ямы занимает кострище от сгоревшего столба. Яму заполняло до 19 слоев, состоящих из темно-серой супеси с угольками, черного слоя сгоревшего дерева, охры, обломков сосудов, в том числе с охрой. По всей видимости, сооружение представляло собой помост, который устанавливался на столбах, расположенных по краям ямы. На помост ставили сосуды с жертвенной пищей, напитками, охрой. Сооружение возводилось, по-видимому, заново во время каждого ритуала. После обряда оно сжигалось и засыпалось песком. Неординарность комплекса, регулярность расположения столбовых ямок позволили предположить его ритуальный характер, а также возможность астрономического статуса (Дрябина, 1995, с. 240–248).

Наиболее изученным в лесостепном Зауралье является святилище Савин-1, расположенное в Курганской области на правом берегу реки Тобол. Памятник занимает песчаную гриву, возвышающуюся над окружающей местностью, был найден в 1982 году, исследовался в 1983–1986 годах М. П. Вохменцевым и Т. М. Потемкиной (Потемкина, 2001, с. 166–256; Вохменцев, 2016). В результате раскопок были обнаружены остатки сооружения, в плане похожего на восьмерку. Кольца, соединенные между собой, образованы канавами шириной от одного до двух метров и глубиной порой больше метра. В канавах оставлены разрывы для проходов внутрь с запада и востока. Диаметр колец – 16–18 м. В центре верхнего по течению кольца находилось углубление размерами 6 x 8 м, на дне которого был обнаружен значительный слой костей животных, а также фрагменты керамических сосудов и изделия из камня и кости. В канавках, создающих кольца, а также внутри них зафиксировано более ста ямок, как для установки столбов, так и для совершения обрядов. В таких ямках находились кости, керамика и орудия из камня. В пределах сооружений также обнаружены два погребения, в одном

из которых захоронено сразу три человека, один над другим. Погребенные (двое взрослых мужчин и девушка лет 16-ти) относились к разным расовым типам – восточно-средиземноморские европеоиды и североазиатский монголоид. В результате раскопок были найдены развалы и фрагменты керамики от сосудов, изделия из камня и кости, всего 7162 предмета. Самой многочисленной среди находок является керамика – 5400 экз. Изделий из камня – 1750 экз., изделий из кости – 12 экз., также костные останки лошади, косули, лося, кабана, медведя и волка.

Т. М. Потемкина в 1997 году исследовала святилище с целью выявления основных астрономических ориентиров и пришла к очень интересным и важным выводам (Потемкина, 2014, с. 50–89). Кроме того, была выполнена графическая реконструкция святилища, как археоастрономического объекта.

Время функционирования святилища Савин на настоящий момент определяется по четырем имеющимся радиоуглеродным датам, две из которых – 3758±80 (SPb-884) и 3950±120 (SPb-883) получены по костям лошади и две по остаткам органики в керамике – 4000±200 (SPb-549) и 4530±200 (SPb-548). Нужно признать, что три первые даты в современной радиоуглеродной шкале выглядят очень поздними и в Зауралье соответствуют раннебронзовому времени. Наиболее приемлемой является дата – 4530±200 (SPb-548), которая соответствует многочисленным датам с памятников второй половины энеолитического времени в Зауралье и Северном Казахстане (поселение Ботай). В калиброванном значении это вторая половина IV – начало III тыс. до н. э. Близкую дату – 4330±120 (SPb-540) имеет и святилище Слободчики 1.

Таким образом, святилище Савин I функционировало в энеолитический период, который в Зауралье (в отличие от более южных регионов Средней Азии, где это уже эпоха металлов и производящего хозяйства), характеризует заключительный этап каменного века. Основными орудиями, как и в эпоху неолита, остаются орудия из кремнистых пород камня, хотя их ассортимент и технология изготовления существенно расширяются. Основой системы жизнеобеспечения населения лесостепного Притоболья являлись охота и рыболовство. Объектами охоты были лошадь, лось, медведь, благородный олень, косуля, барсук, куница и выдра, а также водоплавающая дичь. Рыболовство реконструируется по встречающимся среди артефактов наборам грузил различных форм и остаткам костей

и чешуи рыб. Важными отраслями экономики являлись кожевенное производство и деревообработка. Торфяниковые памятники Зауралья дают нам представление о деревянных и костяных орудиях, которые не сохраняются на обычных стоянках и поселениях. В основном использовали сосну, ель, березу, иногда осину. Деревянная посуда представлена ложками, ковшиками, блюдами, берестяными туесками и т. д. Орудия рыболовства представлены поплавками из сосновой коры, трубчатыми поплавками из бересты, грузилами-кибасами. Деревянные скульптуры изображали лосей, гусей, уток, лебедей. Меняющиеся природные условия дали начало понижению уровня воды в реках лесостепного Притоболья, более совершенная система жизнеобеспечения способствовала увеличению населения энеолитических поселков и их существенному расширению – от 700-900 кв. м в неолите – до 2000 кв. м в энеолите. Соответственно менялась и духовная культура – появляются новые объекты, связанные как с обрядовой деятельностью, так, вероятно, и с астрономическими наблюдениями.

Недалеко от этого святилища, всего в 800 м, было найдено еще одно, которое получило название Слободчики 1. Святылище открыто в 1991 году, в 1994 году произведены раскопки (Вохменцев, 2016). Памятник находится на правом берегу Тобола в пойме, на мысу около старицы. При раскопках были зафиксированы остатки древних сооружений: канава, образующая круг диаметром около 14 метров, а внутри круга – котлован размером 7 x 8 м, углубленный на 0,6 м. В южной части канавы обнаружен разрыв, образующий проход в круг. В пределах котлована функционировали очаги диаметром 20 см и 80 см. В котловане и в канаве встречены скопления костей животных: лося, кабана, медведя, лошади, косули лисы и др., а также единичные кости человека, много костей рыбы. Артефакты, обнаруженные на святилище, в основном, представлены фрагментами керамики и немногочисленными каменными орудиями. Анализ полученных материалов позволил авторам исследований предположить, что святилища Савин-1 и Слободчики 1 функционировали одновременно, но, вероятно, на них проводились различные по назначению обряды.

Приведенный выше краткий обзор культовых объектов каменного века Зауралья позволяет сделать некоторые выводы. В позднем палеолите пещерные святилища с наскальной живописью служили не

только местом проведения обряда инициаций, но и были объединительным центром для всего населения этого времени Урала и Зауралья. Анализируя каменный инвентарь и особенно сырье, из которого он был изготовлен, можно сделать вывод о том, что в мезолитическое время святилище Камень Дыроватый было местом проведения охотничьих обрядов населения разных регионов Урала и Зауралья.

Очень важный вывод можно сделать при анализе артефактов и, особенно керамических коллекций Кокшаровского холма, а именно, что Кокшаровский холм являлся местом, где собиралось для проведения обрядов неолитическое население всего Зауралья, и что принципиально важно, это были носители различных культурных традиций.

Основной конструктивной особенностью архитектуры энеолитических круглоплановых святилищ Притоболья являлись столбы, которые были ориентированы на значимые астрономические направления, связанные с восходами и заходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний, и к которым были приурочены наиболее мощные скопления находок и следов кострищ. Возможно, некоторые из них могли иметь чисто ритуальное значение – идолов или жертвенных столбов.

Очень интересен состав керамических сосудов, которые были оставлены на святилище Савин-1. По способу лепки и, особенно, по технике нанесения узоров на поверхности и самим мотивам орнаментации можно сказать, что эта посуда изготавливалась людьми, принадлежащими к коллективам с различными родовыми традициями, проживавшим на обширной территории Урала, Притоболья и Западной Сибири. По всем имеющимся признакам святилище Савин-1 служило местом проведения обрядов соседних общин и объединяло на этой пограничной между ними территории родственные коллективы населения Урало-Сибирского региона.

Таким образом, население восточного склона Урала и Зауралья в различные периоды каменного века занимало территорию, охватывающую несколько ландшафтных зон: лесостепную, горно-лесную и южную часть равнинной лесной, которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу единого социокультурного пространства (Мосин, 2016, с. 19–27). Условные границы существования зауральских традиций отнеются культурным фоном населения с отличными

«незауральскими» традициями, характеризующими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях. Единство населения зауральского социокультурного пространства подчеркивается существованием упомянутых здесь святилищ, одной, если не главной функцией которых, было объединение социумов Урала и Зауралья от палеолита до энеолита.

Главной целью науки является получение нового знания, но является ли это и конечной целью? Думаю, что нет. Еще одной очень важной задачей, а иногда и обязанностью ученых является популяризация и внедрение новых знаний в образование. Иначе, на людей молодого поколения обрушивается целый поток современного мифотворчества, искажающий историческую правду: о единой мифологии населения Южного Урала от палеолита до современности, о цивилизации энеолита, создавшей геоглиф «Лось» (который оказался следами от квадроцикла), стране городов в эпоху бронзы и т. п. Поэтому продолжение полномасштабных исследований и намеченная популяризация святилища Савин-1, чему и посвящено настоящее издание, является очень важной составляющей современной науки и образования.

Библиографический список

- 1 Вохменцев, М. П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / М. П. Вохменцев. – Челябинск : ЦИКР Рифей, 2016.
- 2 Дрябина, Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны 2 под Тюменью / Л. А. Дрябина // Словоцковские чтения-1995 : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень : ТОКМ, 1995. – С. 37-38.
- 3 Котов, В. Г. Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале / В. Г. Котов // РА. – 2012. – № 2. – С. 15–25.
- 4 Кауров, Э. Н. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия»), Москва, 1994 / Э. Н. Кауров, Т. М. Потемкина. // РА. – № 3. – 1995. – С. 240–248
- 5 Мосин, В. С. Социокультурное пространство в позднем каменном веке / В. С. Мосин // Вестник Пермского университета, 2016. История. – Вып. 1 (32). – С. 19–27.
- 6 Петрин, В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале / В. Т. Петрин. – Новосибирск, 1992.
- 7 Потемкина, Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии / Т. М. Потемкина // Мировоззрение древнего населения Евразии. – Москва, 2001. – С. 166–256.
- 8 Потемкина, Т. М. Святылища энеолита и бронзового века Западной Сибири, как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности / Т. М. Потемкина // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. – 2014. – № 2(1). – С. 50–89.

9 Сериков, Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил, 2000.

10 Щелинский, В. Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш / В. Е. Щелинский // Каповой (Башкортостан): настенные рисунки и археологические свидетельства // *Древние святилища: археология, ритуал, мифология : материалы международного научного симпозиума*. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 4–40.

11 Шорин, А. Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаевского холма / А. Ф. Шорин // *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной)*. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 30–42.

В. С. Мосин

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
*Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОТКРЫТИЯ
1983 ГОДА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. М. МУНЧАЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

РАСКОПКИ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев

Экспедиция Курганского областного краеведческого музея продолжила исследование памятника эпохи энеолита Савин. Памятник находится на правом берегу Тобола, в пойме, к северо-востоку от д. Бузан Белозерского р-на и занимает наиболее возвышенную часть песчаной гривы длиной 350 м, шириной 50–60 м. Поверхность гривы, за исключением северного более крутого склона, распахана. Предполагаемая площадь памятника 1200 кв. м (за два года работ вскрыто 470 кв. м).

На исследованной площади обнаружен комплекс сооружений в виде землянки прямоугольной формы (7,5 × 4 × 0,6–0,8 м) и окружающих ее канав шириной 1,4–2 м, глубиной 0,6–1 м, общей длиной около 40 м, образующих вокруг кольцо с внутренним диаметром 12–14 м, с западной и восточной стороны напротив торцевых стенок центрального сооружения. В заполнении землянки и канав – углистый слой, угли, пятна прокала, охры, мощные скопления костей животных, фрагментов керамики, многие из которых с зашлифованными гранями, развалы сосудов (12), кремневые орудия и отщепы. Среди прочих находок – костяной гарпун, каменная подвеска, шлифованный топор и тесло, наковальня (?), нуклеусы, глиняные пряслица и изделия «пирожкообразной» формы, раздавленный череп человека. Все находки сосредоточены преимущественно в землянке и окружающих ее канавах и ямах; на площадке внутри круга и за ее пределами находки единичны.

Керамика представлена сосудами полуяйцевидной формы с прямыми стенками, иногда слабо выделенной шейкой, скошенным во внутрь венчиком. Орнамент у преобладающей части сосудов покрывает всю внешнюю поверхность, включая край венчика и внутренний срез. Среди элементов орнамента ведущими являются горизонтальные ряды наклонных оттисков или насечек, горизонтальные, вертикальные, наклонные ряды шагающего штампа, разделенные на зоны одинарными или двойными рядами ямок. В тесте – примесь песка, мелкотолченого шамота, реже – растительных примесей и

талька. Внешняя поверхность в большинстве случаев гладкая; на внутренней – следы расчесов гребенчатым штампом, щепкой, затертости травой.

В кремневой индустрии преобладают орудия на отщепах, среди которых основными являются скребки, ножи, скобели. Орудия на пластинах — вкладыши, ножи, концевые скребки — составляют незначительную часть коллекции.

Кости животных (более 4 тыс. единиц, в основном черепа и конечностей), в большинстве расколотые, принадлежат лошади (82 %), косуле (15 %), лосю (2 %), кабану (1 %) (определение Б. П. Данильченко).

Характер памятника до конца не ясен. Наиболее вероятно предполагать на исследованной его части культовое место. Являлся ли весь памятник святилищем или какая-то его часть – покажут дальнейшие исследования. Предполагаемая дата – конец IV – первая половина III тысячелетия до н. э.

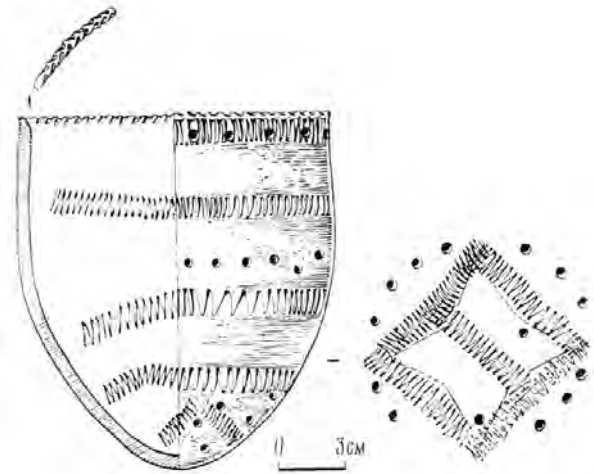

Рисунок 1 – Сосуд из раскопок памятника Савин

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Раскопки в Курганской области / Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев // Археологические открытия 1983 года. – Москва : Наука, 1985. – С. 236–237.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИНСТИТУТ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ АРХЕОЛОГИИ

КОНФЕРЕНЦИЯ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва • 1987

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СВАТЫЛИЩА САВИН)¹

Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков

Для изучения идеологических представлений древних обществ огромное значение имеют места отправления культов. К числу наиболее ранних и уникальных культовых мест, исследованных на территории СССР, относится святилище эпохи энеолита Савин-1 в лесостепном Зауралье (М. П. Вохменцев, Т. М. Потемкина, 1982–1986 гг.)

Памятник находится в 50 км к северу от г. Кургана в районе широкой (5-6 км) поймы р. Тобол на песчаном возвышении (останце) высотой около 2 м, длиной 350 м, шириной 50–60 м, с которого хорошо обозреваются все окрестности. Возвышение окружено заболоченной старицей, узкий проход имеется только с восточной стороны.

На площади основного раскопа I (1104 кв. м), занимающего наиболее возвышенную северо-западную оконечность гривы, выявлено сооружение из двух примыкающих друг к другу колец с внутренним диаметром 14–16 м, образованных рвом (канавой) в форме восьмерки. Ширина рва 0,9–1,8 м, глубина 0,6–0,8 м. Внутрь каждого кольца с восточной стороны ведут проходы шириной 1–3 м. По дну рва прослежены ямы округлой и овальной формы, оставленные в большинстве своем столбами и расположенные с интервалом 0,8–2 м. Всего к кольцевым канавам обнаружено 45 ям. Ямы от столбовых конструкций обнаружены также на центральной площадке каждого круга (9 и 11), которые расположены в пределах углублений близкой к прямоугольной форме размером 7-8 х 6–6,5 м, глубиной 0,3–0,8 м, 43 ямы, в основном столбовые, выявлены вдоль внешней стороны кольцевых рвов на расстоянии от 1,5 до 10 м, расположенных с интервалом 1,5–10 м. Дно и стенки ям во многих случаях сильно прокалены, в заполнении их – углистый слой, угли, пятна прокала, охры, керамика, кремневые орудия.

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин) / Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков // Религиозные представления в первобытном обществе : тезисы докладов. – Москва, 1987. – С. 153–157.

У края и в верхнем заполнении большинства ям, расположенных в кольцевых рвах и центральных углублениях, находятся мощные скопления костей животных, которые залегают, как правило, на углестом и прокаленном слое. В скоплениях – в беспорядочном состоянии все кости скелетов животных, большинство которых расколоты. Кости принадлежат в основном лошади и козуле, реже – лосю, в единичных случаях – кабану, медведю, волку (определение В. П. Данильченко). Подсчет минимального количества особей видов животных, взятых с учетом только костей из скоплений, дает следующую картину: лошадь – 92 особи, козуля – 64, лось – 9, кабан – 8, медведь – 2, волк – 1.

В скоплениях костей животных встречена подавляющая часть развалов сосудов, керамики, каменных орудий, среди которых более 50 % принадлежит скребкам (около 300 экз.); 35 % составляют скобели, ножи, наконечники стрел (около 200 экз.). Весьма значительно число отходов кремневой индустрии (около 800 экз.).

В центре первого круга, во рву второго и за его пределами обнаружено три погребения (6 захоронений). Антропологические данные (определение Г. И. Рыкушиной) свидетельствуют о неоднородности расового состава.

Планировка и характер исследованных сооружений, практическое отсутствие культурных остатков за пределами кольцевых канав и ям исключает интерпретацию памятника как поселения и предполагает наличие здесь культового места. Предварительная датировка памятника – середина, вторая половина III тыс. до н. э.

При археологической реконструкции святилища Савин-1 были привлечены некоторые данные астрономии, в частности ее разделы, связанные с ориентацией светил солнца, луны и т. д. В археологической практике до сего дня встречено не так много объектов, в которых с такой четкостью отразились два способа ориентирования светил при постройке святилища. Заметим, что первый способ ориентирования и установки маркировочных мет заключается в следующем: меты ставятся за центральным столбом (маркировочный столб (камень) стоит на линии светило – центральный столб – мета). Второй способ установки основан на том, что маркировочные меты ставятся по линии светило – маркировочная мета – центральный столб. Святылище Савин-1 состоит из двух соединенных между собой кругов, в плане напо-

минает восьмеркообразную фигуру, положенную по линии СЗ – ЮВ.

Круг I (северо-западный участок святылища). Центральный столб находится в западной части котлована, помещения, от него на равном расстоянии (8 м) по северной половине круга расположены 15 столбовых ям. Одинаковое расстояние между ямами дает основание думать, что установка их была связана с фиксацией изменений в положении Луны, после захода солнца, от молодого месяца до фазы полнолуния (первый способ установки маркировочных мет). Возможно, что эта часть святылища одновременно могла быть использована для определения времени в сутках, т. е. могла служить солнечными часами. Пять столбовых ям в юго-восточной части

круга I являлись дополнительными метами при определении закатов высокой луны и полуденной линии, определяющей направление север-юг.

Круг II (юго-восточный участок святылища). Маркировочные меты в этой части святылища поставлены вторым способом, между светилом и центральным столбом. Причем, установка их шла в два этапа. Семь столбов на расстоянии 6 м от центрального столба и 12 столбов на расстоянии 9 м. Все 18 столбов повторяют ту же систему.

Пока еще рано делать окончательные выводы на основании небольшого числа полно раскопанных святылищ (в данном случае Савин-1) о их роли в регуляции жизни древнего человека.

Автомобиль археологической экспедиции на Савине-1, 1983 год

Раскопки святылища Савин-1, 1982 год

Раскопки святылища Савин-1, 1983 год

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А.М.Горького

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ТЕМЕ:
"ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ"

12-16 апреля 1994 г.

Тезисы докладов

Екатеринбург - 1994

СВЯТЫЛИЩЕ-«ОБСЕРВАТОРИЯ» – НОВЫЙ ТИП ПАМЯТНИКА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ЗАУРАЛЬЕ¹

Т. М. Потемкина, г. Москва

1 В лесостепном Зауралье (в 50 км севернее г. Кургана) исследовано святилище-обсерватория эпохи энеолита Савин (раскопки М. П. Вохменцева, Т. М. Потемкиной, 1982–1985 гг.), аналоги которому ранее не были известны среди археологических памятников Поволжско-Урало-Сибирского региона. На сегодня – это один из наиболее ранних известных памятников этого типа на территории России. Его значение для изучения духовной культуры древнего общества региона трудно переоценить. Для реконструкции архитектурно-конструктивных особенностей и практических функций памятника, тесно связанных как с мировоззренческими представлениями, так хозяйственной и социальной структурой общества, недостаточно только археологических методов исследования, основанных на традиционных исторических понятиях. Необходимо привлечение данных ряда естественных и точных наук, прежде всего самой молодой и малоизвестной из них – археоастрономии, что представляет немалые трудности в интерпретации подобного рода памятников.

2 Святылище расположено в районе широкой поймы р. Тобол, на береговом останце (350 x 50–60 м), окруженном заболоченной старицей и занимающем господствующее положение на местности. Исследованное сооружение (площадь раскопа 1104 кв. м) состоит из двух соединенных кругов, в плане напоминает восьмеркообразную фигуру. Круги, с внутренним диаметром 14–16 м, образованы рвами, внутрь первого круга с восточной и западной стороны ведут проходы, оформленные входными коридорами; во второй круг – проход только с восточной стороны в виде разрыва во рву. В центре 1-го круга находится углубление прямоугольной формы (7,5 x 6 x 0,4–0,6 м) с четырьмя столбовыми ямами, занимающими центральное положение в круге. В центральной части 2-го круга – утоптанная углистая

площадка с тремя столбовыми ямами в центре (План см.: Т. М. Потемкина, В. Т. Ковалева, 1993, СА № 1, с. 251, рис. 1).

По дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны расположены ямы, в основном – столбовые, и кострища. В заполнении и у края многих ям в канавах и в центре кругов – скопления костей животных, керамики, орудий. В южной половине 1-го круга и в канаве 2-го найдены следы человеческих захоронений. Памятник датируется серединой – 2-й половиной III тыс. до н. э.; относится к сосновоостровскому типу зауральского энеолита. В комплексе присутствуют сосуды, сходные с липчинскими, шапкульскими, суртандинскими.

3 При реконструкции святилища Савин привлечены некоторые данные астрономии, в частности ее разделы, связанные с ориентацией светил солнца и луны для географической широты расположения памятника (ок. 56° с. ш.). Конструктивные особенности святилища отражают два способа ориентирования светил при его постройке (Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков, 1987). В 1 круге I центральный столб находится в центральном углублении; от него на равном расстоянии (8 м) по северной половине круга (во рву) расположены 15 столбовых ям. Одинаковое расстояние между ямами позволяет думать, что установка их была связана с фиксацией изменения в положении луны после захода солнца, от молодого месяца до фазы полнолуния. Пять столбовых ям в юго-восточной части круга 1 являлись дополнительными метками при определении закатов «высокой» луны (ВЛ) и полуденной линии, определяющей направление север-юг. В 1 круге 2 маркировочные меты (18) поставлены между светилом и центральным столбом, определяя положение луны от новолуния до полнолуния. Эти данные свидетельствуют о применении на святилище способа измерения времени, основанного на изменениях фаз луны (лунный календарь был самой ранней формой отсчета времени). Создатели святилища с завидной точностью могли определять время не только в течение месяца, суток, но и смену сезонов в течение года, на что указывают зафиксированные точки сезонных восходов и заходов солнца.

4 Корреляция столбовых ям и кострищ, фиксирующих основные точки восхода и захода луны и солнца в различные сезоны года, с распределением археологических находок на площади святилища с учетом различных показателей (количественного и

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Святылище-«обсерватория» – новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье / Т. М. Потемкина // Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ». 12–16 апреля 1994 г. : тезисы докладов. – Екатеринбург, 1994. – С. 85–90.

видового состава, характера и соотношения остеологических остатков, культурной, количественной, типологической, технологической, функциональной характеристики орудий и керамики) позволяет подойти к вопросу интерпретации памятника. Ограничимся в основном примером анализа остеологических материалов.

На площади основного раскопа обнаружено 3880 костей от 290 особей, подавляющая часть которых (3806 костей от 268 особей) сосредоточена в скоплениях кольцевых рвов и центре кругов. Последние по видовому составу (определение В. П. Данильченко) распределяются следующим образом (в числителе количество костей, в знаменателе – минимальное количество особей); лошадь – 3057/160 (80/60 %), косуля – 606/72 (16/27 %), лось – 128/28 (3/9 %), кабан – 15/9 (0,5/1 %), медведь – 1/1, волк – 1/1,

Различные виды животных представлены неравномерно не только по количественному составу костей и особей, но и по составу элементов скелета, их соотношению, состоянию, планиграфическому распределению. Лошадь и косуля – как всеми элементами скелета (70 % всех особей лошади и 54 % – косули) преимущественно в расколотом виде, в самых мощных скоплениях, так исключительно только фрагментами черепа и нижней частью конечностей; лось, за исключением одного случая, – фрагментами черепа и нижней частью конечностей; кабан – нижними челюстями и отдельными зубами; медведь и волк – единичными зубами. Кости всех видов животных концентрируются в скоплениях различной мощности (крупных, средних и малых), в разном количественном соотношении (по костям и особям). Отмечаются и специфические особенности в местонахождении костей отдельных видов.

5 Относительно положения светил скопления костей распределяются следующим образом. Самые мощные, где представлены кости всех имеющихся видов, находятся: в центральном углублении 1-го круга (1445/77); вокруг ям в канаве у выхода 1-го круга, ориентированных строго на восход солнца (90°) в день весеннего и осеннего равноденствия 21 марта и 23 сентября (1043/51); в секторе 2-го круга между 30° с. ш. (восход ВЛ) и 50° с. ш. (восход солнца) летом (412/24). В этих скоплениях сосредоточено 62 (50 %) особей лошади, 39 (54 %) – косули, 7 (28 %) – лось, 4 (44 %) – кабана, все медведя и волка, представленных в святилище; кости залегают на мощном угли-

стом слое с пятнами прокала, углей, иногда – охры.

Скопления костей средней мощности включают только фрагменты черепа и конечностей основных видов животных, находятся в ямах, ориентированных на заход солнца (270°), ВЛ (283°) и восход «низкой» луны (НЛ) (101°) в день весеннего и осеннего равноденствия.

В каждом скоплении присутствуют кости от 2–5 особей лошади, 1–3 – косули, 1–2 – лось, 2–х – кабана, что составляет 13 % всех особей лошади, 11 % – косули, 24 % – лось и 44 % – кабана.

К числу специфических особенностей относятся: скопления фрагментов черепа и конечностей только одной особи лошади в верхних заполнениях столбовых ям, расположенных по кругу в канавах (19 случаев) и центре 2-го круга; преобладание костей косули по сравнению с другими видами у столбовых ям, ориентированных на юг (180°) по полуденной линии и восход солнца зимой (135°) (20 % всех особей); сосредоточение костей лось у столбовых ям в южной и восточной части 2-го круга, ориентированных на восход (135°) и заход (225°) солнца зимой, на восход ВЛ (76°) и НЛ (101°) в период весенне-осеннего равноденствия (7 случаев, 44 % особей). Во всех скоплениях встречаются кости молодых и старых особей лошади (от 1 до 16 лет), но преобладают особи до 5 лет (41 из 69 поддающихся определению). Лошадь крупная. Косуля (16 случаев) и лось (5) представлены только взрослыми особями.

6 В трех отмеченных крупных скоплениях костей, и в первую очередь в центральном углублении, обнаружена подавляющая часть находок, в том числе наиболее выразительных: развалы сосудов, костяной гарпун с насечками, орудия из камня – наконечники стрел, копий, скребки, ножи, скребели, топоры, тесла, долото; изделия из глины и др. В средних скоплениях находок меньше, но всегда наряду с керамикой присутствует постоянный набор предметов – скребки, ножи, скребели, наконечники стрел, отходы кремневой индустрии.

7 Приведенные выше наблюдения свидетельствуют о связи основных церемоний с массовой охотой на лошадь и косулю. Основываясь на годичных биологических ритмах этих животных, время наиболее интенсивной охоты следует предполагать в июле-сентябре: в июле-августе происходит гон у лошади и косули, когда они менее всего заботятся об опасности; подрастает и крепнет молодой; широкая

травобильная пойма с многочисленными старичными озерами становится прекрасным местом для пастбищ и водопоя, привлекая животных, в то же время являясь наиболее подходящими условиями для устройства загонив. Охота, вероятнее всего, совершалась ночью на рассвете, когда животные, спасаясь от жары, гнуса и хищников, ведут активный образ жизни.

Место для святылища было выбрано поблизости от охотничьих угодий. С восходом солнца после удачной охоты приносились жертвы у столбов, дающих ориентир на восход солнца в это время года. (Возможно, это были идолы, изображающие конкретное Божество — по аналогии с синхронным горбуновским и др.). Туши разделялись, готовились и поедались здесь же. Особо почитаемым местом, где совершался обряд приобщения к пище, следует предполагать центральное сооружение 1-го круга.

У столбов (идолов), фиксирующих точки захода солнца и восхода луны (покровительницы ночи), совершались церемонии и приносились в жертву головы и нижние конечности животных, возможно вместе со шкурами, выступающих в данном случае в качестве символов удачной предстоящей охоты на заре, о чем свидетельствуют средние скопления находок. Столбы с черепами и конечностями единичных особей лошади могут рассматриваться в качестве носителей ритуальной символики основного животного, занимающего ведущее место в охотничьей практике коллектива, и одновременно маркирующих положение луны в различных фазах.

Особенности нахождения костных остатков лося и косули объясняются спецификой их поведенческой ситуации. Охота на лося наиболее продуктивна в сентябре-ноябре (во время гона) и зимой (загонная по снегу); наличие только черепа и конечностей, видимо, связано с удаленностью места охоты от святылища (лесные участки). Охота на косулю удобна не только в июле-сентябре, но и в осенне-весеннее время, когда она совершает регулярные кочевки. Кости кабана, медведя, волка, вероятнее всего, являются только символами, оберегами, тотемными знаками, приносимыми божествам в наиболее ответственные периоды жизни охотничьих коллективов.

Скопление костей у столбов, ориентированных на юг по полуденной линии — высшую кульминационную точку расположения солнца во все времена года, возможно увязывать с другими церемониями,

совершаемыми днем — в связи с рождением, браками, похоронами, поминками, инициациями и т. п.

8 Место для святылища выбрано с учетом охоты и как место для календаря; выполняло функции, связанные главным образом с охотничьими обрядами. Охота на каждый вид животных была связана с определенным временем года и находилась в прямой зависимости от их биологических ритмов. Особое значение календарь имел в связи с охотой на лошадь и ее приручением, что подтверждается рядом данных (В. П. Данильченко, Ш. Бёкени). Имели место и другие церемонии, относящиеся к различным сторонам жизни общества. В этой ситуации следует предполагать, что ритуальные действия строго регламентировались лицами, устанавливающими время и процесс их совершения по ориентации на светила. Материалы святылища еще раз подтверждают существование сложного комплекса связей между духовной культурой и природной средой, хозяйственной деятельностью, социальной структурой.

Размеры святылища больше говорят о родовом культовом месте. Присутствие различной в культурном отношении керамики — результат контактов. Святылище представляло собой законченную конструкцию, рассчитанную на определение положения светил в течение года. Оба круга, видимо, функционировали одновременно и предназначались для различных церемоний: 1-й круг был связан о ритуальными действиями во время массовой охоты, 2-ой — с другими церемониями в обществе. Но 1-й круг был сооружен раньше и какое-то время функционировал самостоятельно.

9 Исследование в последние годы в Зауралье еще одного круглого святылища эпохи энеолита (Велижаны 2 под Тюменью, раскопки Л. А. Дрябиной) предполагает в ближайшее время открытие в Урало-Сибирском регионе новых памятников этого типа, которые при общей планировке и функциональном назначении будут иметь свою специфику, в зависимости от природно-географических условий и уровня развития.

Данные памятники имеют аналоги среди круглых святылищ Европы эпохи неолита — энеолита, особенно ранних хенджей и рондел, датированных в пределах III тыс. до н. э. И хотя европейские памятники отличаются более внушительными размерами и более сложной системой счета, сходство с зауральскими по наиболее значимым признакам свидетельствует о близком уровне духовной культуры.

Календарная и культово-обрядовая система, зародившаяся в Зауралье на базе святилищ типа Савин, в дальнейшем с появлением и развитием производящего хозяйства, металлообработки, усложнением иерархической структуры общества и мировоззренческих представлений претерпевает изменения, во многом абстрагируется, но сохраняет главное – «круглую планировку, ориентацию основных объектов на положение светил и связь с ними ведущих церемоний, которые регулируют жизнь общества. В эпоху ранней бронзы – это памятники типа Ташково 2, ЮАО – XIII и др., которые, на наш взгляд, не являлись стационарными поселками, а строились целенаправленно и функционировали как церемониальные и в опре-

деленной степени административные центры, где ведущую роль играли ритуалы социальной направленности (место собраний родовой и племенной знати, заключения брачных союзов, проведения инициаций и т. п.), чему не противоречат и выводы автора раскопок (В. Т. Ковалева, 1993). В эпоху средней бронзы эти традиции нашли продолжение в памятниках типа Аркаима, но в более масштабных и многофункциональных, соответствующих новому историко-культурному уровню. Отмеченные мировоззренческие представления о вселенной и месте человека в ней связаны с традициями индо-европейской языковой общности на широкой территории лесостепи от Западной Европы до Зауралья.

Раскопки святилища Савин-1, 1984 год

М. П. Вохменцев и В. Г. Савельев на раскопках Савина-1, 1984 год

Раскопки святылища Савин-1, 1984 год

Челябинский государственный университет
Институт востоковедения РАН
Институт российской истории РАН
Уфимский научный центр РАН
Специализированный природно-ландшафтный
и историко-археологический центр "Аркаим"

**КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ НАРОДОВ
СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ И ФЕНОМЕН
ПРОТОГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЮЖНОГО УРАЛА**

(материалы 3-й Международной научной конференции
"Россия и Восток: проблемы взаимодействия"
часть V, книга 1)

Челябинск 1995

О ФАКТОРАХ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ СЛОЖЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ТИПА АРКАИМ В УРАЛО-ЗАПАДНОСИБИРСКОМ РЕГИОНЕ¹

Т. М. Потемкина, Москва

Открытие Аркаима и других памятников этого типа поставило перед учеными широкий спектр проблем. Большинство из них, за исключением культурной и хронологической привязки, остродискуссионны. Особые разночтения вызывают проблемы этнической принадлежности и функционального назначения. С последним связан вопрос присутствия в конструктивной системе Аркаима солнечно-лунных ориентиров и их места в религиозной и культовой роли памятника. Предварительные археоастрономические изыскания подтвердили наличие подобных ориентиров (Г. Б. Зданович, 1992, с. 266). Последнее обстоятельство, в свою очередь, ставит новые вопросы. Один из них: восприняло ли синташтинское население, наряду с архитектурными особенностями Аркаима, астрономические знания, являющиеся основой мировоззренческих представлений, от других народов, а конкретно – народов передневносточных цивилизаций (Л. Я. Крижевская, 1993, с. 107-108), или же они вырабатывались местным населением на основе предшествующего опыта? Ответить на этот вопрос позволяют материалы святилищ-«обсерваторий» эпохи энеолита, исследованных в последние годы в Урало-Западносибирском регионе (Савин-1, Велижаны 2).

Святылище САВИН на реке Тобол в Курганской области (середина – вторая половина III тысячелетия до н. э., сосновостровский культурный тип) расположено в районе широкой поймы на береговом острове (350 x 50–60 м), окруженном заболоченной старицей и занимающем господствующее положение на местности. Исследованное сооружение (площадь раскопа 1100 кв. м.) состоит из двух соединенных кругов диаметром 14–16 м, в плане напоминающих

восьмеркообразную фигуру; с входными коридорами, ориентированными на восток и запад, в первом круге и проходом с восточной стороны в виде разрыва во рву – во втором. В центре первого круга находится углубление прямоугольной формы (7 x 6 x 0,4-0,6 м), вытянутое в направлении восток-запад строго против входных коридоров; внутри углубления – четыре столбовые ямы, занимающие центральное положение в круге. В центральной части второго круга – углубленная на 0,2 м углистая площадка, близкая к прямоугольной форме (6,5 x 4-6 м), вытянутая по линии СВ-ЮЗ в направлении прохода во рву, с тремя ямами от мощных столбов в центре круга.

По дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны расположены ямы, в основном столбовые (более ста), и кострища (около двадцати), которые являлись маркировочными метами, фиксирующими все важнейшие точки сезонных восходов и заходов солнца и луны, а также положение луны после захода солнца от молодого месяца до фазы полнолуния, тем самым определяя смену сезонов в течение года и время в течение месяца и суток (Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков, 1987, с. 153–157). Особо важную роль, исходя из материалов раскопок, играли входные коридоры, которые являлись определенной конструкцией для фиксации восходов и заходов солнца и луны в период весеннего и осеннего равноденствия – 21 марта и 23 сентября (памятник расположен на широте 55,4). Исследованы также другие участки возвышения (140 кв. м) к востоку от данного сооружения, где обнаружены только ямы от столбов со следами кострищ, несомненно связанных с описанными сооружениями.

О сакральных функциях памятника свидетельствуют скопления развалов сосудов, керамики, орудий и других предметов из камня, кости, глины, многочисленных костей животных в центральных углублениях кругов и у края многих ям в канавах, как правило, вместе с пятнами прокала, охры, углистых и зольных пятен. В середине первого круга и во рву второго найдены следы ритуальных человеческих захоронений: черепа взрослого и ребенка и совместно три скелета (двух мужчин зрелого возраста и молодой девушки) в нетрадиционной для погребенной позы. Многочисленные кости животных (около 4 тысяч), принадлежащие лошади (160 особей), косуле (72), лосю (25), кабану (9), медведю (1), волку (1), свидетельствуют о ведущей роли охотничьих обрядов. Анализ остеологического материала с учетом не только количественного и видового соотношения, но и состава элементов скелета, их состояния и корреля-

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе / Т. М. Потемкина // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конференции. Часть V, кн. 1. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Культуры энеолита-бронзы степной Евразии. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – С. 144–154.

ции результатов с планиграфическим распределением по отношению к азимутам солнца и луны позволяет сделать заключение: в разное время года и суток в качестве жертвоприношений использовались различные в зависимости от цели части туш животных, что свидетельствует о разнообразии совершаемых обрядов и их специфике в каждом отдельном случае (Т. М. Потемкина, 1994, с. 85–90).

Основная часть церемоний была связана с охотой на лошадь, занимающей ведущее место в охотничьей практике коллектива. Наибольшее число костей лошади (свыше 50 % всех особей), представленных всеми элементами скелета, находилось в центральном углублении и вокруг ям у входного коридора первого круга, ориентированного сторонами на восход солнца (90 градусов) в день весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 23 сентября); в секторе второго круга между 30⁰ с. ш. (восход «высокой» луны) и 50⁰ с. ш. (восход солнца) летом. Здесь же обнаружена подавляющая часть находок, в том числе наиболее выразительных. В скоплениях костей средней мощности, расположенных у столбовых ям, ориентированных на заход солнца (270 градусов), «высокой» луны (283 градусов) и восход «низкой» луны (101 градус) в день осенне-весеннего равноденствия, находятся только черепа и конечности всех основных видов животных (по 1–5 особей), где лошадь также преобладает. Показательно нахождение костей черепа и конечностей исключительно одной особи лошади у столбовых ям в канавах, фиксирующих положение луны в различных фазах – от молодого месяца до полнолуния и наоборот (19 случаев).

По имеющимся материалам основная часть жертвоприношений совершалась в дни осенне-весеннего равноденствия и летнего солнцестояния. Что касается лошади, то, основываясь на годовых биологических ритмах этого животного, время наиболее интенсивной охоты следует предполагать в августе-сентябре. Ряд данных свидетельствует о начале приручения лошади (Ш. Бюкони), чему в значительной степени способствовали условия ее обитания. Зауральская лесостепь, наряду с североказахстанской (Ботай и др.), являлась одним из районов domestikации лошади.

Положение трех погребенных во рву в направлении восхода «низкой» луны в день весеннего и осеннего равноденствия (101 градус), сопровождение их жертвоприношениями всех основных промысловых животных (3 лошади, 2 козули, 3 лося), неестест-

венные позы и мощный углистый слой вокруг скорее свидетельствуют о ритуальном характере захоронения, совершенного в особо значимой для охотничьего коллектива ситуации, или же о погребении людей, занимающих неординарное положение в общине.

Связь основных церемоний с восходом солнца и луны в наиболее значимые для природных циклов года дни заставляет предполагать отношение к данным светилам как к божествам. Столбы, маркирующие наиболее важные в жизни и представлениях населения точки восходов и заходов солнца и луны и выступающие символами последних, могли быть оформлены в виде примитивных антропоморфных изображений – идолов (по аналогии с синхронным культовым местом на VI разрезе Горбуновского торфяника). Если следовать за мифологическими и этнографическими параллелями народов Урало-Сибирского региона и других районов, жертвы у столбов, ориентированных на восход солнца прежде всего в дни осенне-весеннего равноденствия и летнего солнцестояния, могли приноситься главному божеству мира – Солнцу. Жертвоприношения у западного входного коридора и столбов, ориентированных на заход солнца и «высокой» луны, восход «низкой» луны в дни весеннего равноденствия, представленные почти исключительно черепами разных животных, вероятнее всего являлись приношениями в честь умерших предков, а также по случаю похорон, поминок. По мифологическим и этнографическим данным большинства сибирских народов запад – это направление Нижнего мира, мира мертвых. Черепа и конечности (вместе со шкурами?) исключительно одной особи лошади, находящиеся на столбах, расположенных по кругу во рвах и фиксирующих положение луны в различных фазах, могут рассматриваться как элементы календарной системы энеолитического населения, основанной на лунном календаре. Известно, что при исполнении заупокойных культов у индоевропейских народов особая роль отводилась луне, отсюда в любую погоду необходимо было знать смену фаз луны, ее положение на небосклоне (А. Н. Афанасьев, 1983). В данном комплексе обрядовой практики вполне можно увидеть практически оформившуюся трехсферную систему миропредставления.

Святилище Савин с четко выявляемой системой ориентиров на основные положения солнца и луны в различное время года, видимо, являло собой модель мира в его вертикальной и горизонтальной проекциях. Учитывая зависимость различных обрядовых дей-

ствий, преимущественно с лошадей, от солярно-лунарных ориентиров, можно предполагать, что начало оформления представлений о связи образа коня с космогонической идеологией, в первую очередь с солярным культом, относится ко времени начавшегося приручения лошади (для Урало-Западносибирско-Казхастанского региона – это середина III тысячелетия до н. э.).

В сложившейся ситуации вполне реальна гипотеза о существовании на святылище строгой регламентации ритуальных действий лицами, устанавливающими время и процесс их совершения по ориентации на светила. Ими могли быть как родовые вожди или старейшие члены общины, так и специальные лица – жрецы, которые являлись носителями всех накопившихся знаний.

Таким образом, святылище выполняло функции, связанные главным образом с охотничьими обрядами, отражающими годовой цикл чередования сезонов в промысловом календаре. Особую роль играла охота на лошадь в связи с началом ее приручения. Имели место и другие ритуалы, относящиеся к различным сторонам жизни общества. Размеры святылища больше говорят о родовом культовом месте, возможно, нескольких территориально близких родов. Присутствие различной в культурном отношении керамики (липчинской, шапкульской, андреевской и др.) – результат контактов соседних групп населения, брачных союзов и т. п. Само святылище было, вероятно, лишь местом совершения кульминационных моментов обряда узкого круга лиц. Массовые ритуальные действия совершались на всей площадке возвышения.

Аналогичное святылище эпохи энеолита исследовано под Тюменью (57,4') – ВЕЛИЖАНЫ 2 (раскопки Л. А. Дрябиной). Сооружение представляет собой два вписанных друг в друга концентрических круга общим диаметром 19,2 м с углубленной площадкой и столбом в центре. Вокруг центрального столба и во внешнем рву – столбовые ямы и ямы с охрой, рядом с которыми найдены орудия из камня, множество сосудов, в большинстве перевернутых вверх дном, часть из них с охрой. Кости животных отсутствуют. Судя по ориентирам столбовых ям с наибольшим сосредоточением находок (на восход солнца и заход «высокой» луны летом в дни солнцестояния, восход «высокой» и заход «низкой» луны в дни осенне-весеннего равноденствия), основная часть обрядов совершалась в строго определенных сезоны года. Сходные по планировке и функциональному назначению святыли-

ща Савин и Велижаны имеют различия в характере совершаемых обрядов, обусловленных различием природных условий и хозяйственных занятий. В то же время оба памятника по основным своим признакам тождественны круглым святылищам эпохи энеолита – бронзового века, известным как «хенджи» на Британских островах (Стоунхендж и др.), «ронделы» в Центральной Европе (Тешетице, Фрибриц и др.).

В Западной Сибири получил астрономическую интерпретацию еще один памятник эпохи неолита – ТУИМСКИЙ КРОМЛЕХ на Среднем Енисее (Л. Р. Кызласов, 1987, с. 143–147; И. Л. Кызласов, 1989, с. 207–209). Внутри кольца из менгиров диаметром 82 м находится земляная пирамида с квадратной оградой из плит в основании (16x16 м) и менгирами по углам. В основании ограды расположены перекрещивающиеся по диагонали «дорожки» из плит; на месте их пересечения – погребение женщины в каменном ящике, на стенках которого рисунки быков и хищников. От кольца на В-СВ ведут «ворота» из шести менгиров, соответствующих направлению на восходящее солнце в день летнего солнцестояния. Авторы раскопок считают, что геометрические фигуры сооружения несут определенную символику, связанную с воспроизведением Вселенной, и свидетельствуют о наличии представлений о вертикальной оси последней, о трех ее великих мирах: небесном (верхнем), земном (среднем) и подземном (нижнем).

В эпоху ранней и средней бронзы с развитием и становлением производящего хозяйства, металлообработки, новых общественных институтов усложняется не только архитектура данных объектов, но и их функции, где, наряду с календарной, ведущую роль приобретает социальная направленность.

В эпоху ранней бронзы (первая четверть II тысячелетия до н. э.) – это памятники типа ТАШКОВО 2 на реке Исеть в Курганской области. На площади всего 1000 кв. м вплотную по кругу располагались 11 небольших (30–40 кв. м) квадратных домов с очагами в центре. Одно жилище стояло обособленно на внутренней овальной площадке диаметром 15–25 м. На небольшой площади поселения найдены 250 целых сосудов, наконечники стрел, копий, грузила (В. Т. Ковалева, 1988). Архитектурная застройка подчинена определенной закономерности: круг состоит из четного числа домов, а общее их количество на поселении оказывается кратным двум за счет построенного на внутренней площадке. Это связано со стремлением создателей поселка подчинить архитектуру неким

магическим символам, соответствующим паре противоположных по своему значению понятий, которые не могут существовать одно без другого. Исходя из распределения керамики и орудий труда на площади поселения, авторы предполагают связь подобной застройки с дуально-экзогамным строением родовой общины поселка (В. Т. Ковалева, О. В. Рыжкова, 1991, с. 26). На наш взгляд, Ташково 2 и ему подобные не являлись стационарными поселениями, а строились целенаправленно и функционировали как церемониальные и в определенной степени административные центры, где ведущую роль играли ритуалы социальной направленности. Это было место собраний родовой и племенной знати, заключения брачных союзов, проведения инициации и т. п. Здесь же могли проживать люди, выполняющие жреческие функции.

В эпоху средней бронзы возникшие в энеолите традиции получили новое воплощение в памятниках типа АРКАИМ (XVII–XVI вв. до н. э.) на юге Челябинской области. Круглое в плане поселение (диаметр 145 м, площадь около 25 тыс. кв. м) укреплено двумя вписанными друг в друга рядами мощных валов и рвов. Обширные дома (100–180 кв. м) располагались плотно по кругу вдоль валов в два ряда; выходы – на кольцевую улицу. В центре находилась подпрямоугольная площадь размером 30 x 40 м (Г. Б. Зданович, 1992, с. 79–84). Привлечение данных астрономии позволяет сделать заключение, что внутренний круг Аркаима диаметром 25–27 м мог использоваться как универсальная лунно-солнечная обсерватория (географическая широта – 52°49') (Г. Б. Зданович, 1992 а, с. 266). Архитектура типа Аркаима служила непосредственно практической стороне предполагаемых управленческих, руководящих и религиозных форм деятельности и одновременно выполняла и сплачивающую функцию более крупных человеческих коллективов. Существование поселений типа Аркаим как административно-религиозных центров, выполняющих социальные, информационные и сакральные функции, является еще одним доказательством высокой общественной организации синташтинского общества. Отсюда исходила как административная, так и идеологическая активность, способствующая дальнейшей дифференциации общества развитого этапа бронзового века Урало-Западносибирско-Казахстанского региона.

Особый интерес в плане рассматриваемого нами вопроса вызывает большой курган СИНТАШТЫ (В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг, 1992,

с. 360–365), связанный с Аркаимом культурным и территориальным единством. Обращает на себя внимание, что платформа, как и погребальная камера внутри окруженной рвом площадки, ориентированы по направлению 3-В (75°), что близко к азимуту восхода «высокой» луны (79°) в дни осенне-весеннего равноденствия для географической широты Синташты (52°). Учитывая, что «высокая» луна появляется на небосклоне один раз в 19 лет, не исключено, что именно это событие могло послужить поводом для возведения данного погребального сооружения и совершения захоронения, отличного от других в Синташтинском комплексе по конструкции и характеру инвентаря, даже с учетом ограбления. Не найдено ничего, кроме разрозненных костей человека и обломков трех-четырех сосудов (с. 352). Один из них, едва ли не самый оригинальный в Синташте, со сложным семантическим содержанием (рис. 208, 1). Видимо, положение погребенного в обществе определялось не материальным богатством, а ролью в духовной сфере. Если это так, то здесь был похоронен не «вождь», как полагают исследователи, а верховный жрец или один из влиятельных жрецов, руководивший обрядами и ритуалами в жизни синташтинской общины какой-то определенный срок.

В свете изложенного становится более понятным возведение через какое-то время на месте погребального комплекса храма-святилища, вероятнее всего с основной функцией регламентации распорядка отправления заупокойного культа: рядом находились два курганных и два грунтовых могильника.

Принципы конструктивных решений и семантического значения различного типа сооружений с круговой архитектурой, зародившихся в энеолите и достигших расцвета в бронзовом веке, во многом сохранились и в последующую раннескифскую эпоху, что особенно ярко демонстрирует курган АРЖАН (М. П. Грязнов, 1980). Аржан имеет много общего не только с курганом-храмом Синташты и другими элитарными погребениями бронзового века, что является следствием сохранения многих элементов андроновских традиций (В. М. Массон, 1994, с. 2, 3; М. А. Боковенко, 1994, с. 43–44; Д. Г. Савинов, 1994, с. 170–174), но и со святилищем эпохи энеолита Савин. В основе этого сходства – проявление единого пласта мировоззрения и его наиболее значимых атрибутов, свидетельствующих о длительном сохранении культурных традиций в идеологической сфере.

Появление в конце неолита – бронзового века

(IV-II тысячелетия до н. э.) на широкой территории от Европы до Зауралья специальных сооружений для наблюдения за небесными светилами совпадает со временем становления производящей экономики – земледелия, скотоводства и, вероятно, было вызвано потребностями последних. Подавляющая часть памятников с круговой планировкой находится в зоне умеренного климата с переходом на континентальный (45°–55° северной широты), где происходят резкие смены климата от суровой зимы до влажного лета, что вызывало постоянную необходимость наблюдения за изменением природных условий, от которых зависела их хозяйственная деятельность. Изобретение круглых святилищ «обсерваторий» привело человека к пониманию первоначальных закономерностей природных явлений и породило первые в истории человечества космогонические модели строения мира и одновременно культ природных сил. Представления о сотворении Космоса повторялись в виде обрядов, ритуалов во время праздников, связанных с циклами природы или этапами жизни человека. Накопленная астрономическая информация и космогонические модели передавались следующим поколениям в виде мифов, фольклора, обрядов, различных видов искусства. Максимальное развитие астральных культов и связанной с ними символики, прежде всего солнца, получило наиболее яркое отражение в орнаментации посуды (абашевской, петровско-синташтинской и др.). Все это свидетельствует о четком оформлении концепции космогонических представлений и появлении механизма ее сохранения, овеществления, передачи поколениям.

Процесс освоения человеком природного окружения невозможен вне исторически обусловленной системы общественных отношений. Поэтому «астрономические» и церемониальные центры одновременно способствовали консолидации родовых организаций не только на основе кровно-родственных связей, но и на базе общих норм общественно-религиозного сознания, что в свою очередь привело к возникновению единого управления этими структурами – племенной верхушки в лице административной, военной и жреческой знати. Появились и специальные сооружения и предметы, выполнявшие роль социальных символов: монументальные гробницы, изображения божеств, жезлы и т. п.

Несмотря на архитектурное своеобразие рассмотренных памятников и принадлежность их к различным эпохам, четко выявляются общие конструктив-

ные закономерности, отражающие наличие у древних строителей устойчивых навыков, основанных на продолжительных наблюдениях за повторяющимися изменениями в природе. Все они в каждой мировоззренческой среде своего времени – модели Вселенной с привязкой к астрономическим явлениям и событиям. Везде основную роль играли четыре точки, выделенные на горизонте: осеннего и весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, точки, характеризующие движение луны.

Поразительная однотипность и близость данных памятников, тесно связанных со сходными мировоззренческими представлениями и выполняющих аналогичные задачи, совпадающих, начиная с неолита–энеолита с территориями расселения индоевропейцев, а позже индоиранцев и индоариев, во многом близких в культурном плане, позволяет высказать мысль об одновременности формирования индоевропейских (индоиранских) народов на всем протяжении лесостепной и пограничных лесной и степной зон от Центральной Европы до Зауралья. Выявляемые мировоззренческие представления о вселенной и месте человека в ней имеют традиции индоевропейской языковой общности. Этому не противоречат археологические и антропологические материалы рассмотренных памятников, начиная с Савина (южноевропейские формы черепов погребенных во рву; продолжение орнаментальных и других керамических традиций в алакульской посуде и др.). Все упомянутые комплексы объединяет единство планировки, в основе которой находится символика мандалы – квадрат или прямоугольник, вписанные в круг. Слово «мандала» восходит непосредственно к Ведам. Мандала сводит все уровни бытия к взаимосвязанному единству. Идея мандалы лежала в основе проектирования древнеиндийских городов (Д. Сингх, 1986, с. 34–36).

Таким образом, Аркаим – историческое явление, отражающее комплексное воплощение мировоззренческих, хозяйственных, социальных и др. достижений населения Уральского региона в соответствии с его природно-географическими условиями. И хотя Аркаим и ему подобные памятники – продукт автохтонного прогрессивно-поступательного развития, возникшие на местах с наиболее активной хозяйственной деятельностью культурные традиции населения данной территории развивались не изолированно, а в тесной связи с ираноязычным населением широкой территории степей и лесостепей Евразии.

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ПРОЕКТ "СКИФО-СИБИРИКА"

ЖРЕЧЕСТВО И ШАМАНИЗМ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1996

АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА ЖРЕЧЕСТВА¹

Т. М. Потемкина

Успешное решение многих вопросов, связанных с реконструкцией мировоззренческих представлений, находится на стыке гуманитарных (археология, этнология, древняя философия, мифология и др.) и естественных (астрономия, антропология, остеология и др.) дисциплин.

Роль археологии в научной разработке религиозно-культурных проблем особенно возросла с открытием нового типа памятников – святылищ с астрономической ориентацией, так называемых археoaстрономических объектов. Материалы подобного типа памятников, учитывая известную консервативность традиций в области идеологии, позволяют рассматривать и такие вопросы как истоки появления жречества, преемственность между религиозными представлениями носителей первобытных культур и верованиями позднейших этнических групп.

Одним из наиболее древних исследованных святылищ с астрономическими ориентирами является Савин эпохи энеолита (середина – вторая пол. III тыс. до н. э.) на р. Тобол в Курганской области (55,4° с. ш.). Святылище расположено в широкой пойме реки на береговом останце длиной 350 м, шириной 60 м, окруженном заболоченной старицей и занимающем господствующее положение на местности. Сооружение представляет собой два примыкающих друг к другу круга, образованных рвами, с внутренним диаметром 14 м и 16 м. Во рвах, вокруг кругов и в их центрах находится более 100 ям, в основном столбовых, а также со следами кострищ (Потемкина, 1994).

Многие из столбов указывают наиболее значимые астрономические направления: восток-запад, север-юг и др. Шесть столбов северной части первого круга расположены симметрично по отношению к среднему полуденному. На основе произведенных

расчетов выдвинуто предположение, что они могли фиксировать положение тени центрального столба в течение некоторого времени, близкого к полудню (некоторый вариант солнечных часов), которые делили время на разные интервалы в разные дни года (В. А. Юревич). Видимо, это было связано с расчетом времени, к которому были приурочены определенные ритуалы.

Наиболее четко фиксируются шесть солнечных направлений, связанных с восходами и заходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний и отмеченных наиболее мощными столбами. С каждым из этих направлений связана концентрация костей животных, в большей части черепа и конечностей, а также многочисленные орудия из камня (наконечники стрел, копий, топоры, долота, скребки, ножи и т. д.), кости, глины. Часть столбов могла иметь чисто ритуальное значение (подвешивание шкур животных с головами и конечностями). Всего обнаружено около четырех тысяч костей, принадлежащих 160 особям лошади, 72 косули, 25 лося, 9 кабана. При этом в скоплениях северных и восточных секторов находятся кости всех видов животных, а у столбовых ям западных и юго-восточных секторов преобладают кости косули и лося, что соответствует сезонам охоты на разные виды животных. Преобладание костей лошади и некоторые их особенности вероятно свидетельствуют о начале процесса ее одомашнивания (Ш. Бюкони).

В направлении на заход Солнца зимой во рву расположено тройное захоронение (двух пожилых мужчин и молодой девушки) в нетрадиционных для погребений позах.

Использование солнечных направлений в культовых целях дает возможность предполагать наличие у населения эпохи энеолита лесостепного и южнолесного Зауралья культа Солнца и солнечного календаря.

Имеются также данные свидетельствующие о счете времени по Луне – лунный календарь (костяная пластина, разделенная на четыре секции, на шлифованной поверхности которых нанесен орнамент из семи крестиков в каждой); глиняные моделиловины (фазы) Луны, сложенные попарно в пятнах охры рядом со скоплениями костей животных; сосуд с орнаментом, символизирующим модель святылища. Присутствуют и столбы, ориентированные на восходы и заходы высокой и низкой Луны в зимнем солнцестоянии. Лунные азимуты рассчитаны для центра лунного диска (В. А. Юревич).

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества / Т. М. Потемкина // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: материалы международной конференции. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 20–24.

Следовательно, основные солнечные и лунные направления были хорошо известны строителям Савина, что наряду с круговой планировкой предполагает обожествление светил, появление космогонических моделей строения мира, культа природных сил, солнечно-лунного календаря. Святылище служило пунктом наблюдения за астрономическими явлениями в течение длительного времени. Накопленная информация передавалась от поколения к поколению.

В сложившейся ситуации следует предполагать, что все ритуальные действия строго регламентировались лицами, устанавливающими время и процесс их совершения по ориентации на светила. Ими могли быть как родовые вожди или старейшие члены общины, так и специальные люди – жрецы, которые являлись носителями всех накопившихся знаний о природных и биологических циклах, мировоззренческих представлениях, охотничьем опыте. Эти люди знали все отмеченные на святылище солярно-лунные направления и могли предвидеть астрономические явления в этих направлениях, т. е. рассчитывать календарь и планировать ритуалы. Все это, несомненно, способствовало росту их авторитета и социального статуса. Экономической основой для возникновения социального расслоения и преимущественного отправления культовых функций определенными лицами, вероятнее всего, был начавшийся процесс доместикации лошади.

Таким образом, есть достаточно оснований полагать, что в лесостепном Зауралье жречество как общественная группа, занимающаяся отпращиванием культов, появилось в энеолите и получило дальнейшее развитие в последующие эпохи. Это не исключает широкого бытования древнейших форм первобытной религии – тотемизма, промыслового культа и др. – особенно в районах, находившихся вдали от водных магистралей. Тем самым время появления жречества (шаманизма?) в рассматриваемом регионе удревняется на 1–1,5 тысячи лет по сравнению с предполагаемым ранее [5, с. 22]. Получены также материалы, позволяющие утверждать генетическую связь древних культов и ритуалов с более поздними верованиями этноса Обь-Иртышья, вплоть до этнографической современности.

Базой для формирования в лесостепном-южнолесном Зауралье в эпоху энеолита жречества послужило слияние традиционно лесного пласта верований угорского населения и религиозных представлений

степных индоиранских групп в лице скотоводов-ямников Приуралья и Южного Урала, проникновение которых четко фиксируется археологическими материалами [2, с. 150–157]. Наличие жреческого сословия в ямном обществе, несомненно более развитого в социальном, хозяйственном и общественном отношениях, подтверждается рядом погребений со специфическими элементами погребального обряда и инвентаря, классифицируемых как принадлежащие жрецам [1, с. 9-10].

Влияние ямников, как носителей традиций индоиранского этнического массива, прослеживается не только по археологическим данным: облик керамики и вещественного материала; присутствие астральной символики в орнаментации сосудов; обрядовая практика принесения в жертву черепа и конечностей животных вместе со шкурами и др., представляющая собой ранние формы, известные в более позднее время у индоиранских племен на данной территории – у андроновцев, савромато-сарматского населения – и позже распространившаяся на широкой территории Западной Сибири и Алтая, в том числе и у угорского населения Приобья. Подтверждением высказанного тезиса служат и данные антропологии (два черепа из ритуального погребения во рву – мужской и женский – принадлежали к южно-европеоидным формам восточно-средиземноморского расового типа, второй мужской череп имел ярко выраженные монголоидные черты – определения Г. Н. Рыкушиной), этнографии (присутствие в обско-угорском календаре названий месяцев, близких названиям в календарях народов Поволжья и Прикамья [4, с. 209], а также лингвистики, топонимики, фольклора.

В данном случае прослеживается явная закономерность: более раннее возникновение производящего хозяйства в степных районах (скотоводства) влекло за собой и более тщательное наблюдение за небесными светилами, что создавало базу для предфилософских построений, основными носителями которых были жрецы. В урало-сибирско-казахстанском регионе накопилось достаточно археологических свидетельств, выявляющих корни коневодства в энеолите (Ботай, Савин, терсекские комплексы и др.).

Таким образом, святылища, подобные Савину, были не просто местом совершения жертвоприношений и обрядов, а своеобразными центрами, организующими жизнь общества в соответствии с окружающей природной средой и уровнем социально-экономиче-

скаго развіцця, выконваючы вызначаныя управленчыя, рэлігійныя, хазяйсвенныя і сплываючыя функцыі. Даныя прынцыпы функцыянавання сваятыліц с астранамічнаскай арыентацыяй палучылі сваё далейшае развіццё в паследуючыя эпохі. Наіболей яркія прымеры таму – горадышча Аркайм в эпоху бронзы, курган Аржан в раннем жалезным веке і др. Відма, гэта прызнак праяўлення едынога пласта мараваззрэння і яго наіболей значымых атрыбутов, свідетельсвуючых о длітальном сахраненні культавых традыцый. Одновременна гэтыя цэнтры спосабствавалі кансолідацыі родавых арганізацый, выдзеленню і ўкрэпленню не толькі адміністрацывнай і ваеннай, но і жрэчэскай знаты.

Спісак літэратуры

- 1 Моргунова, Н. Л. К вопросу об общественном устройстве древнейшей культуры (по материалам степного Приуралья) / Н. Л. Моргунова // Древняя история Волго-Уральских степей. – Оренбург, 1992.
- 2 Потемкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т. М. Потемкина. – Москва, 1985.
- 3 Потемкина, Т. М. Святыліца-абсерваторыя – новы тып памятніка эпохі энеоліта в Зауралле / Т. М. Потемкина // Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ»: тез. докл. – Екатеринбург, 1994.
- 4 Симченко, Ю. Б. Календары народоа Сыверы / Ю. Б. Сымченко, А. В. Смоляк, З. П. Соколова // Календарь в культуре народоа мара. – Москва, 1993.
- 5 Славнн, В. Д. Некотары аспекты развіцця ранніх форм релігій в лесном Прыобье в эпоху металла (к постановке праблемы) / В. Д. Славнн // Этнакультурная історыя населення Западной Сыверы. – Томск, 1978.

Раскопки сваятыліца Савін-1, 1984 год

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОАСТРОНОМИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

ТЕЗИСЫ

ДОКЛАДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(15 - 18 ОКТЯБРЯ 1996 Г.)

МОСКВА - 1996

ДРЕВНЕЙШАЯ «АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ» НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ¹

Т. М. Потемкина, Москва, ИА РАН
В. А. Юревич, Звенигород, ЗИА и ХМ

Первые древние обсерватории появились примерно 4000 лет назад. Хорошо исследованные древние обсерватории Британских островов показывают уже достаточно высокий уровень развития астрономии, знание направлений на основные астрономические точки на горизонте, связанные с Солнцем и Луной. Не так давно исследованы археологические памятники на территории России, убедительно показавшие, что обитатели нашей страны, жившие примерно в то же время, знали астрономию не хуже. Один из них – святылище Савин на реке Тобол в Зауралье, в Курганской области, 55.4 с. ш. По археологическим материалам оно датируется 2500–2000 гг. до н. э.

Святылище расположено в широкой пойме реки на возвышении длиной 350 м и шириной 60 м, занимающем господствующее положение на местности. На вскрытой раскопками площадке в 1100 кв. м. обнаружены два примыкающих друг к другу круга с внутренним диаметром 14 и 16 м, очерченные рвами шириной до полутора метров и глубиной до 0.8 м. В первом круге с восточной и западной стороны имелись коридорообразные входы. Во втором круге был только один проход с северо-восточной стороны. В плане сооружение напоминает восьмерку, причем общая часть рва ориентирована приблизительно в направлении восхода Солнца в день летнего солнцестояния (рисунок 1).

В центре первого круга находится углубление прямоугольной формы 6 x 7,5 м, вдоль его внутреннего края проходит подковообразная открытая на север канава, заполненная костями животных, среди которых встречаются керамические и каменные изделия. В центре второго круга также имеется углубление в виде утоптанной углистой площадки. Во рвах, вокруг кругов и в их центрах находятся ямы, в основном

столбовые, до 100 штук, а также ямы с кострищами внутри.

Большая часть столбов могла иметь чисто ритуальное значение. Например можно предположить, по аналогии с еще совсем недавними обычаями аборигенов Западной Сибири, что на них подвешивали шкуры жертвенных животных с головами и костями ног. Однако некоторые указывают важные астрономические направления.

В южной части центральной площадки первого круга когда-то стоял толстый столб. И точно на север от него во рву стоял другой такой же столб. Таким образом, здесь имеются два четко определенных астрономических направления: восток – запад коридором, и север – юг парой столбов.

Столбы северной части круга расположены более-менее симметрично по отношению к среднему полуденному, четыре справа и два слева. Возможно, что столбы во рву фиксировали положение тени центрального в течение некоторого времени, близкого к полудню (вариант солнечных часов). Площадка настоящих солнечных часов должна быть наклонена к центральному столбу. Поэтому часы Савина делят время на разные интервалы в разные дни года. В дни равноденствий тень смещалась от одного столба к другому за $34 \pm 3,5$ мин, в день летнего солнцестояния за 25 ± 3 мин. Не так плохо, принимая во внимание точность определения мест столбов после перерыва в 4000 лет.

С таким устройством легко определить полдень, когда длина тени минимальна. Но древние обитатели Савина хотели заранее знать сколько времени остается до этого момента, видимо важного для них в ритуальном плане, и расставили для этого столбы-метки. Можно предположить, что церемониал праздника был разработан детально, и должен был соблюдаться точно, для чего и был нужен этот механизм деления времени на части.

Обычным для археоастрономических памятников является выделение направлений на точки восходов и заходов Солнца в дни солнцестояний. Они найдены только во втором круге, который по археологическим данным был построен несколько позже. Этот круг отличается от первого меньшим числом столбовых ям, но зато гораздо большим числом прочих археологических примет: ям, сплошь заполненных костями животных, скоплениями фрагментов керамики, раздавленными сосудами, находками ка-

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич // *Археоастрономия: проблемы становления: тезисы докладов международной конференции. Москва, 15-18 октября 1996 г. – Москва, 1996. – С. 109–115.*

менных орудий труда, кострищами и т. п. При этом восточная и северная части круга заметно богаче этими объектами.

Вблизи центра круга нашлась точка, ничем не отмеченная, но если смотреть от нее, в направлениях солнцестояний имеются четыре однородных метки, четыре толстых столба за пределами круга, причем заход Солнца в летнем солнцестоянии отмечен уже известным средним столбом во рву первого круга. Направления рассчитаны на феномен появления на горизонте верхнего края солнечного диска в 2000 г. до н. э. Отмечены также направления на восток и на запад, т. е. на восход и заход Солнца в дни равноденствий.

Каждому из шести солнечных направлений сопутствуют многочисленные археологические особенности во рву. Особо отметим, что в направлении на заход Солнца зимой во рву обнаружено тройное погребение. Похоронены двое пожилых мужчин и одна девушка.

В святилище собрано около 4000 костей, принадлежавших 160 особям лошади, 72 косякам, 25 лосям, 9 кабанам. В скоплениях северного и восточного секторов найдены кости всех видов животных, в ямах западного и юго-восточного секторов преобладают кости лося и косяки. Это, в общем, соответствует сезонам охоты на разные виды животных. Их кости складывали в направлениях восходов и заходов Солнца в дни жертвоприношений.

Явное превосходство лошадей по числу особей, возможно, указывает на начало процесса ее одомашнивания в этом районе. Известно, что первоначальный процесс одомашнивания лошади начался по соседству, в районе Южного Урала и Северного Казахстана в IV-III тыс. до н. э.

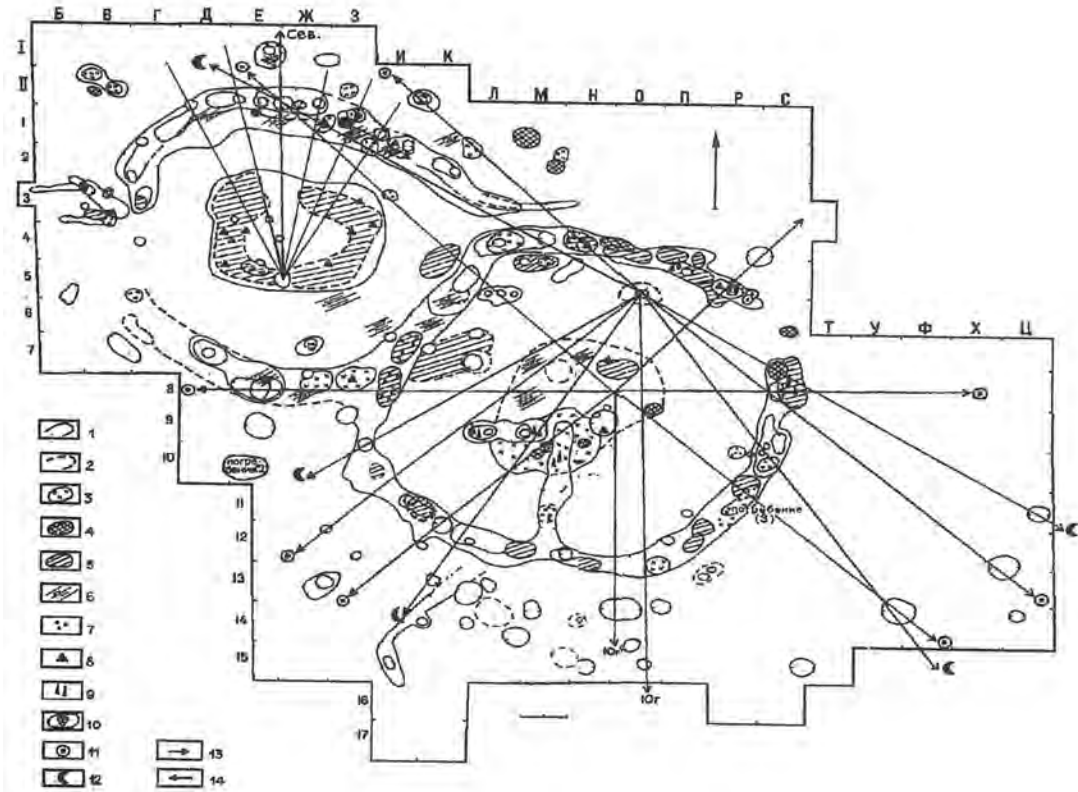
Разумеется, столь необычный характер меток, отмечающих астрономические направления, говорит о том, что второй круг, как и первый, Савина являлся не только солнечной обсерваторией, но и святилищем. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что носители местных культур энеолитического периода знали солнечные направления и, возможно, имели солнечный календарь. В своих культовых центрах они использовали солнечную ориентацию.

Теперь обратимся к Луне. Прежде всего, отметим, что Луна дает человеку удобный эталон для счета времени – период смены фаз, лунный месяц. Продолжительность его – 29,53 дня. Древнейшие ар-

хеологические свидетельства счета времени по Луне имеют возраст в десятки тысяч лет. Одно изделие такого типа найдено при раскопках святилища Савин. Это удлиненная пластина, 14 см, обломанная с одного конца. Овальными выступами она разделена на 3 секции. На шлифованной поверхности секций нанесен орнамент из 7 крестиков в каждой. Есть основания предполагать существование четвертой секции на обломанном конце. В третьей секции орнамент начинается со знака другой формы, в виде двух смыкающихся линий. Пластину можно интерпретировать, как изображение дней лунного месяца, начинающегося с первого появления лунного серпа, а выделенный 15-й знак относится к полнолунию (см. рисунок 1 к статье Т. М. Потемкиной «Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н. э.» в настоящем сборнике).

Горизонтная астрономия имеет 8 особых точек, связанных с Луной. Это направления ее восходов и заходов в дни высокой и низкой Луны. В этом отношении интересна широкая дуга столбовых ям, окружающая второй круг с юга. Условным центром его можно считать столбовую яму в северной части круга, расположенную между центром и рвом. По крайней мере расстояния от нее до самых толстых столбов дуги примерно одинаковы, около 20 метров. Направления от данной ямы на три самых заметных столба на юго-востоке хорошо совпали с тремя астрономическими направлениями: восход высокой Луны, восход Солнца в зимнем солнцестоянии, восход низкой Луны. Лунные азимуты рассчитаны для центра лунного диска. Отмечены и направления юго-запада. Тут столбы потоньше и один стоит в самом рву, но в целом картина убедительна. Северные направления, видимо, находятся на неисследованной части памятника. Пока что можно отметить направление на тот же полуденный столб первого круга, уже третий раз встречающийся в этом раскладе и указывающий направление захода низкой Луны.

Итак, со значительной долей вероятности можно утверждать, что основные солнечные и лунные направления были хорошо известны строителям Савина. Святилище Савин служило пунктом наблюдения за астрономическими явлениями, причем, в течение длительного времени. Довольно значительное количество накопленной астрономической информации могло передаваться от поколения к поколению. Это подтверждается фактом наличия трех астрономиче-

1 – очертания канав и ям на глубине 100 см; 2 – нечеткие очертания; 3 – углистый слой с углями; 4 – прокаленный слой; 5 – ямы, заполненные костями; 6 – скопления костей на уровне древнего горизонта и в канавах; 7 – пятна охры; 8 – развал сосуда; 9 – скопление керамики; 10 – яма с черепами взрослого и ребенка; 11 – Солнце; 12 – Луна; 13 – восход; 14 – заход

Рисунок 1 – План святылища Савин

ских смысловых центров, по-видимому, отражающих три этапа строительства и использования Савина. Можно предположить, что систематические наблюдения за восходами и кульминацией Солнца в первом круге привели к знанию годичных перемещений точек его восходов и заходов на горизонте. Тогда был построен второй круг, в котором были отмечены все направления. Систематические наблюдения всех солнечных явлений и сопутствующие им наблюдения Луны помогли заметить, что и в лунных явлениях есть система. Тогда был выбран отдельный пункт для лунных наблюдений, и с него были отмечены лунные направления.

В километре от Савина обнаружено еще одно святылище с круговой архитектурой, раскопки которого только начаты. Севернее Тюмени раскопано

святылище III тыс. до н. э., Велижаны 2, в основном повторяющее картину Савина. В Велижанах 2 выявлены столбовые ямы, ориентированные на точки восходов и заходов Солнца в дни солнцестояний.

Еще в 30-х годах было раскопано культовое место на Горбуновском торфянике на Урале, близкое Савину по культурной принадлежности и времени. Торф помог сохранить столбы этого святылища. Некоторые из них были выполнены в виде примитивных чело-векopodobных идолов, либо на них были вырезаны личины и разные знаки-символы.

Аналогичная картина могла быть и на святылище Савин. Подтверждением тому может служить трое-кратное использование полуденного столба первого круга. Видимо, он использовался на последующих этапах не для экономии усилий по возведению стол-

Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье

бов, а потому, что там было место особо почитаемого идола.

Сходство зауральских и европейских святилищ с круговой архитектурой и астрономическими ориентирами говорит о близком уровне духовной культуры людей, достаточно удаленных территориально, но находящихся примерно на одном уровне развития в особо важный период человечества – становления производящего хозяйства. Эти памятники указывают на обожествление светил, на появление космогонических моделей строения мира и культа природных сил.

Раскопки святилища Савин-1, 1985 год

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВАЯ ПРАКТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.¹

Т. М. Потемкина, Москва, ИА РАН

Какой порядок исчисления времени (календарь) следует предполагать у населения Урало-Западно-сибирского региона более четырех тысяч лет назад, если исходить из материалов раскопок святилища Савин и подобных ему памятников, позволяющих реконструировать уровень астрономических знаний того времени? Было установлено, что на Савине присутствуют астрономические ориентиры: шесть солнечных направлений – восходы и заходы в дни солнцестояний и равноденствий для широты святилища (55.4 с. ш.), крайние точки восходов высокой и низкой Луны, линия север-юг (см. Т. М. Потемкина, В. А. Юревич «Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России» в настоящем сборнике).

Исходя из наиболее значительного числа жертвоприношений у столбов, указывающих точки восходов и заходов Солнца в дни равноденствий, можно предполагать, что вторая половина марта и сентября являлись наиболее знаменательными датами в жизни людей, посещавших святилище. На это указывают и входные коридоры, ориентированные строго на восток и запад, возможно также используемые для визирования.

Представляется, что более значимым для неолитического населения Зауралья в районе нахождения святилища Савин, если исходить из основного хозяйственного занятия – охоты, являлось осеннее равноденствие. Это время начала массовой охоты на крупных животных, когда они набирают вес и подрастает молодняк, а биологическое состояние ряда животных (гон), являющихся основным объектом охоты, помогает более успешному ее проведению.

Убедительные свидетельства в пользу выказанного тезиса имеются и в этноисторических исследованиях, особенно связанных с календарной системой народов Сибири. У угорских народов

Обь-Иртышья (хантов и манси) год в большинстве случаев начинался осенью – с августа по сентябрь. Названия месяцев отражают тесно переплетающиеся в жизни людей ситуации – природно-климатические, астрономические, хозяйственные: «осенняя охота» – сентябрь, октябрь (ханты); «охоты на лося месяц» – октябрь (васюганские ханты); «промышлять маралов месяц» – сентябрь (алтайцы); «гон косули месяц» – сентябрь (шорцы); «низкого солнца месяц» – декабрь (васюганские ханты); «загон лося и оленя по насту месяц» – декабрь (манси); «косули месяц» – декабрь (шорцы) и т. п. (Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк, З. П. Соколова, 1993). Большинство этих наименований уходит в глубокое прошлое, являясь дополнительным подтверждением того, что древние элементы культуры соответствуют реалиям жизненных условий.

Учитывая наличие на культовом месте Савин остатков подавляющей части жертвоприношений – следов совершаемых здесь обрядов – у столбов, ориентированных в восточном направлении на точки восхода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий (21 марта и 23 сентября), нельзя исключать и возможность деления года на два периода – теплый или летний (весенне-летний) и холодный или зимний (осенне-зимний) – как это известно у ряда народов Западной Сибири по этнографическим данным. Дважды в году – весной и осенью – отмечали начало года восточные ханты, сосвинские манси, алтайцы. По всей вероятности, первоначальное деление года на две части и счет одного года за два были древнейшими у народов Сибири.

Кроме солярных, на святилище Савин присутствуют и лунарные ориентиры, связанные с изменением крайних точек восходов и заходов Луны в ходе лунного цикла в 18.6 года. Вокруг столбовых ям, маркирующих эти точки, также имеются следы жертвоприношений, хотя и менее значительные, чем в направлении восходов Солнца. Среди находок имеются предметы, которые могут иметь отношение к фиксации фаз Луны и ее символике: костяная пластина, разделенная на четыре секции, в каждой из которых нанесен орнамент из семи крестиков (лунный календарь) (рисунок 1); сосуд с орнаментом, символизирующим модель святилища (Вселенной?) и, возможно, одновременно служивший календарем (рисунок 2); глиняные изделия, видимо обозначающие модели половинок Луны, символизирующие ее

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н. э. / Т. М. Потемкина // Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции. Москва, 15–18 октября 1996 г. – Москва, 1996. – С. 115–119.

фазы и женское начало, в ряде случаев в положении *in situ* найдены в пятнах охры сложенными попарно выпуклыми сторонами наружу.

Все эти данные свидетельствуют о том, что обряды, посвященные Солнцу и Луне, совершались в одни и те же дни (равноденствий и солнцестояний), но в разное время суток. Видимо, Солнце и Луна воспринимались в сознании энеолитического населения как наиболее значимые божества, но роль им отводилась разная. Солнце и Луна как бы всегда находились рядом, следовали друг за другом, как Небо и Земля, день и ночь, жизнь и смерть. У сибирских народов, как и у многих других, Солнце олицетворяло Верхний мир и мужское начало. Луна была символом земных недр, Нижнего мира, выступала как женское начало. То значение, которое придавалось точному знанию направления восхода Солнца в дни солнцестояний и равноденствий, а также положению Луны на небосклоне, объясняет причину возведения святилищ, подобных Савину. Смены времен года являлись определяющими факторами в повседневной жизни людей в древности, и их вычисление было исключительно важным делом. В то время астрономические наблюдения были религиозным ритуалом, формой служения божествам.

Рисунок 1 – Святилище Савин. Костяная пластина с насечками, найденная в центральном углублении первого круга

Весь облик святилища не оставляет сомнений в том, что оно являлось местом жертвоприношений, а многочисленные кострища и угольные прослойки – следы разведения ритуального огня.

Привлечение данных этнографии народов Западной Сибири, в религиозных представлениях и фольклоре которых в пережиточной форме сохранилось многое из ритуалов и верований прошлых эпох, позволяет реконструировать и некоторые обряды, осознавая при этом, что реальная культовая практика была намного разнообразнее. Как и в древности,

важнейшей частью обрядов, совершавшихся на святилищах манси, хантов и др., были кровавые жертвоприношения животных, преимущественно оленей и лошадей, с последующим развешиванием шкур с головами и конечностями; разведение огня, приобщение присутствующих к жертвенной пище и т. п. (Г. Новицкий, 1884). Очень интересной для нас деталью этих обрядов является обращение голов жертвенных животных и вывешивание шкур в сторону отправления молитв, т. е. на восход Солнца (Г. Ф. Миллер, 1791; Л. Костиков, 1930; Л. П. Потапов 1935).

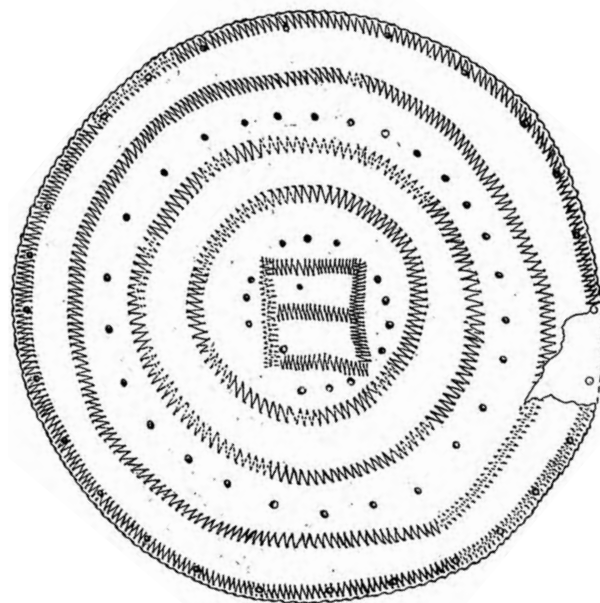

Рисунок 2 – Святилище Савин. Развертка орнамента на сосуде, обнаруженном в западном коридоре первого круга

Самой сильной, особенно в экстремальных условиях, связанных с выживанием общества, считалась человеческая жертва. На Савине ритуальное погребение из трех человек в направлении восхода Солнца в день зимнего солнцестояния обнаружено во рву второго круга.

Наиболее значимым из всех божеств было верховное божество – покровитель Неба и Верхнего мира, обычно ассоциируемого с Солнцем.

Археологические данные свидетельствуют об очень сходных обрядах, что можно объяснить лишь близостью мировоззренческих представлений, ос-

нованных на солярно-лунарных культах, трехчастной модели мира и т. п., и вытекающих из уровня и характера хозяйственной деятельности. Более всего в жертву приносились животные, которые являлись главным объектом охоты, источником пищи и жизни, такие, как лось, олень, лошадь и др., являющиеся основным источником существования. Эти животные сами обожествлялись, ассоциировались с Солнцем, становились космическими животными.

По данным письменных источников и исследованию многочисленных святилищ различных эпох, можем предполагать, что на Савине жертвоприношения сопровождалась магическими обрядами. Особенно близкие ассоциации с реконструируемыми ритуалами вызывают обряды манси, связанные с космогоническими представлениями (культу мирового дерева, Солнца, Луны). При жертвоприношениях божествам рубят березку, очищают от ветвей, на коре вырезают изображения духов и устанавливают на восход Солнца, призывая поклонами и словами небесного бога прилететь и опуститься на вершину установленного дерева. Жертвоприношения Солнцу и Луне манси совершают два раза в год – в декабре и в начале июля, что совпадает с днями зимнего и летнего солнцестояний (В. Н. Чернецов, 1947).

Таким образом есть основания полагать, что люди, посещавшие Савин, имели уже оформившийся лунно-солнечный календарь, где месяц – основной естественный отрезок времени, дробился на недели и слагался в сезоны, полугодия или год. Отмечались годовой круг полного обращения Солнца, сезон, период обращения Луны. Видимо, каждый из них имел свое особое название и свой символ. Следует предполагать, что все ритуальные действия строго регламентировались особыми культовыми лицами (жрецами?), которые знали все отмеченные на святилище солярно-лунарные направления и могли предвидеть астрономические явления в этих направлениях, т. е. рассчитать календарь и планировать ритуалы. Наиболее важное значение имело конкретное содержание сезонов, что, как явствует из этноисторических материалов, характерно для обществ охотников, рыболовов, скотоводов.

Российская Академия наук
Сибирское отделение
Институт проблем освоения Севера

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Выпуск 1

Ответственный редактор А. В. Матвеев

Содержание

Археология

Зах В. А., Матвеева Н. П. Поселение "8-й пункт" на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья).....	3
Вохменцев М. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой.....	9
Матвеев А. В. О некоторых особенностях раннеандроновских захоронений Притоболья со следами огня.....	15
Зах В. А. Многослойное поселение Паром 1 у Салехарда.....	24
Троицкая Т. Н. Сцены терзания в скифо-сибирском и хунно-сарматском искусстве.....	35
Потемкина Т. М., Матвеева Н. П. Большое Бакальское городище.....	39
Могильников В. А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртыше (к проблеме происхождения тарских татар).....	51

Антропология

Багашев А. Н. Материалы к краниологии сарматов.....	64
Рыкун М. П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2).....	74

Этнография

Зенько А. П. Современная этническая ситуация в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа (по данным полевых исследований).....	82
Зенько М. А. К проблеме изучения обычного права у аборигенов Западной Сибири.....	86
Белич Иг. В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера.....	92
Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов.....	98
Повод Н. А. Особенности традиционной культуры ляпинских коми-зырян.....	112
Исаева Т. А. Погребальный обряд восточных хантов: особенности взаимоотношений с духами предков (полевые исследования этнокультурного региона р. Пим).....	122

Палеогеография и историческая экология

Косинцев П. А., Бобковская Н. Е. Костные остатки с черкаскульского поселения Ольховка в Приисетье.....	126
Ларин С. И., Матвеева Н. П. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи (по палинологическим материалам археологических памятников).....	132
Туров С. В. К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв.	140

Экспедиции

Матвеев А. В., Волков Е. Н., Ларин С. И., Адамов А. А., Зах В. А., Сладкова Л. Н. Разведочные работы в Ингальской долине.....	149
Матвеев А. В., Дрябина Л. А., Матвеева Н. П., Дегтярева А. Д. Реконгносцировочные раскопки в Ингальской долине в 1995 г.....	152
Матвеев А. В., Зах В. А., Волков Е. Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине.....	155
Зимин А. Ю., Зенько М. А. Полевые исследования лаборатории этнологии ИПОС СО РАН в 1995–1996 гг.....	158
Светлой памяти В. А. Дремова.....	162
Список сокращений.....	165

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЗАУРАЛЬСКИМ ПАМЯТНИКАМ С КРУГОВОЙ ПЛАНИРОВКОЙ¹

М. П. Вохменцев

There are considered three eneolithic memorials with circle remains of constructions on the territory of Tyumen and Kurgan oblast. Their historico-cultural attribution as paleoastronomical places playing at the same time the role of sacred places is given.

В 1980–1990-х гг. в лесостепном Зауралье были выявлены энеолитические памятники с круговой планировкой. В 1982 г. автором открыто святылище Савин-1 и начаты его раскопки, которые проводились в течение пяти лет, в 1983 и 1984 гг. – совместно с Т. М. Потемкиной (Потемкина, Вохменцев, 1985; Вохменцев, 1986; 1987). В настоящее время это святылище является одним из наиболее хорошо изученных, общая площадь заложенных на нем трех раскопов превышает 1000 кв. м. В 1994 г. автор приступил к раскопкам еще одного подобного памятника – Слободчики 1. На юге Тюменской области в это время Л. А. Дрябиной исследовалось святылище Велижаны 2.

Савин-1 находится на правом берегу р. Тобола, на надпойменной террасе, в 40 км к северу от г. Кургана. Песчаный останец возвышается над окружающей местностью в виде гривы шириной 50–60 м, длиной 350 м. В раскопе 1 выявлены остатки древних сооружений (рисунок 1) – два примыкающих друг к другу круга диаметром 16,5–20 м, продольной осью ориентированных по линии СВВ-ЮЗЗ, в форме восьмерки. Кольца эти образованы рвом шириной 0,9–1,8 м, глубиной 0,2–1,2 м. С восточной стороны внутрь колец ведут проходы, в северо-западном круге есть проход и с западной стороны. На дне рва, внутри колец и за их пределами зафиксировано 117 ям. Внутри северо-западного круга располагалось углубление прямоугольной формы размером 7–8×6–6,5 м, глубиной 0,3–0,8 м. В нем и в ряде ям обнаружены кости животных, а среди них фрагменты сосудов, глиняных поделок, изделия из камня и кости. В северных секторах канавы и за ее пределами зафиксированы остат-

ки 21 кострища. В юго-восточных секторах каждого круга находились погребения. Внутри северо-западного кольца рядом с канавой расчищено погребение в овальной яме, по стенкам которой прослеживались остатки органики коричневого цвета. От погребенных сохранились лишь фрагменты черепа и зубы. Судя по размерам последних, погребены были взрослый человек и ребенок. В юго-восточном круге во рву вскрыто захоронение трех человек – двоих взрослых мужчин и женщины около 16 лет – в два яруса. Г. В. Рыкушиной определена принадлежность погребенных к восточно-средиземноморскому европеоидному и североазиатскому монголоидному типам.

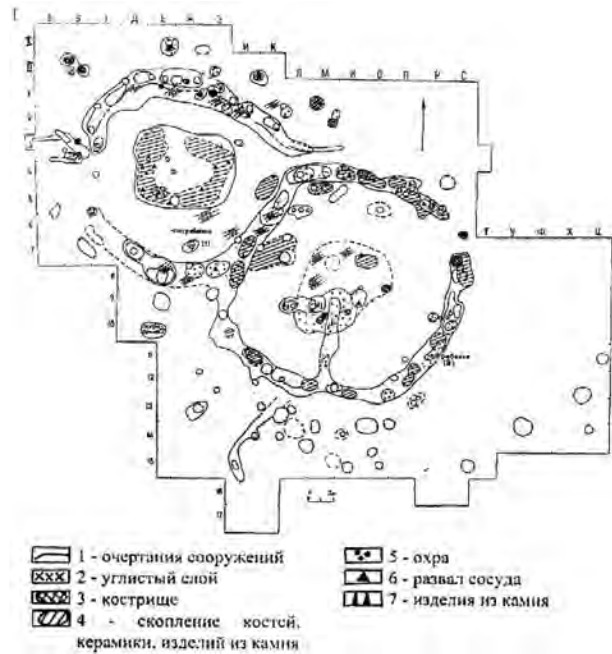

Рисунок 1 – План сооружений на святылище Савин-1

Памятник Слободчики 1 находится в 0,75 км к западу от святылища Савин-1 на берегу старицы р. Тобола. На вскрытой площади выявлен остаток кольцеобразной канавы диаметром 14 м, шириной 0,6–1,5 м, глубиной 0,2–0,4 м. Западная ее часть разрушена обрывом, в южной имеется проход. В центре круга расчищен прямоугольный котлован размером 7×8 м, углубленный на 0,6 м. В пределах круговой конструкции фиксировались остатки кострищ. В котловане и канаве встречены скопления костей животных, среди которых найдены фрагменты керамики,

¹ Впервые опубликовано: Вохменцев, В. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // Вестник Археологии и этнографии. – Вып. 1. – Тюмень : ИПСС СО РАН, 1997. – С. 9–15.

изделия из камня и кости. В юго-восточном секторе в канаве обнаружены кости человека – погребение женщины в возрасте 50–60 лет (определение А. Н. Багашева).

Подобную архитектурную планировку имеет и памятник Велижаны 2: круг, образованный канавой, ямы, кострища.

Указанные зауральские памятники по архитектурно-планировочным особенностям сравнимы с памятниками Западной Европы — хенджами и ронделами (рисунок 2), появление которых относят к позднему неолиту. Они имеют много общих признаков, главный из которых — кольцо из вала и рва с проходами внутрь. По периметру круга стоят столбы или камни, имеются ямы различной конфигурации, часть из них заполнены костями животных. Встречаются остатки кострищ и погребения. Наиболее известные из таких памятников – Эвбюри, Стоунхендж, Вуд-хендж, Эйв-бери, Касл-Ригг, Пенменмаур, Мозл-Ти-Ухаф в Англии, Каллениш, Кольцо Бродгара в Шотландии (Вуд, 1981, I–III, VI–X). К настоящему времени открыто несколько сотен подобных памятников в Скандинавии, Моравии, Карпатах, Паннонии, Западной Словакии, Нижней Австрии, Средней Германии, Рейнской области, на Верхнем Дунае. Континентальные памятники с круговой планировкой, относящиеся к баденской, альт-хаймерской, михельсбергской и хамерской культурам, отличаются от мегалитических построек типа «stone rings», «stone circles» на Британских островах. Объединяет эти сооружения (конструкции с круговой планировкой, отдельно стоящие камни) то, что они предназначались для наблюдения за небесными телами (Хокинс, Уайт, 1973; Вуд, 1981). Их изучение положило начало развитию новой отрасли знаний — астроархеологии.

Говорить о зауральских энеолитических памятниках с круговой планировкой как о древних «астрономических обсерваториях» пока преждевременно: еще не выявлены меты, указывающие точки главных астрономических направлений. Определены только точки восхода ($30^{\circ}40'$) и захода ($302^{\circ}20'$) Солнца в день летнего солнцестояния по середине диска на святылище Савин-1. Однако уже сейчас есть основания рассматривать эти памятники в качестве пунктов астрономических наблюдений. Анализируя архитектурную планировку святылища Савин-1, можно теоретически рассчитать следующие его функции: фиксация точек сезонных восходов и заходов солнца,

полуденной линии, измерение фаз луны (Потемкина, Гусаков, 1987, с. 155–157; Казенас, 1995, с. 72).

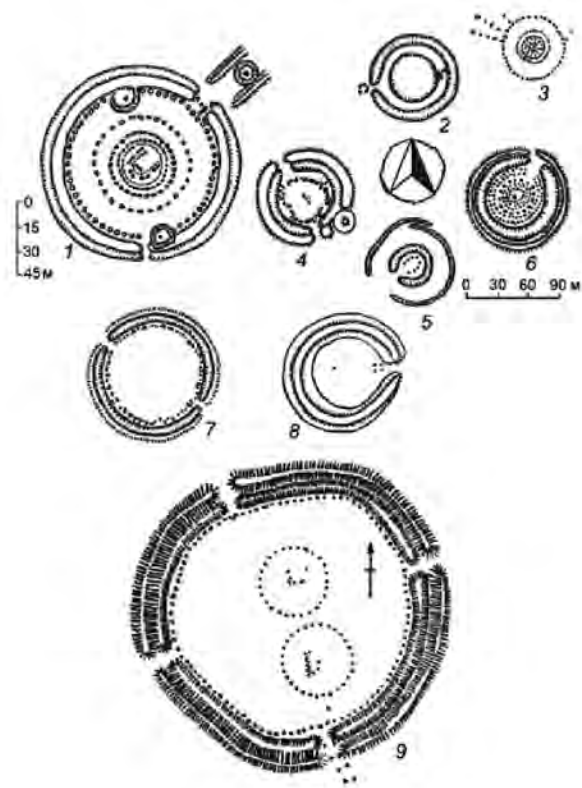

Рисунок 2 – Стоунхендж (1), Лендерей (2), Овертон-Хилл (3), Арбор-Лоу (4), Армингхолл (5), Вуд-хендж (6), Бродгар (7), Майбург (8), Эвбюри (9)

Савин-1, Слободчики 1, Велижаны 2 представляют эпоху энеолита, по материалам сопоставимы с сосновоостровской, шапкульской, липчинской, андреевской, суртандинской культурами.

Культурная традиция круговой планировки со строением внутри кольца продолжает существовать в следующую эпоху – ранней бронзы в ташковской культуре. Недалеко от слияния рек Исети и Миасса находится поселение Ташково 2 (рисунки 3, 2, 3). В раскопе выявлены остатки одиннадцати жилищ, расположенных по кругу, и одного – в центре. В жилищах и внутри круга имелись остатки кострищ (Ковалева, 1988, с. 29–47). Подобная планировка зафиксирована и на поселении ЮАО 13 (Ковалева, 1993, с. 20) (рисунок 3, 1).

В начале эпохи средней бронзы на территории Зауралья и прилегающих регионов также сооружались поселения с круговой планировкой, жилища располагались по периметру, окружались валом и рвом. Такие памятники атрибутируются уже как поселения протогородского типа. Для наиболее ранних из них характерна овальная планировка: Берсаут, Аладанское, Исинея 1, Кизильское. Затем появляются округлые поселения Синташта, Аркаим, Сарым-Сакла, Исинея 2 (Зданович, Зданович, 1995, с. 49-50).

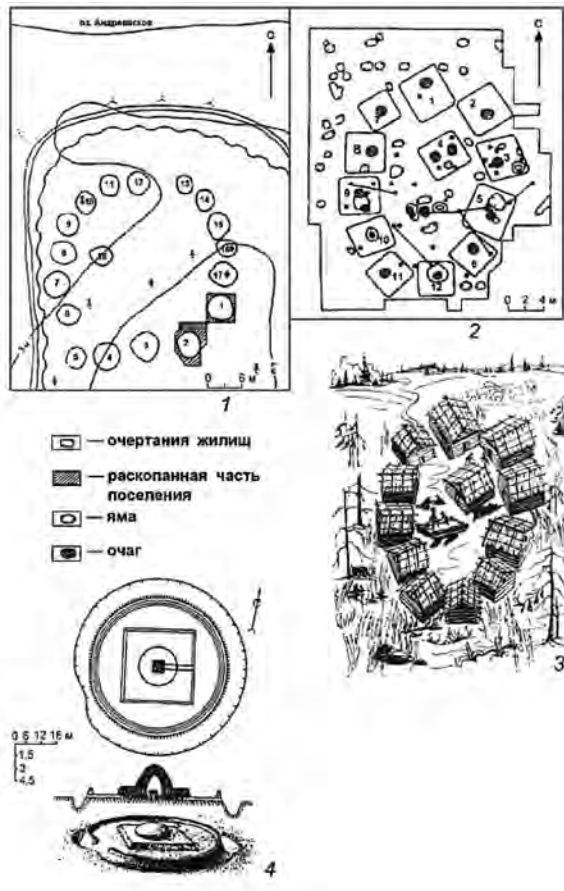

Рисунок 3 – Поселения ЮАО 13 (1), Ташково 2 (2, 3) (по В. Т. Ковалевой), Синташтинский большой курган-святылище (по В. Ф. Генингу, Г. Б. Здановичу, В. В. Генингу) (4)

Памятники этого времени известны и в лесостепном Притоболье. Из-за недостаточно больших площадей раскопок нельзя говорить о планировке поселений в целом, но на Камышном 2 зафиксирова-

ны вал и рвы, возможно, здесь имелась и кольцевая планировка.

Последняя отмечена в погребальных комплексах эпохи бронзы и раннего железного века: над прямоугольным погребением возводился курган, у основания которого проходил ров. Среди ранних памятников такого типа выделяется Синташтинский комплекс (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 111–374) (рисунки 3, 4).

Такая же архитектурная особенность – кольцевая планировка — прослеживается на памятниках культового характера в разных культурах. В Шумере, Бактрии, Хорезме сооружались храмы астрального культа с круговой планировкой. Из других наиболее изученных можно назвать культовое сооружение у с. Долиняны на Буковине и аналогичные ему дакийские в Трансильвании. Эти памятники рассматриваются исследователями не только как святылища, но и как обсерватории-календари (Смирнов, 1991; Марченко, 1991).

У славян существовали языческие капища с круговой планировкой, внешний вид некоторых из них реконструирован (хорошей иллюстрацией может служить картина Н. К. Рериха «Идолы»). Типологически выделяются большие общеплеменные культовые центры, священные места вокруг поселка, святылища внутри него и в жилище одной семьи (Рыбаков, 1987, с. 122). Наиболее известны святылище Перуна в урочище Перынь под Новгородом, сакральный комплекс около Старой Рязани, святылища Благовещенская гора на Десне вблизи Вщижа, в Ржавинском лесу на Северной Буковине. Среди лесов и болот на Псковщине, в Припятском Полесье и других местах обнаружены культовые сооружения, получившие название «болотные городища» (Седов, 1982, с. 261-262; Рыбаков, 1987, с. 142, 147–150, 156–157, 255–257) (рисунок 4). Часть из этих памятников также считаются не только святылищами, но и пунктами астрономических наблюдений (Гусаков, 1991).

Славянские культовые сооружения имеют различия. Диаметры кольцевых площадок, окруженных рвом и валом, варьируют от 7 до 60 и более метров, различны размеры рвов и валов. Одни памятники расположены на высоких холмах с площадкой, приспособленной для значительного количества людей, другие – на небольших (2–5 м в высоту) возвышенностях, низких мысах, островках среди болот. Общие черты святылищ следующие. Главное – это наличие круга,

ограниченного рвом и валом. Внутри круга фиксируются яма, иногда квадратной формы, следы идола, рядом жертвенные площадки с остатками жертвоприношений. Во рву и на валу находятся остатки ритуальных кострищ. Встречаются ямы с различными находками – очевидно, тоже следы жертвоприношений и погребения.

По археологическим материалам в Зауралье в эпоху энеолита прослеживается влияние культур Волго-Уральского региона с ямным обликом. В могильниках Верхняя Алабуга, Убаган 1 выявлены захоронения четырех типов: погребенные в сильно скорченном состоянии, лежащие на боку; в сидячем и полусидячем положении; по принципу «антитезы» – головами в разные стороны, в 23 яруса; на спине в вытянутом положении. Погребальный обряд находит аналогии в среднестоговской культуре на Днепре в Александровском могильнике и энеолитическом Хвалынском могильнике на Волге (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 58). В Среднем Заволжье, на Горном Алтае, Оби, Иртыше, Енисее также встречается подобный обряд (Мерперт, 1974, с. 47–61; Хлобыстина, 1975). Керамика, часть которой найдена в погребениях, по облику сходна с посудой второй хронологической группы погребений ямной культуры (Мерперт, 1974, с. 53–54) и посудой второй хронологической группы (Васильев, 1981, с. 51–54). Медное шило из погребения 5 могильника Верхняя Алабуга группы МП сходно с изделиями из ямно-полтавкинских, майкопских, катакомбных комплексов. Костяные украшения из погребения могильника Верхняя Алабуга аналогичны имеющимся в хвалынской культуре. В погребениях Хвалынского могильника и зауральских встречаются одинаковые изделия из камня: тесла, каплевидные подвески с отверстиями.

Скопления костей животных рядом с погребениями в могильниках Верхняя Алабуга и Убаган 1 могли быть остатками жертвенников. Подобные есть в Хвалынском могильнике. По типу хозяйства культуры, носителями которых оставлены святылища Савин-1 и Слободчики 1, относятся к кругу степных – ямной, терсекской, ботайской, ориентированных на охоту на копытных. Именно в этой среде произошло приручение диких лошадей.

Констатируя наличие западного импульса в лесостепном Притоболье в энеолитическое время, отметим, что ряд исследователей относят скотоводов-мигрантов к индоевропейской общности и связывают

их с протоиндо-иранцами (Мерперт, 1974, с. 127; Смирнов, Кузьмина, 1977). Вероятно, с этого времени в лесостепном Зауралье существуют традиции индоевропейского происхождения, которые проявились в следующую эпоху – ранней бронзы.

Рассматриваемые энеолитические сооружения лесостепного Притоболья, как показано выше, имеют сходство с широким кругом памятников подобной архитектурной планировки. По назначению все они также сходны: это древние астрономические обсерватории или пункты астрономических наблюдений и в то же время святылища. Данные памятники относятся к различным культурам индоевропейской общности.

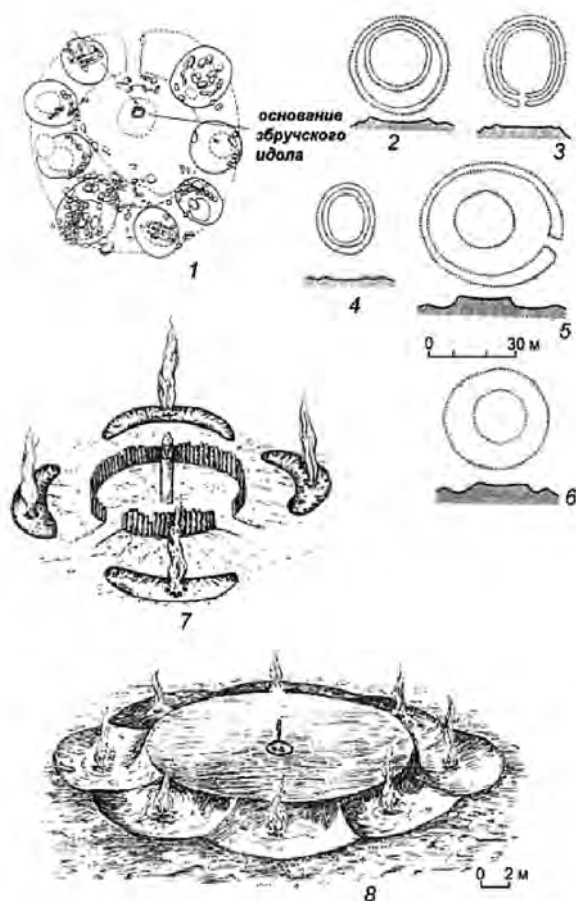

Рисунок 4 – Святылища близ Збруча (раскопки И. П. Русановой, Б. А. Тимоцука) (1), Ходосовичи (по Б. А. Рыбакову) (7), Перыньское (по В. В. Седову) (8), «болотные городища» (по Б. А. Рыбакову) (2-6)

В их архитектурной планировке читается изображение мандалы – квадрат, вписанный в круг. На святилищах Савин-1, Слободчики 1 круговая канава опоясывает прямоугольные котлованы. Концентрические структуры поселений Ташково 2, ЮАО 13 с прямоугольным жилищем в центре представляют то же изображение (Ковалева, 1993, с. 16). Символика мандалы прослеживается в планировках других комплексов эпохи бронзы (рисунки 3, 4), раннего железного века (Потемкина, 1995, с. 152–154; Епимахов, 1995, с. 44–47). Присутствует она, начиная с эпохи неолита, в архитектурной планировке сооружений Западной Европы, Балкан, в планировке славянских святилищ. Символ мандала имел место в индоиранской среде, упоминается в «Ригведе» (Топоров, 1988, с. 100–102) и, очевидно, восходит в той или иной форме (планировке, орнаменте) к более древним индоевропейским корням.

Памятники начального этапа эпохи средней бронзы в Южном Зауралье сейчас непосредственно связывают с ранней историей индоиранцев (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 6–10). В ташковской культуре эпохи ранней бронзы также имеются черты, присущие индоиранцам (планировка поселков, орнаментация сосудов, числовая символика и др.). Вместе с тем отмечено, что в сложении ташковской культуры участвовали лесные энеолитические липчинская и андреевская культуры, а влияние степного населения лишь улавливается, но отчетливо не прослеживается (Ковалева, 1993, с. 15–22; 1995; Рыжкова, 1994, с. 14–17).

Интересны в связи с этим сведения, приводившиеся Ш. Летурно, о сырье и составных частях священного напитка сомы, которым питался бог Агни: это были топленое масло и перебродившая жидкость, приготовленная из кислого ласточника (*asclepias acide*) (Летурно, 1897, с. 219). Нужно отметить, что кислый ласточник – ядовитое растение, распространенное в лесостепном Зауралье вплоть до южной кромки лесной зоны, т. е. на территории, которая современными исследователями рассматривается как место, где проживали индоиранские группы.

Таким образом, в эпоху энеолита в лесостепном Притоболье по археологическим материалам прослеживается влияние энеолитических культур Волго-Уральского междуречья, корни которых связываются с индоиранским населением. По архитектуре энеолитические памятники Савин-1, Слободчики 1, Велижаны 2 имеют широкий круг аналогов среди

памятников, оставленных различными группами, принадлежавшими к индоевропейской общности. В планировке этих памятников усматривается индоевропейская символика – мандала, многие из них интерпретируются как палеоастрономические пункты, играющие также роль святилищ.

Библиографический список

- 1 Агапов, С. А. Хвалынский энеолитический могильник / С. А. Агапов, И. Б. Васильев, В. И. Пестрикова. – Саратов : Саратовск. ун-т, 1990. – 159 с.
- 2 Васильев, И. Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь) / И. Б. Васильев. – Куйбышев : Куйбышевск. пед. ин-т, 1981. – 172 с.
- 3 Вохменцев, М. П. Раскопки Савина / М. П. Вохменцев // АО 1984 года. – Москва : Наука, 1986. – С. 171.
- 4 Вохменцев, М. П. Работы Курганского краеведческого музея / М. П. Вохменцев // АО 1985 года. – Москва : Наука, 1987. – С. 233–234.
- 5 Вуд, Дж. Солнце, луна и древние камни / Дж. Вуд. – Москва : Мир, 1981. – 268 с.
- 6 Генинг, В. Ф. Синташта / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. – Челябинск : Южно-Уральск. кн. изд-во, 1992. – 406 с.
- 7 Гусаков, М. Г. Языческое святилище на северном мысе Старорязанского городища / М. Г. Гусаков // Проблемы археологии Евразии. – Москва : Наука, 1991. – С. 48–57.
- 8 Епимахов, А. В. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) / А. В. Епимахов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : матер. конф. – Челябинск : Челябинск. ун-т, 1995. – Ч. V. – Кн. 1. – С. 43–48.
- 9 Зданович, Г. Б. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : матер. конф. – Челябинск : Челябинск. ун-т, 1995. – Ч. V. – Кн. 1. – С. 48–62.
- 10 Казенас, В. Е. Древний астрономический пункт наблюдения / В. Е. Казенас // Вопросы экологии Зауралья (Земля курганская: прошлое и настоящее). – Курган : Изд-во Шадринского ПО «Исеть», 1995. – Вып. 12. – С. 72–74.
- 11 Ковалева, В. Т. Ташковская культура раннего бронзового века Притоболья / В. Т. Ковалева // Материальная культура древнего населения. – Свердловск : Уральск. ун-т, 1988. – С. 29–47.
- 12 Ковалева, В. Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ / В. Т. Ковалева // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург : Уральск. ун-т, 1993. – С. 5–23.
- 13 Ковалева, В. Т. Проблема этнической идентификации населения ташковской культуры / В. Т. Ковалева

// Россия и Восток: проблемы взаимодействия : матер. конф. – Челябинск : Челябинск. ун-т, 1995. – Ч. V. – Кн. 1. – С. 69–72.

14 Летурно, Ш. Социология, основанная на этнографии / Ш. Летурно // Перевод последнего французского издания. – Санкт-Петербург : Изд-во О. Н. Поповой, 1897. – Вып. II. – 226 с.

15 Марченко, Г. Е. Обсерватория-календарь у с. Долиняны / Г. Е. Марченко // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии. – Ленинград : Наука, 1991. – Вып. 31. – С. 83–89.

16 Мерперт, Н. Я. Древние скотоводы Волжско-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. – Москва : Наука, 1974. – 152 с.

17 Потемкина, Т. М. Раскопки в Курганской области / Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев // АО 1983 года. – Москва : Наука, 1985. – С. 236–237.

18 Потемкина, Т. М. Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин) / Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе»: тез. докл. – Москва : ИНИОН АН СССР : ИА АН СССР, 1987. – С. 153–157.

19 Потемкина, Т. М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе / Т. М. Потемкина // Россия и Восток:

проблемы взаимодействия : матер. конф. – Челябинск : Челябинск. ун-т, 1995. – Ч. V. – Кн. 1. – С. 144–154.

20 Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 782 с.

21 Рыжкова, О. В. Ташковская культура в Нижнем Притоболье : автореф. дисс. ...канд. ист. наук / О. В. Рыжкова. – Ижевск, 1994. – 24 с.

22 Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – Москва : Наука, 1982. – 226 с. (Археология СССР).

23 Смирнов, Г. И. Культурное сооружение у с. Долиняны на Буковине / Г. И. Смирнов // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии. – Ленинград : Наука, 1991. – Вып. 31. – С. 77–83.

24 Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. М. Кузьмина. – Москва : Наука, 1977. – 81 с.

25 Топоров, В. Н. Мандала / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия. – Москва : Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 100–102.

26 Хлобыстина, М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая / М. Д. Хлобыстина // СА. – 1975. – № 1. – С. 17–33.

27 Хокинс, Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Дж. Хокинс, Дж. Уайт. – Москва : Мир, 1973. – 243 с.

Студенты КГПИ на раскопках святилища Савин-1, 1984 год

Раскопки святылища Савин-1, 1985 год

На первой странице обложки:
М.А. Врубель. Фрагмент картины
"Серафим", 1904–1905, ГТГ.

Номер готовили редакторы:

**Р. Долгих, М. Логина,
А. Мальцев, С. Пширков,
Э. Соломатина**

Макет **В.У. Интой**

Художественный редактор
С. Потемкина

Заведующая редакцией
В. Вальцгефер

Технический редактор
И. Рыжова

Адрес редакции: 117810,
Москва, ГСП-1,
Мароновский пер., 26.
Телефон: 238-43-10

Сдано в набор 31.03.98.
Подписано в печать 20.05.98.
Формат 84 × 108/16.
Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Усл. печ.л. 13,55.
Усл. кр.-отт. 80, 74.
Уч-изд. л. 17, 21.
Заказ № 627

Набор произведен на ПК
"Макинтош" в издательстве
"Наука" РАН

Свидетельство о регистрации
№ 014399 от 26.01.1996 г.

АО Типография "Новости",
107005, Москва,
ул. Фридриха Энгельса, 46

© Президиум
Российской академии наук,
Министерство науки и технологий
Российской Федерации,
"Наука в России", 1998.

НАУКА В РОССИИ

№ 4 (106)
1998

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ. ПОИСК. РЕШЕНИЯ

Ширшов Л.С. В 30 лет – вторая молодость	4
Потемкина Т.М. Зауральский "Стоунхендж"	8

ТЕХНИКА XXI ВЕКА

Русанов В.Д. Водород – возможность технического прогресса	19
---	----

У НАС В ГОСТЯХ

Пширков С.Н. Сияние науки Заполярья	24
---	----

МИР ЧЕЛОВЕКА

Джон Х. Проктор, Петров Р.В. Культура и наука – общечеловеческое значение	29
---	----

АКТУАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Марков Ю.М. Предстартовые будни: радость с привкусом горечи	32
---	----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Баренбаум А.А., Ясаманов Н.А. Кометы и геологическая история Земли	42
Кривогорницын Б.И. Грандиозный мираж тяготения	48
Евтушенко В.Я. Источник творчества – страдание	55
Виктурина М.П. "Бессменная тревога духа"	63

НАШ ДОМ – ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Селиванов А.О. Изменчивая природа, или Можно ли верить Платону?	73
Голубчиков С.Н. Здоровье москвичей	85

ЕСТЬ ИМЕНА, КАК СОЛНЦЕ!

Непомнящий В.С. "Моцарт и Сальери" в сознании поколений	80
---	----

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

Даркевич В.П. В сердце русского Севера	90
--	----

ПАНОРАМА ПЕЧАТИ

В XXI век с оптимизмом	16
Заменитель крови	71
Российско-германский проект на Байкале	89

ЗАУРАЛЬСКИЙ «СТОУНХЕНДЖ»¹

Т. М. Потемкина, Институт археологии РАН

В последние годы экспедиции археологов в нашей стране стали большой редкостью – на них не хватает денег. Тем приятнее, что губернатор Курганской области О. А. Богомолов с пониманием отнесся к просьбе директора Института археологии РАН профессора Р. М. Мунчаева, и после 12-летнего перерыва в 1997 г. было продолжено изучение святилища каменного века Савин в Зауралье. Данный памятник – первый и на сегодня наиболее ранний из исследуемых в России археоастрономических объектов. Это своего рода обсерватория, существовавшая более 4,5 тыс. лет назад, хотя ее функции в жизни и сознании людей той эпохи выходили далеко за пределы наблюдений небесных светил.

Речь идет о степных землях за Уралом, расположенных на стыке с лесной зоной. Их древнее население часто совершенно необоснованно считают более отсталым в историческом развитии. Но так можно думать, если рассматривать Савин изолированно. Однако если вспомнить, что тогда уже существовали такие творения ума и рук человеческих, как пирамиды Хеопса и Хефрена в Египте, города-государства Шумера в Южном Двуречье и Аккад в Месопотамии, сооружения Стоунхенджа из гигантских каменных глыб на Солсберийской равнине Южной Англии, то возведение святилища Савин покажется в какой-то степени закономерным.

Успешное изучение Стоунхенджа в середине 60-х годов послужило толчком к бурному развитию археоастрономии, возникшей на стыке археологии и астрономии. Правда, поначалу английскому астроному и математику Дж. Хокинсу потребовалось немало усилий, чтобы доказать: каменные блоки и арки этого сооружения, возведенные примерно 4 тыс. лет назад, на самом деле громадные визирь, которые с погрешностью всего до 1° отмечают восходы и заходы Солнца и Луны в дни солнцестояний и равноденствий.

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Зауральский «Стоунхендж» / Т. М. Потемкина // Наука в России. Издание Президиума Российской академии наук, Министерства науки и технологии Российской Федерации. – № 4. – 1998. – С.8–15.

Стоунхендж оказался не только святилищем для ритуальных церемоний, но и огромной обсерваторией, использовавшейся для определения важных моментов в хозяйственной жизни.

Реконструкция наземных сооружений Савина на одном из его участков

Астрономические определения Хокинса в основном относились к последним («каменным») этапам существования Стоунхенджа. Его строили на протяжении тысячи с лишним лет. Первое сооружение, датируемое примерно 2800 г. до н. э., было относительно простым: кольцевые ров и вал с внутренним диаметром 98 м и с входом с северо-востока, а напротив него снаружи находился вертикально поставленный камень (в направлении восхода Солнца в день летнего солнцестояния). Внутри круга вдоль вала расположены кольцо из 56 ям (в большинстве из них обнаружены кремнированные человеческие

кости), три вертикально поставленных камня и четыре деревянных столба. Что находилось на этом этапе существования памятника в самой важной его точке – в центре – неизвестно. Здесь никаких раскопок никогда не производили. На втором этапе (в 2100 г. до н. э.) там же было построено кольцо из обработанных камней с горизонтальными перекладинами, а на третьем (1600 г. до н. э.) – подковообразное сооружение из голубых камней.

Святилище Савин. Дно кольцевого рва в северной части первого круга после расчистки (1983 год)

Кроме Стоунхенджа, Дж. Хокинс дал астрономическую интерпретацию еще нескольких подобных древних памятников. Это послужило толчком для специалистов в других странах Европы и Америки, и в 70–80-х годах были исследованы десятки древних сооружений с замкнутой круговой планировкой, получивших название хенджей (на Британских

островах) и рондел (в континентальной Европе). В результате в европейских странах и США появились специализированные центры археоастрономических исследований, затем было создано Международное общество археоастрономии и археологии в культуре и Европейское общество астрономии в культуре. Обе организации проводят ежегодные конференции и публикуют материалы исследований.

Россия до последнего времени оставалась в стороне от этого процесса. Только в 80-е годы ряд отечественных специалистов обратились к археоастрономической тематике. С этой точки зрения были пересмотрены старые раскопки некоторых ранних славянских городищ, курганов железного века, открыты и исследованы памятники с круговой планировкой и четкими астрономическими ориентирами. Итогом стали научные конференции «Археоастрономия: проблемы становления» (1996) и «Древняя астрономия: Небо и Человек» (1997). Инициатором и организатором первой выступил Институт археологии РАН, второй – Евразийское астрономическое общество и Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга МГУ. Стало очевидно, что археоастрономия в нашей стране состоялась, и здесь есть все необходимое для успешного ее развития – многочисленные и многообразные памятники, богатая этнография и, наконец, научный потенциал. А главное – у нас появились свои «стоунхенджи» и, как уже сказано, среди них особое место занимает Савин, пока единственный исследованный аналог европейских хенджей и рондел.

История его открытия характерна для многих других археологических памятников. Заметное в пойме реки Тобол возвышение (350 x 60 м), окруженное заболоченной старицей, издавна вызывало страх у населения ближайших деревень. Однако, наконец, любопытство возобладало, и в начале 80-х годов один из местных жителей Василий Бабушкин, со школьных лет увлекавшийся историей, посетил запретное место и собрал там коллекцию черепков посуды, изделий из камня. Находки он передал в областной краеведческий музей.

В 1982 г. здесь начала работать экспедиция под руководством курганского археолога М. П. Вохменцева, а затем научные работы на памятнике возглавляла я. За 1982–1985 гг. на площади 1100 м² удалось выявить комплекс древних сооружений. По археологическим представлениям, они хорошо сохранились, поскольку были покрыты мощным слоем речных на-

Раскопки 1983 г. Скопление находок – остатки жертвоприношений животных, сосудов, орудий – внутри первого круга у столба, ориентированного в направлении восхода Солнца в дни равноденствий

носов, оставленных многократными разливами Тобола. Причина этого – наступившее в конце III тыс. до н. э. резкое увлажнение климата (может быть, именно поэтому люди покинули святилище).

Сооружения Савина представляли собой два соприкасающихся круга диаметром 14 и 16 м, очерченных рвами шириной до 1,5 м, в плане напоминающих восьмерку. Во рвах, вокруг кругов и в центре – более сотни ям, в которых когда-то стояли столбы. В том же порядке размещались кострища и ямы, заполненные костями жертвенных животных вперемешку с черепками посуды и каменными орудиями. В пределах первого круга обнаружена яма с черепами взрослого человека и ребенка, а во рву второго в слое угля и охры – скелеты двух мужчин и девушки.

Внутри первого круга вели входы-коридоры в виде параллельных частоколов, построенных в направлении восток-запад (на точки восхода и захода Солнца в дни равноденствий), вторым входом служил разрыв во рву, с ямой-кострищем посередине, ориентированный на северо-восток. В центре обоих кругов располагались прямоугольные углубления в виде землянок, где обнаружены наиболее значимые находки.

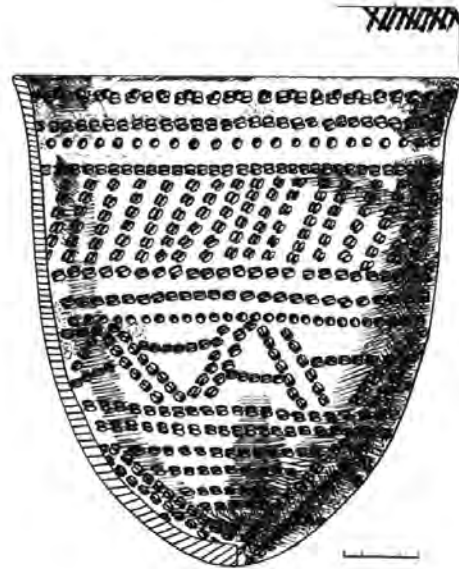

Рисунок сосуда (из раскопок 1983 г.), украшенного наколами палочки с раздвоенным концом (символы следов животных)

Савин, 1997 г. Реконструкция столбов-мет в северной части первого круга, которые фиксировали положение тени центрального столба (на переднем плане), служившего гномоном (вариант солнечных часов). Поставлены на месте столбовых ям

Топор, долото и наконечник копья (находки 1982-1983 гг.)

Оба круга сооружены в разное время: первый сделан раньше и как минимум дважды перестраивался, второй пристроен позднее с использованием некоторых столбов-мет первого круга. Общее время существования этих сооружений, по нашим представлениям, – в пределах столетия.

Археологи сразу обратили внимание на неравномерное распределение находок на раскопанной

площади. В процессе работы выяснилось: у столбов в центральной части кругов и во рвах к востоку и северо-востоку от них сосредоточено более 70 % скоплений костей и других предметов. Эти направления совпадают в месте расположения памятника ($55,4^\circ$ с. ш.) с точками восхода и захода Солнца в дни равноденствий и летнего солнцестояния. У столбов в юго-восточном и юго-западном направлениях (на восход и заход Солнца в зимнем солнцестоянии) находок было меньше. Всего на святылище обнаружено около 4 тыс. костей животных, принадлежащих, по определению палеозоологов, 160 лошадям, 72 косякам, 25 лосям, в единичных случаях кабану, медведю, волку. Найдено также более 6 тыс. черепков примерно от 400 сосудов и 1700 каменных орудий для охоты, обработки шкур, дерева, разделки мяса (топоры, наконечники копий, ножи, скребки и т. д.).

Астрономические расчеты, проведенные московским ученым В. А. Юревичем, подтвердили наблюдения археологов: скопления находок, как правило, приурочены к конкретным солнечным и лунным ориентирам. Кроме того, ему удалось выявить и новые детали – определить точные визирь в направлении север-юг на все шесть солнечных азимутов, связанных с восходами нашего светила в дни равноденствий

и солнцестояний. Был найден смысловой центр и для восходов и заходов высокой и низкой Луны в зимнем солнцестоянии. Костяная пластинка со знаками, обнаруженная в центральном углублении первого круга, подтверждает эти выводы и свидетельствует: древние люди наблюдали и фазы Луны.

Юревич высказал также предположение, что центральный столб первого круга служил гномоном (древнейший астрономический инструмент для определения высоты и азимута Солнца), а столбы в северной половине рва отмечали положение его тени на земле в определенный момент суток, ближе к полудню (примитивный вариант солнечных часов). Следя за смещением тени, древние наблюдатели с помощью столбов-мет пришли к идее о делении времени на промежутки. Расчеты показали: тень гномона в дни равноденствий от одного столба к другому смещалась за 34 мин (с ошибкой в 3 мин). Все это позволяет сделать вывод: астрономические знания не были привнесены сюда извне, а явились результатом развития местной культуры. Ведь строители Савина знали все главнейшие астрономические направления не хуже, чем их современники в Западной Европе, создавшие хенджи и ронделы.

Чем больше мы узнавали о Савине, тем острее осознавали необходимость дальнейшего его исследо-

вания. Очень важно было попытаться максимально приблизиться к условиям наблюдения за Солнцем и Луной людьми того далекого времени, когда святылище функционировало с помощью тех же самых методов и из тех же точек. Такая возможность представилась только летом 1997 г. – через 15 лет после начала изучения памятника.

Работа этой экспедиции на Савине была необычной. Мы тщательно копали участки по периметру старого раскопа в поисках его прежних границ, уточняя все буквально до сантиметра. Затем вновь разбили его на квадраты (2 x 2 м) для удобства фиксации, как это делалось в самом начале работ на памятнике. Затем на этой площади предельно точно наметили расположение рвов, столбов-мет, основных скоплений находок. Потом поставили и сами столбы – около 40. И уже после этого с найденных точек начали наблюдать восходы и заходы Солнца и Луны в дни, близкие к летнему солнцестоянию, а также проверять работу «солнечных часов» и многое другое. Так впервые мы стали смотреть на небо глазами древнего человека (впрочем, точки восхода Солнца за прошедшие тысячелетия сместились менее чем на 1°). И наши наблюдения не только подтвердили многие положения археолого-астрономических исследований прежних лет, но позволили сделать новые открытия. Они су-

Савин, 1997 г. Траншея, прорытая через «малый» вал. В ее стенке внизу светлой линзой выделяется вал каменного века. Слои различного цвета выше – следы многократных разливов Тобола в период и после функционирования святылища

щественно дополнили представления об архитектуре святилища и его истории.

... Во время полевых работ взгляд археологов, как правило, прикован к земле – они стараются не пропустить ни одной находки и детали исследуемых сооружений и тщательно фиксируют их всеми возможными методами. И даже уходя с раскопок, редко поднимают голову, чтобы не пройти мимо еще каких-нибудь древних предметов, попадающихся под ногами. Потому нам ранее не удалось увидеть то, что нашли летом 1997 г. Успехом последней экспедиции на Савине мы считаем выявление и исследование двух валов времени функционирования святилища. Первый (мы назвали его «малым») длиной около 30 м и высотой до 0,5 м начинался на расстоянии 16–18 м к востоку от центра первого круга. Этот вал вместе с центральным и еще одним мощным столбом, а также скопления жертвоприношений во рву круга находились на одной линии, проходящей с востока на запад. Второй вал («большой») длиной 100 м и высотой до 1 м начинался в 150 м от центра второго круга и тоже протягивался по направлению восток-запад, составляя одну линию с рядом столбов второго круга, включая центральный. Следовательно, оба вала указывали направление на восход Солнца в дни равноденствий.

В это сначала трудно было поверить: валы в каменном веке, и для астрономических наблюдений?! Ведь до сих пор самые ранние подобные сооружения на территории нашей страны, по крайней мере в Поволжско-Урало-Сибирском регионе, были известны только на памятниках бронзового века (II тыс. до н. э.). Да и то это были лишь остатки укреплений населенных пунктов (их открыли в 70-е годы).

Чтобы окончательно убедиться, что обнаруженные нами валы – искусственного происхождения и что они принадлежали святилищу, мы проложили через них траншеи. Изучая разрезы их стенок, мы проследили последовательность отложений различных слоев и выявили самые древние валы и ровики вдоль них, из которых строители когда-то брали землю для насыпи, остатки дерева, ямы от столбов и ямы со следами кострищ. Оба вновь открытых вала перекрыты теми же мощными речными отложениями, что и основные конструкции святилища. Это подтверждает их одинаковый возраст.

Таким образом, нам удалось существенно дополнить представления об архитектурных особенностях Савина. Валы на втором («малом») и третьем

(«большом») этапах существования культового места сооружали для получения более точных, устойчивых и заметных линий визирования в наиболее важном для строителей (или служителей культа) направлении. Особенно это касается «большого» вала, более длинного и сравнительно удаленного от центра наблюдений, что позволяло точнее определить нужный азимут. И опять трудно удержаться от сравнения со Стоунхенджем. Там от краев входа в круг тянулись два параллельных вала, правда, более внушительных, как и сам памятник. А в 2 км к северу от него находятся два низких вала, ориентированных с востока на запад (так называемые курсы). Подобных сооружений в Англии более 20, и все они, как полагают, связаны с астрономическими наблюдениями.

Кроме валов, в центральной части возвышения на Савине нами раскопаны ямы, заполненные углем; располагаются они полукругом (по-видимому, при дальнейших раскопках выявится и полный круг). Характер находок здесь совсем другой: лишь немногочисленные черепки ранней железной эпохи. Вполне возможно, что тут было еще одно святилище, выстроенное примерно через 2 тыс. лет после первого культового места, обозначенного рвами, и относилось оно, судя по керамике, к скифо-сарматской эпохе (вторая половина I тыс. до н. э.). Какова же глубина человеческой памяти, если это место вызывает суеверный страх и в наши дни!

Сегодня Савин – уже не единственный памятник такого рода на зауральской земле. Несколько лет назад в километре от него, на таком же возвышении курганские археологи обнаружили и начали изучать сходное сооружение – Слободчики (руководитель М. П. Вохменцев). Небольшие целенаправленные раскопки экспедиции 1997 г. подтвердили предварительные выводы: здесь, несомненно, находится площадка, очерченная кольцевым рвом, с земляночным сооружением в центре, ямами от столбов с костями жертвенных животных и следами многократного разведения огня во рву. Функционировало это святилище, судя по керамике, несколько позднее Савина. Весьма вероятно, что Слободчики возникли после того, как его предшественник попал в зону затопления. Не случайно новое святилище построили на более высоком месте (и поэтому тут нет следов речных наносов).

Кто знает, не окажется ли этот район широкой поймы Тобола своего рода Солсберийской равниной в Англии. Ведь Савин имеет много общего и со Сто-

унхенджем (на первом его этапе), и с другими хенджами Англии и ронделами Европы III тыс. до н. э. Это – и круговая планировка, и общая архитектура с присутствием валов, предварительно размеченных на местности, и наличие наиболее значимых солнечных и лунных ориентиров, и следы культово-обрядовой практики – кострищ, костей животных и людей, керамики, орудий труда, предметов культового характера и т. д. Все говорит о том, что в системе идеологических представлений первобытного общества данные сооружения предназначались для выполнения сходных задач. А значит, люди, построившие их, были близки по уровню духовной культуры, хотя и жили на большом удалении друг от друга.

Для чего они все это возводили? С помощью специальных сооружений для наблюдения за небесными светилами в конце каменного – начале бронзового веков проводили регистрацию основных календарных дат. Появление сходных памятников на огромной территории от Англии до Западной Сибири совпадает со временем становления производящего хозяйства (земледелия, скотоводства) и, вероятно, было вызвано его потребностями.

Что касается Савина, то его принадлежность достаточно организованным охотничьим коллективам не вызывает сомнения. Охота на лошадей здесь играла ведущую роль. Знание их повадок и биологических ритмов (благодаря уже существующему календарю) привели к приручению этих животных. Зауральская лесостепь вместе с южно-русскими и казахстанскими степями IV–III тыс. до н. э. входила в ареал одомашнивания лошади.

Исследования показали: на этом святилище совершали обряды, преимущественно отражавшие годовой цикл чередования сезонов в промысловом календаре, по которому охотничьи общины строили основные этапы, ритм и образ жизни. Выполняли здесь и другие ритуалы. Особой формой отправления культа были коллективные жертвоприношения, сопровождавшиеся магическими обрядами – именно с ними связаны предметы, найденные у столбовых ям вместе с костями животных, и многочисленные кострища.

Основные церемонии проходили во время восхода Солнца и Луны, в дни, наиболее важные для природных циклов года. А значит, к светилам относились как к божествам. Вполне возможно, что некоторые столбы, отмечавшие точки восхода, могли играть

роль символов божества и оформляться в виде примитивных изображений людей (идолов). В материалах раскопок зауральских памятников такие находки имеются. Ритуалами, вероятнее всего, руководили жрецы, хорошо знавшие все отмеченные на святилище солнечно-лунные направления и способные предвидеть многие астрономические явления в этих направлениях. Они также рассчитывали календарь.

Кто же были те, что строили Савин? Это один из самых трудных вопросов. По облику материальной культуры обитатели святилищ и его окружи больше тяготеют к культурам северолесостепного – южно-лесного Зауралья, относящихся к финно-угорской группе, но по характеру оставленных сооружений и мировоззренческим представлениям – к индоиранским народам евразийских степей – лесостепей. В религиозных традициях последних главный объект поклонения – огонь. С ним они ассоциировали Солнце, культ которого был распространен у них с древнейших времен. В этой связи большой интерес представляют найденные во рву второго круга на Савине черепа двух погребенных – по определению антропологов, они относятся к южно-европеоидному типу населения.

В IV–III тыс. до н. э. самыми известными представителями индоариев (восточной ветви индоевропейской языковой семьи) были ранние скотоводческие племена, называемые ямными, обитавшие от Причерноморья до Зауралья. Являлись ли все жившие на территории, окружавшей Савин, индоиранцами, или сюда по каким-то причинам (включая природно-климатические) проникли пастухи из степей, принеся с собой зачатки производящего хозяйства и «передовую» идеологию? Это станет ясно только при выявлении и изучении тут поселений и могильников того же времени. В последующую эпоху бронзы население данной территории (андроновское), по мнению большинства исследователей, было индоарийским.

В заключение хочу выразить признательность всем, кто помогал нам в научных поисках и без кого экспедиция просто бы не состоялась. Кроме московских археологов, это директор Департамента гуманитарной и социальной сферы администрации Курганской области В. Ф. Охохонин, заместитель председателя областного общества краеведов В. А. Кислицын, руководство Курганского университета, а также студенты-практиканты.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Потемкина Т. М., Юревич В. А.

ИЗ ОПЫТА
АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ

(методический аспект)

МОСКВА 1998

ИЗ ОПЫТА АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Т. М. Потемкина, В. А. Юревич

1 Астрономия в археологии

Археoaстрономия – новое в мировой науке научное направление на междисциплинарном уровне, получившее признание в конце 60-х – 70-е годы. В России получила развитие только в конце 80-х – 90-е годы.

Убедительное свидетельство тому – состоявшиеся в последние годы междисциплинарные научные мероприятия по археoaстрономии (Кауров, Потемкина, 1995, с. 240–248; 1997, с. 287–288; Потемкина, Косарев, Юревич, 1998, с. 230–238; Древняя астрономия..., 1997).

Сегодня совершенно очевидно, что археoaстрономия присутствует практически на всех видах археологических памятников, хотя и в разной степени. Наиболее значимую информацию, «закодированную» в архитектуре, характере вещественного материала, его распределении на площади памятника, несущих культовые места и погребальные комплексы, протогорода; в меньшей степени – рядовые поселения и др. Каждый из видов археологических памятников отражает ту или иную сторону бытия человеческих коллективов, находившихся в тесной зависимости от природно-климатических условий, хозяйственных занятий, уровня развития социально-экономических отношений, мировоззренческих представлений и т. п. В системе представлений об окружающем мире (Мироздании) каждая сторона жизни имела свое место: поселение, где обитали живые; могильник, где умершие отправлялись в загробный мир; святилище, где осуществлялись прямые контакты с богами и т. д. Но в каждом из видов археологических памятников, наряду с акцентом на определенную сторону бытия, например, связанную с хозяйственно-территориаль-

ной, бытовой, административной функциями (поселение), всегда присутствуют элементы, ориентированные на другие жизненно важные характеристики: относящиеся с представлениям о загробной жизни и ритуалам их сопровождавшим (связь с могильником); к обрядам «прямых контактов» с богами, прежде всего через жертвоприношение (связь со святилищем) и др. Потому археoaстрономические исследования на археологических объектах – неотъемлемая часть комплексного подхода в изучении истории древних обществ.

К настоящему времени в России накоплена достаточно разнообразная информация в области археoaстрономии. Исследованы археологические памятники различных видов и эпох (святилища, городища, курганные группы, петроглифы и др.) с четко выявленными астрономическими ориентирами (Археoaстрономия: проблемы становления..., 1996). Но неразработанность исследовательских подходов и объективных критериев определения археoaстрономических свидетельств разных сторон деятельности древнего населения тормозит выявление, классификацию и систематизацию имеющегося на сегодня материала. Особенно это относится к методике полевых исследований. Потому наиболее настоятельной и первоочередной задачей в области археoaстрономии и во всех научных дисциплинах, с нею связанных, является разработка методики и методологии. В археологической науке – это, прежде всего, внедрение археoaстрономических исследований в полевую практику и разработка методики использования астрономических знаний в исследовании различных типов археологических памятников.

2 Астрономические ориентиры в системе исследований археологических памятников

Со времени оформления археологической науки при исследовании любых археологических объектов и их деталей обязательно указание их положения на местности и направлений по странам света (сторонам горизонта).

В этом отношении особое внимание обращается на ориентацию захоронений и различных деталей погребальных сооружений, которая рассматривается как один из элементов, характеризующих конкретную археологическую культуру.

Однако во всех случаях, за редким исключением, при определении тех или иных ориентаций не ука-

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Из опыта археoaстрономического исследования археологических памятников (методический аспект) / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич. – Москва, 1998. – 52 с.

зываются точные астрономические азимуты, а полученные направления не увязываются с конкретными астрономическими явлениями. Между тем, знание конкретных азимутов для наиболее значимых астрономических явлений на широте расположения памятника, особенно для Солнца и Луны – светил, которые всегда являлись определяющими в жизни людей (да и для всего живого тоже), представляется в настоящее время настоятельно необходимым. С астрономическими ориентирами связаны наиболее значимые природные явления, от которых зависит вся жизнь человека, а следовательно и все определяющие признаки материальной культуры, выявление которых является целью археологических изысканий.

Определение точных ориентиров с указанием градусов с точностью хотя бы до $0,1^\circ$ по всем значимым показателям исследуемых объектов на всех этапах их существования позволит получить более разнообразные сведения о материальной и духовной культуре древнего населения. Это касается как внешних характеристик памятников (топографической приуроченности, характера и взаимного расположения сооружений, отношения их к видимым на горизонте заметным природным ориентирам – водоемам, возвышениям, седловинам и т. д.), так и различных артефактов, выявленных в процессе раскопок (очертаний и осевых линий различных сооружений, расположения по отношению к ним столбовых ям, скоплений камней, вещественного материала, костей животных, кострищ и т. п.). Такой подход даст возможность попытаться понять причину и смысл заданной ориентации, ее связь с конкретным явлением природы, взаимосвязь с ним отдельных человеческих коллективов. Все вместе это характеризует общую и индивидуальную специфику организации древними коллективами пространства, необходимого для жизненных и сакральных функций.

3 Основные подходы в поисках астрономических направлений на памятниках (с позиций археологии)

Попытаемся первоначально в самой общей форме, основываясь на собственном опыте, наметить основные принципы археоастрономических исследований на археологических памятниках в полевых условиях. В первую очередь ответить на вопрос, что и как надо делать.

Переступая к исследованию памятника или груп-

пы памятников, необходимо **выяснить точную географическую широту**, на которой они находятся (в градусах). Необходимо также найти и иметь при себе точные азимуты восходов и заходов Солнца в дни солнцестояний и Луны в связанных с ней особых точках горизонта для широты расположения памятника, рассчитанные астрономами (в конце статьи такая таблица для широт северного полушария в пределах России прилагается).

Последующие действия во многом определяются характерными и специфическими особенностями памятника: его видовой принадлежностью (селище, городище, грунтовый или курганный могильник, святилище и т. д.), рельефом местности и ландшафтной привязкой, наличием заметных с поверхности сооружений (жилищных впадин, валов, рвов, надмогильных сооружений и др.), степенью их сохранности.

К началу проведения измерения ориентиров всех заметных с поверхности сооружений памятника необходимо иметь максимально точный его план и топографическую карту прилегающей местности в крупных масштабах, насколько позволяет площадь памятника и другие возможности. Все полученные основные измерения сразу следует наносить на план памятника и карту местности.

Начинать следует с **выбора места наблюдения** в пределах границ памятника. Желательно, чтобы это место по возможности приближалось к искомому центру памятника в период его функционирования, из которого разворачивалось все организованное пространство памятника и которому были подчинены отдельные его объекты. При длительном существовании и многослойности памятника таких центров могло быть несколько – для каждого строительного горизонта и его этапов. Но выяснить это возможно только после раскопок значительной части его площади. Потому место наблюдения не обязательно должно совпадать с центром современной территории памятника. Оно может находиться в любой его точке и даже за пределами. Наиболее подходящей точкой, которая, кстати, может в какой-то мере совпасть и с древним центром наблюдения, является место, откуда лучше всего обзревается вся окружающая местность и линия горизонта. На поселении это может быть самая высокая точка на его площадке, край высокой террасы, мыса и т. п.; на курганном могильнике наряду с указанными признаками – еще и самая высокая надмогильная насыпь и др.

Определив место наблюдения и имея основные солнечные и лунные азимуты для широты памятника, следует нанести все это на план памятника и карту местности. Далее следует провести измерения в градусах (лучше всего с помощью теодолита, буссоли или нивелира) ориентации осевых линий всех видимых с поверхности сооружений. Особое внимание следует обратить на направление ориентации понижений и разрывов (входов) в различного рода укреплениях (валах, рвах, оградах), а также в жилищных впадинах. Все полученные на этом этапе данные целесообразнее всего нанести на отдельный план памятника, который в дальнейшем может сопоставляться с планом по результатам раскопок.

Точка, из которой велись определения ориентации всех внешних объектов памятника (место наблюдения), должна оставаться той же и в процессе раскопок. Она может быть включена в раскоп. Более того, даже желательно, если это совпадает с целью и задачами полевых исследований памятника, чтобы место наблюдения было включено в сетку раскопа и исследовано раскопками, в процессе которых может выясниться, насколько оно соответствует искомому. Потому с самого начала эта **точка должна быть** прочно и заметно **зафиксирована**: в процессе работ это может быть высокий и мощный кол или столб. Желательно также поставить такого же типа меты по отношению к последнему в направлении всех значимых астрономических ориентиров (север-юг, восходы и заходы солнца в дни равноденствий и солнцестояний – всего 8). Лучше всего, поставить их на периферии памятника. Это позволит в отдельных случаях проверить правильность намеченных ориентиров непосредственно в полевых условиях, если время работ экспедиции совпадает с некоторыми астрономическими явлениями (например, летним солнцестоянием или осенним равноденствием), а также поможет четче ориентироваться в планировке исследуемых в процессе раскопок объектов и пространственной организации памятника в целом. Все поставленные меты следует отметить на плане, а по окончании полевых работ заменить их на прочные реперы (они могут понадобиться в случае необходимости при последующих исследованиях памятника). Эти же столбы могут быть оставлены и в качестве постоянных реперов, если они прочно вкопаны (достаточно глубоко и хорошо забутованы), но при этом по окончании полевого сезона их следует спилить до уровня близко-

го современной поверхности на случай посторонних вмешательств.

Очень важным этапом в процессе археоастрономического исследования памятника является **изучение профиля горизонта**. Особое внимание следует обратить на разного рода заметные природные явления на горизонте – горы, возвышения, седловины, скальные выступы и т. п. и их высоту по отношению к поверхности памятника. Далее: с уже имеющегося места наблюдения (искомого центра) следует измерить точные ориентиры этих заметных на горизонте точек и посмотреть, как они соотносятся с выделенными на памятнике солнечными и лунными ориентирами (как это делать конкретно, будет сказано ниже). Визуально в этом отношении могут помочь поставленные на площади памятника столбы.

Одновременно эти наблюдения и измерения позволяют также получить данные о соотношении архитектурных особенностей памятника не только с основными солярно-лунарными ориентирами, но и с рельефом местности. Лучше, если эта работа будет проведена до начала раскопок, а в процессе вскрытия памятника и по окончании полевых работ полученные результаты скоррелированы с предыдущими по всем параметрам. При выявлении ландшафтной привязки важно **наметить осевую линию в размещении основных объектов на памятнике**, если следы их заметны на поверхности. Расположение осевой линии на памятнике зависит от компоновки объектов на его площади – линейной, круговой, квадратной и т. п.

В основе любой планировки лежит много факторов, но главные из них – ландшафт, уровень организации общества и модель космогонических представлений. Возьмем, к примеру, простейшую планировку: расположение жилищ, курганов, могильных ям и т. д. в одну линию. Сразу необходимо обратить внимание на то, связано ли это с особенностями местности, например, привязкой ряда жилищ и т. п. к линии берега реки, террасы и т. п., или с какими-то конкретными солярно-лунарными ориентирами, или с тем и другим вместе. То же касается и других архитектурных форм памятника: треугольной или квадратной при расположении на мысу, округлой – на такой же форме возвышении и т. д. Главное – выяснить, как все это соотносится между собой и местом положения основных объектов на всей площади организованного пространства, по отношению к его осевой линии и к искомому центру.

Основные методы археоастрономических исследований в процессе раскопок памятников остаются, разумеется с учетом всех особенностей исследуемых объектов. Но в процессе и по окончании раскопок желательно для полноты получаемой информации обратить внимание также и на следующие факты:

1 Каково соотношение с искомым центром (местом наблюдения) не только основных, но и соподчиненных объектов (входов, очагов, ям и т. п. в жилищах; места нахождения могильных ям и их осевых линий, погребенных и сопровождающего их инвентаря, жертвенных комплексов рядом и т. д.).

2 Имеется ли какая-либо связь осевой линии памятника, выявленной с поверхности и в результате раскопок с искомым его центром и другими важными объектами. Если предполагаемый центр окажется на осевой линии, то эта точка и может оказаться узловой на исследованном памятнике. В таком случае именно из этой точки следует с целью уточнения вновь провести полностью или частично все рекомендованные выше наблюдения и измерения.

3 Весьма важно в число исследуемых вопросов в этом направлении включить и проблемы символики всех возможных в этом отношении артефактов на предмет их связи с солнечными и лунными циклами.

4 Очень важно обратить внимание на пространственную связь как памятника в целом, так и основных его объектов с «внешним» миром – с другими памятниками данного культурного круга, их астрономическими ориентирами и ландшафтными особенностями.

4 Особенности видимого движения астрономических объектов на небе

4.1 Солнце, особые точки горизонта, связанные с ним

Смены времен года влияют значительно на повседневную жизнь людей, и их предсказание было важным делом с давних времен. Последовательность сезонов и их приблизительная длительность могли сохраняться достаточно хорошо в памяти поколений, но трудной проблемой было уверенное определение начального пункта отсчета внутри года.

Природа не располагает простым и очевидным явлением, которое точно повторяется каждый год. Было нужно накопление долгого опыта наблюдений, чтобы встретить подходящее явление в области астрономии.

Возможно, что первые попытки установить пункт отсчета были из области метеорологии, например, лесные охотники северо-востока Америки начинали Новый год с первым осенним выпадением снега. Ясно, что это явление не гарантирует точного счета года и точного предсказания смены его сезонов.

Гораздо лучший метод – наблюдения Солнца. Можно видеть, как меняются точки его восхода на горизонте изо дня в день. Они смещаются, к примеру, на север, достигают какого-то определенного положения и с этого дня смещаются в противоположном направлении. Через полгода они достигают крайнего южного положения и вся последовательность повторяется сначала. Явления поворота точек восхода совпадают с важными астрономическими феноменами, солнцестояниями. Одно из них может быть выбрано как начальный пункт для счета дней. (Ясно, что летнее удобнее, хотя бы по метеоусловиям). Хотя с солнцестояниями не совпадают резкие метеорологические изменения, тем не менее систематические наблюдения позволяют сделать важные выводы:

1 Для данного места точки восходов (заходов) Солнца в дни солнцестояний занимают фиксированное положение на горизонте.

2 Длительность дня возрастает к летнему солнцестоянию (июнь в северном полушарии), достигает максимума в день солнцестояния, потом начинает уменьшаться. Это заключение все же не так простое, как может показаться, ведь изменения продолжительности дня вблизи солнцестояний очень медленные.

3 Солнцестояния занимают фиксированные положения по отношению к смене времен года.

4 Интервал времени между двумя одинаковыми солнцестояниями постоянен. Вполне естественно выбрать солнцестояние как точку отсчета и считать дни (или лунные месяцы) с этой даты вплоть до повторения события в следующем году. В соответствии с таким счетом можно планировать события повседневной жизни (перемены мест обитания для кочевников, сельскохозяйственные работы для земледельцев и т. п.).

Можно предположить, что направления на точки восхода (захода) Солнца в дни солнцестояний были первыми точными направлениями, которые получил древний человек. Конечно, он и ранее различал западную и восточную половину горизонта, но вряд ли мог определить направления на восток и на запад, как на средние точки этих половин, с точностью лучше, чем

несколько градусов, да и необходимости такой у него, по-видимому, и не возникало. Знал он и направления на юг, как на место, над которым высота Солнца максимальна, и на север, как на неподвижную точку среди звезд, но, по-видимому, с такой же невысокой точностью. Точными все четыре направления стали, когда появился **ГНОМОН**.

Направления на точки восхода (захода) Солнца в определенные дни года и на страны света отмечены на многих археоастрономических памятниках (Стокунхендж, Савин). Однако, не следует утверждать, что на них отмечены направления на точки восходов Солнца в дни солнцестояний и равноденствий. Первое обычно верно, второе сомнительно. Нельзя ожидать, что древние могли определить прохождение Солнца через точки равноденствий на небе и вообще знать, что это такое. В день равноденствий Солнце переходит из одного полушария в другое. Т. е., если за день до равноденствия Солнце в полдень стоит в зените над одной из точек вблизи экватора в северном полушарии, то в следующий полдень оно окажется над точкой южного полушария. Но зафиксировать это явление без продвинутых астрономических знаний и без инструментов невозможно. В эти сутки день не равен ночи, а Солнце не восходит строго на востоке. Исключение – тропические районы земного шара на широтах от 30° и меньше. На широте в 30° Солнце в день равноденствия восходит (заходит) всего в 0.5° от точки востока (запада).

Обычно на памятниках отмечены направления на восток-запад. Эти точки, возможно, представляли интерес для древних именно потому, что здесь Солнце оказывалось на горизонте в дни, расположенные примерно посередине между солнцестояниями. Если точными измерениями не подтверждено, что на археологическом памятнике действительно отмечены направления на точки восхода или захода Солнца точно в день средний между двумя солнцестояниями, или в день равноденствия, то лучше говорить, что на памятнике отмечены направления на восток и запад.

Эти уточнения имеют существенное значение лишь при исследовании древних обсерваторий или памятников с хорошо сохранившейся архитектурой. Для подавляющего большинства археологических памятников точность оценки направлений в 1-2°, внутри которых направления на восток-запад и на восходы-заходы в дни равноденствий совпадают, вполне достаточна; здесь их строителям важно было знать, в

каком направлении смотреть, чтобы ориентироваться в различных жизненных ситуациях и при совершении ритуально-обрядовых действий.

4.2 Луна, особые точки горизонта, связанные с ней

Точки восходов (заходов) Луны, как и Солнца, меняют свое положение на горизонте. Как и у Солнца, они достигают крайних положений на севере или на юге, а затем начинают смещаться в противоположную сторону. Но повторение крайнего положения происходит не через год, а через гораздо более короткий интервал 27,322 дня – лунный сидерический месяц. Он совпадает с периодом обращения Луны вокруг Земли. И второе различие – точки поворота не сохраняют фиксированного положения на горизонте, а меняются от одного сидерического месяца к другому.

В отличие от Солнца, в восходах и заходах Луны заметить систему труднее и, во всяком случае, на это потребуется много времени. Длительные наблюдения за Луной на горизонте позволяют сделать вывод, что точки поворота занимают определенные обособленные сектора горизонта. Южнее (севернее) наружных краев этих секторов Луна не появляется никогда. Если Луна взошла внутри внутреннего края сектора, и это произошло, допустим, к северу от точки восхода, то в свой следующий восход она будет еще дальше к северу. Поворот к югу может произойти только в пределах узкого сектора шириной около 10° (рисунок 2).

Дальнейшие наблюдения покажут, что если Луна сменила направление смещения точек восхода (захода) на внешней границе этого сектора, то снова она окажется там через 18.6 года (точнее через 6798.4d). Соответственно, через половину этого срока (9.3 года) она будет поворачивать у внутренних границ секторов. Таким образом в течение сидерического месяца Луна всходит в пределах широкого сектора с точкой восхода в его центре, и этот сектор имеет разную ширину в разные периоды, занимая наибольшую ширину через интервал в 18.6 года. Этот цикл, на первый взгляд, не связан ни со временем года, ни с фазой Луны, она может всходить (заходить) в любой фазе. Все же длительные наблюдения могут помочь заметить некоторые соответствия. Так, если день полнолуния совпадает с днем зимнего (летнего) солнцестояния, то он будет также днем поворота восходов Луны: в этот день полная Луна взойдет в своем крайнем северном (южном) положении, соответствующем

данной фазе лунного цикла в 18.6 лет. В годы высокой или низкой Луны затмения происходят в сизигиях, близких по времени к дням равноденствий. В промежуточные годы (отстоят на 4,65 года от периодов высокой и низкой Луны) затмения происходят близко по времени от солнцестояний. Впрочем, это мы знаем и понимаем теперь, а знали ли об этом древние?

Итак, на горизонте имеются 8 особых точек, связанных с Луной – границы четырех секторов поворота восхода (захода) Луны. Вряд ли они кому-нибудь известны, кроме астрономов-профессионалов. Но археоастрономические обсерватории показывают, что они были известны древним людям. (Впрочем, вероятнее что и тогда были известны только древним астрономам, по совместительству жрецам).

В отличие от солнечных, отметки лунных направлений на горизонте не могут быть использованы для календарных целей. Их существование может быть объяснено религиозными мотивами: в древности астрономические наблюдения были религиозными церемониями, особой формой служения богам.

4.3 Звезды, особые точки неба, связанные с ними

Надо полагать, что наблюдения звездного неба велись человеком еще в глубокой древности, просто из врожденного желания познавать окружающий мир. Но такие наблюдения со временем приобрели конкретную практическую пользу, особенно для земледельцев. Они давали возможность получить календарные метки внутри солнечного года.

В течение ночи одни звезды заходят, другие восходят, и к утру оказывается, что наблюдатель смог увидеть почти все звезды неба, кроме звезд, расположенных в узком поясе неба, на центральном меридиане которого находится Солнце. Солнце смещается среди звезд, поэтому в течение года одни звезды входят в этот пояс невидимости, другие выходят из нее. Явление, когда после примерно двухмесячного перерыва опять можно различить звезду на ярком небе зари, восходящую немного раньше Солнца, называется гелиакическим восходом звезды. В первом приближении оно занимает фиксированное положение внутри солнечного года, и потому может служить указателем годовых природных явлений. В частности, земледельцы могли заметить, что гелиакические восходы определенных звезд совпадают со сроками высевов, созревания, сборов урожая растений. По-

скольку ярких звезд на небе достаточно (около 50), то почти к каждому этапу работ можно было подобрать какую-либо звезду (или созвездие). Кроме гелиакического восхода, можно использовать и так называемый акронический восход, когда звезда восходит сразу после захода Солнца и видна всю ночь. Отметим, что знание такого рода совпадений было особо важным для земледельцев при пользовании лунно-солнечным календарем или еще недостаточно совершенным солнечным. Примеров подобного рода много в поэме древнегреческого поэта Гесиода «Труды и дни».

Можно ожидать, что на археологических памятниках должны существовать отмеченные направления, указывающие на звезды. Но здесь имеются две трудности.

В отличие от Солнца и Луны, точки восходов (заходов) звезд на горизонте не изменяются внутри года. Проблема в том, что звезды на горизонте просто не видны вследствие сильного атмосферного поглощения. Даже самые яркие звезды можно различить, когда они поднимутся на высоту 6–8° (угол затухания), и эта величина сильно зависит от метеоусловий в ночь наблюдений. Поэтому, если направления на восходы звезд все же отмечены, то большой точности в них ожидать не приходится.

Далее, точки восходов и заходов звезд меняются с периодом около 26000 лет вследствие астрономического явления, называемого прецессией. Изменение различно для разных звезд в разное время внутри этого периода, к тому же зависит от широты места, и может достигать 2° за столетие. Поэтому при длительном использовании отмеченное направление становится непригодным и нужно размечать новое. И все равно со временем использование определенной звезды, как отметки времени, станет невозможным, так как явление ее гелиакического восхода медленно смещается внутри года и перестает быть показателем этапа земледельческих работ.

Помимо двух точек на горизонте, связанных с определенной звездой (точки ее восхода и захода), на небе существует еще одна особая точка, связанная со звездой – точка ее верхней кульминации. Это точка, расположенная на линии север-юг, где звезда при суточном вращении неба достигает наибольшей высоты над горизонтом.

Археологические памятники, где отмечены направления на звезды (восходы и кульминации), существуют. Они особо интересны для археологии, так

как позволяют определить эпоху строительства памятника.

Направления на кульминации некоторых звезд зафиксированы в архитектурных особенностях пирамиды Хеопса в Египте, что дало время ее строительства – 2450 г. до н. э. (Юревич, 1998). Направления на восходы звезд встречены в некоторых архитектурных памятниках Америки (Юревич, 1996) и пока неизвестны в Старом Свете.

5 Астрономические методы определения точных направлений

Теперь обратимся к кругу вопросов, связанных с астрономическими методами определения и измерения солнечных и лунных направлений на археологических памятниках. Особо подчеркнем, что это относится лишь к памятникам с хорошо сохранившейся архитектурой или достаточно полно и точно исследованных раскопками.

5.1 Солнце

Как показывает опыт изучения археологических памятников, направления на страны света, а также крайние южное (зимнее солнцестояние) и северное (летнее солнцестояние) положения Солнца могут быть отмечены на памятниках, обычно ориентирами (метками) на горизонте. При этом как-то должен был быть отмечен и пункт наблюдений (место наблюдателя) внутри памятника.

Известны случаи, когда был отмечен пункт наблюдения, существовал ближний визир (метка внутри памятника или вблизи его, показывающая направление луча зрения) и дальний визир – ориентир на горизонте (обычно естественная особенность рельефа, но могут быть и искусственные знаки), отмечающий место астрономического явления (восхода или захода в определенные дни года). Такого рода памятники во множестве открыты и исследованы в Британии (Вуд, 1981). Поэтому, прежде чем начинать детальные исследования (раскопки) археологического памятника, следует установить теодолит примерно в его предполагаемом центре и проверить горизонт: нет ли каких-либо особенностей в направлениях, связанных с Солнцем и Луной.

Но далекого ориентира может и не оказаться. В этом случае имеются только две метки: место наблюдателя и визир; расстояние между ними все же не

должно быть очень малым. В случае, если на памятнике много выделяющихся точек, бывает трудно найти искомые. Здесь облегчит ситуацию хороший план памятника с отметкой ориентации по странам света. При этом отметка ориентации на плане должна быть именно на астрономический (географический) север. Если при составлении плана пользовались только компасом, то направление на север следует исправить за магнитное склонение. Оно указывается на полях топографической карты, но следует учитывать, что оно меняется со временем.

На план следует наложить палетку с нарисованными солнечными (и лунными) направлениями, рассчитанными для географической широты памятника и (если это известно) для эпохи его строительства. (Приложение 1, таблицы 1, 2, 3).

Крайне желательно иметь профиль горизонта, или хотя бы измерения высот горизонта в астрономических направлениях. (Если этого нет, придется считать высоту горизонта нулевой).

Расчет азимутов астрономических направлений

$$\cos A = \frac{\sin \delta - \sin \varphi \sinh}{\cos \varphi \cosh}$$

Здесь: A – азимут, условимся отсчитывать его от севера к востоку (геодезический азимут), δ – склонение светила (угловое расстояние его от небесного экватора), h – высота светила над горизонтом, φ – широта (см. словарь астрономических терминов в конце статьи, приложение 2).

Склонение Солнца в дни солнцестояний равно углу наклона эклиптики (круг видимого перемещения Солнца среди звезд в течение года) к небесному экватору. В настоящее время этот угол $\epsilon = 23.44^\circ$. В древности он был немного побольше: в 3000 г. до н. э. – 24.03° , в 2500 – 23.98° , в 2000 – 23.93° , в 1500 – 23.87° , в 1000 г. – 23.81° (таблица 1).

Таблица 1 – Наклон эклиптики к экватору с 4000 по 1000 гг. до н. э.

Год до н. э.	4000	3500	3000	2500	2000	1500	1000
ϵ	24.11°	24.07	24.03	23.98	23.93	23.87	23.81

(В день зимнего солнцестояния склонение Солнца отрицательно, равно – ϵ).

В некоторых случаях при исследовании древних обсерваторий, где направления отмечены с особой высокой точностью, можно определить угол ϵ на момент строительства обсерватории, а тем и самым и дату строительства (метод Локьера) (см., например, Вуд, 1981, с. 119, 147). Угол ϵ меняется мало, с 1000 г. до н. э. – на 0.37° , при этом азимут восхода Солнца в день солнцестояния на широте 56° изменился на 0.9° – величина заметная.

На высоту h , помимо видимой высоты горизонта, влияют несколько факторов. Прежде всего – **рефракция**, приподнимающая светила над горизонтом. Это приводит к тому, что Солнце уже видно на горизонте, когда на самом деле высота его, как небесного тела, еще отрицательна. Рефракция r равна 0.7° при видимой высоте горизонта -0.5° , 0.6° на математическом горизонте ($h = 0$), 0.4° при $h = 1^\circ$ и 0.3° при $h = 2^\circ$. Когда видимый горизонт очень удален, нужно учитывать кривизну земной поверхности, для чего вычитать 0.0045° на каждый км расстояния. Влияет также параллакс, в данном случае означающий, что координаты светил (склонение) даются по отношению к центру Земли, а мы наблюдаем с ее поверхности. Он действует обратно рефракции, т. е. опускает светило под горизонт. Но параллакс существенен только для близких к Земле объектов, в нашем случае это Луна. Ее параллакс меняется с изменением расстояния до Луны, примем среднее значение 0.95° .

Существенно, что считать восходом и заходом: касание горизонта верхним или нижним краем солнечного (лунного) диска, или пересечение диска пополам. Для Солнца более-менее определенно, опыт уже изученных археоастрономических памятников показал, что обычно отмечены точки касания горизонта верхним краем Солнца. Это понятно, ведь Солнце очень яркий объект, и появление (исчезновение) его верхнего края зафиксировать легче, чем момент его полного выхода над горизонтом. Точки, отмечающие это последнее явление, отмечены в тех памятниках, где ритуальный смысл явно преобладает над астрономическим значением памятника (Стоунхендж III).

Для Луны тоже чаще преобладают метки, указывающие на ее верхний край, но не столь очевидно. Поэтому лучше при исследовании памятника на предмет поиска в нем отмеченных лунных направлений, для начала сделать расчеты для центра лунного диска. Потом, в случае необходимости, можно будет внести исправления.

Если рассчитывать азимуты нахождения на горизонте верхнего края диска, нужно в значение высоты h внести поправку на величину видимого радиуса светила. И для Солнца и для Луны можно принять радиус, равным 0.25° .

Тогда для Солнца получим, что в момент восхода (захода) его истинная высота равна $0 - 0.25 - 0.6 = -0.85^\circ$ (верхний край). Для Луны: $0 - 0.6 + 0.95 = +0.35^\circ$ (центр диска) (рисунок 1).

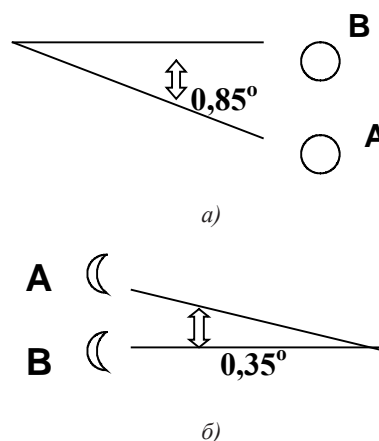

Рисунок 1 – Истинное А и видимое В положения Солнца в момент касания горизонтом его верхнего края (а); истинное А и видимое В положения Луны в момент пересечения горизонтом центра ее видимого диска (б)

На некоторых древних обсерваториях отмечены промежуточные направления, свидетельствующие об использовании восьмимесячного или даже 16-месячного солнечного календаря. Здесь могут быть разные варианты, в зависимости от того, какие и сколько опорных точек в нем используется. Например, возможна отметка направлений на точки восхода в средние даты между солнцестояниями, а потом каждая часть делится еще раз пополам. В тропической зоне земного шара встречаются отметки на точку восхода (захода) Солнца в день его прохождения через зенит.

Если на памятнике обнаружены отмеченные направления на непонятные азимуты, то лучше применить обратную формулу:

$$\sin \delta = \cos A \cos \phi \cos h + \sin \phi \sin h$$

Если склонения окажутся близкими к 0.8° и $\pm 16.5^\circ$, то можно предположить, что мы действительно обнаружили следы использования восьмимесячного солнечного календаря. Это нужно проверить по таблицам Солнца. Такие свидетельства имеют-

ся в «курганах с усами» в Казахстане. Там найдены направления, соответствующие восходам и заходам Солнца при склонениях $\pm 16,5^\circ$ (Бекбасаров, 1996. с. 12–14; 1997, с. 11–13).

Следует иметь в виду, что в день, средний между равноденствием и солнцестоянием, Солнце всходит (заходит) отнюдь не в середине между точками его восхода (захода) в эти дни. Пример расчета азимутов при делении года на 8 равных частей с началом в день летнего солнцестояния дан в таблице 3 приложения 1.

Все сказанное до сих пор относится к древним «обсерваториям», где люди сознательно ставили целью отметить возможно точнее астрономические направления. Иногда астрономическая ориентация, не такая точная, возникает из других соображений. Наиболее известный пример – ориентация христианских церквей по восходу Солнца в день закладки храма. В этом случае можно установить дату закладки по таблицам Солнца.

Преобладающую ориентацию, обычно по направлениям восток-запад, имеют многие древние захоронения, но отклонения от точных направлений могут быть значительными.

5.2 Луна

Плоскость лунной орбиты наклонена к эклиптике на угол $i = 5.14^\circ$. Точки пересечения орбиты с эклиптикой (в проекции на небесную сферу) – узлы лунной орбиты – не остаются фиксированными, а смещаются вдоль эклиптики, описывая полный круг за 18.6 года. Склонение Луны меняется в течение сидерического месяца между двумя крайними значениями.

Когда восходящий узел лунной орбиты (тот, где Луна переходит из южной части неба в северную) совпадает с точкой весеннего равноденствия, склонение Луны может достигнуть значения $\pm \delta = \varepsilon + i$ (высокая Луна). Это случается раз в 18.6 года. На середине этого интервала склонение Луны в течение сидерического месяца колеблется в пределах $\pm \delta = \varepsilon - i$ (низкая Луна). Термины «высокая и низкая» Луна здесь означают, что полная Луна в зимнее время может занимать более высокое либо менее высокое положение над горизонтом в момент кульминации.

Существует еще один период изменений склонения Луны в 173.3 дня с амплитудой 0.15° . Иногда его максимум может совпасть с периодом высокой Луны,

и тогда склонение Луны будет максимальным. Изучение древних лунных обсерваторий Британии показало, что их строители знали об этом максимуме (Вуд, 1981, с. 137). Они достигали столь высокой точности, применяя очень длинные, до десятков км, расстояния до дальних визиров. Такая точность позволяет нам по измеренным направлениям определить дату строительства обсерваторий.

Не будем использовать этот период в наших дальнейших вычислениях и ограничимся усредненными крайними значениями склонения Луны $\pm 28.6^\circ$ и $\pm 18.3^\circ$ (в настоящее время).

5.3 Таблицы восходов и заходов Луны и Солнца в особых точках горизонта

В качестве примера приведем таблицу азимутов восходов и заходов Солнца (верхний край) и Луны (центр диска) в наше время ($\varepsilon = 23.44^\circ$) для широты 56° (таблицы 2, 3). Следует иметь в виду, что момент восхода (захода) не обязательно совпадает с астрономическим феноменом солнцестояния и/или равноденствия, который может произойти на несколько часов (до 12) раньше или позже. Возможной ошибкой в долях градуса можно пренебречь (рисунки 2 и 3).

Таблица 2 – Азимуты восходов и заходов Солнца в дни равноденствий и солнцестояний для широты 56°

дата	явление	склонение	высота	азимут
Солнце (лето)	восход	23.44°	-0.85°	42.8°
солнцестояние				
(весна, осень)		0		88.7
равноденствия				
восток		-0.7		90
(зима)		-23.44		133.6
солнцестояние				
(лето)	заход	23.44		317.2
солнцестояние				
(весна, осень)		0		271.3
равноденствия				
запад		-0.7		270
(зима)		-23.44		226.4
солнцестояние				

Таблица 3 – Азимуты восходов и заходов Луны в ее крайних северном и южном положениях для широты 56°

Луна	явление	склонение	высота	азимут
высокая	восход	28.6°	+ 0.35°	32.1°
		-28.6		149.9
низкая		18.3		56.4
		-18.3		124.8
высокая	заход	28.6		327.9
		-28.6		210.1
низкая		18.3		303.6
		-18.3		235.2

Следует обратить внимание на две вещи.

1 Восход (заход) светила зимой не симметричен центрально заходу (восходу) его летом. Точки с азимутами 42.8 и 226.4 не лежат на одной прямой, проходящей через наблюдателя. Разница для Солнца на широте 56° – 3.6°. У Луны разница меньше, так как здесь азимуты вычислены для центра диска.

2 Солнце всходит на востоке и заходит на западе не в дни равноденствий, когда $\delta = 0$, а при $\delta = -0,7^\circ$. Это примерно на два дня раньше весеннего, и на столько же позже осеннего равноденствия.

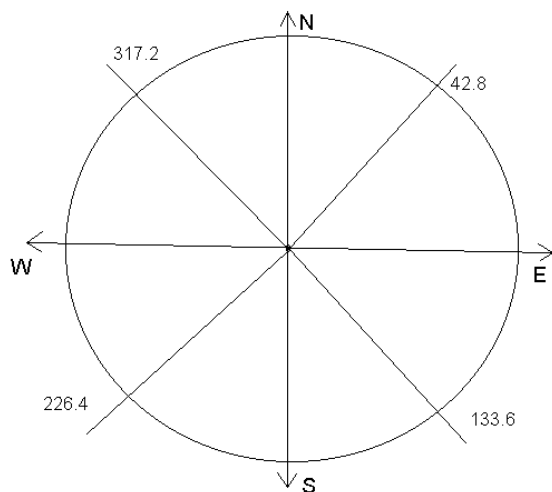

Рисунок 2 – Сектора восхода и захода Солнца для широты 56°

Пояснения: Солнце может всходить только в пределах дуги горизонта с азимутами 42.8° – 133.6°, а заходить в 226.4° – 317.2° на этой широте.

В своих крайних положениях Солнце восходит и заходит в дни солнцестояний (южные – зимой, северные – летом).

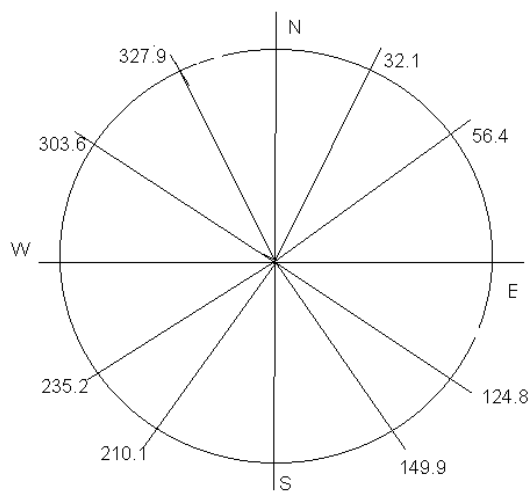

Рисунок 3 – Крайние положения восхода и захода Луны на широте 56°

Пояснения: «низкая Луна» восходит в пределах 56.4° – 124.8°, «высокая Луна» → 32.1° – 149.9°.

Заходы, соответственно: 235.2° – 303.6° и 210.1° – 327.9°.

5.4 Подсчет вероятности

Если на памятнике обнаружено много выделенных точек разного рода, и мы нашли в нем несколько астрономических направлений, резонно спросить, не является ли это случайностью. Две точки могли случайно оказаться на одной линии, азимут которой совпал с одним из астрономических. Грубую оценку достоверности наших заключений можно сделать так. Допустим, что при наблюдениях из одной точки где-то около центра памятника мы во всех 8 солнечных направлениях имеем какие-то метки (ямы от столбов, камни и т. п.). А всего из этой точки видно намного больше аналогичных меток, допустим 70 (Савин). Если метка находится на 1° в сторону от астрономического направления, будем считать, что она уже является указателем направления. Таким образом, 140° (70 x 2°) горизонта занято метками. Вероятность, что хотя бы одно из наших астрономических направлений попадет в эту часть горизонта 140 : 360 = 0,4. Всех астрономических направлений у нас 8 (4 точки восходов и заходов в дни солнцестояний и 4 направления на страны света). Следовательно-

но, можно ожидать, что, по крайней мере, три метки (3,2) укажут на три из восьми астрономических направлений. А у нас метки есть во всех астрономических направлениях, т. е. в 2,5 раза больше. Это значит, что вероятность случайного попадания очень мала. Если к тому же эти метки чем-то выделяются среди других (превосходство в размерах, однородность), то мы имеем достаточные основания считать, что строители памятника отметили на нем астрономические направления.

6 Результаты археоастрономических исследований археологических памятников

Учитывая новизну проблемы и ее междисциплинарный уровень, более доступно и действенно не только привести формулы расчетов, но и показать их применение и полученные результаты на конкретных археологических памятниках, исследованных главным образом археологическими методами.

Наиболее показательны в этом отношении астрономические исследования на материалах памятников нового типа – археоастрономических объектах или святилищах с четко установленными астрономическими ориентирами. Этот тип памятников привлек к себе внимание в конце 60-х гг. благодаря публикациям об открытии астрономических направлений на всемирно известном Стоунхендже (Хокинс, Уайт, 1984). Результаты исследований позволили считать Стоунхендж святилищем-обсерваторией так же, как и многие другие аналогичные ему сооружения из концентрических кругов (Вуд, 1981).

Астрономическое изучение Стоунхенджа и других подобных ему памятников состоялось благодаря хорошей сохранности архитектурных сооружений до наших дней: валов, рвов, гигантских каменных блоков и многого другого. Но памятников с астрономическим содержанием такой хорошей сохранности – единицы. Большинство же их выявляется и познается в процессе раскопок. Таковым является и культовый комплекс Савин.

6.1 Археологические исследования святилища Савин

Святылище Савин (3-я четверть – середина III тыс. до н. э.) в Зауралье на р. Тобол (55,45° с. ш.) исследовалось в 1982–1985 гг. (Потемкина, Вохмен-

цев, 1985, с. 236–237), в 1997 г. (Потемкина). Материалы результатов раскопок уже частично введены в научный оборот (Потемкина, 1994, с. 85–90; 1995, с. 144–154; Potyomkina, 1998, р. 307–324). В отличие от классических археоастрономических объектов Савин внешне ничем не отличался от тысяч рядовых археологических памятников. Расположенный на береговом останце, возвышающемся в пойме Тобола, памятник не остался без внимания. Здесь на распаханной поверхности был обнаружен достаточно яркий комплекс находок – керамика, кремневые и глиняные изделия. Его принадлежность к эпохе энеолита, к тому времени практически неисследованной в лесостепном Притоболье, и привлекла внимание будущих авторов раскопок.

Раскоп был разбит на наиболее возвышенной западной части останца и по счастливой случайности первыми были вскрыты участки на месте углубления земляночного типа в центре первого круга святилища с мощным культурным слоем и интересными находками. Потому углубление было принято за жилище, а весь памятник – за поселение эпохи энеолита.

В последующем сезоне вокруг углубления был выявлен кольцевой ров, ограничивающий площадку с внутренним диаметром 14 м. Появились сомнения в поселенческой принадлежности памятника. Сомнения окончательно подтвердились в последующие годы раскопок, когда был обнаружен второй кольцевой ров, примыкающий к первому, с внутренним диаметром 16 м (рисунок 4).

О своеобразии памятника свидетельствовали не только его архитектурная специфика, но и характер культурных наслоений, нетипичный для поселений, планиграфия находок и др. Главной особенностью культурного слоя раскопанной части (1240 кв. м) Савина являлась неравномерность его наслоений; насыщенность углистыми включениями, пятнами прокала, охры; распределение находок отдельными скоплениями. Наиболее мощный и предельно насыщенный культурный слой находился внутри центрального углубления 1-го круга (7 x 6 x 0,6 м), который сплошь состоял из углистого и прокаленного слоя с костями животных, развалами и скоплениями керамики, каменных изделий. Аналогичным было и заполнение рвов, но с некоторыми особенностями: скопления костей животных с керамикой и изделиями из камня были приурочены к отдельным столбовым ямам, расположенным по дну рва с интервалом

1,5–2,5 м. За пределами углубления и рвов культурные остатки встречались в основном скоплениями рядом с отдельными столбовыми ямами и кострищами, расположенными внутри кругов вдоль стенок рвов и в центре 2-го круга (рисунок 4). На участках памятника за кольцевыми рвами культурный слой был предельно тонок и прослеживался главным образом в ямах вокруг рвов; находки встречались редко (Потемкина, 1994; Potyomkina, 1998, p. 313–317).

Необычны были и человеческие захоронения (два черепа (взрослого и подростка) в яме внутри 1-го круга и двух мужчин и девушки в нетрадиционных позах во рву второго круга в слое угля и охры со скоплением костей животных рядом), а также обилие остеологических остатков (около 4 тысяч костей), представленных в основном костями черепа и конечностей лошади, козули, лося (Потемкина, 1994, с. 86–87).

Все эти признаки культурных наслоений, как и многие другие присутствующие на памятнике, характерные больше для древних культовых мест (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 79–89), убеждали в принадлежности исследуемого объекта к кругу ритуальных комплексов. Наличие на святилище астрономических ориентиров, к великому сожалению, было выявлено не сразу и не в полевых условиях.

В процессе раскопок точные измерения ориентиров исследуемых объектов памятника по отношению к астрономическим направлениям и профилю горизонта в этих направлениях не велись: методика полевых археологических исследований в те годы еще не подошла к пониманию их необходимости. В результате многие ценные сведения, имеющие отношение к функционированию святилища и к мировоззренческим представлениям населения, его посещавшего, безнадежно утрачены. Многие, как показали исследования памятника через 15 лет (1997 г.) на новой методической основе с использованием данных археоастрономии, возможно восстановить, если места раскопок и самого памятника в последующие годы не подверглись серьезным разрушениям. Результаты последних исследований святилища показали, насколько важно привлечение астрономических знаний в археологию и что полнота и точность археоастрономических исследований находятся в прямой зависимости от результатов изысканий в процессе раскопок и непосредственно на местности.

Вплотную подойти к пониманию последнего тезиса помогли также несколько лет скрупулезной

работы с материалами раскопок в кабинетных условиях. Круговая архитектура памятника с кольцевыми рвами, расположение столбовых ям и кострищ по дну рвов и вокруг них, а также в центре кругов; приуроченность к отдельным столбам скоплений находок, в отдельных случаях очень мощных; практическое отсутствие культурных наслоений за пределами указанных сооружений; поиски аналогов на широкой территории привели к мысли о сходстве Савина с круговыми сооружениями типа хенджей в Великобритании (Хокинс, Уайт, 1984, с. 64, рис.3; Вуд, 1981, с. 202–228) и рондел в Центральной Европе (Podborsky, 1988, obr. 10, 169, 170 и др.). Это сходство прослеживалось по всем основным параметрам (Потемкина, Гусаков, 1987, с. 153–157; Потемкина, 1994а, с. 74–77; 1995, с. 152–154), что и заставило посмотреть на Савин с точки зрения присутствия здесь астрономических ориентиров.

Первые шаги в этом направлении были сделаны на уровне элементарных астрономических знаний, почерпнутых из литературы, в комплексе с использованием традиционных археологических методов. Была проведена корреляция ориентации (по отношению к конкретным центральным столбовым ямам в каждом круге) столбовых ям во рвах и за их пределами с приуроченными к ним заметными скоплениями находок и азимутов восходов и заходов Солнца и Луны в особо значимые дни года для широты расположения памятника ($55,45^\circ$ с. ш.). Получились интересные результаты: ориентация столбовых ям со следами значительных жертвоприношений рядом (костей животных вместе с керамикой и каменными орудиями) совпадала с точностью до $1-2^\circ$ с азимутами восходов и заходов Солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Наблюдались некоторые совпадения и с направлениями восходов высокой и низкой Луны в эти дни. Таким образом выявилась зависимость между временем и характером совершаемых ритуалов и солнечно-лунными циклами (Потемкина, 1994, с. 86–89; 1996).

Стало очевидным, что дальнейшие серьезные разработки в этом направлении могут вестись только в сотрудничестве со специалистами-астрономами, имеющими опыт работы с подобного рода памятниками. Такое содружество состоялось.

Профессиональные расчеты астронома В. А. Юревича подтвердили полученные наблюдения (Потемкина, Юревич, 1996, с. 108–114).

6.2 Святылище-обсерватория Савин

Исходя из ситуации, сложившейся при исследовании святылища Савин, поиски астрономических направлений велись на максимально подробном плане раскопа (рисунок 4). Для этой цели была изготовлена палетка на прозрачной основе, на которой из одной точки были проведены линии вдоль всех солнечных и лунных направлений, рассчитанных для данной широты и для даты строительства памятника.

Главная трудность, возникающая при астрономическом анализе подобных сооружений, – слишком много ориентиров и слишком близко они расположены. Большая часть столбов могла иметь чисто ритуальное значение. Очень возможно, что некоторые имеют астрономический смысл, но какие и какой смысл. Нужно было выдвигать предположения и проверять их.

В южной части центральной площадки первого круга находился толстый столб (1 по схеме). И точно на север от него во рву стоял другой такой же столб (18). Все остальные столбы первого круга были потоньше. Следовательно, на памятнике имеется два четко определенных астрономических направления, одно – коридорами восток-запад, а другое – парой толстых столбов. О выделенном положении 1-го столба говорит и то, что четыре столба южной части круга расположены на прямых линиях с ним и с одним из столбов в северной части. (22-1-34, 19-1-35, 16-1-38, 14-1-37).

Далее, столбы северной части круга расположены более-менее симметрично по отношению к центральному (18), четыре справа и два слева (исключим столб 17, рядом с центральным). Выдвинем предположение, что столб 1 служил **гномоном**, а остальные фиксировали положение его тени в течение если не всего дня, то по крайней мере времени, близкого к полудню, по принципу некоторого варианта солнечных часов. Отметим, чтобы гарантировать, что тень центрального столба в любой день года достигнет рва, его высота должна быть около 17 метров.

Площадка настоящих солнечных часов должна быть наклонена к центральному столбу. Поэтому плоские часы Савина делят время на разные интервалы в разные дни года. Кроме того, часы такого типа будут делить время на разные части и внутри дня, но для интервалов времени вблизи полудня, как здесь, это будет незаметно. Проведем расчеты для дней равноденствий. Получилось, что тень от центра смещалась от

столба 14 к 16 за 39 минут, от 16 к 18, полуденному, – за 36 мин, от 18 к 19 – за 31 мин, от 19 к 20 – за 36 мин, от 20 к 21 – за 31 мин, от 21 к 22 – за 31 мин. В среднем за 34 ± 3.5 мин. В дни летнего солнцестояния азимут Солнца меняется быстрее, и тут получается еще лучше: время смещения тени от одного столба к другому составит 25 ± 3 мин.

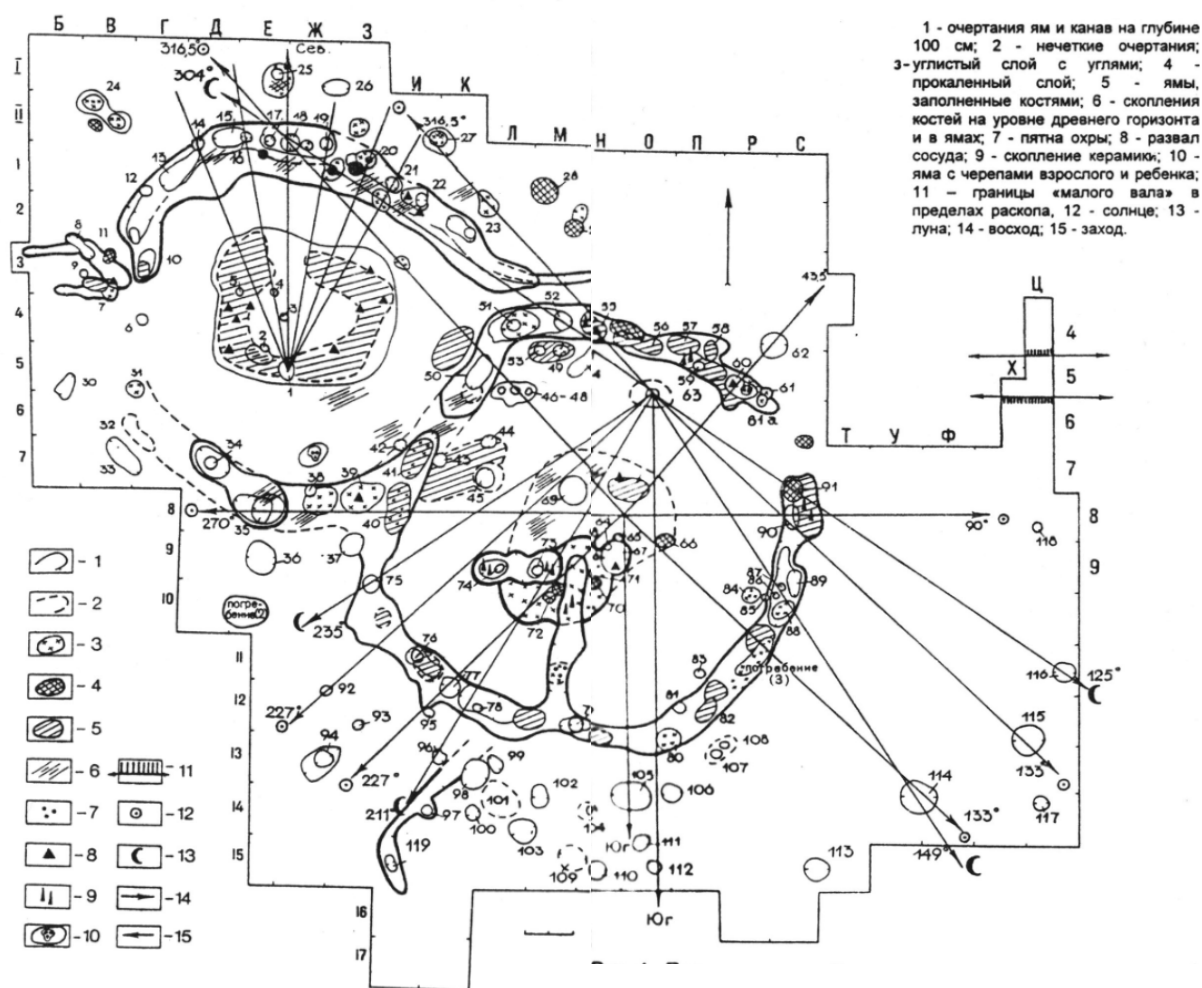
Не так плохо, принимая во внимание точность определения мест столбов после перерыва в 4000 лет. Достаточно ошибиться при определении места столба, при нанесении его на план или при снятии с плана направления на 4 см при расстоянии между столбами в 10 м, как здесь, и мы уже получим ошибку в 1 минуту.

Как известно, с помощью гномона можно определять полдень, в этот момент длина тени минимальна. Естественно предположить, что древние обитатели Савина хотели заранее знать сколько времени остается до этого события, видимо важного для них в ритуальном плане, и использовали для этого столбы-метки. Можно предположить, что церемониал праздника был разработан детально, и должен был соблюдаться точно, для чего и был нужен некий механизм деления времени на части.

Но не приписываем ли мы наш образ мышления древним? Вполне возможно, что столбы во рву были расставлены симметрично среднему просто из каких-то ритуальных или эстетических соображений. Но если даже строители Савина начали с этого, то можно ожидать, что через некоторое время, наблюдая смещение тени по земле, они пришли к идее о делении дня на части с помощью своих столбов-меток.

Итак, вполне возможно, что на Савине мы имеем свидетельство самого древнего использования астрономического инструмента, гномона, на территории России. Возможно также, что здесь мы имеем древнейшие примитивные солнечные часы. Неважно, что эти инструменты очень просты, важно, что человек осознал те астрономические понятия, которые заложены в принципах их работы.

Направлений на точки восхода Солнца в дни солнцестояний в первом круге найти не удалось. Правда, в направлении от центра на точку восхода Солнца летом имеется ряд различных особенностей во рву и за ним, но точных направлений нет. В таком случае первый круг Савина напоминает ронделлы Западной Европы, отмечающие только направления на четыре страны света.

1 – очертания ям и канав на глубине 100 см; 2 – нечеткие очертания; 3 – углистый слой с углями; 4 – прокаленный слой; 5 – ямы, заполненные костями; 6 – скопления костей на уровне древнего горизонта и в ямах; 7 – пятна охры; 8 – развал сосуда; 9 – скопление керамики; 10 – яма с черепами взрослого и ребенка; 11 – границы «малого вала» в пределах раскопа, 12 – солнце; 13 – луна; 14 – восход; 15 – заход

Рисунок 4 – План святилища Савин

Но возможно эти направления как-то выделены во втором круге, который по археологическим данным был построен несколько позже. Предположим, что где-то в центре круга было место наблюдателя, откуда он мог фиксировать астрономические феномены. Поищем его. От искомой точки должны быть отмечены направления на восток и на запад. В восточной части круга единственным заметным указателем мог служить столб 90. Линия на запад от него не задевает ни одного образования в центре, но дальше

проходит вдоль рва первого круга и пересекает толстый столб 35, поставленный когда-то в яме с приступками. Двигая центр палетки вдоль линии между столбами 90 и 35, мы нашли нужную точку. Если смотреть от нее, во всех четырех солнечных направлениях имеются однородных метки, четыре толстых столба за пределами круга. Сам по себе центр не отмечен (или не выявлен при раскопках), он находится между толстым столбом 67 на юге и ямой с костями на севере.

Эти направления суть: восход Солнца в летнем солнцестоянии (азимут 43°) отмечен столбом 62, восход в зимнем солнцестоянии (134°) – столбом 114, заход летом (317°) – уже известным столбом 18 во рву первого круга; заход зимой (226°) отмечен столбом 94. Азимуты рассчитаны на феномен появления на горизонте верхнего края солнечного диска, первый проблеск Солнца. Учитывается медленное изменение угла наклона эклиптики к экватору ϵ , в 2000 году до н. э. он равнялся 23.93° .

Кроме того, каждому из шести солнечных направлений сопутствуют многочисленные археологические особенности во рву (скопления остатков жертвоприношений, следы кострищ и т. п.). Вообще говоря их достаточно и в других частях рва, но преобладающая концентрация их вблизи солнечных направлений очевидна. В направлении на заход Солнца зимой во рву расположено тройное погребение.

Столь необычный характер меток, отмечающих астрономические направления, говорит о том, что второй круг Савина являлся не только святилищем, но и солнечной обсерваторией. Он свидетельствует, что древние обитатели региона знали солнечные направления и, возможно, имели солнечный календарь. В своих культовых центрах они использовали солнечную ориентацию, подобно тому, как она используется в египетских пирамидах и христианских церквях. Очень может быть, что они обожествляли Солнце и другие светила.

Весьма вероятно, что существовали дальние визиры, отмечающие солнечные направления и позволяющие определять даты солнечных явлений с гораздо большей точностью. Трудно предполагать, что они могли сохраниться до сих пор, но поискать их стоит.

А теперь обратимся к Луне. Есть ли свидетельства ее наблюдений?

Прежде всего, укажем, что Луна дает человеку удобный эталон для счета времени – период смены фаз, лунный месяц. Продолжительность его ≈ 29.53 дня. Древнейшие археологические свидетельства счета времени по Луне имеют возраст в десятки тысяч лет. Одно изделие такого типа найдено при раскопках на Савине. Это удлиненная пластина, 14 см длины, с насечками из крестиков, сгруппированных по 7. Пластину можно интерпретировать, как изображение дней лунного месяца (Потемкина, 1996, с. 116-117, рис. 1).

Поиски лунных направлений велись с исполь-

зованием той же палетки. Наше внимание привлекла широкая дуга столбовых ям, окружающая второй круг с юга. Условным центром его можно считать столбовую яму 63, расстояния от которой до самых толстых столбов дуги примерно одинаковы, около 20 метров. Результат оказался неплохим. Тройка самых заметных столбов на юго-востоке хорошо совпала с тремя астрономическими направлениями: 63 – 114 отмечают восход высокой Луны (азимут 150°), 63 – 115 – восход Солнца в зимнем солнцестоянии, 63 – 116 – восход низкой Луны (125°). Здесь лунные азимуты рассчитаны для центра лунного диска. Направления юго-запада тоже отмечены неплохо: 63 – 96 – заход высокой Луны (210°), 63 – 92 – заход Солнца в зимнем солнцестоянии, 63 – 75 – заход низкой Луны (235°). Северные направления, видимо, находятся на неисследованной части памятника. Пока что можно указать направление 63 – 18. Столб 18, уже третий раз встречающийся в этом раскладе, указывает направление захода низкой Луны (азимут 304°). Яма 27 приблизительно совпадает с направлением на заход Солнца в летнем солнцестоянии, но все же должен существовать более точный ориентир (317°).

Выделенное положение столба 63 подтверждается еще двумя факторами. Точно к югу от него расположен столб 112. И через него проходит отмеченная несколькими ориентирами линия восток-запад: 61–63 – тройка столбов 46, 47, 48 – далекие ямы 31 и 30.

Таким образом, со значительной долей вероятности можно утверждать, что основные солнечные и лунные направления были хорошо известны строителям Савина, так же как их современникам на западном краю Европы. Святилище Савин служило также своего рода обсерваторией, пунктом наблюдения за астрономическими явлениями, причем, в течение длительного времени. Довольно значительное количество накопленной астрономической информации могло передаваться от поколения к поколению. Это подтверждается фактом наличия трех астрономических смысловых центров, по-видимому отражающих три этапа строительства и использования Савина. Можно предположить, что систематические наблюдения за восходами и кульминацией Солнца в первом круге привели к знанию годичных перемещений точек его восходов и заходов на горизонте. Тогда был построен второй круг, в котором были отмечены все направления. Систематические наблюдения всех солнечных явлений и сопутствующие им наблюдения

Луны помогли заметить, что и в лунных явлениях есть система. Тогда был выбран отдельный пункт для лунных наблюдений, и с него были отмечены лунные направления. Из всего этого можно сделать важный вывод: астрономические знания не были принесены извне, а явились результатом постепенного развития местной культуры.

Несколько слов о других памятниках этого типа в Зауралье. Всего лишь в 800 м от Савина обнаружено еще одно святилище с круговой архитектурой, раскопки которого только начаты. (Вохменцев, 1995, с. 260; 1997, с. 9-10). Севернее Тюмени раскопано святилище III тыс. до н. э., Велижаны 2 (А. Л. Дрябина), в основном повторяющее картину Савина. В нем есть столбовые ямы, ориентированные на точки восходов и заходов Солнца в дни солнцестояний. В качестве основного вида жертвоприношений здесь выступают сосуды с охрой, часть которых перевернута вверх дном.

Еще в 30-х годах было раскопано культовое место на Горбуновском торфянике на Урале, близкое Савину в хронологическом и культурном отношении. Торф помог сохранить деревянные конструкции и предметы этого святилища. Многие из столбов, вокруг которых были сосредоточены находки, выполнены в виде примитивных человекоподобных идолов либо на них были вырезаны личины и разные знаки-символы (Эдинг, 1937; 1940). Эти идолы, судя по материалам раскопок, были объектами поклонения. Но этот памятник тогда на присутствие астрономических направлений не проверялся.

Такая же картина могла быть и на Савине. Некоторым подтверждением тому может служить трехкратное использование полуденного столба первого круга 18. Видимо, он использовался на последующих этапах не для экономии усилий по возведению столбов, а потому, что там было место особо почитаемого идола.

6.3 Дальнейшее исследование Савина с учетом обнаруженных астрономических ориентиров

На следующем этапе была проведена более детальная аналитическая работа с вещественным материалом с использованием преимущественно археологических методов и с учетом данных астрономии. При рассмотрении планиграфической приуроченности каждой категории вещественного материала

(костей животных, керамики, каменных орудий и др.) к конкретным выявленным астрономическим ориентирам акцент был сделан на имеющиеся остеологические (В. П. Данильченко), трассологические (Г. Ф. Коробкова), антропологические (Г. Н. Рыкушина) определения.

Учитывались самые различные показатели: количество и видовой состав остеологических остатков, состав элементов скелета, их соотношение и состояние; культурные, количественные, типологические, технологические, функциональные характеристики орудий и керамики и др. Это позволило не только более четко определить культурную и хронологическую принадлежность памятника (основной комплекс керамики – сосновоостровский, с присутствием сосудов других культурных традиций – андреевской, шапукульской, липчинской; дата – 2-я четверть – середина III тыс. до н. э.), но подойти к интерпретации памятника более углубленно и разносторонне и получить интересные результаты (Потемкина, 1996, с. 115–119; 1996а, с. 20–24; Potyomkina, 1998, p. 307–324).

На новом исследовательском уровне, с учетом полученных астрономических данных, была рассмотрена и стратиграфия памятника, что стало возможным благодаря тщательной и разнообразной фиксации всего процесса раскопок (чертежи, фото, слайды). Многие ранее не совсем понятные детали (более значительная ширина рвов на отдельных участках, цветовая гамма их заполнения, взаимная стратиграфия столбовых ям, особенности их разрезов, специфика отдельных отложений жертвенных комплексов и др.) позволили предполагать неоднократные уточнения основных визиров, перепланировки и перестройки круговых сооружений в целом, указывающие на длительность существования культового места. Одна из особенностей стратиграфии памятника в целом – наличие мощных аллювиальных отложений (до 0,6 м), перекрывающих все сооружения и культурные отложения.

Такой анализ материалов раскопок Савина с использованием методов археологической и астрономической наук даже в кабинетных условиях позволил получить значительно более полные выводы, касающиеся организации сакрального пространства и характера функционирования святилища Савин – одного из наиболее ранних исследованных археоастрономических объектов в России.

Но поскольку связь конструкций святилища с

рядом астрономических явлений была установлена главным образом в процессе работы с материалом в последующие после раскопок годы, возникла необходимость проверить полученные выводы непосредственно на местности в условиях, приближенных ко времени функционирования памятника. Особо важно было проконтролировать установленное соответствие конкретных археологических материалов (столбовых ям, кострищ, приуроченных к ним остатков жертвоприношений и др.) определенным точкам восходов и заходов солнца и др., полученных на основе расчетов астрономов.

Такая возможность представилась только в 1997 г. Главная цель полевых работ сезона – выявление и фиксирование археологическими методами объектов и свидетельств, связанных с астрономическими наблюдениями и корреляции их с данными астрономии. Выполнить эту задачу было непросто, так как главные объекты святылища уже были раскопаны 15–12 лет назад. Автору раскопок пришлось разрабатывать и впервые использовать нетрадиционные методы полевых исследований с учетом всех результатов археологических и астрономических исследований материалов памятника, полученных в предшествующие годы. Эти методы следующие.

По периметру старого раскопа были заложены траншеи и шурфы, с максимально возможной точностью определившие его границы. В данном конкретном случае по сути не разрушались узкие участки памятника, прилегающие в старому раскопу и попадающие в шурфы и траншеи, поскольку, как уже отмечалось выше, культурный слой за пределами основных сооружений святылища практически отсутствовал, за исключением редких столбовых ям и кострищ, врытых в материк (ни одно из этих сооружений во вскрытые в 1997 г. по границе раскопа участки не попало).

После полного выявления границ старого раскопа была нанесена прежняя его сетка (2 x 2 м), по которой различными способами (с помощью дерна, кольев, веток, канавок, ямок, песка и т. п.) были обозначены точные местоположения рвов, наиболее значимых столбовых ям, кострищ, скоплений костей животных и находок и др. На месте столбовых ям связанных с направлениями восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний были поставлены столбы-меты (более 40). Далее с места нахождения центральных столбов внутри кругов (1, 63, 65) велись

наблюдения за восходами и заходами солнца, горизонтом, работой «солнечных часов» в дни, близкие к летнему солнцестоянию (работы велись в июле), где гномоном служил центральный столб первого круга.

В результате получены не только подтверждения основных выводов прежних археологоастрономических исследований, но и новые данные об архитектуре и истории святылища. Внимательное изучение горизонта в соответствии с имеющимися столбами-метами позволило выявить в восточном направлении два вала («малый» и «большой»).

В предыдущие годы работ на памятнике валобразные возвышения вдоль северного края останца не рассматривались как искусственно созданные и потому никак не связывались со временем функционирования святылища. Совпадение их осевых линий с наиболее значимыми астрономическими направлениями на памятнике заставило исследовать возвышения более внимательно как внешне, так и раскопками. Оба вала были прорезаны поперечными траншеями длиной 12 м, шириной 1 м. Полученные стратиграфические и планиграфические данные подтвердили их искусственное происхождение и связь с круговыми сооружениями (рисунок 5) (Потемкина, 1998а, с. 9–15).

«Малый» вал длиной около 30 м, высотой 0,5 м (в древности шириной 1,8 м, высотой 0,6 м) начинался у восточного входа первого круга (в 16–18 м от его центра) и тянулся в восточном направлении. В разрезе по обе стороны насыпи прослеживались ровики. Ось вала составляла одну линию запад-восток с центральным столбом 1-го круга (1), двумя столбами во рву (50, 60) и находящимися рядом с ними мощными скоплениями костей животных и керамики (рисунки 4, 5).

«Большой» вал длиной 100 м, высотой 0,9–0,4 м, постепенно уменьшающейся с запада на восток (в древности шириной 5 м, высотой около 1 м), находился в 150 м к востоку от центра второго круга по направлению запад-восток, составляя одну линию с центром и двумя столбами во рву (33, 90) с остатками жертвоприношений рядом с ними, со вновь обнаруженным столбом 118 за пределами круга. На этой линии оказался один из столбов под центром вала. В разрезе по обе стороны насыпи вала прослежены ровики шириной 1,2–0,8 м, глубиной – 0,3–0,25 м, вероятно оставшиеся после выемки земли на сооружение насыпи.

Под насыпью обоих валов обнаружены столбовые ямки и древесный тлен, рядом – следы кострищ, угли. Оба вала, как и все святылище, были перекрыты аллювиальными отложениями мощностью 0,4–0,6 м. Валы были сооружены на втором («малый») и третьем («большой») этапах существования культового места с целью получения более точных, устойчивых и заметных линий визирования в наиболее важном для строителей (или служителей культа) направлении восток-запад, связанном с точками восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий.

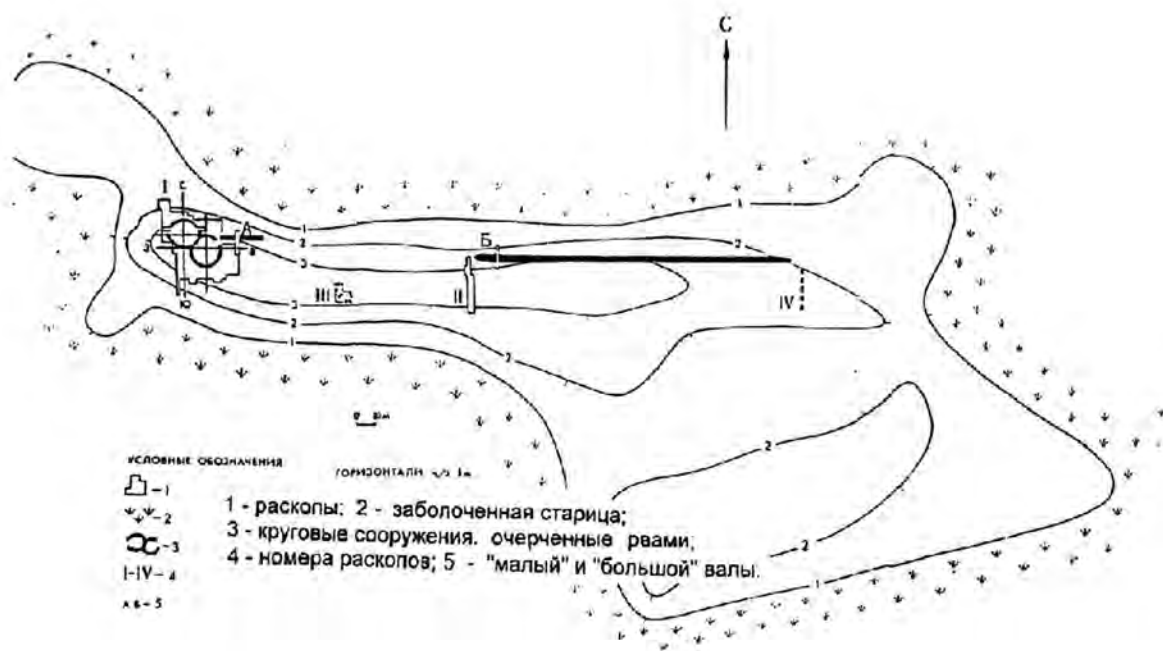
В итоге благодаря привлечению при археологических исследованиях данных астрономии реконструирована система сооружений культового комплекса эпохи энеолита, являющая собой одну из моделей организации сакрального пространства (Потемкина, 1998в). Выявлены три основных этапа строительства и функционирования святылища. Оно прекратило свое существование по причине регулярных затоплений: все его сооружения, включая валы, перекрыты аллювиальными отложениями.

Новый ритуальный центр был сооружен в 800 м точно к западу от западного края «большого» вала на более высоком месте (следов речных наносов здесь

нет). Памятник известен под названием Слободчики-1. Раскопки показали, что здесь находится святылище типа Савина. Выявлены кольцевой ров, земляночное углубление в центре, столбовые ямки и ямы с костями жертвенных животных, керамикой. Время функционирования – вторая половина III тыс. до н. э. (Вохменцев, 1995, с. 260; 1997, с. 9-10).

Есть все основания предполагать, что большой вал продолжал и здесь оставаться главным визиром при определении наиболее важных с точки зрения совершения ритуально-обрядовой практики астрономических направлений. Во всяком случае, с большого вала хорошо просматривается место расположения нового святылища, а с последнего – большой вал. Но подтвердить эти предположения могут только новые раскопки святылища Слободчики-1 с использованием археоастрономических методов исследования в полевых условиях.

Работу по исследованию Савина следует продолжить. Очевидный недостаток – все астрономические заключения выполнены по археологическому плану и не уточнены на месте. Все азимуты здесь рассчитаны на уровень горизонта, для нулевой высоты. Предполагается, что высота столбов была такой, что они не

1 – раскопки; 2 – заболоченная старица; 3 – круговые сооружения, очерченные рвами; 4 – номера раскопок; 5 – «малый» и «большой» валы

Рисунок 5 – Святылище Савин-1. Общий план

закрывали вид на горизонт. Нужно измерить высоту горизонта в этих направлениях и внести поправки, если понадобится, поискать возможные дальние визиры, поискать ямы от столбов в северной части. В связи с этим интересна находка ямы от столба, расположенной точно к северу от центрального столба первого круга, на дне в 170 м к северу, случившаяся при работах на Савине в 1997 г.

Сходство зауральских и европейских памятников говорит о близком уровне духовной культуры людей, достаточно удаленных территориально, но находящихся примерно на одном уровне развития в особо важный период человечества – становлением производящего хозяйства. Эти круглые святилища-обсерватории указывают на обожествление светил, на появление космогонических моделей строения мира и культа природных сил.

7 Поиски ориентиров в древних могильниках

Предложенные выше методы исследования ранее раскопанных памятников на предмет присутствия на них конкретных солярно-лунарных ориентиров и их связи с различными сторонами и этапами функционирования памятника возможны не только на святилищах. Весьма эффективны они при изучении материалов могильников, особенно курганных.

Могильники как и святилища являются памятниками в большей степени духовной и интеллектуальной деятельности человека, где уровень знаний и представлений об окружающем мире получает наиболее концентрированное выражение.

В случае, если данные астрономии не использовались в процессе раскопок, они могут быть восстановлены в кабинетных условиях при наличии хорошей сохранности костяков и погребальных сооружений (разумеется, если памятник раскапывался профессионально и все объекты четко фиксировались). Как и в полевых условиях, главный упор должен быть сделан на точную ориентацию головой (с указанием градусов) костяков по линии голова–таз, определение которой возможно по полевой документации. Имеет значение положение вещей по отношению к голове погребенного, особенно керамики. Особое внимание следует обратить не только на позу умершего и все, что с этим связано, но и на направление, куда он обращен лицом.

Далее следует выяснить, как соотносится ори-

ентация основной части погребений могильника по традиционному для конкретной культурной группы населения обряду с наиболее значимыми солярно-лунарными ориентирами для широты расположения памятника и соответствующими им природными явлениями. Каковы особенности ориентации погребений с нетрадиционными и специфическими признаками обряда и как они соотносятся с традиционными?

Следующий этап – это внимательное изучение планиграфии могильника: взаимного расположения разного рода надмогильных сооружений, их специфики и точной ориентации; размещения и ориентации могильных ям по отношению друг к другу, к надмогильным сооружениям, другим объектам могильника (жертвенным комплексам, кострищам и т. п.) и всего комплекса сооружений по отношению к наиболее значимым астрономическим ориентирам. При четких определениях астрономических ориентиров и тщательном анализе всего комплекса сооружений могильника возможно выделение центра, откуда разворачивалось пространство некрополя, и осевой линии, указывающей направления главных ориентиров и благодаря этому являющейся связующим звеном всего погребального поля.

Наиболее полный анализ пространственной организации могильника, как и любого другого вида памятников и особенно комплекса памятников, возможен при соотнесении всех полученных ориентиров как археологических объектов, так и астрономических, с профилем горизонта и наиболее заметными природными явлениями на нем. Но сделать это возможно только в полевых условиях, непосредственно на местности и с места расположения конкретных объектов памятника. Эти данные могут быть восстановлены при повторном осмотре и замерах раскопанного памятника, если место раскопа не претерпело серьезных изменений. Все замеры должны производиться из центра наблюдения, установленного по результатам предшествующих раскопок и работы с материалом. Полученные результаты исследований по всем отмеченным направлениям должны быть отражены также в различного рода графических и корреляционных таблицах, являющихся важной составной частью системы доказательств. Подобная работа, давшая интересные результаты, была проведена по материалу могильника эпохи поздней бронзы Дашти-Кози (Потемкина, 1998в).

Библиографический список

- 1 Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции (15–18 октября 1996 г.) // Археoaстрономия: проблемы становления. – Москва, 1996.
- 2 Бекбасаров, Н. М. Астрономические аспекты курганов «с усамы» / Н. М. Бекбасаров // Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции (15–18 октября 1996 г.). – Москва, 1996.
- 3 Бекбасаров, Н. М. Археoaстрономические исследования атасу-ских курганов «с усамы» / Н. М. Бекбасаров // Древняя астрономия: Небо и Человек : тезисы докладов международной научно-методической конференции. – Москва, 1997.
- 4 Вохменцев, М. П. Энеолитический памятник с круговой планировкой / М. П. Вохменцев. – Москва, АО., 1994.
- 5 Вохменцев, М. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1997.
- 6 Вуд, Дж. Солнце, Луна и древние камни / Дж. Вуд. – Москва, 1987.
- 7 Древняя астрономия: Небо и Человек : тезисы докладов международной научно-методической конференции (19–24 ноября 1997 года). – Москва, 1997.
- 8 Кауров, Э. Н. К вопросу о состоянии археоaстрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археoaстрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва, 1994) / Э. Н. Кауров, Т. М. Потемкина // РА. – № 3. – 1995.
- 9 Кауров, Э. Н. Археoaстрономия в России (по материалам конференции «Наша галактика» и междисциплинарного совещания: Москва, март 1996 г.) / Э. Н. Кауров, Т. М. Потемкина // РА. – № 2. – 1997.
- 10 Podborsky Vladimir. TESETICE - kujovice 4/ Rondel osadylidu s moravskou malovanou keramikou. Universita J/E/Purkyn v Brne. 1988.
- 11 Потемкина, Т. М. Святилище-«обсерватория» – новый тип памятников эпохи энеолита в Зауралье / Т. М. Потемкина // Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ», 12-16 апреля 1994 г. : тезисы докладов. – Екатеринбург, 1994.
- 12 Потемкина, Т. М. К вопросу о функциях святилищ с круговой архитектурой в эпоху энеолита – бронзового века / Т. М. Потемкина // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье : тезисы. – Сыктывкар, 1994а.
- 13 Потемкина, Т. М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе / Т. М. Потемкина // Культуры древнейших народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала : тезисы III международной конференции «Россия и Восток» : проблемы взаимодействия». – Челябинск, 1995. – Часть V, кн. 1.
- 14 Потемкина, Т. М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тыс. до н. э. / Т. М. Потемкина // Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции 15-18 октября 1996 г.). – Москва, 1996.
- 15 Потемкина, Т. М. Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества / Т. М. Потемкина // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы международной конференции. – Санкт-Петербург, 1996а.
- 16 Potymkina T. The Trans-Ural «Stonehenge» (the stone age sanctuary with astronomic refrence – points) // Astronomical and Astrophysical Transactions. 1998. Vol. 15.
- 17 Потемкина, Т. М. Зауральский Стоунхендж / Т. М. Потемкина // Наука в России. – № 4. – 1998а.
- 18 Потемкина, Т. М. Одна из моделей организации сакрального пространства и методы ее фиксации / Т. М. Потемкина : сб. к 70-летию В. И. Матюценко. – Омск, 1998б.
- 19 Потемкина, Т. М. Методы археоaстрономии в системе пространственного анализа археологических памятников / Т. М. Потемкина // Пространственный анализ археологических памятников Нижнего Поволжья : тезисы конференции. – Санкт-Петербург, 1998б.
- 20 Потемкина, Т. М. Раскопки в Курганской области / Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев // АО 1983. – Москва, 1985.
- 21 Потемкина, Т. М. Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин) / Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе» : тезисы докладов. – Москва, 1987.
- 22 Потемкина, Т. М. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы / Т. М. Потемкина, О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов. – Москва, 1995.
- 23 Потемкина, Т. М. Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич // Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции 15–18 октября 1996 г. – Москва, 1996.
- 24 Потемкина, Т. М. Археoaстрономия: проблемы становления : международная конференция. Москва, 1996 / Т. М. Потемкина, М. Ф. Косарев, В. А. Юревич // РА, – № 1. – 1998.
- 25 Хокинс, Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Дж. Хокинс, Дж. Уайт. – Москва, 1984.
- 26 Эдинг, Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника / Д. Н. Эдинг // СА. – № 4. – 1937.
- 27 Эдинг, Д. Н. Резная скульптура Урала / Д. Н. Эдинг // Тр. Гос. Ист. музея, вып. X. – Москва, 1940.
- 28 Юревич, В. А. Астрономическая ориентация американских археологических памятников / В. А. Юревич // Археoaстрономия: проблемы становления. ИАРАН : тезисы докладов. – Москва, 1996.
- 29 Юревич, В. А. Секреты пирамид / В. А. Юревич // Земля и Вселенная. – № 2. – 1998.

Список сокращений:

- АО – Археологические открытия.
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1 – Азимуты восходов и заходов Солнца в летнем и зимнем солнцестояниях в настоящее время и в 2000 г. до н. э. (верхний край солнечного диска)

Эпоха	наст. вр. – 2000 г. н. э.				2000 г. до н. э.			
	восход		Заход		восход		заход	
Вр. года	лето	зима	Лето	Зима	лето	зима	лето	зима
ε	23.44°	-23.44	23.44	-23.44	23.93	-23.93	23.93	-23.93
Широта	азимут							
58°	39.2°	136.6	320.8	223.4	37.9	137.9	322.1	222.1
57	41.1	135.0	318.9	225.0	39.9	136.2	320.1	223.8
56	42.8	133.6	317.2	226.4	41.6	134.7	318.4	225.3
55	44.3	132.3	315.7	227.7	43.2	133.3	316.8	226.7
54	45.5	131.0	314.5	229.0	44.7	132.0	315.3	228.0
53	47.1	129.9	312.9	230.1	46.1	130.9	313.9	229.1
52	48.3	128.8	311.7	231.2	47.3	129.8	312.7	230.2
51	49.4	127.9	310.6	232.1	48.5	128.8	311.5	231.2
50	50.5	127.0	309.5	233.0	49.6	127.8	310.4	232.2
48	52.3	125.3	307.7	234.7	51.5	126.1	308.5	233.9
46	54.0	123.9	306.0	236.1	53.2	124.7	306.8	235.3
44	55.4	122.6	304.6	237.4	54.7	123.3	305.3	236.7
42	56.7	121.5	303.3	238.5	56.0	122.2	304.0	237.8

Примечание: Азимут захода получим, вычтя из 360° азимут восхода.

Таблица 2 – Азимуты восхода и захода Солнца при делении года на 8 равных частей (исходный пункт – летнее солнцестояние) для широты 56° (верхний край солнечного диска)

интервал	0	46	45	46	46	45	46	46
период	0	46	91	137	183	228	274	320
δ Солн	23.40	16.8	1.3	-15.5	-23.4	-16.4	0.5	16.7
дата	21.06	6.08	20.09	5.11	21.12	4.02	22.03	7.05
восход	42.80	57.4	86.5	117.1	133.6	118.8	87.9	57.6
заход	317.2	302.6	273.5	242.0	226.4	241.2	272.1	302.4

Примечание. В настоящее время календарные интервалы между солнечными феноменами составляют:
 летнее солнцестояние – осеннее равноденствие – 93.6 дня
 осеннее равноденствие – зимнее солнцестояние – 89.8 дня
 зимнее солнцестояние – весеннее равноденствие – 89.0 дня
 весеннее равноденствие – летнее солнцестояние – 92.8 дня
 Итого 365.2 дня (1 год)

Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье

Таблица 3 – Азимуты восходов и заходов высокой и низкой Луны в крайних северном и южном положениях в 2000 г. н. э. на разных широтах (центр лунного диска)

	восход				заход			
	высокая Луна		низкая Луна		высокая Луна		низкая Луна	
склонение	28.6	-28.6	18.3	-18.3	28.6	-28.6	18.3	-18.3
широта	азимут				азимут			
58°	26.7	155.9	54.4	127.0	333.3	204.1	305.6	233.0
57	29.6	152.7	55.5	125.9	330.4	207.3	304.5	234.1
56	32.1	149.9	56.5	124.8	327.9	210.1	303.5	235.2
55	34.3	147.5	57.4	123.8	325.7	212.5	302.6	236.2
54	36.3	145.4	58.3	122.9	323.7	214.6	301.7	237.1
53	38.1	143.5	59.1	122.0	321.9	216.5	300.9	238.0
52	39.7	141.8	59.9	121.2	320.3	218.2	300.1	238.8
51	41.1	140.2	60.6	120.4	318.9	219.8	299.4	239.6
50	42.5	138.8	61.2	119.7	317.5	221.2	298.8	240.3
48	44.9	136.2	62.5	118.4	315.1	223.8	297.5	241.6
46	46.9	134.1	63.5	117.3	313.1	225.9	296.5	242.7
44	48.7	132.2	64.5	116.3	311.3	227.8	295.5	243.7
42	50.3	130.5	65.4	115.3	309.7	229.5	294.6	244.7

Таблица 4 – Азимуты восходов и заходов высокой и низкой Луны в крайних северном и южном положениях в 2000 г. до н. э. на разных широтах (центр лунного диска)

	восход				заход			
	высокая Луна		низкая Луна		высокая Луна		низкая Луна	
δ	29.07	-29.07	18.79	-18.79	29.07	-29.07	18.79	-18.79
Широта	Азимут							
58°	24.9	157.9	53.3	128.1	335.1	202.1	306.7	231.9
57	28.0	154.4	54.4	126.9	332.0	205.6	305.6	233.1
56	30.7	151.4	55.5	125.8	329.3	208.6	304.5	234.2
55	33.0	148.9	56.4	124.8	327.0	211.1	303.6	235.2
54	35.1	146.6	57.3	123.8	324.9	213.4	302.7	236.2
53	36.9	144.6	58.2	122.9	323.1	215.4	301.8	237.1
52	38.6	142.8	59.0	122.1	321.4	217.2	301.0	237.9
51	40.1	141.2	59.7	121.3	319.9	218.8	300.3	238.7
50	41.5	139.7	60.4	120.6	318.5	220.3	299.6	239.4
48	44.0	137.1	61.7	119.2	316.0	222.9	298.3	240.8
46	46.1	134.9	62.8	118.0	313.9	225.1	297.2	242.0
44	48.0	133.0	63.8	117.0	312.0	227.0	296.2	243.0
42	49.6	131.2	64.7	116.0	310.4	228.8	295.3	244.0

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК АСТРОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Азимут – одна из координат объекта на небесной сфере. Угол между точкой проекции светила из зенита на горизонт и начальной точкой на горизонте. В геодезии отсчет азимутов идет от точки севера в сторону востока. При указании направлений на планах археологических памятников следует использовать геодезические азимуты. (Астрономические азимуты отсчитываются от точки юга в сторону запада).

Высота – одна из координат объекта на небесной сфере. Угол между светилом и линией горизонта.

Гномон – простейший астрономический инструмент, вертикальный столб на ровной площадке, на которой размечены положения его тени в определенные дни года и в разные моменты дня. С помощью гномона определяются момент полудня и дни солнцестояний, направления на страны света.

Кульминация (верхняя) – явление достижения светилом наибольшей высоты над горизонтом в своем видимом суточном движении по небу. Происходит точно на линии юг – север.

Наклон эклиптики к экватору – угол ϵ между эклиптической и экватором. Медленно изменяется со временем. В настоящее время $\epsilon = 23,44^\circ$.

Небесный экватор – проекция земного экватора на небесную сферу. Делит небесную сферу на северную и южную половины.

Прецессия – смещение точки весеннего (и осеннего) равноденствия вдоль эклиптики. Полный оборот совершается примерно за 26000 лет.

Склонение, δ – угловое расстояние светила от небесного экватора. Входит в формулу для расчета азимутов восхода (захода) светил. Солнце и Луна меняют склонения внутри года и потому восходят (заходят) в разных точках горизонта. Склонения звезд медленно изменяются вследствие прецессии.

Сидерический месяц – период обращения Луны вокруг Земли = 32.32166 дня. Через сидерический месяц Луна восходит (заходит) в своих крайних положениях на горизонте.

Сизигия – общее название для полнолуния и новолуния.

Синодический месяц – период смены фаз Луны = 29.5305882 дня.

Солнцестояние – момент максимального удаления Солнца от эклиптики к северу (летнее солнцестояние, 22 июня) или к югу (зимнее, 22 декабря). В солнцестояниях склонение Солнца = $+\epsilon$ (летнее) или $-\epsilon$ (зимнее). При солнцестояниях Солнце всходит (заходит) в своих крайних положениях на горизонте.

(Примечание: указанные даты для солнцестояний и равноденствий немного варьируют с периодом високоса, 4 года, вследствие неравенства тропического и календарного годов).

Точки равноденствий – точки пересечения экватора и эклиптики на небесной сфере. В точке весеннего равноденствия Солнце в своем движении по эклиптике переходит из южного полушария в северное, это происходит около 21 марта. В точке осеннего равноденствия – из северного полушария в южное (23 сентября). В этих точках склонение Солнца = 0° .

Узел лунной орбиты – точка пересечения эклиптики Луной в ее видимом движении среди звезд на небесной сфере. В восходящем узле Луна пересекает эклиптику, смещаясь от юга к северу, в нисходящем – наоборот.

Эклиптика – видимый путь Солнца среди звезд на небесной сфере. Полный оборот Солнца по эклиптике – тропический год = 365.2422 дня.

Российская Академия наук
Институт археологии

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ЕВРАЗИИ**

Сборник статей

Москва,
2001

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КРУГЛОПЛАНОВЫЕ СВЯТЫЛИЩА ЗАУРАЛЬЯ В СИСТЕМЕ СХОДНЫХ КУЛЬТУР И МОДЕЛЕЙ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ¹

Т. М. Потемкина

Среди многочисленных фундаментальных научных трудов Михаила Федоровича Косарева наибольший интерес вызывают его исследования по проблемам мировоззрения сибирских народов, написанные с использованием данных ряда смежных гуманитарных наук – археологии, этнологии, фольклора, мифологии, глубокие по содержанию и увлекательные по форме. Эти работы помогают более всесторонне понять не только верования древних народов Сибири, но и окружающие обширных территорий Уральского региона, Казахстана, Восточной Европы, на протяжении тысячелетий связанных историческими судьбами. Поэтому не удивительно, что ряд положений в данной публикации навеяны мыслями Михаила Федоровича, изложенными в его исследованиях.

Святылище Савин как одна из моделей организации сакрального пространства

В лесостепном и южнотаежном Притоболье открыты и изучены памятники эпохи энеолита с круговой архитектурой и астрономическими ориентирами (Савин-1, Слободчики 1, Велижаны 2) (Потемкина, Вохменцев, 1985, с. 236, 237; Вохменцев, 1995, с. 260; Дрябина, 1995, с. 243, 244). Астрономические направления приурочены к основным положениям солнца и луны, соответствующим их наиболее значимым циклам (заходам и восходам солнца в дни равноденствий и солнцестояний, фазам луны) и фиксирующим таким образом смену определенных отрезков времени (сезонов года, наступление дня и ночи и т. п.).

Данные раскопок позволяют определить характер функционирования этих памятников в качестве святылищ, где совершались различные ритуально-обрядовые действия, приуроченные к определенным положениям светил, в соответствии с природно-гео-

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Энеолитические круглоплановые святылища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии / Т. М. Потемкина // Мировоззрение древнего населения Евразии. – Москва, 2001. – С. 166–256.

графической средой, спецификой хозяйственной деятельности и социальной структуры населения.

Наиболее изученным на сегодня является святылище Савин-1 на р. Тобол (55,4° с. ш.). В 1982–1986 гг. здесь были раскопаны круглые в плане, ограниченные кольцевыми рвами и столбовыми конструкциями сооружения (Потемкина, Вохменцев, 1985, с. 236, 237; Вохменцев, 1986, с. 171; 1987, с. 233, 234). В дальнейшем в процессе работы с материалами раскопок была установлена их связь с древними астрономическими наблюдениями (Потемкина, Юревич, 1996, с. 109–114; Potyomkina, 1998, с. 306–321).

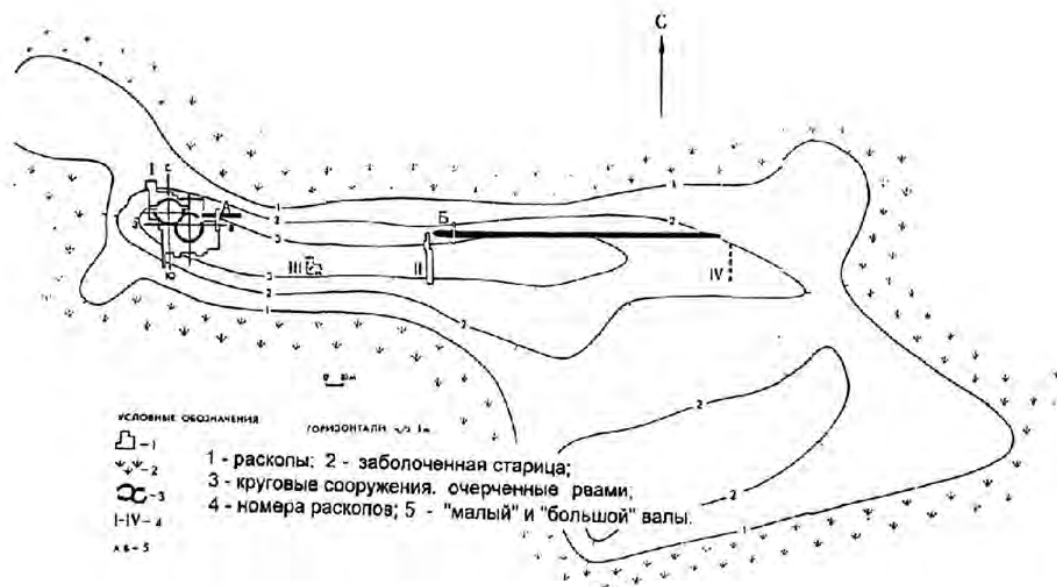
Новые исследования памятника в 1997 г. с его частичной реконструкцией позволили проверить полученные археоастрономические выводы непосредственно на местности в условиях, приближенных к первобытным (Потемкина, 1999, с. 227–229). В результате были выявлены два вала с астрономическим назначением, составляющие единый архитектурный комплекс с круговыми сооружениями (Потемкина, 1998, с. 8–15; Потемкина, Юревич, 1998, с. 36–41, рис. 5; Potyomkina, 1999, pp. 73–75, fig. 2–5).

Полученные многочисленные археологические материалы, их тщательный анализ и корреляция с данными астрономии, этнологии, мифологии позволяют реконструировать модель организации сакрального пространства святылища (Потемкина, Юревич, 1998; Потемкина, 2000, с. 170–177). Основные принципы пространственного и временного устройства модели связаны со следующими ландшафтными и конструктивными признаками.

1 Для святылища было выбрано место на береговом останце (350х50–60 м), занимающем господствующее положение на местности в широкой пойме. Особенностью останца, окруженного старым заболоченным руслом реки с проходом с восточной стороны, является его вытянутость длинной осью в направлении запад–восток (рисунок 1).

2 Основные сооружения святылища, представлявшие наиболее сакрализованную его часть, были расположены на самом высоком месте в западном конце останца. Они представляли собой два примыкающих друг к другу круга с внутренним диаметром 14 и 16 м, очерченных рвами шириной 0,8–1,4 м, глубиной 0,6–0,8 м. В первом круге строго с восточной и западной сторон имелись коридорообразные входы длиной до 4 м, шириной 1,2–1,4 м, стены которых состояли из сплошь вкопанных бревен. Во втором круге

был только один проход с северо-восточной стороны в виде разрыва во рву шириной около 3 м со следами кострища посередине (рисунок 2)

1 – раскопы; 2 – заболоченная старица; 3 – круговые сооружения, очерченные рвами; 4 – номера раскопов; 5 – «малый» и «большой» валы

Рисунок 1 – Святилище Савин. Общий план

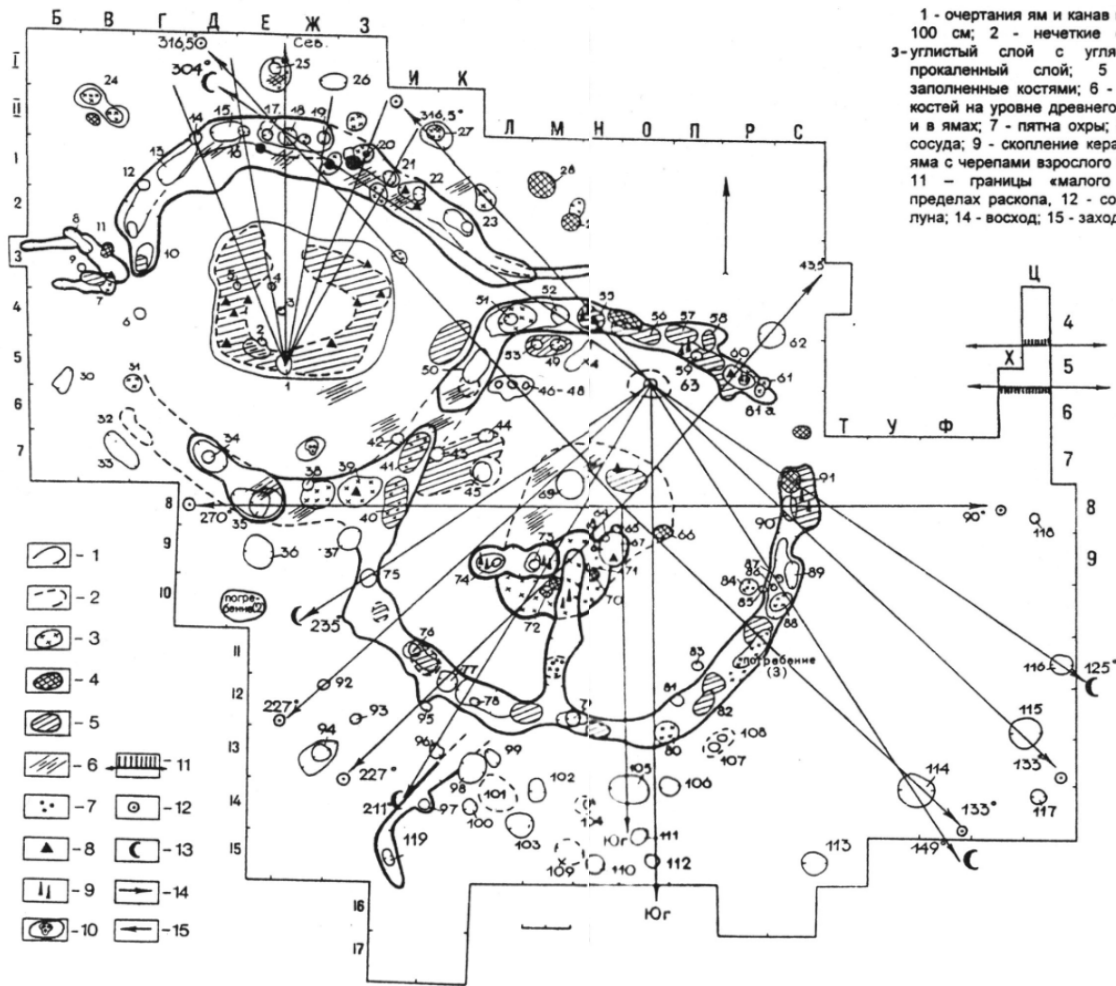
В центре первого круга находилось углубление прямоугольной формы (7,5 м x 6 м), образованное канавкой шириной около 1 м, глубиной 0,3-0,4 м, с проходом с северной стороны. Длинная ось сооружения сориентирована по направлению запад-восток, а проход в северной стенке – на север, в направлении двух мощных столбов, один из которых расположен во рву (№ 17), другой – в яме за его пределами (№ 25). В последнем случае (и единственном) обугленный столб сохранился, а яма, в которой он был установлен, имела сильно прокаленные стенки и была сплошь заполнена углистым слоем.

В центральной части второго круга также прослеживается подпрямоугольное углубление (9x5,6 м) в виде утоптанной углистой площадки, вытянутой в северо-восточном направлении, в сторону прохода.

3 Существенной, возможно, даже основополагающей архитектурной деталью сооружений святыни являлись столбы, установленные в центре круговых площадок, по дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны, расположенные с интервалом 1,5-2,5 м (более 120). Среди них имеются также ямы со следами разведения огня (около тридцати).

4 Не менее важной частью архитектуры святыни, связанной с его пространственной и временной организацией, являлись два вала, расположенные строго к востоку от центров круговых сооружений. Первый вал длиной 30 м начинался в 8–10 м от восточного входного коридора первого круга, в 16–18 м от его центра. Ось вала составляла одну линию запад-восток с центральным столбом круга (№ 3), двумя другими во рву (№№ 51, 52) и за его пределами (№ 62) и находящимися рядом с ними мощными скоплениями костей животных, керамики, каменных орудий, залегающих на углистом или прокаленном слое. Второй вал длиной 100 м, высотой 0,9–0,4 м находился в 150 м к востоку от центра второго круга. Его ось также составляла одну линию запад-восток с центром круга и двумя столбами во рвах с противоположных сторон (№№ 35, 90) и столбом за пределами рва (№ 118). Рядом со столбовыми ямами, как и в первом случае, обнаружены большие скопления костей, керамики и следы горения огня. Под насыпью обоих валов выявлены столбовые ямы, древесный тлен, следы кострищ (рисунок 1).

5 Стратиграфические наблюдения свидетель-

1 – очертания ям и канав на глубине 100 см; 2 – нечеткие очертания; 3 – углистый слой с углями; 4 – прокаленный слой; 5 – ямы, заполненные костями; 6 – скопления костей на уровне древнего горизонта и в ямах; 7 – пятна охры; 8 – развал сосуда; 9 – скопление керамики; 10 – яма с черепами взрослого и ребенка; 11 – границы «малого вала» в пределах раскопа, 12 – солнце; 13 – луна; 14 – восход; 15 – заход

Рисунок 2 – План святылища Савин

ствуют, что вся внутренняя площадка святылища до начала сооружения рвов и ям, установки столбов и совершения жертвоприношений была очищена от верхнего слоя земли до материковой глины ярко-желтого цвета. Точно так же был снят верхний слой до материка и на месте сооружения первого вала, по крайней мере в западной его части. После этого в основание вала был подсыпан слой белого речного песка, по-

верх которого уложены ветки, тростник и трава. Среди трав основными являлись полынь, цикорий, мох (определения Е. А. Спиридоновой). Только после этого была сооружена насыпь путем выемки грунта из канав вдоль оси вала. Для второго вала аналогичной стратиграфии не наблюдается, хотя там имеется своя специфика, связанная с особенностями функционирования памятника. Осевые линии обоих валов при

их сооружении, как показывают результаты раскопок, были обозначены вкопанными столбами.

6 Привлечение данных астрономии показывает, что столбы и валы выполняли функции маркеров солнечных и лунных направлений, связанных с сезонными и суточными изменениями времени (Потемкина, Юревич, 1996, с. 109–114; 1998, с. 29–41). Наиболее крупные столбовые ямы и приуроченные к ним мощные скопления жертвоприношений размещены в направлениях восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний. С солнечными азимутами восходов солнца 21 марта и 23 сентября связаны оба вала, которые являлись более устойчивой, заметной и точной линией визирования по сравнению со столбами.

Присутствуют и лунные направления, имеющие отношение к положению низкой и высокой луны в те же значимые дни года. Часть столбов, в основном в рву северной половины первого круга, маркировала какое-то деление времени на части в пределах суток (Потемкина, 1998, с. 12), часть – другие природные явления. Некоторые топкие столбы рядом с крупными могли выполнять чисто утилитарные функции, например, служить для подвешивания шкур жертвенных животных.

Вполне реально оформление некоторых столбов, наиболее значимых с точки зрения их солярно-лунарных связей, в виде идолов, как это известно но близкому в культурном и хронологическом отношении культовому месту Горбуновского торфяника (рисунок 3). Таковыми могли быть центральный (№ 1) и полуденный (№ 18) столбы первого круга, находящиеся на одной линии север-юг с серией других столбов и двумя погребениями. Об этом свидетельствуют также использование столба № 18 как ориентира на всех этапах существования святилища; насыщенность культурного слоя вокруг обоих столбов; культовая окраска артефактов, обнаруженных рядом (мощные скопления костей жертвенных животных и других находок, среди которых весьма значимы наконечники копий и стрел, тесла, развалы сосудов, пластина с календарными знаками, пятна охры, яркие следы огня) (рисунки 4, 5).

Следовательно, все основные стороны света были четко зафиксированы строителями Савина посредством столбов и валов. Стратиграфические данные свидетельствуют о неоднократной перепланировке и перестройке круговых сооружений в пределах первоначально очерченной площадки в связи с уточнением

основных линий визирования, позволяющих предполагать три этапа строительства и функционирования святилища. На каждом этапе роль смыслового центра выполняла та или иная часть святилища: на первом этапе – первый круг с входными коридорами; на втором – первый круг с первым валом и пристроенным вторым кругом; на третьем – второй круг и длинный вал. Общее время существования святилища – в пределах нескольких десятилетий.

7 Присутствие следов разного рода жертвоприношений и их приуроченность к столбам-маркерам, а следовательно к солнечным и лунным направлениям. Наиболее значимые жертвенные скопления костей животных с керамикой и каменными орудиями найдены в центре кругов и у столбов, ориентированных на восход солнца в дни равноденствий. Самые многочисленные находки обнаружены в центральном сооружении первого круга, в основном в канавке по периметру (40 % всех костей животных, подавляющая часть целых и раздавленных сосудов, самые выразительные вещи, в том числе votивного характера).

Вторым местом сосредоточения находок (более 30 % костей и значительной части керамики) является участок канавы второго круга, примыкающий к восточному коридору первого круга и тянущийся в направлении первого вала, в свою очередь ориентированного на восход солнца в дни равноденствий. Значительная часть находок обнаружена также в южном секторе первого круга, восточном и западном — второго.

У некоторых столбов найдены только кости черепа и конечностей одной особи лошади. Основная часть таких случаев выявлена у столбов северной половины первого круга, фиксирующих по астрономическим расчетам положение тени центрального столба в течение времени, близкого к полудню (Потемкина, Юревич, 1998, с. 32)

На святилище Савин в двух случаях присутствуют человеческие жертвоприношения. Первый представлен захоронением черепов взрослого и подростка в яме внутри первого круга у южной стенки рва. Второй – захоронением двух мужчин и девушки в неестественных позах, в углистом слое и с окрашенными охрой черепами, в юго-восточном секторе рва второго круга. Погребение входит в систему столбовых ям, маркирующих восход солнца в зимнем солнцестоянии.

За пределами кольцевых рвов культурный слой очень тонок, находки редки и встречаются только в ямах.

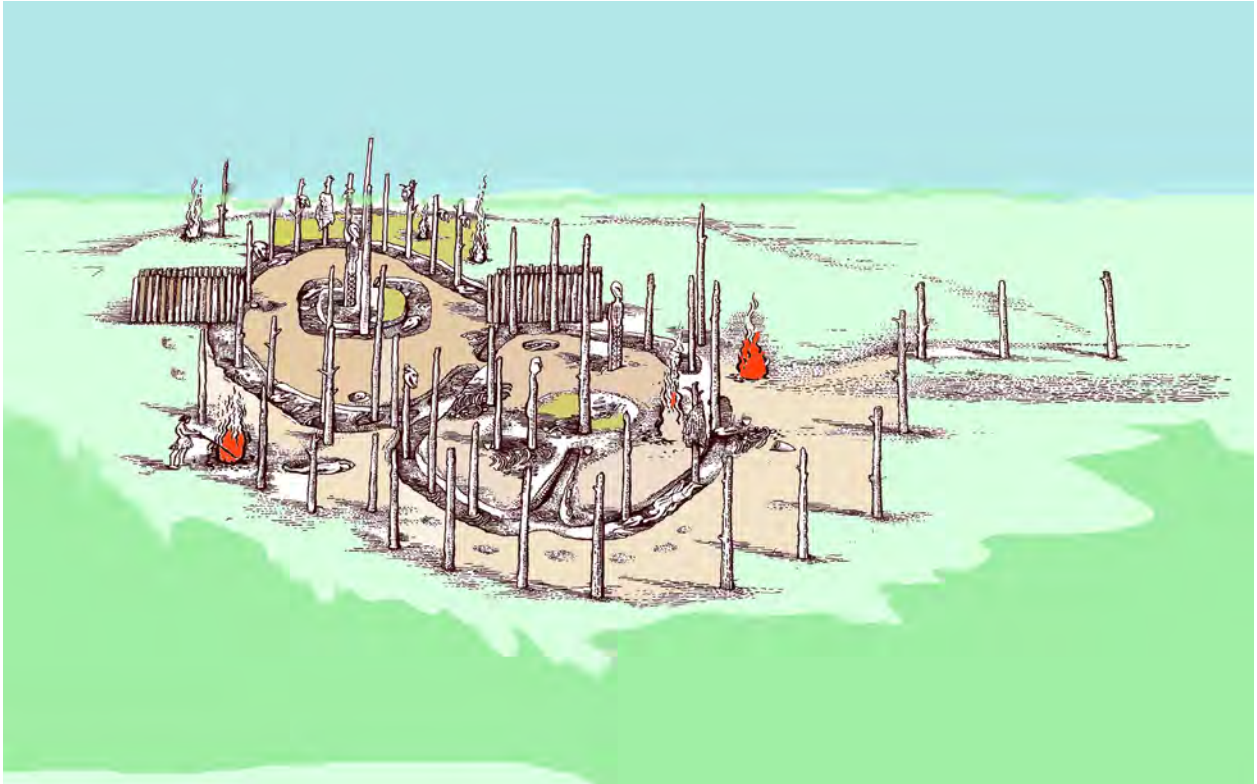

Рисунок 3 – Святылище Савин. Реконструкция сооружений (автор – Т. М. Потемкина)

8 О сакрализованности пространства, обозначенного круговыми сооружениями, свидетельствует и специфика многих находок в жертвенных комплексах, обнаруженных у столбов, маркирующих ведущие солнечные и лунные направления.

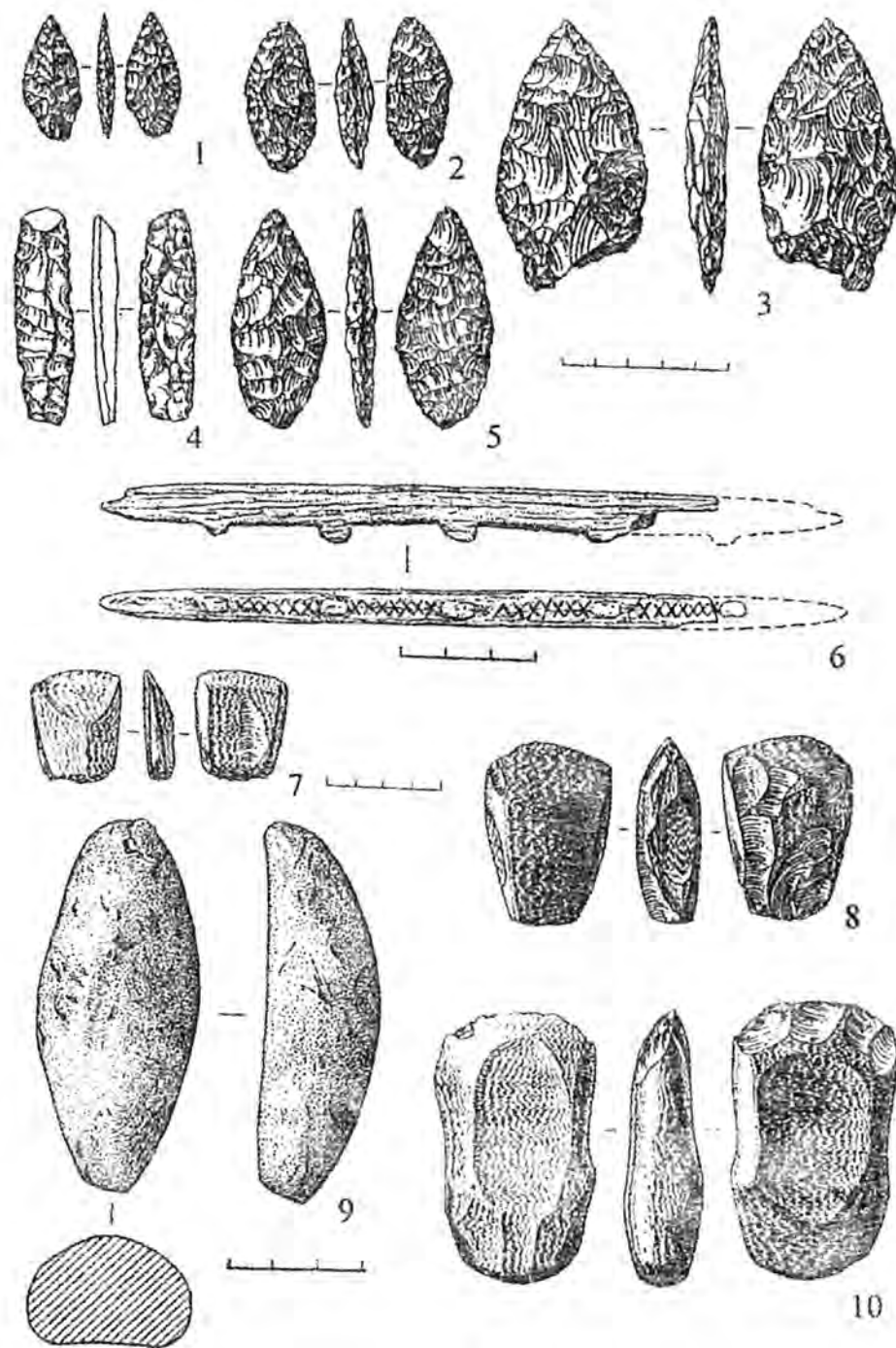
Наиболее значимую нагрузку в плане характеристики функционального назначения памятника и уровня общественного развития его создателей несет палеозоологический материал – состав видов и элементов скелетов животных, их соотношение и состояние.

Общее количество обнаруженных на святылище костей – 3806 единиц от 268 особей. Среди них ведущее место занимают кости лошади – 3060 костей от 161 особи. Остальные распределяются следующим образом: косуля – 608/72, лось – 128/25, кабан – 15/9, медведь – 1/1, волк – 1/1.

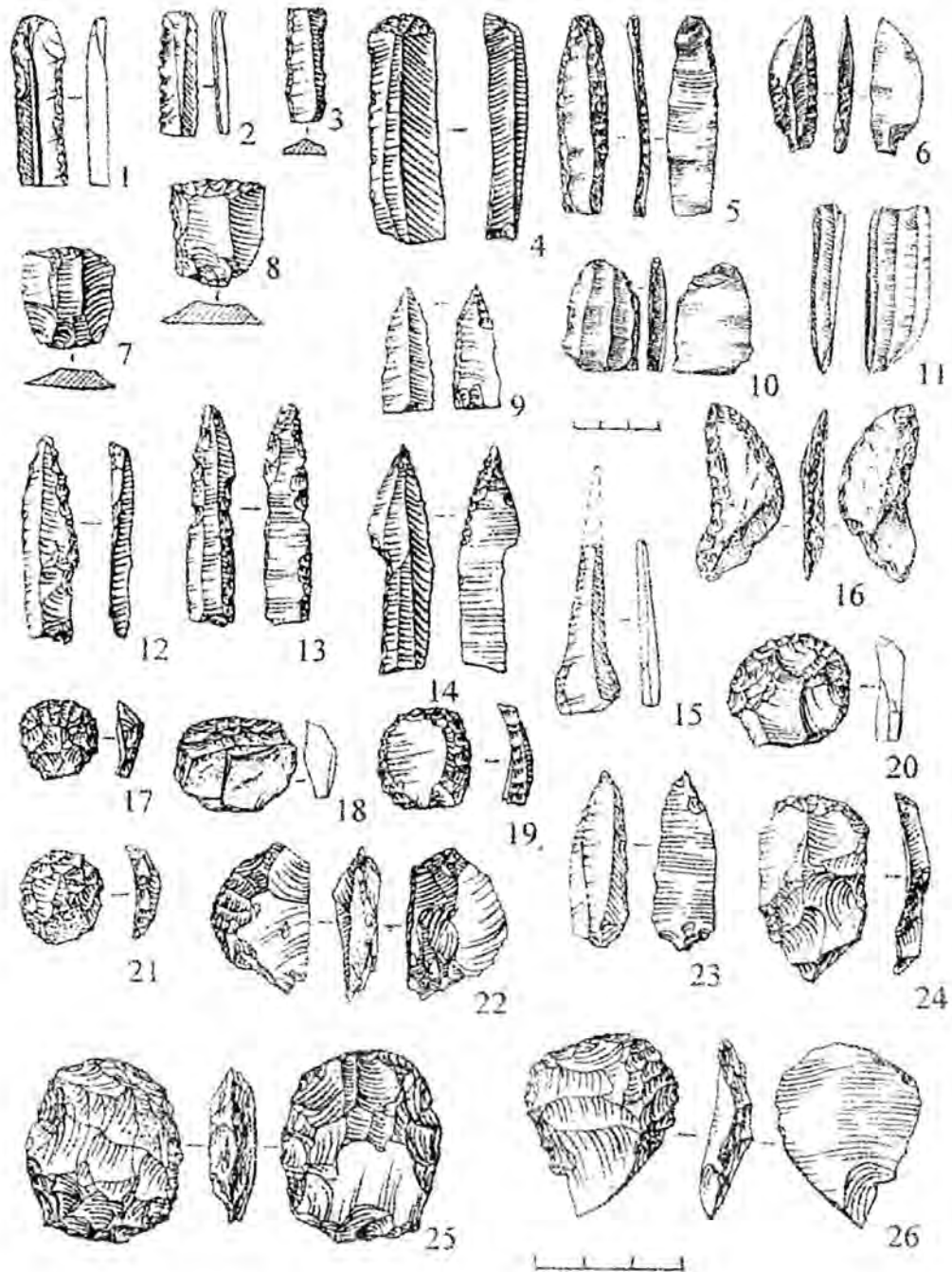
В этой ситуации следует предполагать, что охота на лошадь играла первостепенную роль в охотничьем хозяйстве населения, посещавшего святылище. Реальное соотношение могло быть несколько иным,

если учесть, что лошадь могла быть только основным жертвенным животным. Но остеологическими определениями синхронных поселенческих комплексов этой территории мы не располагаем. В любом случае очень важно, что ряд морфологических признаков черепа и зубов лошади свидетельствуют о начале процесса ее domestikации (определения Ш. Бекени).

Все виды животных представлены в основном костями черепа и конечностей. Другие кости скелета встречаются в исключительных случаях. Наблюдается также различное видовое соотношение костей животных в пределах жертвенных комплексов, приуроченных к разным солнечным и лунным азимутам. Так, у столбов, маркирующих восход и заход солнца в дни солнцестояний и равноденствий, подавляющая часть костей принадлежит лошади; у мет, фиксирующих восход и заход солнца в зимнем солнцестоянии, основная часть костей принадлежит козуле и лосю (Потемкина, 1994, с. 87, 88). Такая ситуация, видимо, связана с сезонной охотой.

1, 2, 4 – наконечники стрел; 3, 5 – наконечники копий; 6 – лунный календарь; 7 – тесло;
8, 10 – топоры; 9 – изделие с сакральным назначением. 1-5, 7, 8, 10 – камень; 6 – кость; 9 – шина
Рисунок 4 – Святылище Савин. Вещественный материал

1–10, 12–15, 23, 24 – орудия на пластинах; 1–3, 5 – ножи; 4, 7, 8, 10, 24 – концевые скребки;
6, 9, 23 – острия; 11 – нуклеус; 14 – наконечник стрелы. 16–22, 25, 26 – орудия на отщепках: 16 – нож-скобель-проколка;
17–22, 25, 26 – скребки

Рисунок 5 – Святылище Савин. Орудия из камня

Определенный интерес вызывают находки только костей черепа и конечностей лошади у многих столбов во рвах, главным образом в северной половине первого круга, о чем упоминалось выше.

Обращает на себя внимание солярно-астральный характер орнаментации (треугольники, ромбы, вертикальные и горизонтальные елочки, зигзаги и др.) большей части сосудов святилища, особенно выполненной гребенчатым штампом (рисунки 6–8). Большой интерес представляет целый сосуд с орнаментом, символизирующим модель Вселенной и святилища и одновременно служивший лунным календарем (Потемкина, 1996, с. 119). Примечательно, что сосуд обнаружен в яме (№ 7), заполненной углистым слоем и расположенной в пределах западного входного коридора первого круга, который ориентирован на заход солнца в дни равноденствий. В эти дни, по данным астрономии, луна также может находиться в западном направлении (270°) в положении новолуния и неомении (отсутствие видимости молодого месяца в течение двух дней).

С лунной символикой связана и серия (около 40 экз. в обломках) вотивных предметов из глины пирожкообразной формы (рисунки 4, 9). Подавляющая часть их обнаружена вдоль западной стенки центрального сооружения первого круга, как раз напротив западного входного коридора, а также у края столбовых ям (№№ 17, 20, 22) рядом с пятнами охры в северном секторе рва этого же круга. О назначении этих изделий позволяет судить случай их нахождения в положении *in situ* в пределах ямы № 11 в том же западном входном коридоре рядом с упомянутым сосудом с орнаментом лунно-календарного содержания. Два изделия были сложены вместе выпуклыми сторонами наружу и помещены в ямку диаметром 20 см, заполненную охрой (Potyomkina, 1998, p. 318, fig 7). Местоположение предметов в направлении возможного появления молодой луны, условия их размещения и нахождение в комплексе с другими артефактами со сходным назначением позволяют считать их моделями половинок диска луны, символизирующих ее фазы. Сложенные вместе они являют собой символ полной луны в период полнолуния.

Одновременно это положение изделий и их форма могли символизировать и женское начало, особенно учитывая их размещение в ямке с красной охрой.

Найден также и лунный календарь — костяная пластина, разделенная на четыре секции, в каждой

из которых нанесен орнамент из семи крестиков (Потемкина, 1996, с. 119) (рисунок 4, 6).

С характером функционирования святилища связано и соотношение каменных орудий по их функциональному назначению. Как показывают трассологические определения, проведенные доктором ист. наук Г. Ф. Коробковой, основная часть орудий связана с обработкой шкур животных (65,9%), на втором месте — орудия по обработке дерева (21,8%) (Вохменцев, 2000, с. 15). Сравнительно большое место в коллекции занимают наконечники копий и стрел (28 экз. или 3% от числа орудий) (рисунок 4, 1–5). Половина из них найдена в центральном сооружении первого круга. Вероятно, действия с этим видом оружия занимали видное место в ритуалах посетителей Савина. В этой связи интерес представляет комплекс заготовок наконечников копий, стрел и скребков (всего 28 экз. из светлой яшмы), окрашенных охрой. Все они обнаружены в ямке диаметром 25 см в центре второго круга. Комплекс несомненно является жертвенным.

9 Особое место в ритуально-обрядовой практике посетителей святилища занимал огонь. Яркие проявления длительного и обширного возжигания огня присутствуют здесь повсюду: в заполнении рвов, в отдельных ямах и наземных кострищах. Но наиболее мощные и большие углистые наслоения с пятнами прокала и включениями углей присутствуют в центральной части обоих кругов, в северной половине рва первого круга, в северо-восточном и восточном секторах второго. Как правило, подобные наслоения подстилают все скопления находок, рассматриваемые как жертвенные.

Таким образом, материалы археологических раскопок святилища Савин с привлечением результатов остеологических, трассологических, палинологических, антропологических определений, скоррелированных с данными астрономии, позволяют реконструировать не только социально-экономический, но и мировоззренческий уровень развития энеолитического населения Зауралья.

Принадлежность святилища достаточно организованному охотничьим коллективам не вызывает сомнения. Охота на лошадь играла здесь ведущую роль. Знание повадок промысловых животных и их биологических ритмов, благодаря уже существующему календарю, привели к началу приручения этого животного. Основной формой отправления культа были коллективные жертвоприношения, которые сопровождалась магическими обрядами. Ведущие церемонии были

приурочены к восходам и заходам солнца и луны в дни равноденствий и солнцестояний. Вероятнее всего, обряды отражали годовой цикл чередования сезонов в промысловом календаре, по которому строились основные этапы, ритм и образ жизни охотничьих коллективов.

Связь основных церемоний с восходом солнца и луны в наиболее значимые для природных циклов года дни заставляет предполагать отношение к данным светилам как к божествам. Архитектура святилища, присутствие астрономических ориентиров, характер выявленных ритуально-обрядовых действий и особенности отдельных находок свидетельствуют о четко сложившейся мировоззренческой системе. Нет сомнения, что святилище Савин осмысливалось его создателями как модель Мира и потому имело строго организованную пространственную структуру в соответствии с горизонтальной, вертикальной и горизонтально-вертикальной проекциями Вселенной. По мировоззренческой логике ей придавалось не просто астрономическое, а более сложное и сущностное мифологоритуальное и космологическое содержание.

Имеющиеся материалы позволяют с достаточной долей уверенности предполагать, что у энеолитического населения Зауралья уже оформилась трехчастная модель мира в ее горизонтальной и вертикальной проекциях с делением Вселенной на три основные сферы – нижнюю, среднюю и верхнюю (рисунок 3).

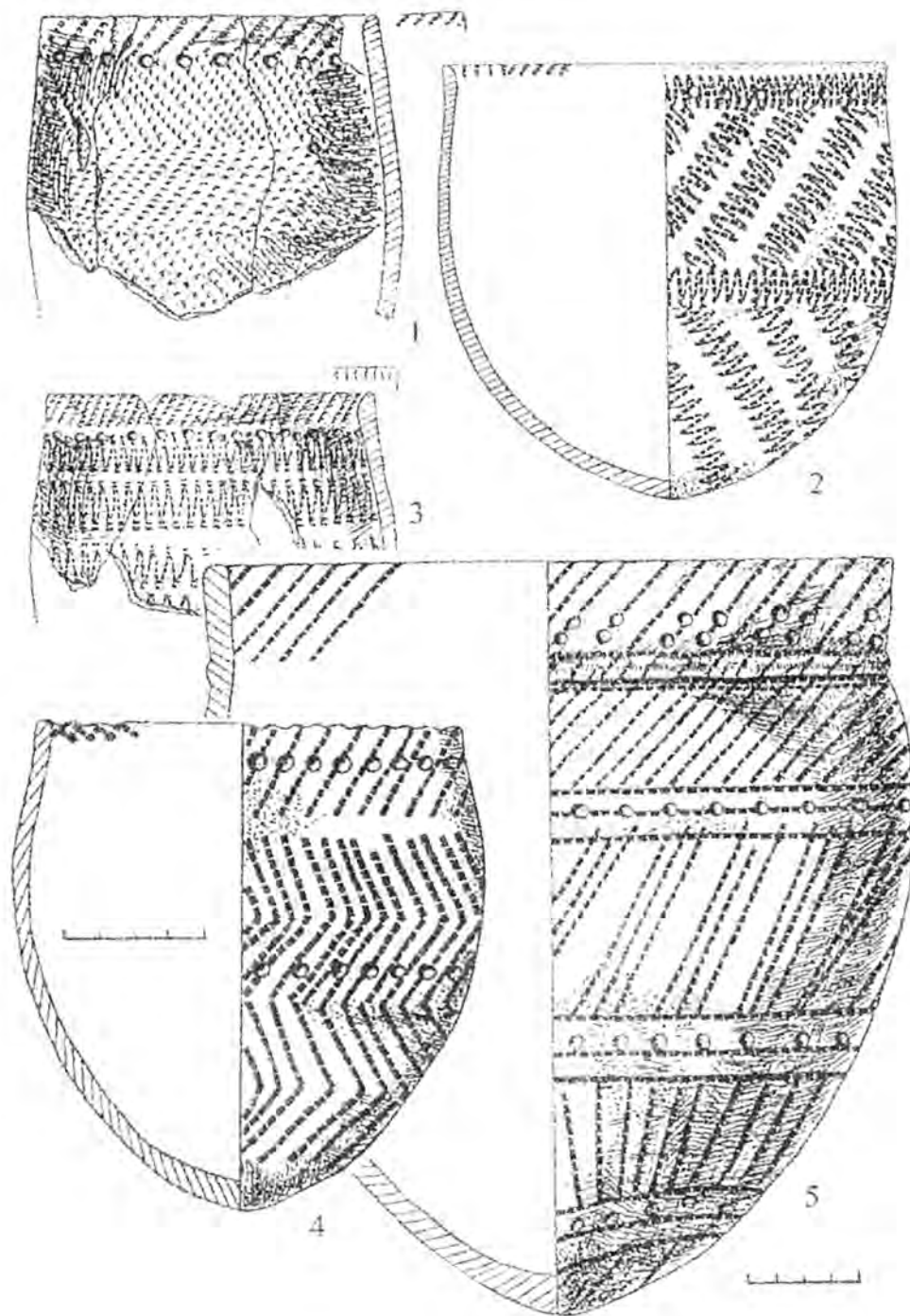
Горизонтальная модель особенно четко прослеживается на примере основных архитектурных элементов первого круга святилища: очерченное рвом круглое пространство с входными коридорами строго с восточной и западной сторон. Позже к этой схеме был добавлен еще один элемент — первый вал, который должен был либо дополнить, либо подменить функции восточного коридора.

Связь восточного коридора и вала с Верхним (небесным и светлым) миром была основана в представлениях древних на появлении диска восходящего солнца и первых его лучей на горизонте напротив просвета коридора и насыпи вала вдоль его оси в дни равноденствий. Эта связь, вероятно, подчеркивалась цветовой символикой, если учесть ярко-желтый цвет внутренней площадки круга и коридора, очищенной от верхнего слоя земли до материковой глины, а также насыпи вала, сложенной из светлого материкового слоя. Связь вала с Верхним миром отмечается самой конструкцией насыпи, в основание которой был подсыпан белый речной песок. Хорошо известно, что белый,

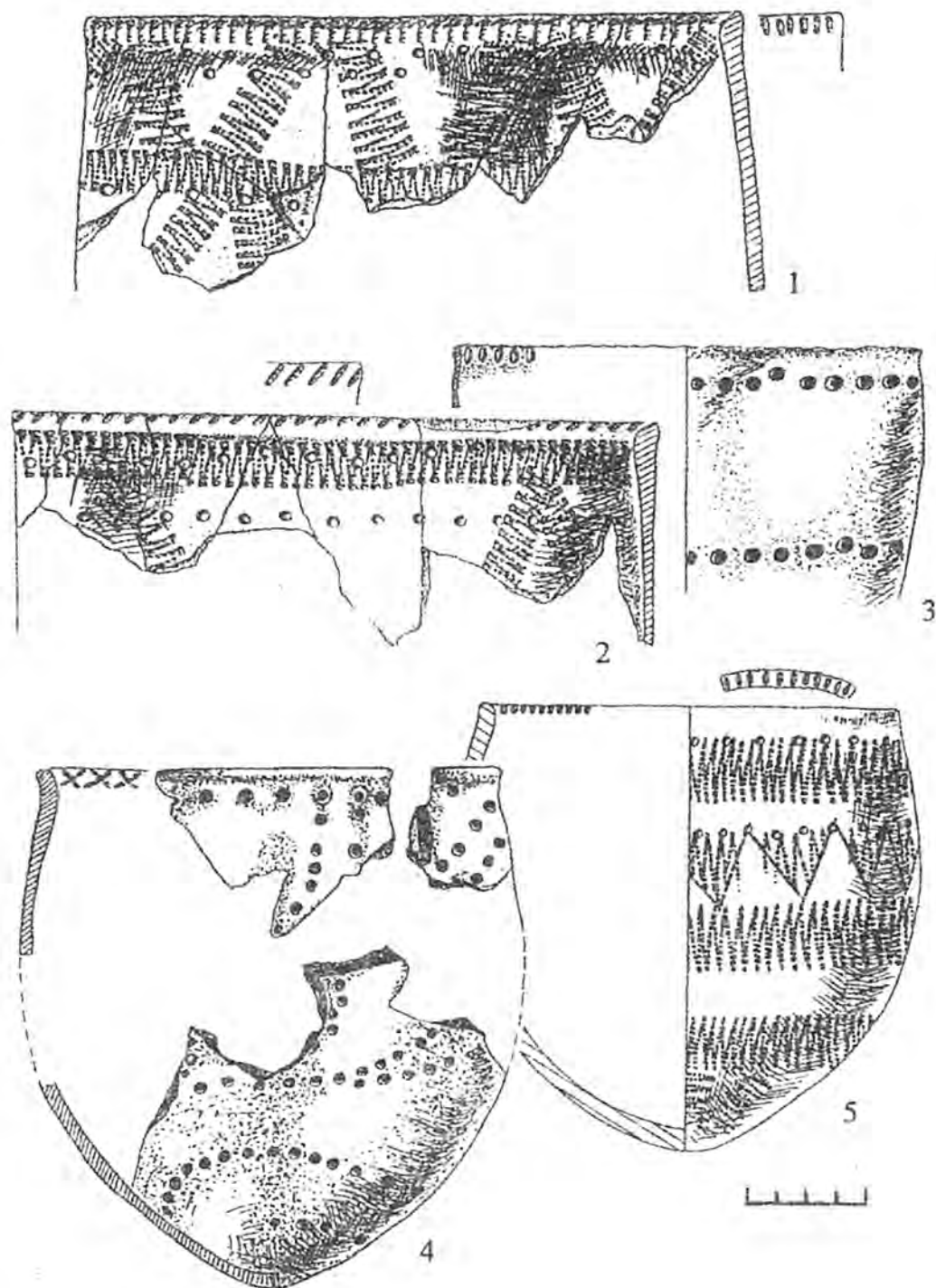
желтый, золотистый цвета, как и золото, с древнейших времен связаны с небесными и солярными символами и обозначали принадлежность к высшей сфере, как в области религиозных, так и социальных структур.

Западный входной коридор, фиксирующий точку исчезновения солнечного диска на горизонте в эти же дни, был связан с темным Нижним миром. Связь западного направления на святилище с Нижним миром, миром мертвых, маркирует также юго-западная ориентировка всех трех погребенных в ритуальном захоронении во рву второго круга.

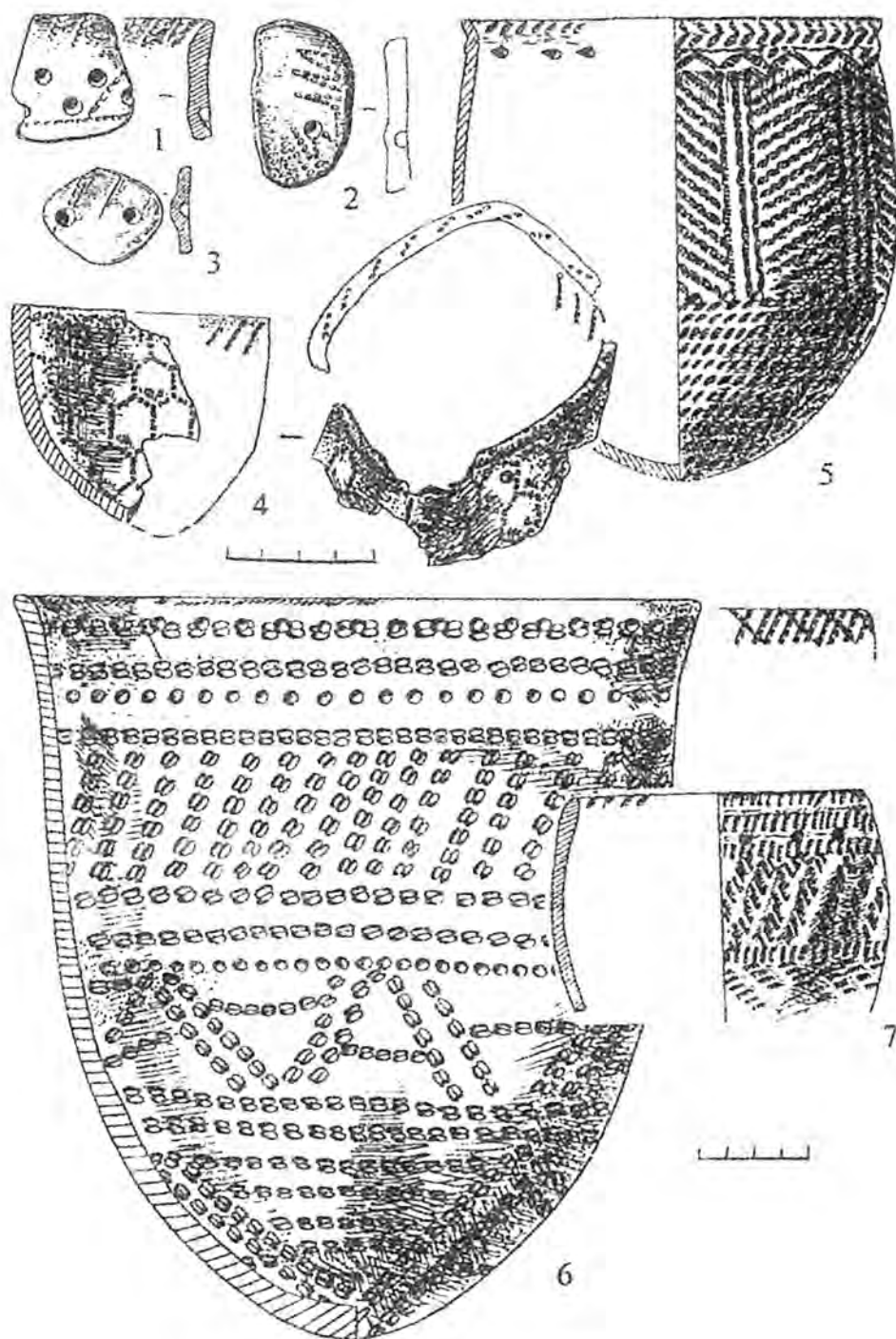
Средний мир, вероятнее всего, ассоциировался с прямоугольным сооружением в центре очерченной кольцевым рвом площадки. В качестве смыслового центра Среднего мира следует предполагать огражденную ровиком центральную часть сооружения, где находился центральный столб-гномон, возможно, оформленный в виде идола (для каждого из двух этапов функционирования первого круга был свой центральный столб – № 1 и № 3). Это предположение соответствует представлениям о Среднем мире как месте, откуда можно вести наблюдения, «видеть» Верхний и Нижний миры (Косарев, 1991, с. 176). И, вероятно, не только видеть, но и контактировать с ними и его обитателями путем разного рода ритуалов и обрядов, главным образом посредством жертвоприношений. Не случайно именно в пределах центра прямоугольного сооружения находились столбы, с места расположения которых разворачивалось (очерчивалось) сакральное пространство и с помощью которых осуществлялось визирование на основные точки направления восходов и заходов солнца и луны в наиболее значимые дни года. Отсюда велись также наблюдения за положением светил на небосводе. Один из центральных столбов (№ 1) являлся одновременно и гномоном, что предполагает существование примитивных солнечных часов. Именно в пределах центрального сооружения обнаружена основная часть жертвенных комплексов и наиболее значимые находки. Возможно, здесь во время церемоний занимали место и люди (жрец и его помощники?), руководившие ритуально-обрядовыми действиями, и посредством этого как бы осуществлявшие связь обитателей Земли или Среднего мира с представителями Верхнего и Нижнего миров. Священнослужители приветствовали восходящее солнце молитвами и жертвоприношениями, возжигали и поддерживали огонь, как символ Солнца.

1 – кв. II-2, ров; 2 – кв. 3-4, центральное углубление; 3 – кв. Г-2, ров; 4 – кв. II-1, ров; 5 – кв. Н-4, яма 55
Рисунок 6 – Святылище Савин. Керамика

1, 2 – кв. 3-4, Д-2, ров и центральное углубление; 3 – кв. Р-5, яма 60; 4 – кв. К-4; 5 – кв. И-1, яма 22
Рисунок 7 – Святыліца Савін. Кераміка

1-3 – фрагменты керамики с зашлифованными гранями; 4-7 – сосуды 1-4 – из культурного слоя; 5,7 – кв. В, Г-II, яма 24;

6 – кв. 0-7, яма с костями животных

Рисунок 8 – Святилище Савин. Керамика

Вертикальная трехчастная модель Вселенной как система миропонимания зауральского энеолитического населения также выявляется по материалам святилища Савин. Как показывает анализ материала, каждый из трех миров этой модели несет практически ту же смысловую нагрузку, что и в горизонтальной проекции. Одинаково осмысливалась и система связей между мирами, и основные связующие звенья, в качестве которых также выступают ведущие архитектурные элементы сооружений святилища, предметы с общепринятой для того времени символикой, жертвоприношения, ритуально-обрядовые действия.

Символом Верхнего мира в вертикальной проекции вероятней всего являлись столбы-маркеры того или иного солнечного направления, возможно, отмеченные разного рода знаками, изображениями. Эта связь устанавливалась не только благодаря тому, что столбы отмечали место появления главного божества Верхнего мира – Солнца, первыми принимали на себя его лучи и отмечали дальнейший путь на небосводе. Сама направленность столбов вверх, к Небу, к месту обитания божеств светлого мира, создавала представление о возможных путях контакта людей с ними. Некоторые столбы могли иметь сходное смысловое содержание, но связанное с Луной и представлениями о ее месте во Вселенной.

Столбы-меты могли обозначать также мировое, или космическое дерево, к разным частям которого были приурочены определенные миры: вершина столба, «приближенная» к Небу, была связана с Верхним миром; основание столба, вкопанное в землю, – с Нижним миром; средняя часть, возвышающаяся над землей и связывающая две остальных части, — со Средним миром. По представлениям древних участников обрядов на святилище столбы-ориентиры, как и мировое дерево, соединяли Небо и Землю, были мостом между мирами, посредниками верующего и божества. Вершина дерева (столба) с древнейших времен осмысливалась как место, куда могло спуститься с Неба то или иное божество или подняться в Небо существо, например, птица, — своеобразный посредник между мирами.

С Верхним миром в вертикальной модели Вселенной был связан огонь, следы которого имеются у каждого значимого столба-маркера. Мифы многих народов мира, прежде всего индоевропейских и индоиранских, свидетельствуют о персонификации огня с

Солнцем. Можно предполагать, что возжигание огня перед совершением жертвоприношения, наблюдаемое на Савине практически во всех жертвенных комплексах, связано также с представлениями об огне как о способе «приблизить» приносимые жертвы к Небу.

С Нижним миром в вертикальной проекции ассоциировалось место ниже поверхности земли. Как сообщение с Нижним миром могут рассматриваться ритуальные захоронения двух черепов у южной стенки рва внутри первого круга и трех человек во рву второго. Есть основания предполагать связь с Нижним миром предметов с лунарной символикой, обнаруженных в жертвенном комплексе западного входного коридора, где в дни равноденствия можно было наблюдать и определенное положение Луны. Известно, что у сибирских народов, как и многих других, Луна была символом земли, земных недр, Нижнего мира, выступала как женское начало, в то время как Солнце олицетворяло Верхний мир и мужское начало. В случае с упомянутыми предметами мы можем наблюдать представления, сходные с теми, которые имели место у индейцев Южной Америки: считалось, что во время новолуния на двое суток (в период неомении – прим. автора) месяц отправлялся в Нижний мир (Иванов, 1988, с. 79).

Эти и другие данные из раскопок святилища свидетельствуют о том, что обряды, посвященные Солнцу и Луне, совершались в одни и те же дни равноденствий и солнцестояний, но в разное время суток. Видимо, Солнце и Луна воспринимались в сознании энеолитического населения как наиболее значимые божества, но роль им отводилась разная. Солнце и Луна как бы всегда находились рядом, следовали друг за другом, как Небо и Земля, день и ночь, жизнь и смерть.

Средний мир в вертикальной проекции занимает то же место, что и в горизонтальной модели, со сходными представлениями о нем, как о Земле вместе со всем, что ее населяет и что на ней растет. О совмещении и пересечении положения Среднего мира в вертикальной и горизонтальной моделях, на наш взгляд, свидетельствуют материалы центрального сооружения первого круга, описанные выше. Здесь одновременно присутствуют наиболее значимые элементы обеих моделей: смысловой центр горизонтального сакрализованного пространства, обозначенного канавкой, и основная смысловая и конструктивная деталь вертикальной проекции в виде центрального столба.

На тесное переплетение и логичную взаимосвязь элементов горизонтального и вертикального осмысления вселенной, как двух разных, но равноправных проекций пространственных представлений, на их в общем-то одновременное появление обратил внимание М. Ф. Косарев, исследуя верования сибирского аборигенного населения (Косарев, 1991, с. 176).

Выявляемая на святилище система организации сакрального пространства и характер совершаемых календарно-охотничьих обрядов предполагают существование специальных лиц (жрецов?), строго регламентировавших все ритуальные действия и устанавливавших время и процедуру их совершения по ориентации на светила.

Таким образом, то значение, которое придавалось точному знанию направлений восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также положению луны на небосклоне, объясняет причину возведения святилищ, подобных Савину. Наблюдения за астрономическими явлениями лежали в основе жизненных функций общества. Они же легли в основу мировоззренческих представлений, связанных с пониманием Вселенной. Положения Солнца и Луны, связанные с сезонными изменениями, стали основополагающими в создании моделей Мира и их составных частей. Уже в эпоху энеолита с появлением круглоплановых святилищ четко прослеживается факт сложения цельной концептуальной трехсферной системы миропонимания.

Реконструируемая для энеолитического населения Зауралья по материалам святилища Савин модель организации сакрального пространства, в основе которой лежит трехчастная модель Мира в ее горизонтальной, вертикальной и горизонтально-вертикальной проекциях, находит близкие параллели в многочисленных этнографических, мифологических, фольклорных материалах многих коренных сибирских народов (Косарев, 1991, с. 167–182). Наиболее близкие аналоги, в отдельных случаяхходящие до тождества, наблюдаются в верованиях обских угров, где некоторые элементы древних культов и обрядов дожили до этнографической современности (Потемкина, 1995, с. 153, 154).

Параллели: круглоплановые сооружения Европы

Ближайшие аналогии зауральским круглоплановым памятникам на данном этапе исследова-

ний известны на достаточно удаленной территории – ронделы в Центральной Европе (Neugebauer, Neugebauer-Maresh, Winkler, Wilfing, 1984., pp. 100, 101; Podborsky, 1988, p. 23, obr. 10; p. 270, obr. 174) и хенджи на Британских островах. В последнем случае особое сходство с зауральскими святилищами имеют ранние хенджи со столбовыми конструкциями (Earth Woodhenge Monuments) (Вуд, 1981, с. 45, 46; Хокинс, Уайт, 1984, с. 63, рис. 3; с. 109–112).

Как европейские ронделы и хенджи, так и зауральские святилища со сходной информационной системой появились в период неолита-энеолита. Повсеместно они получили распространение в сравнительно узком хронологическом интервале (в пределах нескольких, возможно, двух-трех столетий), охватывая в целом период с начала IV до середины III тысячелетия до н. э., с некоторыми отклонениями в том или ином направлении в каждом конкретном случае. Существование всех этих памятников на разных территориях приходится на рубеж IV-III тысячелетий до н. э.

Среди европейских исследователей распространено мнение, что идея архитектуры этого типа сооружений возникла и получила развитие в Среднем Подунавье в эпоху неолита и связана с ранней лендельской культурой (первая половина IV тысячелетия до н. э.). Отсюда круглоплановые сооружения распространились к северу и западу Европы вплоть до Рейнской области (вторая половина IV – первая четверть III тысячелетия до н. э.). (Podborsky, с. 238, 239, 279–281; Сафронов, 1989, с. 125 и др.). На Британских островах самые ранние деревянные хенджи (вудхенджи) появились в Южной Англии на рубеже IV-III тысячелетий до н. э. и связаны с уиндмиллхиллской культурой. К самому началу III тысячелетия до н. э. большинство английских специалистов относит возведение мегалитических хенджей (Henge Monuments). Но большинство из них были созданы между 2500 и 1500 гг. до н. э. Примерно к 3000 г. до н. э. относятся первые деревянные столбовые конструкции, выявленные внутри Стоунхенджа. Внутренние каменные трилиты были поставлены здесь лишь в середине II тыс. до н. э. (Вуд, 1981, с. 203–228; Хокинс, Уайт, 1984, с. 61–87; Podborsky, 1988, с. 279, 280).

При намечающейся последовательности появления археоастрономических объектов в разных регионах Европы специалисты не исключают и синхронного развития данного типа сооружений на всей территории европейской неолитической цивилизации

(Podborsky, с. 238). Первые известные круглоплановые святилища в Зауралье занимают близкие в хронологическом отношении позиции: рубеж IV-III – начало III тысячелетия до н. э.

Несомненна связь появления сооружений с астрономическим значением во всех отмеченных регионах с процессом становления производящего хозяйства, в первую очередь связанного с ранним земледелием в Юго-Восточной Европе. От наблюдения за небесными светилами, отражающими изменения природных условий, зависела хозяйственная деятельность. Особо важное значение этот факт имел в условиях умеренного и континентального климата с резкой сменой погодных условий от холодной зимы до влажного лета. Именно на этой широте (44°–56° с. ш.) возникли и получили наиболее широкое распространение памятники рассматриваемого типа.

Появление сооружений с круговой архитектурой и астрономическими ориентирами было связано не только со становлением нового типа хозяйственной деятельности, но и сопутствующими ему изменениями в социальной структуре общества и мировоззренческих представлениях населения. Как мы видели на примере Савина, круговые конструкции со всей остальной атрибутикой знаменовали собой оформление качественно новых представлений о Вселенной в виде новой модели Мира в разных ее проекциях.

Новые представления складывались на основе возникших производственных процессов, требующих укрепления власти и родственных связей, что в свою очередь, вызывало к жизни более четкие обоснования создания «строгой идеологической схемы». Она появилась в форме конкретной модели Мира (Вселенной), с ее иерархией – трехчастной моделью, имеющей горизонтальную и вертикальную проекции, где каждый член коллектива мог занять свою нишу в соответствии с местом на Земле. С упрочением родственных связей, усилением роли старейшин и жрецов, видимо, возрастало значение верований, связанных с культом предков и культом мирового дерева. Все это приводило к принципиальным изменениям в производственных отношениях и образе жизни.

При наличии общих признаков у ранних круглоплановых объектов, появившихся практически в одно время в отдаленных районах Евразии и обусловленных общим историческим процессом, следует подчеркнуть их принадлежность к различным ареалам, резко отличным в природно-географическом, эконо-

мическом, социальном, культурном, а в отдельных случаях и этническом аспектах, граница между которыми устанавливается в районе Поднепровья.

На Балканах и в Юго-Восточной Европе идея архитектуры рассматриваемых сооружений оформилась на базе раннеземледельческой и земледельческо-скотоводческой экономики, появившейся под воздействием анатолийского очага (Шнирельман, 1980, с. 86–88). В домашнем стаде доминировали козы и овцы; крупный рогатый скот и свиньи были немногочисленны. Лошадь отсутствовала.

В Центральной, Северной и Западной Европе круглоплановые сооружения появились с приходом на эти территории земледельческо-скотоводческого населения из более южных районов во второй половине IV – начале III тысячелетия до н. э. В этих районах наряду со скотоводством большую роль в хозяйстве продолжала играть охота на диких животных. Особенно показательны материалы круглоплановых памятников лендельской культуры в Словакии, где среди остеологических остатков кости диких животных являются преобладающими.

В качестве примера приведем результаты остеологических определений из раскопок рондели Борова в Западной Словакии (Nemejčova-Pavukova, 1997, s. 171–174). Из 320 идентифицированных костей, собранных на разной глубине во рву, только 37,4 % принадлежат домашним животным, среди которых первое место занимает крупный рогатый скот (18,7 %), затем овца или коза (15,9 %), свинья (0,9 %). Такой незначительный процент костей свиньи не характерен для раннеземледельческих памятников Карпатского бассейна, где она всегда занимает среди домашних животных второе место, а мелкий рогатый скот – третье. Диким животным принадлежит 59,2 % костей. Среди них основную часть составляют кости благородного оленя (20,6 %). Процент костей остальных животных (тура, кабана, зайца, лисы, медведя и др.) незначителен и колеблется в пределах 1,2–0,3 %.

Исследователи отмечают, что на памятниках, предшествующих лендельской культуре и более поздних, домашних животных намного больше. Возможно, это связано с тем, что приведенные примеры в большинстве своем относятся к памятникам ритуального назначения, что определяет специфику их палеофаунистических остатков. К числу таких особенностей относятся, например, присутствие костей человека среди остеологических остатков.

На Британские острова земледельцы и скотоводы переселились через пролив несколькими волнами на рубеже IV-III тысячелетий до н. э. Это население связывают с уиндмиллхиллской культурой. Главным занятием ее носителей было скотоводство с преимущественным разведением крупного рогатого скота. Присутствовали в стаде также овцы, козы, свиньи, собаки (Вуд, 1981, с. 37–40; Хокинс, Уайт, 1984, с. 55, 56; Шнирельман, 1980, с. 91).

В это же время в степной и лесостепной зонах Восточной Европы и урало-западносибирского региона продолжали существовать присваивающие формы экономики на базе охотничье-рыболовческого хозяйства. И только в отдельных экологических нишах, главным образом в широких поймах, в конце IV – начале III тысячелетия до н. э. не без воздействия населения юго-западных степных районов наметился переход к производящим формам хозяйства. Основой этого процесса явилась domestикация лошади, которая известна в этих районах как предмет массовой охоты с эпохи неолита.

Становление производящего хозяйства на базе domestикации лошади фиксируется в неолито-энеолитических культурах от Днепра до Ишима, где охота на лошадь играла ведущую роль. Это – среднестоговская культура на Днепре (Телепн, 1973, с. 73, 131–139), репинская на Дону (Синюк, 1981; Васильев, Синюк, 1985, с. 49–61), самарская и хвалынская в Поволжье и Приуралье (Васильев, 1981, с. 69, 70; Моргунова, 1995, с. 82–89), орловская в Прикаспии (Юдин, 1988, с. 102), суртандинская на Южном Урале (Матюшин, 1982, с. 277–285), терсекская в Верхнем Притоболье (Калиева, Логвин, 1977, с. 105–110), сосновоостровская в Среднем Притоболье (Потемкина, 1984, с. 86–90), ботайская на Ишиме (Зайберт, 1993, с. 196–204). Наиболее яркие памятники упомянутых культур, где кости лошади составляют от 80 % до 99 % (Деревка, Репино, Савин, Кожай 1, Ботай и др.), могут рассматриваться как принадлежащие обществам охотников на лошадь.

Известно, что наличие специализированной охоты предусматривает наиболее успешную domestикацию (Бекени, 1984, с. 11). Тысячелетний опыт охоты на лошадь в степной полосе Евразии привел к началу ее приручения в эпоху позднего неолита-энеолита, что в дальнейшем определило специфику хозяйственной деятельности населения этого региона, основанную на подвижном скотоводстве и других атрибутах с ним

связанных. Это нашло также яркое отражение в материальной культуре этой территории и исторически близких ей регионов: данных остеологии, свидетельствах разного рода ритуально-обрядовых действий; в календарной и культовой символике, предметах искусства. В Причерноморье и Волго-Уралье этот процесс начался почти на тысячелетие раньше и связан с до-ямными культурными образованиями мариупольской и хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общностей (КИО), специфика становления производящего хозяйства которых оказала влияние не только на характер местного развития, но и способствовала взаимодействию с раннеземледельческим населением Юго-Восточной Европы и охотничье-рыболовческим урало-западносибирского региона.

Различная историческая среда функционирования круглоплановых ритуальных центров получила наиболее яркое воплощение в отличающихся культурах, формах их проявления и символики. В земледельческих культурах Подунавья и Центральной Европы они носили ярко выраженное земледельческо-скотоводческое содержание (женские статуэтки, фигурки домашних животных, повозки и т. п.). В степи-лесостепи в это время особо заметную роль начинает играть символика, связанная с лошадью и ее приручением – жезлы с головой лошади, фигурки лошади, разного рода знаковые системы, в том числе и календарного значения, на костях лошади.

В то же время во всех рассматриваемых ареалах с началом становления производящего хозяйства широкое распространение получает солярно-лунарная и другая космогоническая символика, особенно ярко представленная на керамике. Четко выраженное солярное и в целом космическое содержание имеют планировка и архитектура самих круговых сооружений, которые являли собой модель Мира.

Учитывая, что западноевропейская литература по исследованию памятников с круглоплановой архитектурой мало доступна большинству российских специалистов, имеет смысл кратко остановиться на характеристике некоторых наиболее исследованных памятников этого типа, получивших название «археoaстрономических объектов». Поскольку круговые культовые объекты раньше появились в Южной и Центральной Европе, а в Северной Европе несколько позже, то именно в такой последовательности и имеет смысл изложить данный материал.

Тешетице-Коёвице

Одним из наиболее исследованных в Центральной Европе археоастрономических объектов с круглоплановой архитектурой является Тешетице-Коёвице в Южной Моравии, округ Зноймо (около 49° с. ш.). Памятник исследован раскопками полностью (1968–1988 гг., вскрытая площадь более 11 тыс. кв. м) и опубликован в фундаментальной, прекрасно изданной монографии (Podborsky, 1988). Рондела (ротонда) Тешетице-Коёвице относится к культуре моравской расписной керамики эпохи неолита, которая является вариантом лендельской культуры на территории Южной Моравии и Юго-Западной Словакии.

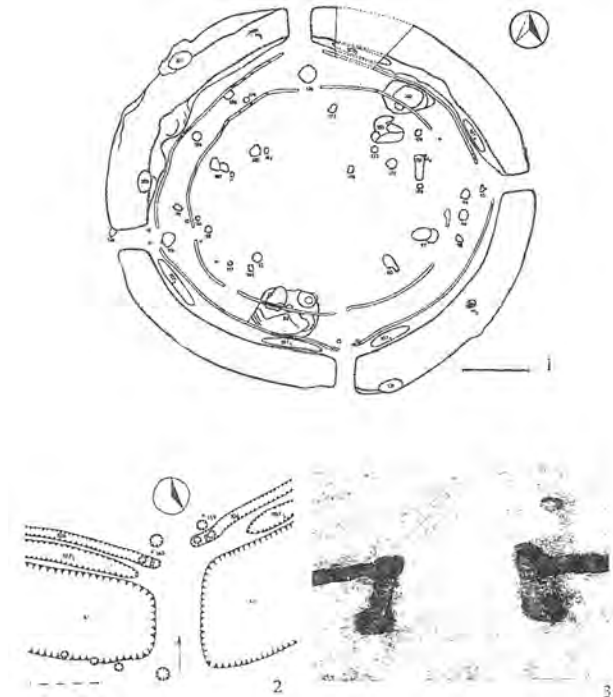
Памятник расположен в центре возвышения, окруженного рекой и ее заболоченными старицами, откуда открывается полный обзор местности. На прилегающей территории находится скопление поселений раннего этапа культуры моравской расписной керамики, в систему которых входит и рондела (Podborsky, 1988, s. 16–18). Памятник неодновременен, был построен на месте ранненеолитического поселения культуры линейно-ленточной керамики. За время своего существования рондела использовалась с небольшими временными интервалами неоднократно. Время функционирования — средний и поздний неолит.

Основным сооружением ронделы является кольцевой ров, средняя ширина которого 6,48 м, средняя максимальная глубина — 3,25 м. Диаметр внешнего охвата круга от западного до восточного входа — 63,7 м, от северного до южного — 58,6 м; диаметр внутренней окружности на этих же расстояниях — 53,2 м и 49 м. Внешняя окружность рва — 195,5 м, внутренняя — 159,4 м (Podborsky, 1988, s. 64). Во время раскопок из рва извлечено 1530 кубических метров земли, но следов древних кольцевых валов ни с внутренней, ни с внешней стороны рва не обнаружено.

С четырех сторон, соответствующих сторонам горизонта, ров имеет разрывы, которые являются проходами внутрь круга (рисунок 9, 1). С внутренней стороны рва, соответственно его очертаниям, прослежены две кольцевые канавки, которые являются основанием для столбовых конструкций, образующих палисады (следы частоколов). Обе канавки (частоколы) имели разрывы напротив проходов во рву. Внутренняя канавка с восточной стороны была разомкнута на расстоянии 20 м.

Автор раскопок полагает, что это связано с неза-

вершенностью строительства внутреннего палисада. Но, на наш взгляд, такой широкий разрыв оставлен преднамеренно, в связи с особой значимостью восточного прохода, как ориентира на восход солнца в дни равноденствий, в ритуально-обрядовых действиях: именно здесь были сосредоточены значимые жертвенные комплексы.

1 — план внутренней площади ронделы; 2 — план южного входа во внутреннюю часть ронделы; 3 — западный вход во внешнем палисаде

Рисунок 9 — Тешетице-Коёвице (по V. Podborsky, 1988.

1 — s. 73, obr. 62; 2 — s. 111, obr. 89; 3 — s. 119, obr. 96c)

Внутренний палисад образует внутреннюю часть ронделы размером 38 x 37,5 м, вытянутую в направлении З-В. В центре круга никаких сооружений не обнаружено. Ближе всего к центру находится яма 178, которая, судя по разрезу, могла быть столбовой (S. 91; obr. 74). Всего на внутренней площадке обнаружено 32 ямы с культурным заполнением и несколько столбовых ям. Часть ям относится к предшествующему ронделе поселению культуры линейно-ленточной керамики.

Интерес представляет ряд ям, достоверно связанных со временем функционирования ронделы. Ямы 115, 151 — сакральные. Яма 151 находится на-

против восточного прохода во рву, вытянута по линии С-Ю. В ее северо-восточном углу, в нише, обнаружен череп подростка 12 лет, а в остальном заполнении – две головки женских статуэток, куски красной краски, уникальная, расписанная белой и оранжевой краской, керамика со сложным геометрическим узором (Podborsky, 1988, s. 87–89; obr. 69, 103, 105). Яма 115 находится в западном входном коридоре, глубина более 1,5 м. В заполнении – скопление кусков глиняной обмазки со следами деревянных конструкций, кости животных, костяные украшения, бело-оранжевая расписная керамика (s. 85, 86; obr. 69, 115). Кроме указанных двух ям, керамика, крашенная белым и оранжевым, редких и разнообразных форм, в том числе миниатюрных, с нарядным геометрическим орнаментом и солярной символикой (крупные треугольники, сложные меандры, вертикальные и горизонтальные зигзаги, концентрические окружности и др.) почти сплошь заполняют яму 187 в западном секторе. Здесь же найдены: костяной рыболовный крючок, куски красной краски, кости животных, глиняная головка животного (s. 91, 92; obr. 74, 107–112).

Интересна яма 176 в северном проходе внутри круга. Как и яма 115 в западном коридоре, она достаточно глубокая, с кусками глиняной обмазки с отпечатками от прутьев в заполнении. Предполагается, что в ней крепилась деревянная конструкция типа мощного, высокого столба (s. 89, 90). В ямах 94, 96, 98 у восточного входа находятся развалы глиняных печей, редкие кости животных.

В заполнении кольцевого рва обнаружено два погребения. Одно из них (Н3) находится в юго-восточном секторе, в направлении восхода солнца в зимнем солнцестоянии (аналогичный случай имеет место на Савине). Погребенный – мужчина 26–28 лет, в неестественной позе, ориентирован головой на З-ЮЗ; у изголовья слева — четыре сосуда. Второе погребение (Н2) находится на одной линии в противоположной стороне рва, в северо-западном секторе, в направлении близком к заходу солнца в летнем солнцестоянии. Захоронение женщины 18 лет совершено на левом боку, сильно скорчено, с неестественным положением кистей рук и стоп ног, ориентирована на З-ЮЗ, лицом обращена на СЗ, у изголовья – скопление камней (s. 149–151, 161–165; obr. 122–125). В этом же секторе рва, к западу от погребения, находится обширная зерновая яма.

Основные находки также происходят из рва: большее число обломков посуды культуры моравской

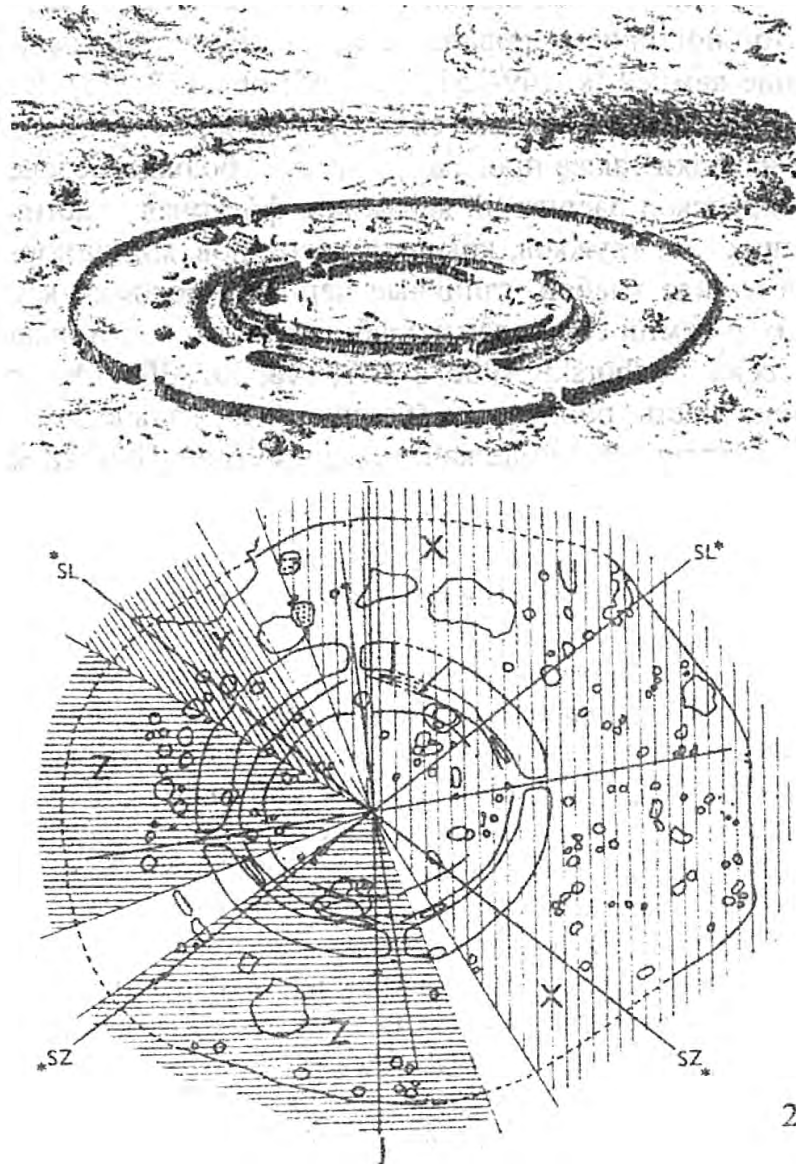
расписной керамики, фигурная пластика, бусы из раковин, обломки пряслиц, кружков, крышки от сосудов, миниатюрные сосуды, глиняные изделия в виде хлебов, глиняные черпаки, обломки костяных изделий, кости животных и камни со следами сработанности, кости животных и единичные кости человека (Podborsky, 1988, s. 147, 148, 302, 303; obr. 102).

Внутреннюю часть ронделы, ограниченную кольцевым рвом, окружает кольцо внешнего палисада в виде канавки диаметром 109–128 м, которое расположено на расстоянии 24–42 м от рва (рисунок 10, 1). Как и во внутренних палисадах, по дну канавки прослеживаются ямки от столбов, расположенные либо на близком расстоянии, либо с интервалами, образуя чисто символическое ограждение. Во внешнем палисаде имеется четыре входа по сторонам горизонта, направленных точно на главные входы в ротонду.

В пространстве между внешним палисадом и рвом не наблюдается систематической застройки. Здесь много ям различных размеров. Часть из них относится к более раннему времени, часть – к более позднему. Со временем существования ротонды связаны шесть обширных зерновых ям, расположенных цепочкой вдоль внешней стороны рва в западном секторе. В одной из них обнаружен скелет человека в положении на корточках. Череп был отделен от тела и помещен в нишу ямы (Podborsky, 1988, s. 107–109; obr. 86, 87).

В северном секторе в районе входа во внешнюю часть ронделы выявлены следы наземной хижины из столбов и двух полуземлянок (3,5 x 3,8 м и 4,1 x 3,1 м). Учитывая функции ронделы, можно предполагать их специальное назначение, связанное с обрядовыми действиями и обслуживанием ритуального центра.

Особо следует остановиться на оформлении входов во внутреннюю часть ронделы, поскольку эти конструктивные элементы являются едва ли не главными в архитектуре всего сооружения: они служили основными маркерами солнечно-лунных направлений и на этой основе с ними были связаны ведущие символы в существовавших представлениях о Вселенной. Возможно, поэтому эти конструкции были в числе первых восприняты энеолитическим раннекотловодческим населением Восточной Европы и получили отражение в архитектуре курганных святылищ и отдельных курганов как важный элемент мировоззренческой системы (Серова, Яровой, 1987, с. 65; рис. 31; Манзура, 1997, с. 28, рис. 1).

1 – реконструкция застройки ронделы; 2 – схема наблюдаемых астрономических направлений из ронделы
Рисунок 10 – Тешетице-Коёвице (по V. Podborsky, 1988: 1 – s. 271, obr. 175; 2 – s. 270, obr. 174)

Как уже отмечалось, все входы направлены по сторонам горизонта. Проходы во рву в виде разрывов представляли собой своего рода «лессовые» мосты шириной 2,4–3,35 м, оформленные разной системой столбов, наиболее четко фиксируемой с западной и южной сторон (s. 111–116, obr. 89) (рисунок 9, 2). Проходы во внешнем палисаде были оформлены в виде канавок со столбами по краям, образующих коридоры длиной 0,8–1,5 м, шириной 1,2–1,5 м, направленные к главным входам во внутреннюю часть ронделы (s. 117–122, obr. 96, 97) (рисунок 9, 3). Столы в канавках в большинстве случаев находятся на одной линии со столбами входных конструкций соответствующего направления.

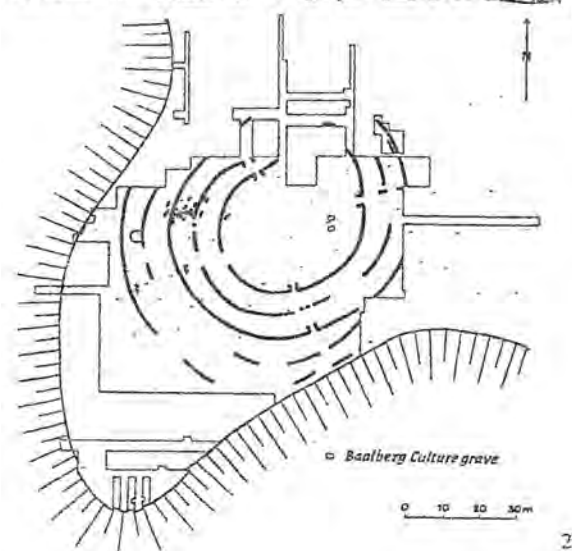
Комплекс описанных сооружений Тешетице-Коёвице интерпретируется авторами раскопок как культовый с палеоастрономическими функциями (рисунок 10, 2). Его значимость в полном и комплексном исследовании, положившем начало «рондельной (ротондной) археологии» в Европе в 80-е годы XX века.

Квенштедт

Первым исследованным памятником типа рондел и вудхенджей на территории северной части Центральной Европы является Квенштедт в 50 км к северо-западу от г. Галле в Германии (Behrens, 1981, p. 172–178). Раскопки его велись более десяти лет (1967–1980 гг.). Памятник – многослойный. Наиболее ранние сооружения в виде эллипсоидных палисадов оставлены населением баальбергской культуры эпохи неолита. Следующий слой представлен поселением бернбургской неолитической культуры, датируемым по четырем радиоуглеродным датам приблизительно 2400 г. до н. э. Многочисленные ямы бернбургского поселка заметно нарушили культурные наслоения предшествующего времени. Последний строительный горизонт относится к поселению эпохи бронзы, системы укрепления которого (вал и двойной ров перед ним) сильно разрушили кольцевые палисады в северной части памятника.

Сохранившиеся остатки сооружений первого строительного горизонта позволяют с достаточной полнотой реконструировать его архитектуру (рисунок 11, 1). Комплекс представлял собой слегка вытянутую окружность из пяти концентрических палисадов. От палисадов сохранились канавки шириной около 30 см по верхней кромке глубиной 20–80 см. Только на одном участке длиной около 10 м в северо-восточной части среднего кольца под валом бронзового века четко просматривались столбовые ямки. Благодаря им можно предполагать, что столбы в траншеях палисада были поставлены достаточно плотно, без широких щелей. При такой конструкции, как полагают авторы раскопок, для постройки палисадов потребовалось срубить около 5000 деревьев (Behrens, 1981, p. 177).

Наибольший диаметр внутреннего кольца равен 45 м, наименьший – 35 м. Длинная ось внешнего кольца составляет более 90 м. Расстояние между кольцами – примерно 6 м.

1—реконструкция системы палисадов; 2—схематический план, системы палисадов. Другие детали на плане, кроме двух погребений баальбергской культуры, не отмечены
Рисунок 11 – Квенштедт (По Н. Behrens, 1981: 1 – p. 177, fig. 5; 2 – p. 173, fig. 1)

Во внутреннюю часть круга ведут три входа, каждый из которых представляет собой совмещенную систему проходов всех пяти палисадов (рисунок 11, 2). Наиболее полно представлен южный вход, где проходы в отдельных палисадах оформлены разными конструктивными деталями. Во внутреннем и третьем кольце проходы имели ширину около 0,6 м и представляли собой загнутые внутрь края стенок палисадов на расстояние примерно 0,6 м. Сходное устройство имели проходы в Тешетице-Коёвице (рисунок 9, 3). В разрыве второго кольца шириной 3,5 м стояли два столба напротив загнутых внутрь концов (канавок) первого и третьего колец. В чет-

вертом и пятом палисадах входы представляли собой простые разрывы в стенках. У входа в четвертом кольце были обнаружены ямы от нескольких столбов, расположенных без видимой системы. Проходы в восточном и северо-западном направлениях также оформлены канавками, примыкающими с внутренней стороны к концам разрыва в кольцевых ровиках. С западной стороны два внутренних и четвертое кольца имеют разрывы, а третье и пятое – сплошные.

У четвертого кольца с западной стороны, точно напротив восточного коридора, имеется подпрямоугольная пристройка, не содержащая никаких находок. В третьем кольце на одной линии с осью пристройки посередине разрыва в палисаде находился столб. Все это располагалось на одной оси с системой восточных проходов.

В центре круга, огороженного системой палисадов, не было зафиксировано центральной точки, хотя самое высокое место очерченного пространства приходилось примерно на центр круга. В пределах внутреннего круга в восточной половине находилось два погребения баальбергской культуры по ряду труположения, датировка которых соответствует времени функционирования сооружения из пяти палисадов. Других свидетельств, связанных с культово-ритуальной деятельностью, не выявлено. Многочисленные ямы, обнаруженные на территории памятника, относятся к поселениям более позднего времени. Исследователи предполагают, что приподнятость поверхности в центре кольца могла явиться причиной того, что остатки жертвоприношений, лежавшие на поверхности, были уничтожены одновременно с эрозией почвы после того, как система палисадов перестала существовать.

Астрономические расчеты, соответствующие данным на 3000-й год до н. э., произведенные специалистами Гаальского университета, показали, что на период 4000–3000 гг. до н. э. проход в палисадах в направлении восток – северо-восток был ориентирован на восход солнца в день летнего солнцестояния, а северо-западный проход – на заход солнца в летнем солнцестоянии. Проход в направлении юг – юго-восток четко не коррелировался с направлением восхода солнца в зимнем солнцестоянии (Behrens, 1981, p. 174).

Учитывая эти астрономические данные и тот факт, что описанные палисады не могли являться ни укреплениями, ни загонами для скота, исследователи предполагают, что памятник использовался в ритуальных целях. Специфический характер памятника

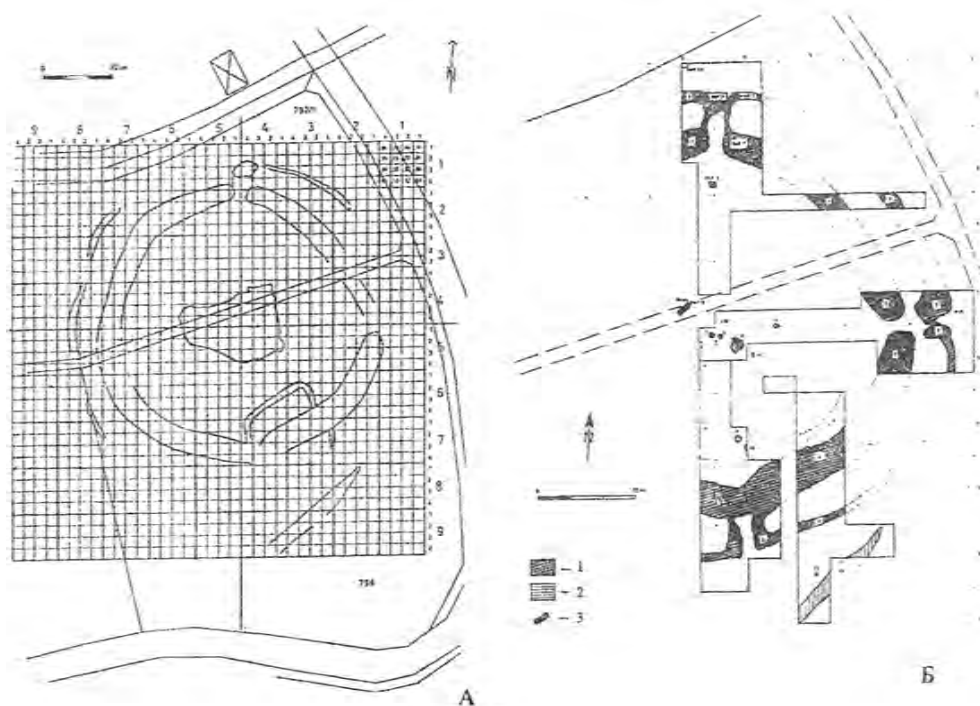
подтверждается также затратами времени и материалов, потребовавшихся на сооружение палисадов. Ближайшие аналогии – Вудхендж в Британии с шестью кольцами из столбов.

Фрибритц

На территории Австрии наиболее известным круглоплановым памятником является Фрибритц (Neugebauer J.W. и др, 1983). Хотя рондела до конца не раскопана, но ее параметры и основные конструкции вполне ясны (рисунок 12, 1, 2). Круговое сооружение образовано двумя рвами. Внешний ров имеет диаметр 140 м, ширину – 2,5–4 м, глубину – 1,6–2,7 м. Внутренний ров более внушительных размеров: диаметр 115 м, ширина 8–10 м, глубина 4–5 м. Авторы раскопок подсчитали, что при сооружении рвов Фрибритца было перемещено 6000 куб. м грунта, что потребовало от строителей огромных трудовых затрат.

В направлении главных сторон света во рвах имеются «мосты» шириной 4,5 м. Северный и восточный проходы четко совпадают с направлением на север и восток, а южный вход находится на 10 м к востоку от линии С-Ю. Внешний ров располагался на расстоянии 21–22,5 м от главного внутреннего. У входа внешний ров загибался во внутрь и сливался с внутренним рвом. Но у каждого из трех исследованных входов детали загибов отличались, в результате каждый из входов имел специфический вид (Neugebauer J.W. и др., 1983, s. 88, abb. 6, 9, 11). В южной части ронделы с внутренней стороны прослежен узкий двойной палисад, прилегающий к внутреннему рву.

Фрибритц известен среди европейских рондел тем, что здесь обнаружены следы достоверных человеческих жертвоприношений. Двойное погребение периода среднего неолита обнаружено в самом центре круга при глубокой вспашке почвы до начала раскопок. Скелеты лежали на глубине 25–30 см и не были повреждены. Могильная яма в гумусном слое не прослеживалась. Оба погребенных лежали на животе один на другом, головой на СВ. Мужчина 20–30 лет (нижний скелет) имел связанные на груди руки. Среди позвонков чуть выше пояса обнаружены следы составного копыя из пяти (3+2) микролитических пластин-вкладышей. Над ним была положена женщина 19–20 лет. Люди были умерщвлены и положены в неглубокую яму (s. 99, abb. 20, 21).

А – общий план; Б – план раскопов 1979 г. 1981–1983 гг.: 1 – лендельская культура; 2 – унетичья культура; 3 – погребение

Рисунок 12 – Фрибритц (по J. Neugebauer и др., 1983: А – s. 100, abb. 2; Б – s. 101, abb. 3)

Обширный материал свидетельствует о наличии культурных отложений трех хронологических периодов: ранний этап лендельской культуры; поздний этап лендельской культуры и культуры воронковидных кубков (как результат контактов и взаимодействия); поздний бронзовый век. Основные сооружения и время функционирования памятника относятся к лендельской культуре.

Стрит Хаус

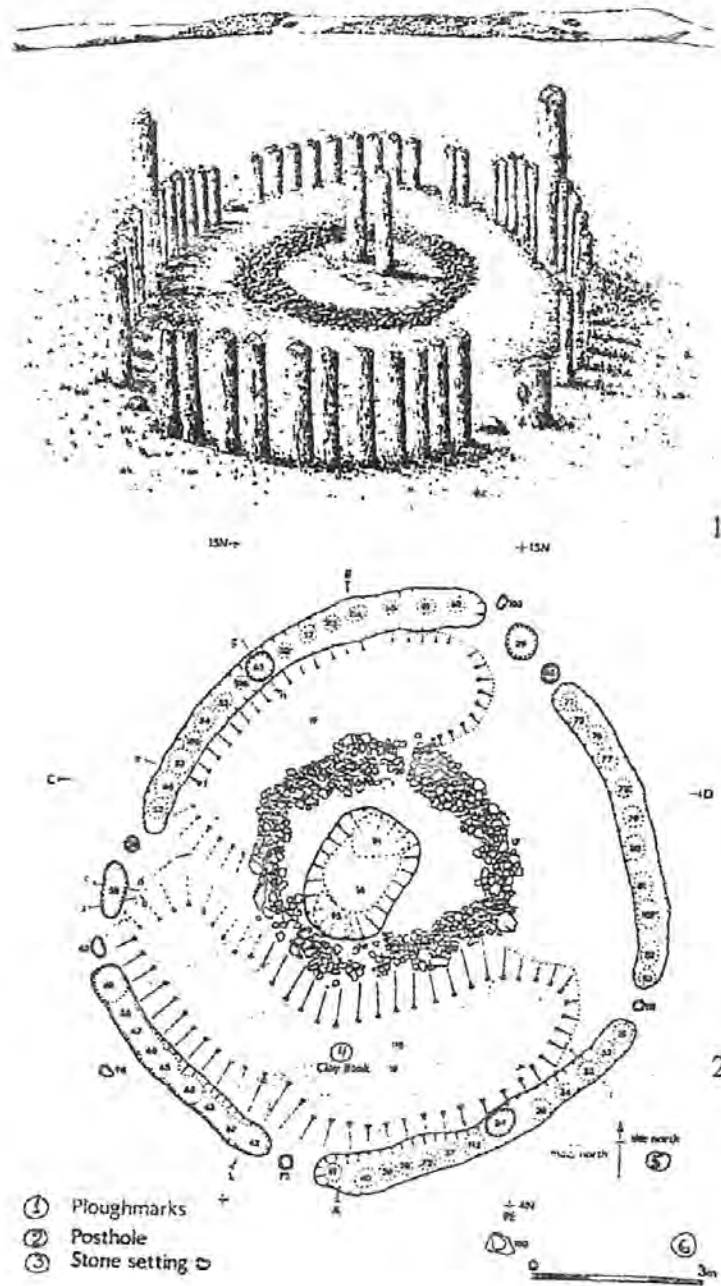
Примером ритуальных сооружений типа ранних вудхенджей эпохи позднего неолита, исследованных на территории Англии, является Стрит Хаус вблизи Лофтоса (около 54,3° с. ш.) (Vyneg, 1988, p. 173–201).

Внешне памятник представлял собой легкое всхолмление высотой 0,2 м, диаметром 8 м. Раскопками (1984–1986 гг.) выявлено сооружение округлой формы с внутренним диаметром 9 м, образованное четырьмя канавками шириной 0,5–0,3 м, глубиной 0,5 м, со следами вертикально установленных столбов (рисунок 13, 2). Столбы образовывали часток

по окружности с разрывом с четырех сторон. В разрывах, или посередине проходов между канавками, находились вкопанные бревна.

Внутри частоккола с северной и южной стороны находились валы из глины шириной 0,6–0,8 м, образуя вместе подковообразную форму, открытую с восточной стороны и с проходом в западном направлении. Концы валов располагались напротив столбов в разрывах между канавками. Под валом в юго-западной части на уровне древней поверхности выявлены следы легкого деревянного сооружения (2 x 1 м), внутри которого наблюдается концентрация пыльцы сладкого корня (*Poiriodium*).

В центре круга находилось прямоугольное углубление (2,23 x 1,6 м), вытянутое длинной осью в направлении СВ-ЮЗ. Стенки ямы обмазаны красной глиной (охрой?). У поперечных стенок по длинной оси были установлены толстые столбы (№№ 91, 95) диаметром 0,45–0,5 м. Для крепления бревен яма была забутована землей и камнями. Затем по контуру углубления был сооружен вал из красной чистой глины высотой 0,1–0,15 м, шириной 0,8 м.

1 – реконструкция сооружений; 2 – план раскопа
Рисунок 13 – Стрим Хаус (по В. Уйнер, 1988:1 – р. 198, fig. 15; 2 – р. 175, fig. 2)

Все описанные конструкции относятся к начальному этапу I периода функционирования памятника (эпохи позднего неолита). Авторы раскопок предполагают следующую последовательность их сооружения (Уйнер, 1988, р. 196–199).

Началу строительства объекта предшествовала ритуальная вспашка участка, о чем свидетельствуют следы вспашки почвы мотыгой или лопатой в виде борозд на фоне материковой глины под сооружениями (р. 175, 197). Подобные случаи прослежены в Англии и на других памятниках сходного типа, хотя имеется так же мнение, что подобные борозды – следы обычной земледельческой деятельности на предшествующем возведению памятника этапе.

Дальнейшие действия состояли в следующем: 1 – разметка траншей; 2 – рытье траншей и центрального углубления; 3 – установка двух столбов в центральном углублении и возведение вокруг вала из красной глины; 4 – возведение глиняных валов из материкового слоя; 5 – установка частокола из дубовых бревен в траншеях и столбов на перемычках.

Бревна для частокола тщательно подбирались по заранее продуманному плану: на разных участках объекта они отличались по размерам и высоте. Столбы на осевых линиях СВ-ЮЗ (№№ 29, 91, 93) и СЗ-ЮВ (№№ 65, 24) имели толщину 0,45-0,5 м и были вкопаны на глубину 1 м и более; в западной половине частокола между столбами № 65 и № 24 – соответственно толщиной 0,3-0,4 м, на глубину 0,35 м; в восточной половине – толщиной 0,2-0,25 м, на глубину – 0,4 м. Различная высота столбов с учетом подковообразного вала из материковой глины образовывали сооружение, открытое на восток (рисунок 13, 1).

И еще одна интересная деталь: в западной половине круга бревна были забутованы материковой глиной, камнями и щебнем; в восточной половине – чистой красной глиной.

На следующем этапе I периода функционирования памятника бревна были вынуты и сожжены, а канавки снова засыпаны вынутым грунтом с добавлением камней, щебня и угля. Большинство камней окатаны водой. Вокруг центрального сооружения с валом из красной глины было возведено кольцо из мелких скотлых камней, диаметром 4,8-4 м, шириной 0,8-1 м, которое повторяло очертания канав с частоколом.

Время функционирования ритуального центра в I период определяется по образцам угля от столбов частокола: 1790-1750±60-50 гг. до н. э. по некалиброванным датам; 2275-2160 гг. до н. э. – по калиброванным (Vyner, 1988, р. 195).

В культурном отношении памятник связан с позднеэнеолитическими комплексами, характерными для Северо-Восточной Англии. Керамика немногочисленна и имеет смешанный характер. Единичны фрагменты посуды культуры воронковидных кубков, которая считается на территории Англии пришлой. Коллекция каменного инвентаря достаточно представительная (1850 ед.). В культурных наслоениях, связанных с I периодом существования памятника, наиболее многочисленны скребки на отщепах, присутствуют также ножи, острия, проколки; в единичных случаях – наконечники стрел и обломки жерновов (Vyner, 1988, р. 187; табл. 1). Находки довольно равномерно распределяются в культурных наслоениях.

Результаты палинологического анализа свидетельствуют о существовании луговых условий распространения пыльцы, соответствующих эпохе неолита-энеолита. Исключительный интерес представляет наличие в слоях функционирования памятника большого количества спор папоротниковых и сладкого корня. Такая концентрация возможна только в случае, если эти травы намеренно приносились на место с определенной целью. Подобные случаи известны в Англии на других памятниках ритуального типа (Vyner, 1988, р. 195). Близкая ситуация выявлена и на Савине, где под насыпью первого вала обнаружена концентрация пыльцы полыни, цикория и мхов.

Стрит Хаус продолжал использоваться в ритуальных целях и в эпоху ранней бронзы. В это время над центральным углублением и траншеями был подсыпан щебень с камнями, окатанными водой и со следами чашевидных углублений, а также совершенно два кремнированных захоронения в сосудах. Одно из них находилось в каменной засыпке над центральным углублением, второе – в западном разрыве между валами. Среди находок – обломок каменной булавы и гагатовая пуговица, характерные для культуры воронковидных кубков.

Памятник на предмет археоастрономических ориентиров не исследовался. Но направления осевых линий, намеченных крупными столбами и разрывами в частоколе и траншеях, предполагают существование ориентиров, связанных с восходами и заходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний. По данным аэрофотосъемки, в 300 м к востоку от памятника находится более крупный объект с круговыми траншеями, что предполагает существование комплекса подобных сооружений.

В настоящее время в Англии исследован целый ряд круглоплановых объектов диаметром 10-20 м с деревянными и земляными конструкциями, сходных

со Стрит-Хаусом по устройству и характеру функционирования и датированных III – началом II тысячелетия до н. э. (Vулер, 1988, р. 200).

Стоунхендж

Из монументальных хенджей Англии широко известен Стоунхендж с сооружениями из огромных камней, которые ассоциируются у нас с этим памятником. Однако, кроме специалистов, мало кому известно, что ранний Стоунхендж был относительно простым замкнутым сооружением из земляных и деревянных конструкций и отличался от обычных хенджей только своими размерами (Хокинс, Уайт, 1984, с. 62–73; Вуд, с. 11–32, 202–213).

Ранний Стоунхендж (I этап) был сооружен в эпоху среднего неолита, по наиболее распространенной датировке в 2800 г. до н. э., более чем на тысячу лет раньше каменного Стоунхенджа, сохранившегося до наших дней.

Всего известно три этапа строительства и функционирования Стоунхенджа от неолита до конца ранней бронзы: I – 2800 г. до н. э.; II – 2400 г. до н. э.; III – 1600 г. до н. э. (даты приурочены приблизительно к началу этапов). Последний этап подразделяется еще на три этапа.

С первым этапом существования Стоунхенджа достоверно связывают следующие сооружения: два кольцевых вала; ров между валами; группу столбовых ямок в разрыве между рвом в проходе; два камня в проходе между концами внутреннего вала; четыре мощных столба напротив прохода за пределами валов (А); пяточный камень напротив входа с внешней стороны; кольцо из 56 ям внутри круга (рисунок 14, 1, 2). Предполагается также, что в центре круга на I этапе существовало также деревянное сооружение. Но поскольку в центре Стоунхенджа раскопки никогда не производились, это предположение остается всего лишь гипотезой.

Валы были сооружены из грунта, выброшенного на обе стороны при выемке рва. Внешний вал, в настоящее время почти исчезнувший, имел диаметр 115 м, ширину – 2,5 м, высоту – 0,5–0,8 м. Внутренний вал был главным сооружением и имел внушительные размеры: диаметр – 98 м, ширину – 6 м, высоту – не менее 1,8 м. Он был сооружен из твердого мела, из которого сложены верхние пласты вокруг Стоунхенджа. В древности вал имел ослепительно белый цвет, что хорошо заметно даже сегодня.

Ров между валами представлял собой кольцо из отдельных ям шириной 3–6 м, глубиной 1,3–2,1 м. Исследователи считают, что ров служил своего рода карьером для сооружения валов и в задачу сооружения не входил. В заполнении рва на дне найдены орудия (кирки из оленьих рогов, скребки из бычьих лопаток, изделия из камня и др.), керамика и кости животных, относящиеся ко времени строительства валов.

Вход, образованный на месте разрыва валов и рва имел ширину около 10 метров и был направлен на северо-восток. Его осевая линия, проходящая через центр круга, была ориентирована на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния. В проходе между концами рва находилась система небольших деревянных столбов, которые, как показывают исследования, могли служить для систематических определений точки восхода луны в полнолуние, ближайшее к зимнему солнцестоянию (Вуд, 1981, с. 204, рис. 6, 1). Перед входом, на расстоянии 20 метров с внешней стороны и точно напротив концов рва находится ряд из четырех больших, диаметром около метра, столбовых ям, расположенных на равном расстоянии друг от друга (А). Линия, проведенная через середину этого ряда, точно совпадает с центром прохода. Предполагается, что это были постоянные большие маркировочные столбы, в промежутках между которыми можно было наблюдать восходы «высокой» Луны после того, как небольшие столбы в проходе были сняты, выполнив свое назначение наметить направления на точки восхода Луны в различные моменты ее цикла в 18,6 года.

Пяточный камень находился напротив входа, на расстоянии 30 метров от большого вала, чуть дальше и восточнее столбов А. Это первый большой камень в Стоунхендже весом 35 тонн, длиной 6 метров, шириной 2,4 метра, толщиной 2,1 м, закопанный в землю на 1,2 метра. Первоначально он был закопан вертикально, сейчас несколько наклонен. Пяточный камень опоясан рвом, выкопанным в 3,5 метрах от его основания и специально заполненным дробленым мелом. Большинство специалистов считает несомненным, что пяточный камень на раннем этапе функционирования Стоунхенджа был лунным маркировочным знаком, отмечал восход Луны в середине ее 18,6-летнего цикла.

В проходе, точно по линии визирования и на одинаковом расстоянии от концов большого вала были установлены вертикальные камни Д и Е. Исходя из археологических данных считается, что это было сде-

лано после того, как столбы А сгнили и перестали функционировать (Вуд, 1981, с. 206). В таком случае, эти два камня должны были быть связаны с определением направлений восхода Луны.

Внутри круга близко к валу находилось кольцо лунки из 56 ям, получивших название «лунки Обри» по имени открывшего их исследователя в XVII веке. Лунки были тщательно размечены и образовывали, как и главный вал, точный круг диаметром 87,8 м. Диаметр лунок составляет 0,8–1,8 м, глубина 0,6–1,2 м; стенки ям – отвесные, дно – ровное.

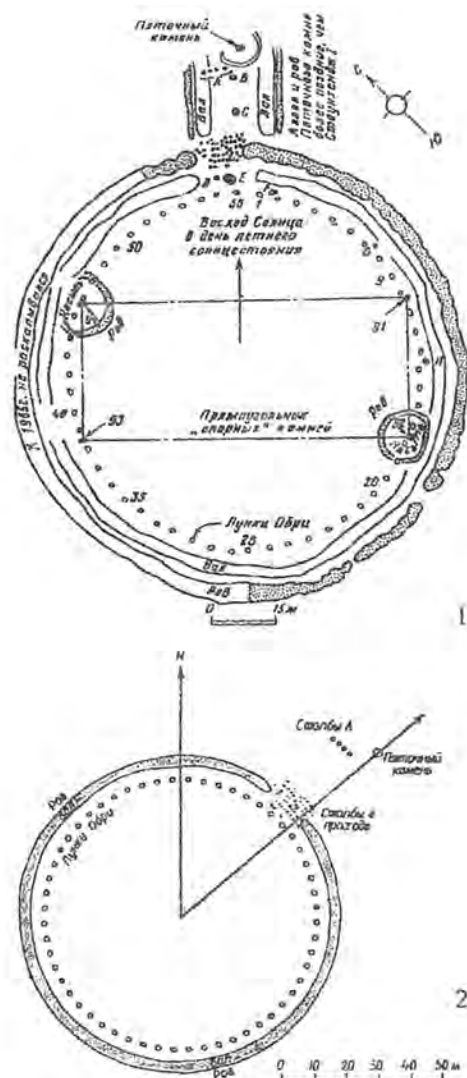

Рисунок 14 – Стоунхендж I. 1 – по Дж. Хокинсу, Дж. Уайту, 1984, с. 64, рис. 3; 2 – по Дж. Вуду, 1981, с. 204, рис. 9

После того, как лунки были выкопаны, они были вновь засыпаны дробленным мелом. Позже этот мел вновь выкапывался и вновь засыпался в лунки, нередко с включением кремнированных человеческих костей. Некоторые из вторично закопанных лунок вскрывались еще раз и опять заполнялись с новым включением обожженных костей. В настоящее время раскопана большая часть лунок Обри, и все они содержат включения кремнированных человеческих костей. Вместе с костями найдены длинные костяные булавки и кремневые изделия (Хокинс, Уайт, 1984, с. 68). Кроме лунок, около 30 кремнированных человеческих останков обнаружены в других местах, главным образом во рву и во внутреннем вале.

Почему лунок 56 и каково их назначение – вопрос для всех поколений исследователей Стоунхенджа, и потому версий по этому вопросу много. Наиболее убедительным считается предположение об использовании лунок в качестве маркировочных знаков, указывающих на точки восходов Луны (Вуд, 1981, с. 207).

Некоторые исследователи связывают со Стоунхенджем I на последнем этапе его функционирования также четыре «опорных» камня внутри круга и «Аллею» из двух земляных валов, оформлявших вход с внешней стороны (рисунок 14, 1).

«Опорные» камни были расположены на кольце лунок Обри. Два камня (№№ 92 и 94) стояли на насыпях, окруженных небольшими рвами диаметром 12 и 18 м. Камни образовывали углы прямоугольника, длинные стороны которого были перпендикулярны оси памятника, ориентированной на точку восхода в день летнего солнцестояния. Короткие стороны были параллельны оси «центр – Пяточный камень», а пересечение диагоналей находилось очень близко от центра круга.

По данным археологии «опорные» камни были установлены вскоре после завершения строительства рва, валов и кольца лунок. Дж. Хокинс, опираясь на астрономические расчеты, также доказывает их принадлежность к раннему этапу Стоунхенджа и считает «опорные» камни важной архитектурной деталью памятника, связанной с астрономическими наблюдениями и ритуальной деятельностью (Хокинс, Уайт, 1984, с. 71, 72). Вместе с направлениями на другие камни, «опорные» камни включают шесть из восьми основных направлений на точки восходов и заходов Луны; все четыре направления на точки восхода Солнца в дни солнцестояний, а также на точку восхода солнца в дни равноденствий (Вуд, 1981, с. 209).

Спорной является принадлежность к I этапу Стоунхенджа Аллеи из двух валов у входа. Некоторые считают, что она была сооружена одновременно с Пяточным камнем несколько позже кольцевых валов и рва и обозначала ось Стоунхенджа на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния (Вуд, 1981, с. 13, 14). Однако большинство исследователей связывают Аллею с началом строительства Стоунхенджа II.

Поскольку Аллея является одним из основных конструктивных элементов ранних этапов Стоунхенджа, приведем ее краткую характеристику. Аллея состоит из двух параллельных земляных валов, окаймленных рвами. Рвы были мелкими, а валы невысокими и в настоящее время почти незаметны. Расстояние между валами от гребня до гребня – 14 метров. Валы направлены точно на центр Стоунхенджа, а центральная линия между ними – на северо-восток, точно на восход Солнца в летнем солнцестоянии. Между валами начинается дорога, которая также ведет на северо-восток и продолжается в долине примерно на полтора километра.

Считается, что Стоунхендж II, как и Стоунхендж I, строился в пределах 100 лет (Хокинс, Уайт, 1984, с. 75).

Макотржаси

Выше был рассмотрен ряд археоастрономических объектов эпохи энеолита с круговой планировкой из нескольких регионов Западной Европы. Известны также подобные памятники этого же времени с угловыми формами, но они пока единичны и на предмет астрономических ориентиров не проверялись. Уникальным в этом отношении является объект Макотржаси в Центральной Богемии (50°08' с. ш.), в 15 км к северо-западу от Праги (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 3–35). Он представляет собой квадрат, образованный рвом. Длина сторон, направленных по сторонам света, равна 300 м. Общая площадь в пределах квадрата составляет 90 тыс. кв. м (рисунок 15).

Ров полностью исследован геофизическими методами с помощью протонного магнитометра с использованием квадратной сетки с интервалом 1 м. Помимо уточненных очертаний рва, совпавших не только с видимыми на поверхности, но и с раскопанными его частями, магнитометрическая съемка показала некоторые дополнительные детали (рисунок 15):

1 В юго-восточном углу (точка H) ров раздваивается и образует выступ дугообразной формы.

2 В южной стенке рва, ближе к юго-западному углу (точка C), прослежен четкий прямоугольный выступ.

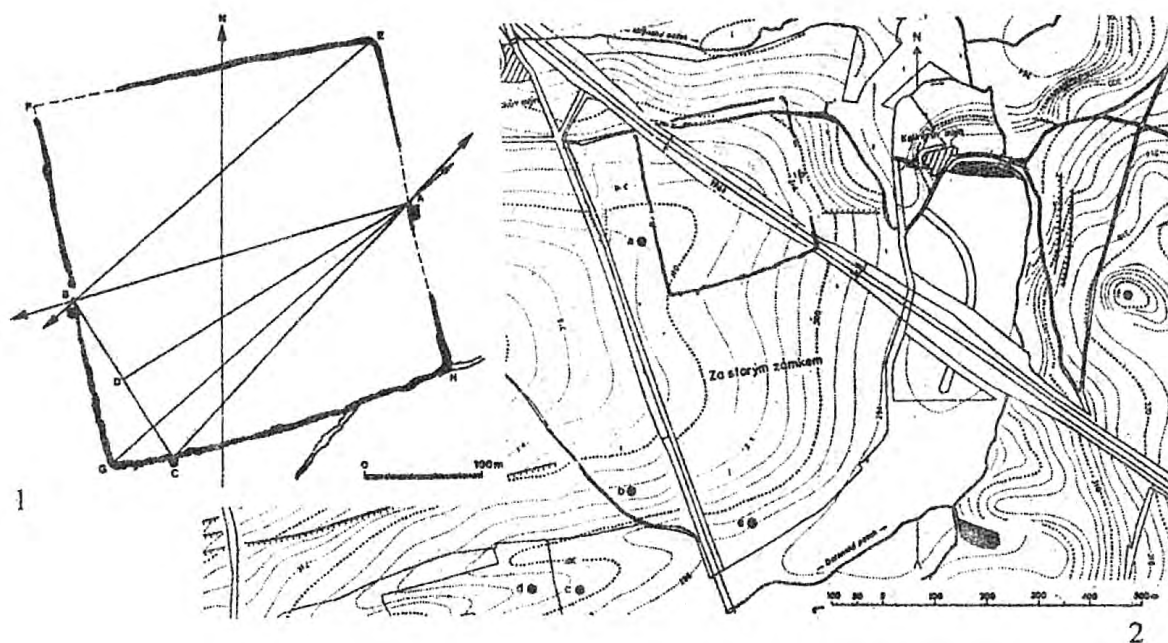
3 В центре западной стенки (точка B) ров прерывается и его очертания дают основание предполагать существование ворот. У южного конца разрыва имеется еще один выступ, а посередине разрыва прослеживаются очертания ямы.

Археологические раскопки 1961, 1975–78 гг., охватившие 2 % площади памятника, позволили значительно конкретизировать геофизические данные. Наиболее обширные материалы получены в 1961 г. при прокладке дороги через гряды, прорезавшей памятник траншеей шириной 40 м по диагонали квадрата с СЗ на ЮВ. В пределах траншеи выявлены ямы с керамикой, каменными орудиями и другими изделиями, многочисленные столбовые ямки, ряд погребений, среди которых имеются захоронения со следами неестественной смерти (Pleslova-Stikova and others, p. 3, fig 3–5).

Одновременно в пределах траншеи был исследован юго-восточный угол рва. Ответвление рва дугообразной формы, выявленное магнитометрической съемкой, оказалось более древним рвом. Ров, образующий прямой угол квадрата, – более поздний (рисунок 15,1). Верхняя часть последнего была раскопана на протяжении 39 метров, а нижняя его часть разрезана двумя траншеями. Поперечное сечение квадратного рва имеет наклонные стенки и плоское дно с узкой канавкой посередине (следы деревянной конструкции). Ширина рва у верхнего края – 4 м, у дна – 1,8 м, максимальная глубина – 2 м. По обе стороны рва были выявлены следы жилищ, ямы (некоторые со следами человеческих останков), многочисленные столбовые ямки и захоронения со скоплением камней (Plestova-Stikova and others, p. 3, 7, fig. 3).

В 1975–1977 гг. рядом с траншеей были исследованы также: 1 – средняя часть восточной стенки квадрата на месте предполагаемых восточных ворот (точка A); 2 – прямоугольный выступ в юго-западном углу (точка C); 3 – северо-восточный угол квадрата (точка E).

1 В точке A раскопами (5 x 5 м и 2 x 5 м) выявлены предполагаемые восточные ворота, сходные с западными. Кроме того, установлено, что стенки рва уже (2,2–0,7 м) и мельче (0,9–0,55 м), чем в юго-восточном углу. С внутренней стороны рва прослеживается канавка с выступом от частокола (палисада), обозначенная горелым заполнением. Снаружи в центре

1— схематическое изображение геометрии сооружения и основных азимутов; 2 — план квадратного сооружения культуры воронковидных кубков (TRB) на местности
 Рисунок 15 — Макоптржаси (по E. Pleslova-Stikova and others, 1980. 1—p.30, fig. 13; 2—p. 5, fig. 2)

выступа находится большая столбовая яма (60x40 см).

2 Раскопками в точке С были вскрыты прямоугольный выступ и часть площади рва с прилегающим пространством. Выступ оказался крупной ямой глубиной свыше 2 метров. Ров, прилегающий к яме с восточной стороны, — узкий и мелкий. Исследователи, учитывая геофизические данные, полагают, что прямоугольные выступы с южной стороны западных и восточных ворот также представляют собой глубокие ямы, связанные с квадратным замкнутым сооружением. С помощью густой сетки скважин установлено, что широкий выступ восточных ворот глубиной около 1,5 м соединялся узким и мелким перешейком со рвом.

3 В точке Е двумя траншеями были уточнены очертания рва в северо-восточном углу и его размеры. Угол в этом месте, как и другие исследованные углы квадрата, оказался слегка закруглен.

Все исследованные раскопками объекты квадратного сооружения (части рва, остатки жилищ, ямы, погребения) содержат керамику ранней баальбергской стадии культуры воронковидных кубков эпохи энеолита. Для памятника получена серия радиоуглерод-

ных дат. Калиброванные даты указывают на середину IV тысячелетия до н. э. (3530 г. до н. э.). По некалиброванным датам средний возраст памятника составляет 2748 лет до н. э. (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 3,11, fig. 5).

Специалисты из Астрономического института Академии наук Чехословакии исследовали памятник на предмет его астрономического использования. Для обоснования археоастрономического значения памятника были привлечены исследованные объекты квадратного сооружения: центральная часть восточных и западных ворот (точки А и В); прямоугольный выступ в южной стенке (точка С); основные углы сооружения (точки Е, Н, G). Некоторые из них (точки В и G) исследованы только геофизическими методами (рисунок 15, 1).

По полученным данным квадратное сооружение ориентировано по азимутам восхода и захода солнца в моменты солнцестояний (с учетом наклона экватора к эклиптике в 3500 г. до н. э.). Азимут линии, соединяющей юго-западный угол (G) с центральной частью восточных ворот (А), равен 49 градусам (восход солнца в летнее солнцестояние). Линия, соединяю-

щая северо-восточный угол (Е) с центральной частью западных ворот (В) параллельна GA и ее азимут также равен 49 градусам или, с противоположным значением, 229 градусам (точка захода солнца в зимнем солнцестоянии). Вопрос, как ориентировали строители свое сооружение – по центру наполовину поднявшегося солнца или же по первому или последнему касанию солнечного диска с горизонтом, – в данной ситуации решить невозможно.

Прямая видимость между точками Е и В, G и А могла быть лишь при наличии деревянных сооружений или столбов. Результаты археологических раскопок подтверждают это предположение: в пределах восточных ворот (точка А) обнаружена яма от мощного столба напротив частокольного выступа. Результаты астрономических исследований также показывают, что восход солнца в летнем солнцестоянии хорошо наблюдался из юго-западного угла сооружения (точка G) через столб № 1 в восточных воротах, т.е. в направлении GA, а заход в зимнем солнцестоянии — по аналогии в направлении EB. Специалисты не исключают возможности наблюдения в обратном направлении: восход при летнем солнцестоянии в направлении BE и заход при зимнем солнцестоянии в направлении AG (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 10–12). Полные раскопки могут выявить другие точки наблюдения: например, из угла Н на ориентир в середине северной стороны квадрата, связанный с точкой захода солнца в летнем солнцестоянии и т. п.

Исследования показали, что строители Макотржаси могли вычислять и наблюдать другие светила. Так, азимут А линии АВ равен 254° , что может отождествляться с заходом звезды Орион. Азимут линии СА составляет $41^\circ 64'$, что близко к значению крайнего северного азимута восхода луны. С учетом возвышения дальнего горизонта на этой линии и максимального северного склонения луны в 3500 г. до н. э. наблюдатель в точке С мог видеть полную луну над горизонтом с ее появлением, разделяемую столбом № 1 в точке А восточных ворот. Этот столб должен был иметь высоту около 13.5 м (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 14, 15).

Геометрической и астрономической основой всего квадратного сооружения, его исходной структурой, является треугольник ABC. Доказательства:

а) очертания треугольника. Стороны прямоугольных треугольников ADB и ADC приближаются к следующим значениям: гипотенуза 300 м, катеты

288 м и 84 м, что соответствует треугольнику Пифагора с соотношением сторон 7:24:25. Применение треугольника Пифагора на астрономических объектах доказано в целом ряде случаев;

б) измерение треугольника и расположение на местности. Гипотенуза прямоугольного треугольника приблизительно равна 300 м. Такова же примерная длина стороны квадрата в Макотржаси. В пересчете на так называемые мегалитические ярды это составляет 365. Если длина гипотенузы 300 м, то ее $1/365$ часть составит 0,8219 м, что близко соответствует мегалитическому ярду (0,829 м). Вполне возможно, что число 365 – не простое совпадение, а является календарным выражением продолжительности тропического года в сутках (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 13, 16, 17).

Основываясь на вышеизложенном, авторы исследования Макотржаси высказывают гипотезу об использовании треугольников Пифагора в палеоастрономических сооружениях, что уже ранее отмечалось рядом ученых (А. Том; Р. Мюллер; А. Том, А. С. Том, Р. Меррит, А. Мерит). Причину использования треугольников Пифагора в различных видах авторы видят в возможном строительстве сооружения по уже существующей модели или с учетом самого северного азимута восхода луны. Во всяком случае, люди того времени знали, как измерить горизонтальный угол между самой крайней точкой восхода луны и азимутом фиксированной точки на горизонте. Это могли быть точки на горизонте, связанные с восходом или заходом ярких звезд. Углы размечались на местности с помощью веревки. Обученные люди могли не дожидаться моментов восхода и захода солнца и луны в крайних точках, чтобы начать астрономически ориентированное строительство. Ряд треугольников Пифагора мог быть чем-то вроде начерченного плана, который использовался для возведения палеоастрономических сооружений (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 13, 16, 17–19).

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что в Макотржаси первоначально была проведена линия АВ по наблюдению захода Ориона. Затем вдоль этой линии был отмерен отрезок в 365 мегалитических ярдов. Точка С в треугольнике ABC была определена как своего рода «лунная обсерватория». Пункты Е и G могли быть установлены позже путем непосредственного определения точек солнцестояния на линиях, перпендикулярных АВ (рисунок 15, 1).

Археoaстрономическое сооружение в Макотржаси, по определению исследователей, является одним из наиболее ранних в Западной Европе. Сопоставление его датировки (3530 г. до н. э.) с калиброванными и некалиброванными датами памятников других энеолитических культур различных регионов Европы, Балкан и Передней Азии подтверждает это предположение (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 18, 20–23, 27–29, tabl. 1; 2).

Макотржасский квадрат рассматривается специалистами как сооружение религиозного назначения, связанное с культом Солнца и Луны. Размеры памятника площадью 9,33 га позволяют считать его главным религиозным центром определенной территории. Оборонительного значения сооружение не имело.

Появление подобных центров стало возможным в условиях дальнейшего развития производящей экономики в связи с развитием плужного земледелия. Наличие плуга с крупным рогатым скотом в упряжке фиксируется также и в культуре воронковидных кубков, к которой относится Макотржаси, и в синхронных ей культурах Европы. Плужное, как и ирригационное земледелие, явилось поворотным моментом в развитии первобытного общества с такими последствиями, как рост разделения труда, излишки продуктов, рост населения, социальное расслоение и иерархическая социальная структура, достаточно развитая религия.

Сама квадратная форма сооружения не является случайной и также имеет отношение к появлению плужного земледелия. На широкой территории с эпохи неолита и позже квадрат являлся знаком земли и символом вспаханного поля. Квадратная форма построек в качестве священного символа была широко распространена в древности в культовом строительстве в разных регионах от Средиземного моря до Средней Азии. Например, в Китае, заимствовавшем из Передней Азии некоторые элементы неолитической религии, храм неба был круглым, а храм земли квадратным. Знак квадрата, разделенного на четыре части, расшифровывается так же, как символ основных стран света или как четыре сезона основной календарной системы, необходимой для планирования сельскохозяйственных работ (Голан, 1994, с. 86, 87; 103–111).

Однозначные синхронные аналоги Макотржаси в европейской культуре пока не известны. Близкие к квадрату объекты раннего энеолита известны

на северо-востоке Болгарии. Это – Овчарово (21 м x 24,5 м) и Поляница (45 м x 45 м), но они имеют мощные укрепления с четырьмя воротами по сторонам света (Pleslova-Stikova and others, 1980, p. 8).

Крупные поселенческие центры с четкой планировкой и ограждениями из рва и вала прямоугольной формы со сторонами, ориентированными по сторонам света, и с воротами посередине известны в эпоху средней бронзы в Урало-Казахстанском регионе (петровская культура, вторая четверть II тысячелетия до н. э.). Наиболее исследованы поселения Новоникольское I (95 м x 60 м) и Петровка I (122 м x 69 м). На этих и других аналогичных поселениях на дне рвов, в ряде жилищ, на отдельных участках площади поселков зафиксированы жертвенные комплексы из частей скелетов и отдельных костей животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошади), сосудов, фрагментов керамики, отдельных орудий, часто совместно со следами огня и охры. На дне рвов и рядом со входами выявлены ямки от столбов (Зданович, 1988, с. 26–57, рис. 4; 6; 12–15). На предмет присутствия астрономических ориентиров данные памятники не проверялись.

Общая характеристика культовых круглоплановых сооружений Европы

Таким образом, исследования памятников с археоастрономическим значением в Европе начали активно и целенаправленно вестись с конца 60-х – начала 70-х годов XX века. За это время по аэрофотосъемкам в районе Дуная и Рейна на территории Моравии, Западной Словакии, Панонии, Нижней Австрии и Средней Германии выявлено более 60 памятников типа рондел. В Великобритании от Южной Англии до Шотландии известно свыше 200 памятников с деревянными (типа Вудхенджа) и мегалитическими (типа Стоунхенджа) конструкциями.

Обзор исследований европейских рондел и анализ известных (на 80-е гг. XX века) объектов этого типа, с их краткой характеристикой, иллюстрациями и типологической классификацией, определением функционального назначения впервые предприняты Владимиром Подборски. Приводятся и анализируются данные 55 памятников (Podborsky, 1988, s.167–276, obr. 139–174). Автор констатирует появление круглоплановых сооружений с астрономическими ориентирами в период раннего неолита, их широкое распространение в среднем и позднем неолите,

хотя они продолжают существовать и в эпоху энеолита. В Центральной Европе устанавливается четкая связь этих объектов с разными этапами и вариантами лендельской культуры.

По мнению В. Подборски, основным содержанием понятия рондела (ротонда) и сходных памятников является относительно правильная круговая архитектура с такими фортификационными элементами как ров, палисады (частоколы), возможно, земляной вал, и все это – с входами. Величина застройки и детали архитектурных элементов являются второстепенными признаками и отражают лишь типологию этой категории памятников (s. 240). Полностью соглашаясь с этим определением, можно лишь заметить, что в зависимости от природно-географических условий и местных традиций такой признак, как частокол, может быть заменен ограждениями мегалитического характера – менгирами, каменными плитами, стенками из камней и т. п.

Рассматривая типы конструкций рондел, исследователь классифицирует их с учетом топографической приуроченности и архитектурных особенностей. С точки зрения ландшафтной привязки намечается четыре разновидности данных памятников: на выраженном склоне, как правило к югу или юго-востоку; на низкой речной террасе или скалистом мысу с наклоном в сторону реки; много реже на возвышении водораздела; очень редко – на отдельно стоящем возвышении. Но во всех случаях памятник занимает доминирующее положение на населенной местности. Отмеченное положение рондел на местности в целом характерно для неолитических памятников (s. 240).

Архитектурные особенности рассматриваются по следующим критериям (s. 242–245):

А – используемые фортификационные элементы (ров, палисад и др.), их число, форма, характер заполнения. Более всего рондел имеет двойное кольцо рвов, из которых внутренний ров во всех случаях более мощный;

В – геометрическая форма: круг, овал, уплощенный круг;

С – вид и число входов. Имели место: простые входы, образованные разрывом во рвах, валах и частоколах; крылообразные коридоры, обращенные внутрь или наружу, оформленные канавками и столбовыми конструкциями; с соединенными ровиками концами двойных рвов; в виде деревянных мостов. Ширина входов зависела от монументальности объ-

ектов. Для рондел Центральной Европы обычны четыре входа по главным сторонам света (рисунки 9,1; 12; 13). Существовали круги и с меньшим числом входов. У английских хенджей, как правило, имели место два входа.

В большинстве случаев входы внутрь рондел, особенно на больших памятниках, имели характер торжественной длинной аллеи. Есть основания предполагать и строительство подходных дорог. Наличие парных ямок под стойки в конце рвов на перемычках, иногда посередине последних, свидетельствует о существовании простых конструкций, которые бы фиксировали восходы и заходы основных небесных светил;

D – географическая ориентация объектов, связанная с календарно-астрономическими функциями рондел.

По размерам ротонды делятся, исходя из предварительной разметки на местности при их строительстве, с учетом внутренних и внешних параметров на малые (диаметр 50–70 м), средние (80–150 м) и обширные (до 300 м). Английские памятники типа хенджей также можно разделить по величине на подобные категории: малые (40–70 м), средние (90–113 м), крупные (диаметр 450, 470).

Учитывая большие трудовые затраты на строительство этих объектов, их значение в жизни древних коллективов и длительное время сохраняющееся осознание святости этих мест, время существования крупных рондел определяется жизнью 3–4 поколений, максимум 6–7 поколений, то есть от 90 до 200 лет. Но большинство рондел, особенно небольших, по мнению В. Подборски, существовали ограниченное время – 25–30 лет (s. 250). Если имеется в виду конкретный этап существования памятника, то с этим можно согласиться.

Рассматривая значение и характер функционирования ротонд, В. Подборски приводит различные точки зрения исследователей по этому вопросу. Большинство специалистов считают, что данные объекты имели социально-культурное, культовое или информативное значение, являясь святылищами и культовыми центрами. Лишь некоторые исследователи считают эти памятники оборонительными. Сам В. Подборски, определяя характер функционирования рондел, обращает внимание на следующие специфические признаки: 1 – характер внутренней застройки; 2 – взаимосвязь с единокультурными поселениями и погребальными комплексами; 3 – при-

существование артефактов с сакральной значимостью внутри пространства круглоплановых объектов; 4 – наличие доказательств астрономической или общекалендарной информативной функции памятников (s. 260–262).

По каждому обозначенному основополагающему пункту автор делает конкретные выводы, основанные на анализе обширного материала (s. 263–275).

1 Внутренняя часть кругов не имеет застройки, характерной для поселений. Остатки отдельных построек в пределах ограждений свидетельствуют об их нежилом характере, больше связанном с особенностями функционирования рондел.

2 Установлена связь круговых сооружений с поселениями. В большинстве случаев они являются отдельной, но непосредственной частью поселений, которые в свою очередь ограждены вместе с ронделами укреплениями, в том числе и валами. Известен уникальный случай (Биланы 4, Чехия), когда в одном комплексе присутствуют круговое сооружение, поселение и могильник. Комплекс занимает площадь 800x400 м, протянувшуюся с запада на восток. Рондела расположена в восточной части комплекса. Она образована двумя кольцевыми рвами (внешний диаметр 120 м, внутренний – 95 м) с четырьмя входными коридорами по сторонам света. Западный вход со сложной системой оформления сдвинут к северо-западу. Поселение располагается к западу от кругового сооружения, а могильник – к северо-западу (Podborsky, 1988, s. 204, 205, obr. 149, 42). Весь комплекс памятников не имеет общего ограждения. Одновременно существовали ронделы, не связанные с конкретными поселениями и, вероятно, служащие культовыми центрами для нескольких расположенных вокруг поселений.

3 На сакральное значение рондел указывает ряд фактов, среди которых особую окраску приобретают: наличие культовых ям; скелетов животных (собаки, свиньи и др.); отдельных костей и скелетов человека вместе с костями и скелетами животных; жертвенных захоронений людей со следами неестественной смерти; захоронений человека с отчлененным черепом и отдельных черепов; присутствие таких культовых предметов, как статуэтки (иногда специально поврежденные), антропоморфные и зооморфные сосуды, модели предметов и др.; следы ритуальных действий (размеление зерна, растирание красок, следы огня, пепла, угля, сожжение зерна и т. п.).

4 Астрономические исследования на Тешети-

це-Коёвице свидетельствуют, что из геометрического центра ронделы можно надежно наблюдать восходы солнца и луны в дни летнего и зимнего солнцестояний. Но направления восходов и заходов светил не совпадают с входными коридорами в ронделу, а соответствуют специальным промежуткам в палисадах и отдельным столбовым и жертвенным ямам (Podborsky, 1988, s. 269, 270) (рисунок 10, 2). У других европейских рондел лучи солнца во время летнего солнцестояния также фиксировались не главными входами, а на первый взгляд, второстепенными сооружениями. В то же время имеется целый ряд рондел, где основными маркерами солнечных направлений являлись главные ворота. На некоторых памятниках основные солнечно-лунные направления вообще не просматриваются. Исследователи объясняют это тем, что для ранних земледельцев (как и для земледельцев вообще) существенным было не определение дней солнцестояний, а равноденствий, связанных с началом осенних и весенних посевов. Направления на восходы и заходы основных светил в дни равноденствий присутствуют и на ряде английских хенджей (s. 272, tabl.).

Исходя из имеющихся палеоастрономических анализов, В. Подборски достаточно уверенно предполагает прямое календарное (информативное) назначение европейских рондел. К такому же заключению приходят ученые Великобритании на примере исследования хенджей различных типов (Вуд, 1981; Хокинс, Уайт, 1984). В целом функции хенджей в системе жизнеобеспечения неолитического и энеолитического населения Европы определяются в качестве святилищ и ритуальных центров с аккумулярованными социальными, информативными и сакральными функциями.

Строительство подобных памятников связано с укреплением общей организованности общества, дальнейшим развитием человеческого мышления и с прогрессом в сфере религиозных представлений. Архитектура круговых сооружений служила практическим целям объединения коллективов, деятельность которых была связана с переходом к производящей экономике (Podborsky, 1988, s. 275, 276),

Хотя архитектура отдельных круглоплановых святилищ Европы в деталях нигде не повторяется, все они имеют сходство по целому ряду признаков, связанных с их планировкой и характером функционирования, основанных на присутствии астрономически

значимых ориентиров. Это сходство проявляется в следующих общих чертах:

- близкая географическая широта нахождения памятников (в пределах 44-56° с. ш. в условиях степных и лесостепных ландшафтов);
- топографическая приуроченность к возвышениям на равнинах и в широких речных поймах;
- круговая планировка;
- сравнительно малая площадь, ограниченная рвами или рвами и валами, без сплошной внутренней застройки;
- расположение и ориентация входов, преимущественно на точки восходов и заходов солнца в дни солнцестояний и равноденствий;
- наличие опорных ям для столбов, ориентированных на точки восходов и заходов светил в определенное время года с преобладающей ролью солнечных ориентиров;
- присутствие керамики, орудий труда, костей животных, предметов культового характера, следов огня, охры, человеческих скелетов внутри кругов и во рвах;
- присутствие в комплексе валов с астрономическим значением;
- планомерное строительство этих объектов, предварительно размеченных на местности;
- несколько этапов сооружения комплексов (обычно 2-3);
- время и характер функционирования в качестве центров с астрономическим, культово-социальным и календарным назначением.

Важно подчеркнуть, что как в Европе, так и в Зауралье, все отмеченные выше признаки сооружений с круговой архитектурой являлись основой конструктивных особенностей конкретных моделей организации сакрального пространства. Одновременно они представляли собой модели Вселенной в соответствии с образом жизни и мировоззренческими представлениями определенных групп населения. По своей символике эти модели наиболее близки одной из ранних форм мандалы – кругу с вписанным квадратом.

Круглоплановые святылища Зауралья близки европейским ронделам и вудхенджам по всем отмеченным архитектурным и функциональным признакам, а также по времени появления и бытования (начало – первая четверть III тысячелетия до н. э.). Вопрос об истоках их возникновения на столь удаленной от Ев-

ропы территории является предметом исследования в данной публикации. Пока эти памятники за Уралом единичны и имеют место лишь в северолесостепной и южнолесной зонах Притоболья.

До выявления серии подобных святылищ, установления их культурно-хронологических позиций, характера связи с синхронными поселениями и могильниками трудно выработать аргументированную концепцию по этому вопросу. На данном этапе исследований наиболее перспективным представляется рассмотрение круглоплановых святылищ на широком фоне хронологически близких историко-культурных явлений и территорий, где эти и сходные с ними по конструктивным особенностям и характеру функционирования памятники имели место. В этом направлении автор и попыталась провести свои исследования.

Культурно-хронологические позиции святылища Савин в энеолите Зауралья

На сегодня, несмотря на привлечение многих других, в том числе и естественнонаучных методов, основным критерием при определении культурной и хронологической позиции археологического памятника остается керамика.

Коллекция керамики со святылища Савин составляет 18 раздавленных сосудов и 5400 фрагментов от 380 сосудов, полуяйцевидной формы, с прямыми и наклонными внутрь стенками, иногда с выделенной шейкой (Вохменцев, 2000, с. 14). Венчики у большинства сосудов скошены вовнутрь. Ведущими элементами орнамента являются: горизонтальные ряды из наклонных оттисков, зигзагов, решеточек, треугольников, ромбов и др., разделенные на зоны рядами ямок (Potyomkina, 1988, p. 315, 321, fig.8). Техника нанесения орнамента – гребенчатый штамп (47 %), ямочные вдавления (12 %), отступающе-накольчатые приемы (3–5 %) и др. Имеются сосуды, сочетающие различную технику орнаментации. Строгой зависимости между элементами узора и техникой их исполнения не существует, хотя геометрические узоры нанесены преимущественно гребенчатым штампом с использованием разных приемов.

В керамической коллекции святылища Савин выделяется несколько культурных типов – сосновостровский и аятский (рисунки 6, 1–5; 7, 1, 2, 5), шапкульский (рисунок 8, 5, 7), липчинский (рисунок 8, 6), андреевский (рисунок 7, 3, 4), связанных с северолесостепным и

южнолесным кругом памятников. Преобладающей (64–68 %) является керамика с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом типа сосновоостровковой и аятской, очень сходных между собой. Оба типа керамики известны в южнолесных и лесостепных районах предгорной зоны Урала (свердловско-тагильском) и примыкающей территории Нижнего Притоболья (Викторова, 1968, с. 171, рис. 5; 6; Косарев, 1987, с. 252–254, рис. 85, 16–18, 26; 1993, с. 40–45, рис. 13; 14; Шорин, 1999, с. 4–8, 18–20, рис. 2, II. IV).

Одновременно посуда Савина с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом сопоставима также с энеолитической керамикой более южных лесостепных и степных памятников урало-западносибирско-североказахстанского региона: кысыкульской Южного Урала (Крижевская, 1977; табл. XII; Мосин, Беспрозванный, 1985х с. 83, 91, рис. 3, 6; Шорин, 1999, с. 16–18), суртандинской Башкирского Зауралья (Матюшин, 1982, с. 21 и др., табл. 1, 26), верхнеалабужской южнолесостепного Притоболья (Потемкина, 1985, с. 155–157, рис. 63, 1, 5, 11), терсекской Верхнего Притоболья (Калиева, Логвин, 1997, с. 71–99; Логвин, 1991, с. 31, 32, рис. 7; 8), ботайской Северного Казахстана (Зайберт, 1993, с. 87–95, рис. 22–25).

В то же время на памятнике присутствует и керамика, характерная только для культур лесной зоны. Это – шапкульская, орнаментированная фигурными штампами и оттисками косо поставленного гребенчатого штампа (17 % от реконструируемых сосудов) (рисунок 8, 5, 7), основными районами распространения которой являются Нижнее Притоболье и Приишимье (Старков, 1980, с. 160–162, табл. XXXI; Косарев, 1987, с. 258, рис. 89, 11–14; Шорин, 1999, с. 10–12, рис. 2); андреевская, украшенная только ямочными вдавлениями, иногда с дополнениями гребенчатого штампа (12 % сосудов) (рисунок 7, 3, 5), локализованная почти исключительно в Нижнем Притоболье (Ковалева, 1995, с. 24, 25, рис. 3–10; Косарев, 1987, с. 260, 261; 1993, с. 63–65).

К числу других разновидностей посуды, обнаруженных на святилище Савин, относится липчинская керамика с отступающе-накольчатой техникой орнаментации (3 % сосудов) (рисунок 8, б), бытовавшая в основном в свердловско-тагильском районе и Тюменском Притоболье (Косарев, 1987, с. 256, 257, рис. 88; 1993, с. 52–56, рис. 17; Шорин, 1999, с. 8–10, рис. 2).

Следовательно, на святилище Савин в одном комплексе присутствует несколько типов керамики,

существовавших одновременно, но связанных как с южнолесным, так лесостепным и степным кругом культур урало-западносибирско-казахстанского региона. Все типы керамики залегают совместно и, вероятно, использовались в процессе функционирования святилища в период одного хронологического среза в пределах нескольких десятилетий, но не более столетия. Такая картина не противоречит общей историко-культурной ситуации, сложившейся в указанном районе в эпоху энеолита. Многокомпонентность зауральских памятников эпохи энеолита отмечают почти все исследователи по данной проблематике (Косарев, 1987, с. 257, 260; Ковалева, 1995, с. 9, 15; Шорин, 1995, с. 35; Чаиркина, 1997, с. 35).

В значительной степени эта ситуация объясняется особым географическим положением исследуемого района, расположенного на равнинной части Зауралья в пограничье лесостепной и южнолесной зон с благоприятными природноклиматическими условиями. Это позволяет исследователям классифицировать данный район как «контактный культурный район», где доминирующими культурно-генетическими были не процессы рождения принципиально новых культурных «мод», а активного взаимодействия и смешения тех традиций, формирование которых происходило в сопредельных, подчас удаленных районах (Шорин, 1999, с. 63).

Но при всем разнообразии культурных керамических традиций ведущую роль на святилище Савин занимает посуда с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом, близкая сосновоостровковой и аятской. Это позволяет предполагать принадлежность святилища, в основном, к кругу памятников гребенчатого геометризма, расположенных на стыке Европы и Азии, преимущественно вдоль восточного склона Уральского хребта, с охватом различных ландшафтных зон Южного и Среднего Зауралья, Северного Казахстана. Сложение этих культур происходило в большинстве случаев на базе местных неолитических традиций. Исследователи объединяют энеолитические памятники с гребенчатой керамикой в единую зауральско-казахстанскую культурно-историческую общность (область) гребенчатого геометризма (Мосин, 1993, с. 14–18; Чаиркина, 1997; Шорин, 1999а, с. 23–26). В формулировке данного определения среди авторов имеются некоторые расхождения (Калиева, 2001, с. 154–156), на наш взгляд не принципиальные.

Общие хронологические рамки существования большинства культур указанной энеолитической общности гребенчато-геометрической керамики, с учетом обобщенных данных для Урала и прилегающих районов Поволжья и Западной Сибири, определяются в пределах от конца IV до конца третьей четверти III тысячелетия до н. э. (Шорин, 1999а, с. 82–86, табл. 5). Приведенные в сводке радиоуглеродные даты в большинстве случаев некалиброванные.

Святылище Савин, где преобладающей является керамика сосновоостровского (35 %) и аятского (29 %) типов, относимых исследователями к позднему энеолиту (Шорин, 1999, с. 87–89; Мосин, 2000, с. 27), а также с учетом других данных, может быть датировано в рамках первой половины III тысячелетия до н. э., а более конкретно – второй четвертью III тысячелетия до н. э. Последняя дата совпадает с некалиброванными датами (XXVII в. до н. э.), полученными для близких с Савином в культурном отношении поселений Кожай 1 и Кумкешу 1 в Верхнем Притоболье (Калиева, Логвин, 1997, с. 124) и Ботай в Северном Казахстане. Для поселения Ботай имеется также более десяти калиброванных дат в пределах XXXVI–XXXII вв. до н. э. (Levine, Kislenko, 1997, p. 298, table 1).

Абсолютные даты, предлагаемые для святылища Савин, согласуются и с радиоуглеродными датами (XXXI–XXVIII вв. до н. э.), полученными для сходных культурных комплексов энеолитических могильников Бузан 3 и на Большом Андреевском озере, а также шапкульского комплекса поселения Чечкино 2 в Тюменском Притоболье (Матвеев и др., 1997, с. 158).

Направление культурных связей энеолитического населения Зауралья

В контексте данной статьи важно обратить внимание на значительное сходство посуды с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом святылища Савин и ряда керамических комплексов неэнеолитического периода лесостепной зоны Волго-Уралья и Приуралья.

В первую очередь это касается памятников ивановско-тоцкого, или турганинского типа самарской культуры. Наиболее значительные коллекции керамики, обнаруживающей сходство с зауральской, присутствуют на следующих памятниках: Ивановская

стоянка (V группа керамики) (Моргунова, 1995, с. 43, 49, 50, рис. 40); Кузьминковская стоянка – крайний юго-восточный пункт самарской культуры (Моргунова, 1986, с. 32, 33, рис. 4); Вилатовская стоянка, (IV группа керамики) (Васильев и др., 1980, с. 165, рис. 8–11); Лебяжинка III (Овчинникова, 1995, с. 175, 176, рис. 4–6); Монахово 1 на р. Большой Узень (Юдин, 1986, с. 37, 38, 40, рис. 2). На сходство гребенчатой керамики указанных памятников с зауральской (кысыкульско-суртандинской, ботайско-терсекской) указывают как исследователи энеолитических комплексов Волго-Уралья (Васильев, 1995, с. 211; Моргунова, 1979, с. 20), так и Зауралья (Шорин, 1999а, с. 71–74).

На энеолитических памятниках лесостепного Волго-Уралья встречается также посуда, украшенная отступающе-накольчатой техникой орнаментации, близкая липчинской Зауралья, как правило в комплексах с гребенчатой керамикой (Мосин, Беспрозванный, 1985, с. 91; Матюшин, 1982, табл. 46 а, 17; Моргунова, 1995, рис. 12; Васильев и др., 1980, с. 159, рис. 5–7).

С южными и юго-западными районами Савин связывает и сходство индустрии каменного инвентаря: преобладание отщеповой техники, характерной для подавляющей части лесостепных и степных памятников энеолита; ведущее место среди орудий скребков (40–60 %) и сходство их форм; близость различных типов орудий, особенно заметная на примере оружия и охотничьего инвентаря (наконечников стрел, копий и др.), а также крупных шлифованных деревообрабатывающих орудий (топоров, тесел) (Матюшин, 1982, с. 43, табл. 12–16, 14 и др.; Калиева, Логвин, 1997, с. 40, 41, 46–58; Логвин, 1991, с. 34, рис. 9; 10; Зайберт, 1993, с. 38–68; Моргунова, 1986, с. 34, 53, рис. 6; Овчинникова, 1995, с. 177, рис. 12; 13; Мамонов, 1995, с. 20, рис. 4–10; Юдин, 1986, с. 53; Шорин, 1999а, с. 27, 28).

Из 1670 предметов из камня, обнаруженных на Савине, около тысячи подвергнуты трасологическому анализу д-ром ист. наук Г. Ф. Коробковой. Из числа последних орудия на отщепах составляют 70 %, на пластинах – 30 %. Основные типы орудий – скребки (44 %), ножи (18 %), скобели (12 %). Присутствуют также резчики (3 %), долота (2 %), стамески (2 %), сверла (1,5 %), проколки (1 %). В коллекции имеются каменные шлифованные тесла и топоры (10 экз.), наконечники копий (3) и стрел (25) (рисунки 4; 5).

Орудия использовались для обработки шкур (47 %), камня (12 %), дерева (10 %), разделки мяса (8 %), охоты (6 %) и прочее.

На направление юго-западных связей населения, посещавшего святилище, указывает и характер большей части сырья, используемого для изготовления орудий – южноуральская яшма желто-коричневого, серого, сургучного и др. цветов; кварциты различных пород.

Важными данными, подтверждающими тесные контакты с населением южных и западных территорий, являются результаты антропологических определений черепов из коллективного ритуального погребения во рву второго круга святилища (определения Г. В. Рыкушиной). Череп двух погребенных – мужчины зрелого возраста (скелет 1) и женщины около 16 лет (скелет 2) – имеют довольно грацильный, но высокий лицевой скелет, с заметной прогнатностью в альвеолярной части, что позволяет отнести их к кругу южноевропеоидных форм (восточносредиземноморский расовый тип). Череп третьего погребенного – мужчина зрелого возраста (скелет 3) – отличается крупными размерами и сильной уплощенностью лица, долихокранной лицевой коробкой, то есть именно теми чертами, что присущи североазиатским монголоидам. Следовательно, коллективное погребение во рву маркирует неоднородный расовый состав населения, оставившего святилище, и, по мнению Г. В. Рыкушиной, является новым подтверждением предположений о проникновении южных европеоидов на территорию Западной Сибири в эпоху неолита-энеолита. Отличительной особенностью черепов всех трех погребенных является своеобразный архаический комплекс признаков: сравнительно низкий свод черепа, малая высота чешуи височной кости, очень маленькие сосцевидные отростки при сильном развитии надглазничного рельефа; весьма крупные, с толстой эмалью зубы, что характерно для неолитического и более позднего угорского населения лесного Зауралья. Таким образом, население Савина, по имеющимся антропологическим данным, сочетает признаки более южных и более северных территорий.

Не менее интересны в интересующем нас плане и этнографические свидетельства: присутствие в обско-угорском календаре Нижнего Притоболья названий месяцев, близких названиям в календарях народов Поволжья и Прикамья (Симченко, Смоляк, Соколова, 1993, с. 209).

На связь в эпоху энеолита носителей лесных и лесостепных культур Зауралья со степными-лесостепными группами населения Волго-Уралья указывают и некоторые обычаи погребального обряда, которые не являются типичными для указанного региона (Зах и др., 1991, с. 40, 41; Матвеев и др., 1997, с. 156–158). К их числу А. Ф. Шорин (1999а, с. 46, 47) совершенно справедливо относит компактные могильные комплексы (более двадцати захоронений), расположенные на периферии рассматриваемого района в контактных зонах взаимодействия урало-казахстанского населения с населением сопредельных территорий, о чем говорят, например, Старо-Нагаевский могильник в Башкирии, могильник Верхняя Алабуга в Курганском Притоболье, где прослеживается влияние степной поволжской хвалынской энеолитической культуры, входящей в хвалынско-среднепестовскую культурную общность лесостепи и степи Восточной Европы.

К таким нетрадиционным для уральской южно-лесной-лесостепной зон признакам погребального обряда энеолитического населения относятся захоронения в позах скорченно на спине и скорченно на боку (могильник Верхняя Алабуга, погребения 5, 55, 83, 90,); ярусные захоронения (Верхняя Алабуга, погребения 55, 90; Савин, коллективное ритуальное погребение 3) (Потемкина, 1985, с. 151–154, 275; Potyomkina, 1998, pp. 315–317).

При этом важно отметить, что и инвентарь из указанных погребений могильника Верхняя Алабуга находит аналогии в энеолитических комплексах Приуралья и Поволжья. Прежде всего это относится к костяным прямоугольным пластинкам с зарубками для украшения головного убора (Потемкина, 1985, с. 151, 152, рис. 63, 3, 6–8; 155; 275, 276), аналогии которым также известны среди древностей хвалынско-среднепестовских памятников — в Хвалынском могильнике и на Ивановской дюне (Васильев, 1981, табл. 20, 26, 27; 22, 14; Моргунова, 1979, с. 16, 17, рис. 3, 1). Подобные пластины с отверстиями и зарубками из раковин и кости представлены также на памятниках самарской (Васильев, 1981, табл. 7, 11–15) и азово-днепровской культур, входящих в мариупольскую культурно-историческую область эпохи раннего энеолита, занимавшей обширные пространства лесостепи и степи от Урала до Поднепровья (Васильев, Синюк, 1985, с. 27–39). Существует мнение, что распространение подпрямоугольных пластин из раковин

и кости в Поволжско-Уральском регионе документирует контакты скотоводов степной и лесостепной полосы этого региона с раннеземледельческими обществами Юго-Восточной Европы, начиная с эпохи раннего Триполья, где эти изделия были широко известны. Их распространение в восточном ареале может быть объяснено за счет импорта или как результат подражания западным образцам (Дергачев, 1999, с. 188, рис. 8, 10; 12, 2, 3, 5–12).

Сосуды энеолитического могильника Верхняя Алабуга по форме, технике нанесения и элементам орнамента близки гребенчатой керамике Савина, хотя и имеют свою специфику (отсутствие ямочных вплетений в узоры и др.), обусловленную принадлежностью к лесостепному кругу культур и влиянием степных групп населения южных и западных районов (Потемкина, 1985, рис. 63, с. 155). Обряд погребения, инвентарь и керамика могильника позволили автору раскопок включить эти комплексы в круг древнейших памятников докурганного и раннекурганного периода и таким образом отодвинуть границу последних дальше на восток вплоть до р. Тобол (Потемкина, 1985, с. 276). Данная точка зрения получила поддержку у специалистов по рассматриваемой проблеме (Мосин, 1985, с. 128; Шорин, 1999, с. 54, Вохменцев, 2000, с. 18, 19).

В свете исследования энеолитических древностей последних лет как в лесостепном Зауралье (Вохменцев, 2000), так и на прилегающих территориях (Зайберт, 1993; Моргунова, 1995; Калиева, Логвин, 1997; Турецкий, 1999, с. 6–10; Шорин, 1995; 1999; 1999а) есть все основания говорить не только о контактах и воздействии, но и прямом проникновении населения поволжско-уральских степей в зауральско-казахстанские степные и лесостепные районы.

Пути контактов и взаимодействий облегчались географическим фактором, поскольку Средневожско-Приуральский и Зауральско-Казахстанский регионы на широте 53–56° представляют собой единую зону степного и лесостепного ландшафтов, объединенных хорошо развитой системой рек. Наиболее значительные из них – Белая, Самара (основной район распространения съезженских и хвалынских памятников), Урал, Тобол. Их основные притоки (Б. Кинель, Ток, Сакмара, Илек, Исеть, Миасс, Уй и др.) имеют в основном широтное направление; начало берут в районе низкогорного Срединного Урала, где смыкаются реки речных бассейнов Волги и Оби

(МСЭ, 1960, с. 783, 784). Верховья некоторых рек подходят здесь на достаточно близкие расстояния: 30–40 км. Большинство рек на равнинной части имеют широкие долины с многочисленными старинными озерами. Низкогорная часть Урала достаточно легко проходима, что создавало также определенные условия для сезонных миграций животных, являющихся основным объектом охоты.

Огромное влияние на разного рода подвижки населения оказывали климатические колебания, связанные с чередованием сухого и влажного климата. Изменение климатической обстановки в рассматриваемом регионе во многом зависело от колебаний водного режима Каспийского моря. Для интересующего нас процесса взаимодействия волго-уральского и зауральского населения важным фактором явилось наступление более сухого климата, связанного с регрессией Каспия, на рубеже IV-III и в первой половине III тысячелетия до н. э. (Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге, 1987, с. 106, 107, рис. 13, 4, 5; 110; 204, 226, 227; Иванов, Васильев, 1995, с. 125–145; Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, с. 52–58). Это вызвало отток прикаспийско-приуральских скотоводов и охотников в поисках более привычных природных лагун из южной степной зоны в более северные и восточные лесостепные и в южнолесные районы. Здесь, в широких речных поймах, климат был более благоприятным для соответствующей хозяйственной деятельности.

Можно говорить как минимум о двух волнах воздействия со стороны юго-западного энеолитического населения на общества лесостепного Зауралья. В период раннего энеолита (первая половина и середина IV тыс. до н. э.) речь может идти о самарской культуре, являющейся восточной окраиной обширной мариупольской культурно-исторической общности (КИО), охватывающей лесостепные и степные зоны от Урала до Днепра (Васильев, Синюк, 1985, с. 9–31, 71). Именно культуры мариупольской КИО обнаруживают некий общий субстрат, прослеживающийся в комплексе керамики и орудий труда, в специфическом наборе украшений, погребальном обряде и иных проявлениях духовной культуры. Ее характеризует и этническая интеграция разобщенных общинно-родовых коллективов со сходным социально-экономическим укладом и близкими верованиями. Потому мариупольская общность рассматривается в качестве исходного звена начавшегося в пору раннего энеолита

та процесса культурного, социального и экономического единения общностей юга Восточной Европы (Дергачев, 1999, с. 187, рис. 8, 10).

В период среднего и позднего энеолита (вторая половина IV – первая половина III тысячелетия до н. э.) новая волна мигрантов связана с носителями древностей хвалынского-среднепалеолитской общности, восточная периферия которой доходила до Урала (Васильев, Синюк, 1985, с. 40–61, 72).

Энеолитические культуры Урало-Поволжского региона в системе синхронных древностей Восточной и Юго-Восточной Европы

Импульсы, исходящие от носителей самарской и хвалынской культур в Волго-Уралье, не были односторонними, а охватывали широкую территорию. Имеются хорошо документированные свидетельства активного проникновения этих групп населения в северолесостепные и южнолесные районы Приуралья (Васильев, Синюк, с. 13, 14). Культурные связи в западном направлении достигали Поднепровья и даже Поднестровья (Телегин, 2000, с. 22, 23). Такая активность степного и лесостепного населения Восточной Европы может быть связана с переходом к новому типу хозяйства, основанного на доместикации лошади, начиная с раннеэнеолитического времени.

Во всех упомянутых энеолитических культурах и общностях степной и лесостепной зон Евразии – мариупольской, хвалынского-среднепалеолитской, терсекской, ботайской и др. – лошадь как основной объект охоты и доместикации на стадии перехода к подвижному скотоводству играла ведущую роль. В остеологических коллекциях всех опорных памятников кости лошади являются преобладающими (40–99 %), что свидетельствует о ее важном значении в жизни энеолитического населения на широкой территории. Это относится не только к хозяйственной деятельности, но и к мировоззренческим представлениям и связанной с ними культово-обрядовой практике (Даниленко, Шмаглей, 1972; Телегин, 1973, с. 131; Васильев, 1981, с. 69–71; Зайберт, 1993, с. 196–210; Моргунова, 1995, с. 82–89; Мещеряков, Моргунова, 1996, с. 46–52; Калиева, Логвин, 1997, с. 100–123; Юдин, 1998, с. 102).

Но при этом следует отметить, что кости лошади в изобилии встречаются именно на тех энеолитических памятниках, где вообще отмечается большая

роль охоты на диких животных (Мещеряков, Моргунова, 1996, с. 46–52). Эта ситуация соответствует предположениям, что эпохе доместикации как раз свойственна интенсивная охота на диких сородичей приручаемых животных. Потому больше основания говорить о процессе приручения лошадей в эпоху энеолита, а не о полностью сложившемся коневодческом хозяйстве (Шнирельман, 1994, с. 80). Хотя существует также мнение, что коневодство, возникнув вслед за самой ранней доместикацией дикой лошади, уже во второй половине IV тысячелетия до н. э. быстро распространилось на обширных территориях (Бекени, 1984, с. 13; Васильев, Синюк, 1985, с. 71).

Роль лошади, как одного из ведущих объектов охоты, ставшей основой доместикации и перехода к производящему хозяйству, получила отражение в культовой практике. В IV–III тысячелетиях до н. э. лошадь становится основной «кровавой жертвой», приносимой в особо важных случаях; ее образ получает распространение в изобразительном материале, преимущественно социально значимых предметах: каменных наконечниках, костяных фигурках лошади и др. (Даниленко, Шмаглей, 1972; Васильев, 1981, с. 69, табл. 7, 1, 2; Моргунова, 1995, с. 82–85, с. 172, рис. 76; Юдин, 1998, с. 102, рис. 7, 9–11; Телегин, 2000). Не только изобразительное искусство, известное по археологическим и этнографическим свидетельствам, но и данные фольклора, мифологии свидетельствуют о существовании у древнего населения степей-лесостепей от Дуная до Иртыша большого круга представлений, связанных с конем. Конь во многих случаях выступает как солярный символ, небесное существо, а часто как и верховное божество (Даниленко, 1974, с. 94–104, рис. 63–65; Мошинская, 1976, с. 37–45; 1979, с. 39–46; Манзура, 1997, с. 33–35, 40).

Материалы святылища Савин убедительно свидетельствуют не только о ведущей роли охоты на лошадь в хозяйстве энеолитического населения Зауралья, но и о ее значимости в культовой практике как основного жертвенного животного (Потемкина, 1994, с. 86–88). Учитывая наличие на Савине системы солярно-лунарных ориентиров и связи с ними различных ритуально-обрядовых действий, преимущественно с лошадью, можно предположить, что начало оформления представлений космологического образа коня относится в рассматриваемом регионе ко времени начавшегося приручения лошади (первая половина III тысячелетия до н. э.).

С началом приручения лошади связана относительная быстрота и легкость осуществления межплеменных контактов. При этом гораздо сильнее, чем раньше, воспринимались идеи единства социотнической принадлежности, что нашло свое отражение в сходстве материальной культуры (Васильев, Синюк, 1985, с. 27–29). Все это отражает глубинные исторические процессы как общего, так и регионального характера. Определяющим для всех энеолитических культур степей и лесостепей от Днестра до Ишима, а возможно и Иртыша, являлось относительно быстрое распространение на широких пространствах коневодческой специализации на разной основе в хозяйстве носителей этих культур.

Это приводит к формированию в пределах Юго-Восточной Европы уже в эпоху раннего энеолита двух качественно различных по культурному и социально-экономическому укладу общностей, представленных, с одной стороны, скотоводческим (или находящимся на стадии его становления) населением Урало-Поднепровья, а с другой, – древними земледельцами Правобережной Украины и Карпато-Поднепровья. Граница между этими общностями по общему мнению исследователей устанавливается в Поднепровье.

Огромную роль на характер взаимодействия земледельческой и скотоводческой общностей Юго-Восточной Европы оказывал сложившийся в раннем энеолите в Балкано-Подунавье металлургический очаг, определяемый как балкано-карпатская металлургическая провинция (БКМП) (Рындина, 1998; Черных, Авилова, Орловская, 2000). В этот период металл в степях Восточной Европы, вплоть до Поволжья, идет с Балкан, что явилось одним из факторов, обусловивших западное и юго-западное направление связей энеолитического населения Урало-Поволжского региона.

Сложившаяся ситуация ознаменовала собой новую эпоху длительного культурно-исторического взаимодействия земледельческого и преимущественно скотоводческого населения этих областей.

Одновременно с этим в эпоху энеолита в Поднепровье, от Припяти до Черного моря, складывается обширная контактная зона. Первые контакты трипольских общин с восточными обществами восходят к самым ранним фазам развития Триполья. В культурах всей мариупольской КИО от Днепра до Урала присутствуют свидетельства связей и контактов с

земледельческим населением западных районов, на что, помимо упомянутых прямоугольных пластин из кости и раковин, указывают также бусы и пронизи из раковин, изображения животных на костяных пластинках, в том числе и лошади, украшения из чистой меди и золота балканского происхождения (Васильев, Синюк, 1988, с. 31; Дергачев, 1999, с. 188, рис. 12, 2, 3, 5–12; Юдин, 1998, с. 102, 103).

Результатом контактов раннескотоводческого населения нижнего Дона с земледельческим является находка в пятом энеолитическом слое поселения Ракушечный Яр торса человека светло-желтого цвета с врезанными полосами. Ближайшие аналогии торсу известны в памятниках раннего Триполья и в раннеземледельческих культурах Европы (Караново, Винча, Гумельницаи др.). Судя по составу глины, эта статуэтка попала на нижний Дон в качестве импорта (Белановская, 1983, с. 11).

На хвалынско-среднеднепровском этапе происходило дальнейшее расширение скотоводческого ареала и углубление связей скотоводческих групп с населением земледельческих культур Кукутень-Триполье, а через них со Средней и Южной Европой. Хвалынско-среднеднепровская общность занимала территорию от Поднепровья и Приазовья до Волго-Уралья, куда входили такие культуры как среднеднепровская, репинская и хвалынская (Васильев, 1984, с. 22–42; Васильев, Синюк, 1985, с. 40–60). На западе население хвалынско-среднеднепровской КИО соприкасалось с рядом синхронных степных и лесостепных скотоводческих культур, известных как суворовская, новоданиловская, постмариупольская, занимавших территорию от низовьев Дуная до Поднепровья и представленных подкурганными и небольшими грунтовыми могильниками (Дергачев, 1999, с. 188, рис. 13, 11; с. 193, 194). Как и хвалынско-среднеднепровские, суворовско-новоданиловские и постмариупольские древности предшествовали ямной культуре (Алексеева, 1976, с. 176–186; Дергачев, 1986, с. 62–73; Рассамкин, 1988, с. 14–27; 2001, с. 123–125; Нечитайло, 1994, с. 26, 27; Николова А. А., 1994, с. 91–93; Васильев, 2001, с. 123–125; Ковалева, 2001, с. 20–24).

По мнению многих исследователей, именно с этими культурами связано обособление отдельных скотоводческих общин, развитие всадничества и переход к полукочевому образу жизни (Даниленко, Шмаглій, 1972; Мерперт, 1980; Бекени, 1994, с. 9–12).

С данным периодом (Триполье В 1, 2 – Кукутень А, А-В) исследователи связывают проникновение восточных скотоводческих племен в Карпато-Поднестровье и Подунавье и активное взаимодействие с земледельческими обществами (Дергачев, 1986, с. 71–73; 1999, с. 180–200; Мерперт, 1984, с. 239–242; Мовша, 1994, с. 46, 47; Николова Л., 1994, с. 96). В абсолютных датах (некалиброванных) – это время со второй четверти и середины IV тысячелетия до н. э. до середины III тысячелетия до н. э. (Бекени, 1984, с. 10, 11; Васильев, Синюк, 1985, с. 71, 72; Яровой, 1994, с. 32; Дергачев, 1986, с. 73; 1999, с. 188, 189) или 43–33 вв. до н. э. – по калиброванным датам (Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 59, 60, табл. 3-В, №№ 2, 7, 9, 10).

Для излагаемой в данной публикации концепции важно обратить внимание на оформление в этот период на территории Средней Европы лендельско-польгарской культурно-исторической общности, с которой связано широкое распространение круглоплановых святилищ с астрономическими ориентирами в Центральной и Северной Европе (Podborsky, 1988, с. 238, 239, 279–281), а также достоверно установленной ориентации погребений по солнцу (Титов, 1980, с. 397, 398). Лендельско-польгарская общность включала множество своеобразных культурных групп и занимала территорию от бассейна Дравы и австрийского Подунавья до низовьев Вислы и Одера, и от Рейна до верховьев Днестра и Горыни. Общее время существования лендельской культуры от рубежа V–IV тысячелетий до н. э. до начала III тысячелетия до н. э. – по некалиброванным датам (Титов, 1980, с. 367–412; Сафронов, 1989, с. 116–126; Дергачев, 1999, с. 192, рис. 13; Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 51–56, №№ 29, 32, 34, 44, 60) и 53–40 вв. до н. э. – по калиброванным (Черных и др., 2000, с. 51–56).

Население лендельской культуры имело тесные связи с соседними земледельческими культурами – Винча, Тиса, Триполье и др. Взаимодействие с культурой Триполье было достаточно активным и подтверждается находками лендельских сосудов и влиянием лендельской керамической традиции на памятниках в верховьях Днестра и междуречье Буга и Днестра (Дергачев, 1999, с. 192; Мовша, 1994, с. 45).

Лендельские влияния достигали отдаленных внутренних районов трипольской общности, непосредственно граничивших со степными скотоводческими племенами. Свидетельство тому – находка

лендельского сосуда в основном подкурганном захоронении позднеэнеолитического времени у с. Орлик на левом берегу Днестра. Погребение – вытянуто на спине, ориентировано на север, совершено на специальной подпрямоугольной площадке из угля и охры, со следами обгорелой деревянной конструкции и кусками охры у черепа. Рядом с погребением в кострище найдена лендельская чаша на высокой ножке с охрой и углями. Чаша близка лендельским сосудам не только по форме, но и по технологическим особенностям. Погребение датируется постмариупольским временем, не выходящим за пределы позднетрипольских памятников (Лугова, Рассемакдн, 1985, с. 53, рис. 2 в; 3).

С другой стороны, в лендельской, как и в других соседних с ней земледельческих культурах, констатируются следы продвижения восточных скотоводов (Мерперт, 1965, с. 18).

Имеется также достаточно примеров, указывающих на связь энеолитических племен Северного Причерноморья, в том числе среднестоговских, с носителями культуры шаровидных амфор, которая занимала территорию Восточной Германии, Чехословакии, Польши, Западной Украины (Субботин, 1988, с. 129).

Активные взаимодействия скотоводческого и земледельческого населения, начиная с середины IV тысячелетия до н. э., доказываются целым рядом взаимокоррелирующихся источников.

Наиболее значимые из них – серия погребальных комплексов, грунтовые и подкурганые захоронения степного происхождения, фиксирующие непосредственное присутствие степных скотоводов внутри земледельческого ареала, включая Трансильванию, Потисье, Среднее Подунавье (культуры Тисапольгар, Гумельница-Варна и др.) (Мерперт, 1965, с. 14, 15; 1980, с. 82; Николова Л., 1994, с. 96).

Важным свидетельством являются специфические разнофункциональные находки, встречающиеся и в ареале степных скотоводческих, и в ареале земледельческих культур, документирующие взаимные и односторонние влияния двух разных миров: зооморфные скипетры, роговые подвески с ушком («жалами»), подвески из раковин *Unio*, большие кремневые ножевидные пластины, треугольные наконечники стрел и дротиков с прямым основанием, крестовидные булавы мариупольского типа, «импортная» керамика (Даниленко, Шмаглій, 1972; Дергачев, 1999, с. 195–200, рис. 16–19; Богданов, 2000, с. 8–20, рис. 1, 7, 8).

Из всех этих изделий наиболее интересны и социально значимы зооморфные скипетры. Д. Я. Телегин, посвятивший данным предметам специальное исследование, полагает, что самые древние экземпляры представлены в хвалынской культуре. Это позволяет предполагать появление скипетров в среде неолитического населения Поволжья, откуда они распространились далеко на запад, вплоть до Балкан включительно, через Новоданиловские племена в результате межкультурных связей (Телегин, 2000, с. 22, 23). С хвалынской линией развития исследователи связывают и появление других предметов (булав, чеканов с цапфами криволучского типа), встречающихся в комплексах памятников группы Касимка-Суворово (Богданов, 2000, с. 17).

Исключительный интерес представляет появление первых домашних лошадей на поселениях земледельческой культуры Тисаполгар (вторая половина IV тысячелетия до н. э.) в Карпатском бассейне и далее на запад до Моравии. На территории Моравии исследовано круглоплановое святилище Тешетице-Коевице с астрономическими ориентирами, по своей архитектуре и функциональному назначению близкое Савину; выявлены десятки других сходных памятников (Podborsky, 1988). Поскольку известно, что в классических ранних земледельческо-скотоводческих культурах Западного Причерноморья и Подунавья до середины IV тысячелетия до н. э. среди домашних животных лошади не было (Сафронов, 1989, с. 121; Охрименко, 1994, с. 14–16), появление этого животного расценивается как результат воздействия первичных очагов domestikации лошади в степной полосе Восточной Европы (Бекени, 1984, с. 11, 12).

Как результат реакции земледельческого населения на проникновение восточных степных скотоводов рассматривается повсеместное распространение искусственно укрепленных поселений, характерных как для культуры Кукутень-Триполье, так и для других земледельческих культур Центральной и Южной Европы, включая Лендель, а также зафиксированные на многих поселениях следы пожарищ и разрушений с остатками жертв, резкое увеличение количества и разнообразностей оружия, ранее не характерного для земледельческого населения (Титов, 1980, с. 367–370, 402; Мерперт, 1980, с. 83; 1995, с. 369, 383; 1995 а, с. 31, 45; Дергачев, 1999, с. 196).

Все отмеченные источники фиксируют массовое проникновение восточных степных племен в среду

древнеземледельческого населения Юго-Восточной Европы на уровне нижнего хронологического рубежа, соответствующего времени Кукутень А 2, 3 – Триполье В1 (приблизительно со второй четверти IV – до середины III тысячелетия до н. э. по некалиброванным датам) (Мерперт, 1980, с. 74, 75, 81; 1995а, с. 44; Титов, 1980, с. 402, 409; Дергачев, 1999, с. 188, 189, 198; Телегин, 2000, с. 22). При этом исследователи отмечают многообразие аспектов характера отношений между скотоводческими и земледельческими обществами: от военной ситуации, связанной с вторжением скотоводов в земледельческие центры, до мирных взаимодействий. Важно подчеркнуть, что с восточной стороны в этом процессе прямо или опосредованно участвовали и весьма отдаленные от ареала земледельческих культур общности Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья, на что указывает карта распространения таких находок, как зооморфные скипетры, роговые псевдопсалии, флажковые наконечники стрел майкопского типа, керамика с примесью толченой ракушки восточных традиций в среде земледельческого населения (Дергачев, 1999, с. 197, рис. 19; 20).

С другой стороны, четко прослеживаются следы экспорта металлических изделий (медных и золотых) балканского происхождения далеко на восток, вплоть до Поволжья. Самая выразительная коллекция (около 320 изделий) присутствует в памятниках хвалынской неолитической культуры.

Результаты металлографического анализа позволяют выделить среди украшений I и II Хвалынских могильников изделия, которые по своим типологическим и технологическим показателям отличаются от основной массы хвалынских изделий, изготовленных из балканского металла. Это спиральные височные кольца (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 34, рис. 31, 1, 3, 9, 11, 12), аналоги которым известны на Украине, в Карбунском кладе в Молдавии, культурных комплексах Лендель и Тиса-Полгар на территории Венгрии (Рындина, 1998, с. 152). Технологические особенности формовки металла этих колец обнаруживаются и в изделиях варненского очага металлообработки фракийско-нижнедунайского региона. Металл и готовые изделия фракийских источников продвигались на восток вплоть до Поволжья через посредство трипольских и Новоданиловских племен. Это дает основание полагать, что на формативной стадии знаний о металле у хвалынского на-

селения решающая роль принадлежала импульсам, исходившим из карпато-поднестриевского региона БКМП. Он играл решающую роль в передаче сырья, готовых вещей и технических идей в хвалынскую среду (Рындина, 1998, с. 156–159; Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 6, 10).

Следовательно, потребность скотоводческих племен Восточной Европы в изделиях из меди вызвала к жизни сложную систему обменных взаимодействий, прямых и опосредованных контактов, в результате которых из передовых очагов металлургии и металлообработки Юго-Восточной Европы распространялись далеко на восток сырье, готовая продукция и достижения в области технологии металлов. А вместе с ними – и другие культурные достижения, в том числе в области идеологии. Значительную роль в этом процессе сыграли энеолитические скотоводческие племена днепро-волжской степи и лесостепи, являясь своего рода «цепной реакцией переселения населения» (Мерперт, 1980, с. 90) и одновременно передаточным элементом культурных достижений земледельческого населения на широкие территории.

Важно отметить, что связи энеолитического населения причерноморско-прикаспийских степей и более восточных районов с передовыми земледельческими центрами осуществлялись и другими путями.

Как свидетельство культурных связей ранних скотоводов Причерноморья с Западной Европой некоторые исследователи рассматривают древнейшие антропоморфные стелы, встречающиеся в энеолитических и раннеямных курганах. Высказываются предположения о воздействии идеологических представлений одного района на другой с предпочтительным влиянием со стороны Запада (Формозов, 1969, с. 181–184). Распространение стел по узкой приморской полосе предполагает связь по побережью Черного моря и указывает на роль морских сношений в IV–III тысячелетиях до н. э. не только в распространении камней с изображениями, но и дольменной культуры (Марковин, 1997, с. 395, 396), и балканской меди. Это был также один из путей, по которому продвигалось далеко на запад степное население.

Имеются данные о связи морским путем Причерноморья с Эгейским миром, в частности Миноийским Критом и другими районами Средиземноморья. Контакты были основаны на торговле и обмене идеями. Ведущая роль в этих контактах принадлежала Трое

периода I–II как «контрольно-пропускному пункту» на входе в Дарданеллы (Гузовская, 1999, с. 77, 78). В свете рассматриваемой концепции большой интерес представляет комплекс круговых мегалитических сооружений с астрономическими ориентирами эпохи позднего неолита и медного века Мнайдра на о. Мальта (время по калиброванным радиоуглеродным датам – 4000–2400 гг. до н. э.). По своим основным конструктивным особенностям сооружения имеют близкое сходство с европейскими круглоплановыми святилищами, а также с Савином (Agius, Ventura, 1981, p. 10–20; fig. I, 2).

Не исключено, что появление в Крыму и Северном Причерноморье энеолитических и раннебронзовых погребений кеми-обинского типа в каменных ящиках, с росписью на внутренних стенах, с менгирами и кромлехами вокруг, о происхождении которых ведется дискуссия уже несколько десятилетий (Тесленко, 2001, с. 25–32), – результат контактов морским путем с ранними мегалитическими культурами Средиземноморья.

Таким образом, многочисленные материалы разных регионов свидетельствуют, что в эпоху энеолита для ранних скотоводческих и охотничьих племен степей и лесостепей Восточной Европы и Уральского региона ведущими являлись западные связи с земледельческим населением Юго-Восточной Европы. Эти связи были разноплановыми и многоступенчатыми, где основную роль передаточного элемента между крайними – западной (Балканы) и восточной (Южное Зауралье) – территориями играло население контактной территории между Днестром и Волгой.

Некоторые исследователи предполагают участие в генезисе ряда энеолитических памятников Южного Зауралья носителей домайкопской культуры Северного Кавказа (Богданов, 2000, с. 17; 2000а, с. 11, 13). Не отрицая возможностей такого влияния, большинство исследователей отмечают значительную роль кавказских воздействий как в отмеченном регионе, так и в Причерноморье, на более поздних, майкопском и постмайкопском, этапах, то есть в периоды ранней и средней бронзы (Нечитайло, 2000, с. 59–64; Ткачев, 2000, с. 38, 46; Рысин, 2001, с. 100, 101). Изменение направлений культурных связей как на всей рассматриваемой территории, так и в отдельных ее регионах, связано с изменением общей историко-культурной ситуации.

Основные факторы появления круглоплановых сооружений с астрономическими ориентирами в Зауралье

Каким видится механизм передачи сходных представлений об окружающем мире и о ритуальной архитектуре на столь далекие расстояния? Ниже этот вопрос будет затронут лишь в плане интересующих нас круговых святылищ с четко выявленными астрономическими ориентирами эпохи энеолита.

Все отмеченные выше процессы, в первую очередь связанные с миграциями ранних пастушеских племен причерноморско-прикаспийских степей как в западном, так восточном и северо-восточном направлениях, естественно сопровождалось смешением разнокультурного и разноэтнического населения. Это не могло не отразиться на этнических процессах и мировоззренческих представлениях, что приводило к культурной нивелировке, обновлению и переоформлению участвовавших в данных процессах обществ.

Для энеолитического населения лесостепного Зауралья одним из таких последствий явилось опосредованное многоступенчатое и поэтапное восприятие мировоззренческих представлений раннеземледельческого населения, выразившееся в сооружении круговых святылищ с астрономическими ориентирами. Именно они наиболее соответствовали дальнейшему прогрессу общества, связанному со становлением производящего хозяйства, основанного преимущественно на коневодстве.

В этой связи есть основания полагать, что появление святылищ типа Савина в Зауралье связано с освоением степным скотоводческим населением новых экологических ниш, где обитали табуны диких лошадей и имелись условия для ее доместикации. Поиски мест массового обитания дикой лошади в процессе ее приручения стимулировали активные миграции из более западных территорий в восточные. Когда эти ресурсы иссякли, были восприняты мелкий и крупный рогатый скот из южных и западных районов. По имеющимся на сегодня данным, в Зауралье эти виды домашних животных появились позже, с абашевским и синташтинским населением в результате контактов с населением Южного Урала и Приаралья. Существует также мнение, что овцы, козы и крупный рогатый скот появились в Зауралье раньше, вместе с расселением ираноязычного народа – туров из дельты Амударьи в эпоху энеолита – ранней бронзы (Хлопин, 1999,

с. 78–80). Однако данными остеологии с памятников Зауралья это предположение пока не подтверждается.

Идея сооружения в Зауралье святылищ типа Савина вполне реально могла быть принесена с территории земледельческих обществ Южной и Средней (Центральной) Европы, но не прямо, а опосредованно, через скотоводческие группы населения промежуточных территорий, главным образом, Поволжья и Приуралья. Это предполагает возможность открытия подобных святылищ в других районах лесостепи, в том числе и поволжско-приуральских.

Для степного населения предьямного и раннеямного времени, уже вступившего в стадию подвижного скотоводческого хозяйства, важным последствием процессов культурной интеграции в области идеологических представлений явилось появление курганных захоронений (Богданов, 2000а, с. 10–24) со сходной с круговыми святылищами мировоззренческой основой.

Яркое подтверждение тому – идентичная ведущая ориентировка (восток, северо-восток) основных астрономических направлений круговых святылищ (Хокинс, Уайт, 1984, с. 64, рис. 3; Podborsky, 1988, с. 272; Потемкина, Юревич, 1998, с. 29–36, рис. 4) и древнейших подкурганых захоронений (Дворянинов, Петренко, Рычков, 1981, с. 22–37, рис. 1; 2), что свидетельствует о распространении ритуального единства среди значительной части энеолитического и раннебронзового населения степной и лесостепной зоны от Днестра до Тобола. Оно сочетается с распространением близких (и отличных от предшествующих) керамических форм и орнаментальных схем (Мерперт, 1980, с. 75).

Ко времени продвижения степных скотоводов в восточном и западном направлениях относится появление и широкое распространение у земледельческого населения Балкан и Центральной Европы святылищ с круговой планировкой, столбовыми конструкциями и астрономическими ориентирами. Многие из них функционировали самостоятельно, а некоторые были территориально связаны с поселениями (Podborsky, 1988, р. 307). Роль данных святылищ в регулировании всех сторон жизни общества была огромна. Одной из важнейших их функций в условиях земледельческой экономики являлась календарная.

Степные скотоводы, уже находившиеся на стадии развития производящей экономики, не могли не воспринять основные идеи архитектуры и функцио-

нирования данных культовых центров, столь важных для сплочения нового общества, формирования его основ и регулирования хозяйственных, социальных и идеологических сторон жизни населения.

Первоначально воспринятые идеи воплощались на довольно примитивном уровне, но с соблюдением основных принципов строительства и функционирования святилищ в условиях степного ландшафта, скотоводческого быта и сходных верований.

Как было показано на примере Савина и европейских памятников, наиболее важными условиями сооружения рассматриваемых святилищ для выполнения ими заданных функций были:

1) наличие ориентиров на соответствующей местности в виде столбов (менгиров), каменных стел и выкладок, земляных валов и др., которые бы фиксировали место святилища и служили своего рода визирами, для установления точек на горизонте, позволяющих наблюдать восходы и заходы основных светил (солнца, луны) в определенные дни года, связанные с сезонными изменениями;

2) расположение на месте, возвышающемся над окружающей местностью, с целью лучшей видимости горизонта и более точной фиксации на нем точек восходов и заходов светил;

3) присутствие на горизонте заметных точек, которые бы совпадали или определенными образом соотносились с положениями светил, наиболее значимыми для данной местности, ее климатических условий и занятий населения;

4) изолированность (отгороженность, очерченность, отъединенность) места наблюдения светил и совершения разного рода обрядов от окружающего пространства и тем самым его сакрализованность;

5) присутствие жертвенного аспекта в разных его проявлениях;

6) соответствие планировки и архитектуры сооружения(ий) в его горизонтальной и вертикальной проекциях существующим представлениям об окружающем мире в качестве его модели (модели Вселенной). Потому архитектура этих сооружений должна была быть заранее четко спланирована и иметь все необходимые элементы, способствующие простейшему наблюдению за основными светилами, одновременно отражать космологические представления, являться отражением наблюдаемого мира. Ландшафтные, архитектурные и мировоззренческие элементы как бы проецировались на данное место устройство Вселен-

ной, ее модель в пространственном и временном выражении. Этим основным принципам сопутствовало множество других деталей, связанных с символами вещей, орнаментов, цвета и т. д.

Отмеченные основные признаки сакрализации пространства, как мы увидим ниже, присутствуют в древнейших курганах-святилищах Северо-Западного Причерноморья и отдельных курганах степного скотоводческого населения эпохи энеолита от Днестра до Урала, хотя и в более упрощенной форме, чем на святилищах земледельческого населения Подунавья и Центральной Европы. Возможно, необходимость иметь возвышение на месте сооружения столбовых конструкций на ровной местности в открытой степи и заставляла первых скотоводов сооружать их искусственно в форме насыпи, которая бы при отсутствии естественных возвышений типа береговых останцев в поймах компенсировала основные идеи конструкции круглоплановых святилищ.

Поскольку сакральная площадка наиболее ранних подкурганых святилищ скотоводов первоначально была местом погребения жертвенных и социально значимых, в основном жреческих, захоронений (Серова, Яровой, 1987, с. 66–68, 122; Манзура, 1997, с. 28, 29, 32, 33) (как и на святилищах с круговой планировкой и столбовыми конструкциями в Европе), территория курганного святилища со временем становится местом захоронения других членов общества (семьи, рода и т. д.). При этом каждое захоронение имело здесь строго определенное место. Обычай хоронить под курганной насыпью постепенно становится традицией, поскольку соответствовал не только установившимся представлениям о Вселенной и месте человека в ней, но и многим условиям степного подвижного быта. Это и вызвало к жизни появление и длительное существование обычая курганых захоронений у степного-лесостепного населения Евразии, связанного с подвижным скотоводством.

Можно с достаточной долей вероятности утверждать, что курганы, как и круговые святилища, появились у энеолитического населения степей-лесостепей от Подунавья до Южного Урала с распространением мировоззренческих представлений, связанных с понятием трехчастной модели Мира в ее вертикальной, горизонтальной и вертикально-горизонтальной проекциях. Об этом четко свидетельствует устройство наиболее значимых ранних курганов практически в каждой курганной группе.

Учитывая мобильность скотоводческого населения, воспринятые у земледельческого населения Подунавья новшества не являлись прерогативой какой-то конкретной территории (в данном случае Северо-Западного Причерноморья), а составляли, как свидетельствуют нижеприведенные археологические материалы, звенья одной цепи. Новые импульсы передавались и воспринимались по цепочке от одной группы населения к соседней, находящейся в сходных историко-природных условиях. Присутствие материалов типа Касимча-Суворово в окрестностях Новоорска на Южном Урале – яркое тому свидетельство (Богданов, 2000, с. 8–28).

Нельзя исключать из данного процесса и такого важного фактора как использование одних источников каменного сырья и медных руд на Южном Урале, способствующих тесным контактам и взаимосвязи отмеченных территорий (Черных, 1997, с. 17–27; 2000, с. 16).

По мере увеличения стад и необходимости новых пастбищ, особенно в связи с природно-климатическими изменениями, взоры степных скотоводов обращались на восток. В первую очередь их привлекали районы, где продолжали водиться в большом числе дикие лошади, все еще являющиеся предметом охоты (Южный Урал, Зауралье, Северный Казахстан).

Отдельные группы продвигались в среду менее организованного охотничьего населения степи-лесостепи, принося с собой навыки доместикации и новые формы мировоззрения вместе с ритуальной практикой, приспособленных к воспринятой у земледельческого населения модели Мира, на которую, естественно, накладывалась местная специфика. Новые формы идеологии, связанные с более передовой системой социальных структур, в первую очередь закреплялись среди населения, находившегося на стадии близкой к древним скотоводам, – в среде охотников на лошадь, имевших навыки ее приручения.

В Южном Зауралье таковыми являлись районы широких пойм Тобола, особенно в местах впадения в него крупных притоков. Не менее важным фактором, определявшим выбор новых мест обитания для ранних скотоводов, являлись и удобства, связанные с местом пересечения долин рек, текущих в меридиальном и широтном направлениях, как это характерно в целом для бассейнов Урала и Тобола. В Притоболье, судя по имеющимся археологическим данным, особый интерес в этом отношении представляли места

впадения в Тобол рек Уй и Убаган. Тобол и Убаган текут здесь в меридиальном направлении, Уй – в широтном, непосредственно в пограничье степи и лесостепи. Это создавало более широкие возможности для передвижений одновременно в широтном и меридиальном направлениях при смене сезонов и в условиях природно-климатических колебаний, когда миграционные процессы либо усиливались, либо затухали.

После обоснования на новых местах в пограничье степи и лесостепи группы скотоводов просачивались далее на север, вплоть до южнолесной зоны. Здесь широкие поймы с обильным разнотравьем находятся в районе впадения в Тобол Суери, протекающей по границе лесостепной и лесной зон. Именно в этом районе располагаются святылища Савин и Слободчики и находится ряд поселений с керамикой гребенчато-ямочного круга культур (Вохменцев, 2000, с. 11, 19, 20).

Вполне возможно, что пути связей поволжско-приуральского энеолитического населения с зауральским имели место не только с юго-запада, со стороны степи, но и в западном направлении, непосредственно по лесостепи через верховья рек Урал и Миасс. Этому в значительной степени способствовала подготовленность населения лесостепного Зауралья к восприятию новаций как в области хозяйства, так и мировоззренческих представлений. По уровню развития производительных сил лесостепное Зауралье, как это было показано выше, не уступало лесостепным районам Поволжья и Приуралья. В эпоху энеолита в зауральской лесостепи особую роль играла охота на копытных животных (лошадь, косулю, лося), особенно в местах, где находились пути сезонных миграций этих животных. Массовая охота на лошадь, как уже отмечалось, явилась основой ее доместикации и подготовки условий для перехода к производящим формам хозяйства.

В подобных экологических нишах в районе широких пойм и в пограничье различных ландшафтов и сосредотачивалось население, которое получало соответствующий микрорайон жизнеобеспечения со стационарными поселками, пастбищами, местами отправления культов и т. п. Именно эти и подобные им микрорайоны, как показывают археологические исследования, стали местами наиболее значительных культурных трансформаций и культурногенетических процессов, связанных со становлением новых культурных групп населения и новых форм хозяйства

не только в период энеолита, но и в последующую эпоху бронзы на разных ее этапах, поскольку были наиболее подготовлены к новациям как объективному следствию исторического процесса. Следовательно, есть все основания предполагать, что первые пути миграций на восток для восточноевропейского индоиранского населения проложили нео-энеолитические охотники на лошадь в местах ее наиболее численного обитания.

В Южном Зауралье ранние скотоводы-мигранты осваивали сходные в топографическом отношении места – останцы, возвышающиеся в поймах, и возвышения на краю первых надпойменных террас. Именно в таких местах располагаются наиболее ранние энеолитические и раннеямные курганы в Причерноморье, Поволжье и Приуралье (Богданов, 1999, с. 12; Шишлина, Булатов, 2000, с. 46, 47). Курганы этого времени в Притоболье пока не обнаружены. Возможно, они и не будут найдены: малочисленность первых групп мигрантов и переселенцев исключала возможности привлечения больших трудозатрат на сооружение погребальных комплексов, особенно индивидуальных, каковыми были курганы ранних скотоводов на ближайшей исходной территории более западных районов.

Курганные насыпи пришельцам заменили курганообразные по форме, хорошо заметные на местности, береговые останцы типа Верхней Алабуги, в центре которых и производились захоронения (Потемкина, 1985, с. 149, рис. 56; 57). В сходных топографических условиях сооружались и круглоплановые святилища (Савин, Слободчики) (Потемкина, 2000, с. 171, 178, рис. 1). Как и курганы, эти сооружения являли собой не только символ модели Мира и места значимых захоронений, но и своеобразную знаковую систему, указывающую на принадлежность окружающей территории, прежде всего в качестве охотничьих угодий и пастбищ, определенному коллективу людей (роду, племени и т. д.).

Появление в Зауралье абсолютно сходной с центральноевропейской архитектуры святилищ трудно объяснить только влияниями и становлением скотоводческого хозяйства, основанного на приручении лошади. Вероятно, среди мигрантов существовала определенная категория населения (мастера, жрецы), которая являлась носителями знаний и навыков новой мировоззренческой практики.

Передача информации по сооружению святи-

лиц (как и курганов) с астрономическими ориентирами могла осуществляться по той же схеме, какую Н. В. Рындина предполагает для передачи навыков и знаний о металле в восточном ареале Балкано-Карпатской металлургической провинции: переселение мастеров западного ареала в среду степного населения или контактную с ними зону и непосредственное их участие в формировании местного технического опыта; эпизодическое появление странствующих мастеров, жрецов в передовых центрах ареала и взаимодействие ими общих идей, конкретных технических знаний и навыков по строительству и др. (Рындина, 1998, с. 151). Не имея возможности реализовать в полном объеме заимствованные производственные и мировоззренческие идеи, степные жрецы и строители ищут пути упрощенного их решения с использованием технических средств, доступных в местах их расселения или появления.

Сходную модель распространения от Нижнего Поволжья до Балкан искусных изделий из кремня (крупных ножевидных пластин, наконечников копий, топоров с пришлифовкой) и передачи навыков по их изготовлению предполагает Д. Я. Телегин для мастеров-менял Новоданиловской культуры (Телегин, 2000, с. 26, 27).

В этом отношении большой интерес представляют каменные стелы, известные в редких случаях на энеолитических курганах, обложенных кромлехами в Причерноморье и Приазовье. На многих стелах вырезаны пояса, посохи, топоры, булавы. Предполагается, что такие стелы были поставлены выдающимся членам рода (Формозов, 1969, с. 187). Но они могли маркировать и места захоронений представителей касты путешествующих жрецов или мастеров, имеющих особый статус в обществе в силу изложенных выше обстоятельств. Веским свидетельством в пользу данного предположения является тот факт, что курганы, где имеются подобные стелы, обычно несут в себе концентрированное выражение признаков, связанных с космологическими представлениями и особой сакрализацией места захоронения (Серова, Яровой, 1987, с. 42–81).

Возможность существования определенной категории людей – носителей мировоззренческой информации в среде энеолитических скотоводов, охотников и рыболовов евразийских степей может быть подтверждена не только сходством культовой архитектуры, но и распространением унифицированных

обрядов, получивших отражение в сходных моделях Мира и их внешнем воплощении — погребальной практике, разного рода символикe, включая орнаментацию керамики и др. На огромной территории от Подунавья и Карпат до Енисея складываются сходные религиозные каноны. Археологических свидетельств тому более чем достаточно.

К вопросу об этнической принадлежности населения энеолитических культур степной Евразии

Проблема этнической интерпретации раннекотловодческого населения причерноморско-прикаспийских и азиатских степей-лесостепей является обширной и дискуссионной. Ее освещение не входит в задачи данной публикации. Но не коснуться этой темы было бы неправомерно в силу специфики рассматриваемых в данной публикации вопросов, связанных с мировоззрением древнего населения. Любые мировоззренческие представления, как известно, тесно связаны не только со временем и пространством, но и с конкретным этносом. Ниже будут затронуты лишь те точки зрения, которые имеют прямое отношение к освещаемым в публикации культурам и памятникам.

Н. Я. Мерперт, посвятивший ранним степным скотоводам доямого и ямого времени, равно как и древним земледельцам Балкан и Передней Азии, серию блестящих работ, считает связь с индоиранским этносом энеолитических-раннебронзовых степных культур Северного Причерноморья и Прикаспия безусловной (Мерперт, 1984, с. 243). Исследователь связывает со становлением конкретных групп индоевропейцев центральноевропейские, степные, балкано-дунайские, анатолийские общности, втянутые в контактную зону, выявляемую археологически. Наряду с земледельческим населением здесь значительную роль играли подвижные скотоводческие племена, с которыми связана определенная «контактная непрерывность» внутри этой новой системы культурный общностей. Контактная непрерывность лежала в основе всего этнокультурного пласта, поскольку мобильные кочевые скотоводческие племена были не столько творцами культурных явлений, сколько «передаточной средой», обусловившей реальные контакты отдаленных областей и культурную интеграцию на гигантских территориях. Особо подчеркивается, что нигде внедрение таких групп не означали полной

смены населения, везде фиксируются взаимные влияния и проникновения степных и местных элементов. Вместе с тем, на значительной части территории, охваченной «контактной непрерывностью», а иногда и в весьма отдаленных друг от друга ее регионах, распространяются единые культурные и идеологические феномены (Мерперт, 1984, с. 241–243). Святылища с круглоплановой планировкой в Зауралье – яркое тому подтверждение.

Дж. П. Мэллори, тщательно проанализировавший все основные гипотезы индоевропейской прародины как территории распространения индоевропейского праязыка до его разделения на различные группы, свел их к четырем основным моделям – североевропейская, анатолийская, балкано-центральноевропейская, прикаспийско-причерноморская (Мэллори, 1997, с. 61–82). Среди них модель причерноморско-прикаспийской прародины (4500–3000 гг. до н. э.), предложенная в работах М. Гимбутас, Д. Энтони и др., является, по его оценке, наиболее соответствующей археологическим и этнолингвистическим данным. С этой моделью хорошо сочетается распространенное мнение о следующих характерных чертах, присущих индоевропейцам; 1 – подвижные скотоводы; 2 – археологические данные движения из этого региона в западном направлении на Балканы и в восточном – в Казахстан; 3 – наиболее тесные связи индоевропейского праязыка с уральским и северокавказским; 4 – мобильная экономическая стратегия при наличии социальной организации, способной подчинить себе и ассимилировать различные этноязыковые группы; 5 – датировка (V-IV тысячелетия до н. э.) не противоречит временной глубине индоевропейского праязыка и реконструируемой общеевропейской лексике (терминам для обозначения колесного транспорта, лошади, конных передвижений); 6 – незаселенность района в доисторические времена неиндоевропейцами; 7 – согласованность центробежных индоевропейских миграций из причерноморско-прикаспийских степей с взаимосвязями индоевропейских языков; 8 – модель объясняет локализацию (в историческое время) всех индоевропейских языков как в Европе, так и в Азии (Мэллори, 1997, с. 78, 79).

В итоге, проанализировав все модели, автор включает в раннеиндоевропейский мир различные субрегионы от Прибалтики до Анатолии на западе и степные районы – на востоке (с. 82).

Думается, что приведенные историко-культурные и лингвистические аргументы двух крупных исследователей в пользу индоевропейской принадлежности неолитического населения степной и юга лесостепной зон Восточной Европы достаточно убедительны. В защиту тезиса о причерноморской прародине индоевропейцев выступают многие исследователи доянного круга культур (В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегин, И. Б. Васильев, Ю. В. Павленко). Что касается населения ямной КИО, то индоевропейская (и даже индоиранская) принадлежность его в настоящее время мало кем оспаривается.

Представление об определенном единстве энеолитических культур степной зоны Восточной Европы и их хронологической преемственности подтверждается и антропологическими данными.

Для раннего энеолита Среднего Поднепровья и Северного Причерноморья специалисты отмечают присутствие двух основных антропологических типов: массивного протоевропеоидного и более грацильного средиземноморского. Население среднестоговской культуры и доянного пласта культур с подкуранным обрядом имело смешанный антропологический состав. В формировании культуры Средний Стог ощутимо выступает протоевропеоидный тип при участии средиземноморского. В качестве возможного источника поступления средиземноморского компонента в среднестоговскую среду рассматриваются трипольские племена. Отмечается большое сходство между хвалынскими и среднестоговскими черепами. Учитывая большую грацильность черепов хвалынцев по сравнению со среднестоговцами, предполагается определенный генетический вклад первых в антропологический состав последних (Потехина, 1994, с. 33, 34).

Формирование древнехвалынского населения по материалам I и II Хвалынских могильников устанавливается как результат взаимодействия различных по происхождению групп: южноевропеоидного (долихокранного, среднешироколицевого) и местного уралоидного, представленного в основном древнеуральским типом. Корреляция данных о физическом типе населения, погребальном обряде и инвентаре позволяет исследователям сделать вывод о связи первой антропологической группы со скотоводами, второй – с охотниками и рыболовами, различающимися также системой социальной организации и мировоззренческих представлений. В результате этих контактов

формируется яркая энеолитическая культура и особый физический облик волго-уральского населения (Хохлов, 1999, с. 121).

Для раннеэнеолитического населения самарской культуры в Прикаспии, предшествующей хвалынским древностям, также выявляется участие в её формировании представителей средиземноморского антропологического типа при численном преобладании протоевропеоидного компонента. Учитывая сходство черепов из могильника Съезжее с туркменской серией для раннего энеолита Восточного Прикаспия, не исключается проникновение отдельных групп населения средиземноморского облика из среднеазиатского региона, через носителей кельтеминарской культуры Приаралья (Яблонский, 1986, с. 104, 105).

Имеющийся в настоящее время антропологический материал эпохи энеолита — ранней бронзы позволяет исследователям предполагать образование в позднеэнеолитический период в Подонье и Поволжье особого очага расогенеза, где происходил процесс метисации краниологически различных носителей восточных и западных культур Восточной Европы. В результате мог оформиться специфический гиперморфный краниологический комплекс, присущий в дальнейшем многим древнеямным группам (Хохлов, 2001, с. 360). Данное положение представляет определенный интерес для выяснения этноисторической ситуации в этот период в более восточных районах.

Этническая история населения степных-лесостепных районов Зауралья в эпоху энеолита – ранней бронзы практически не разработана, что особо заметно на фоне соседних территорий. Большинство исследователей энеолитических культур зауральской общности гребенчатого геометризма предполагают связь их носителей с древними уграми. При этом, данное положение касается не только населения культур южного лесного круга (аятской, сосновоостровской, липчинской), где в конце неолита – энеолите уже произошло, как предполагается, разделение финно-угорской общности на финно-пермскую (поволжско-приуральскую) и угорскую (зауральскую) [Косарев, 1987, с. 314; Шорин, 1993, с. 91]. С угорским или финно-угорским населением специалисты связывают и зауральские энеолитические культуры степной и лесостепной зон – шувакишскую, суртандинскую, терсекскую, ботайскую (Логвин, 1995, с. 92–95; Калиева, Логвин, 1997, с. 148–162; Мосин, 2000, с. 28). Появление индоевропейского (индоиранского) населения

в Зауралье и Северном Казахстане связывается с продвижением ямного населения в самом начале II тысячелетия до н. э. Терсекско-ботайское население долго сопротивлялось ямной экспансии, но было сломлено. В результате степные районы Зауралья подверглись сильному воздействию индоевропейского в своей основе ямного населения. Ассимиляционные процессы способствовали сложению нового общества (синташтинского) (Логвин, 1995, с. 92–95).

Изложенный тезис принципиальных возражений не вызывает. Но имеющиеся археологические и антропологические материалы позволяют утверждать, что продвижение европеоидного населения в степные-лесостепные районы Зауралья имело место раньше, еще в доямное время и связано с носителями культур хвалынской общности (Потемкина, 1985, с. 155–157, 275, 276). Продвижение ямников, о котором говорилось выше, имеет отношение к последующей – второй, а, возможно, и третьей волне движения индоевропейского (индоиранского) населения на восток из степей Восточной Европы.

О физическом облике носителей археологических культур зауральско-казахстанской энеолитической общности гребенчатого геометризма можно судить на основании всего лишь семи черепов. Три из них происходят со святылища Савин, четыре – с поселения Ботай. В обоих случаях определения произвелись Г. В. Рыкушиной.

Результаты антропологических определений со святылища Савин приведены выше. Здесь мы отметим лишь, что два черепа относятся к кругу южно-европеоидных форм (восточно-средиземноморский расовый тип); один – к североазиатским монголоидам, что маркирует неоднородный расовый состав населения. Одновременно материал свидетельствует о проникновении южных европеоидов в Зауралье в эпоху неолита-энеолита.

Неоднородность антропологического состава населения отмечается и на поселении Ботай. На двух черепах здесь отчетливо прослеживаются европеоидные черты протоевропейского типа, характерные для населения восточных областей распространения европеоидной расы в эпоху неолита, близкие антропологическому типу афанасьевцев Алтае-Саянского нагорья. Краниологические показатели одного черепа рассматриваются как форма метисного происхождения в зоне контактов европеоидов и монголоидов. В целом отмечается архаичность всех ботайских че-

репов, характеризующихся крупными размерами и общей массивностью, значительной уплощенностью лицевого скелета в горизонтальной плоскости при резкой профилированности в вертикальной – у протоевропеоидов (Рыкушина, Зайберг, 1984, с. 129, 134).

Таким образом, проникновение в зауральско-казахстанский регион европеоидов, связанных с индоевропейским массивом населения восточных районов Европы, фиксируется уже в энеолите. Но здесь необходимо оговориться. Прото-европеоиды восточно-средиземноморского типа могли появиться в данном регионе и с территории Средней Азии, как это предполагается для раннеэнеолитического времени Восточного Прикаспия (Яблонский, 1986, с. 95–106). Однако по археологическим материалам для эпохи энеолита Зауралья связи со среднеазиатским регионом не фиксируются. На данном этапе, как уже отмечалось, ведущим является западное направление контактов. Южное направление связей с Приаральем и Прикаспием отмечается исследователями для неолитических памятников кошкино-боборыкинского типа (Ковалева В. Т., 1989, с. 58, 59, 61, 62).

Все изложенные материалы согласуются с точкой зрения В. П. Алексеева, отмечавшего, что проникновение индоиранского (индоевропейского) населения в Зауралье было длительным процессом, начиная с мезолита – раннего неолита. Особенности процесса и его исторические причины в период разных этапов (волн) носили разный характер: от прямого культурного взаимодействия и ассимиляции до завоевания и насильственной ассимиляции и постепенно идущей аккультурации (Алексеев, 1961).

Важным свидетельством древних контактов зауральского угорского населения с индоевропейцами (индоиранцами) являются результаты этнологических исследований в Западной Сибири, которые в значительной мере дополняют имеющиеся археологические и антропологические свидетельства.

Для нас особый интерес представляют материалы по этнографии и мифологии народов ханты и манси, которые еще в XVIII-XIX вв. плотно заселяли южнолесные районы Притоболья, к южной границе которых тяготеют все известные в настоящее время круглоплановые святылища Зауралья – Савин, Слободчики, Велижаны.

Как известно, ханты и манси относятся к угорской ветви финно-угорских народов уральской семьи. В облике их культуры этнологи отмечают, наряду с

общесибирскими, немало черт южного характера, в числе которых следы коневодства в прошлом, культ коня, своеобразные формы жилищ, одежды, утвари, геометрических орнаментов, религиозных верований, обрядов, фольклора, произведений искусства, наличие сходных с индийскими терминами. Близки индийским и представления об огне. Отличительные черты культуры обских угров, выделяющие их из ряда всех остальных сибирских народов, теснейшим образом связаны с индоиранским компонентом (одним из трех основных) их происхождения (Соколова, 1999, с. 30–36).

Наблюдаемые особенности физического типа западных манси, отличающие их от остальных обско-угорских групп, объясняются наличием в их составе европеоидного компонента. Это, в совокупности с данными этнографии и археологии, ставит вопрос об особых путях формирования манси и хантов (Багашев, 1999, с. 102).

К выводам об особенно интенсивном взаимодействии хантов и манси с иранскими элементами по сравнению со смежными территориями приводит изучение мифологии народов Сибири. При этом исследователи обращают внимание не только на отдельные элементы, но и целые схемы, объединяющие следы иранского влияния. Прослеживается глубокий и обширный иранский пласт угорского религиозно-языкового сознания (Топоров, 1981, с. 146–150).

Реконструируемые по материалам раскопок святылища Савин мировоззренческие представления и культово-обрядовая практика (Потемкина, 1996, с. 115–119; 2000, с. 171–177; Potyomkina, 1998, с. 307–324) находят поразительные параллели в верованиях и культах обских угров. Одновременно структура святылищ и совершавшийся там характер обрядов соответствовали уровню мировоззренческих представлений на широкой территории обитания народов индоевропейской семьи, в том числе индоиранских. Это позволяет предполагать начало сложения отмеченного выше иранского пласта угорского религиозного сознания уже в начале III тыс. до н. э. Именно к этому времени, в свете вышеизложенного материала, относится проникновение индоевропейского (индоиранского) субстрата в угорскую среду носителей культур гребенчатого геометризма лесостепного Зауралья. Поскольку орнамент тесно связан с мировоззренческими представлениями, то отмечаемые параллели в индоиранской и финно-у-

горской мифологии, ее персонажах и ритуалах могли быть вызваны процессом синтеза двух идеологий, сопровождаемым сходными явлениями в области хозяйства, быта, языка и т. д.

С вопросом сложения и развития степных скотоводческих культур Евразии тесно связана проблема афанасьевской культуры в Южной Сибири и на Алтае. Многие исследователи, основываясь на большом сходстве материальной и духовной культуры ямного и афанасьевского населения (керамики, погребального обряда, характера скотоводческого хозяйства), а также принадлежности «афанасьевцев» и «ямников» к одному европеоидному антропологическому типу (сходство черепов устанавливается до идентичности) предполагают тесное родство этих двух групп населения. Высказывается мнение о сложении афанасьевской культуры на основе пришлой ямной из причерноморских и прикаспийских степей (Грязнов, 1999, с. 52–54). В качестве исходной территории предполагаются восточные районы ямного ареала, куда включается и Среднее Притоболье на основании ямного облика погребальных комплексов Верхняя Алабуга и Убаган 1 (Вадецкая, 1986, с. 22).

Оформление афанасьевской культуры в результате продвижения ямного населения на восток несколькими (двумя-тремя) волнами и по разным направлениям достаточно обоснованно доказывают многие исследователи. Для основных положений данной публикации особое значение имеют выводы о том, что с миграцией древнеямного населения в Южной Сибири и на Алтае появляются: традиция установления стел и антропоморфных изваяний; новая планиграфия надмогильных сооружений; изображения колесных повозок (крытых фургонов, телег, двуколок) на скалах и каменных изваяниях, имеющих аналогии в Месопотамии, Анатолии; развитые космологические представления с выделением персонажа Солнца; цветовая символика; степная традиция украшения стенок могил, известная по находкам в новосвободненских, новотитровских, коми-обинских, усатовских памятниках (Посредников, 1992, с. 9–20; Новоженев, 1994, с. 223–225; Савинов, 1997, с. 15–17; Громов, 1997, с. 308, 315, 316). Все это не связано с местной неолитической традицией.

Интересно отметить, что по палеоантропологическим данным на западной границе проникновения ранних степных скотоводов в среде земледельческого населения также прослеживается смешение различ-

ных групп населения. Изучение черепов Подунавья (Болгария) говорит о смешении людей средиземноморского антропологического типа с протоевропейским, близким по своим показателям основному компоненту степных племен Северного Причерноморья (Мерперт, 1965, с. 17).

Справедливости ради следует отметить, что существует и другое мнение, где истоки афанасьевской культуры связываются со среднеазиатской средой и индоиранским этносом (Хлопин, 1999, с. 71–81). Согласно этой концепции, основным компонентом формирования афанасьевского населения явились ираноязычные восточные европеоиды – туры, пришедшие в Минусинскую котловину из Северного и Восточного Казахстана через Алтай с исходной территории в низовьях Амударьи. Результатом расселения ираноязычного племени туров могло явиться и сложение энеолитической культуры степного облика, сходной с афанасьевской, в лесостепном Зауралье, на что указывают, по мнению исследователя, материалы могильников Верхняя Алабуга и Убаган 1. Эти памятники фиксируют путь продвижения туров (Хлопин, 1999, с. 80, 81).

Смысла дискутировать по этому вопросу нет, поскольку автор раскопок отмеченных памятников и данной публикации уже изложила свою точку зрения выше, которая по принципиальным позициям существующей связи зауральского энеолитического населения с носителями афанасьевской культуры возражений не вызывает (Потемкина, 1985, с. 155, 275). Уже сам факт, что все три автора, несмотря на разные гипотезы об исходной территории и путях проникновения европеоидного (индоиранского) скотоводческого населения в Зауралье и далее в Южную Сибирь и на Алтай, включают в этот процесс в качестве промежуточных зауральские энеолитические и раннеямные погребальные комплексы Верхняя Алабуга и Убаган 1, свидетельствует о совпадении взглядов на основные положения сложения первых скотоводческих обществ степной Евразии.

Таким образом, по антропологическим материалам Зауралья мы видим лишь часть масштабных общевразийских этнокультурных процессов эпохи энеолита, вследствие которых в пределах рассматриваемой нами зоны (Приуралье – Зауралье – Северный Казахстан) соединились звенья масштабной цепи связей населения степной и лесостепной полосы Евразии. На Западе она продолжилась до Дунайского бас-

сейна, а на востоке – до Енисея. Антропологические данные о тесных контактах зауральского энеолитического населения с восточноевропейским полностью согласуются с археологическими свидетельствами. Эти направления связей четко выявляются и в последующую эпоху бронзы, на всех ее основных этапах.

Заключение

Ограниченный объем публикации и одновременно обширный собранный материал не позволяют закончить полное изложение основной концептуальной идеи данной работы. Последняя заключается, как уже вскользь упоминалось выше, в следующем: основные конструктивные и мировоззренческие идеи круглоплановых святилищ, возникшие и широко практиковавшиеся у неэнеолитического земледельческо-скотоводческого населения Балкано-Карпатского бассейна и других районов Юго-Восточной Европы, а позже и в более северных регионах Западной Европы, были восприняты в результате прямых и опосредованных контактов степным раннескотоводческим населением. Эти идеи распространились вплоть до Зауралья и были приспособлены первыми скотоводами энеолитической эпохи к степным условиям, получив свое материальное отражение в курганных святилищах и захоронениях, иногда соединенных в одном комплексе. Носителями этих идей, вероятнее всего, выступали жрецы.

Подобные курганные сооружения постепенно, но довольно быстро, по многим звеньям одной цепи, в силу многих исторических и природно-географических факторов, ускоренных подвижным бытом, распространяются в эпоху энеолита и раннего бронзового века по всей степной Евразии. Несмотря на некоторую специфику в отдельных регионах, конструктивные детали курганов и погребального обряда поразительно сходны от Дуная до Иртыша. По основным своим показателям многие из этих курганных сооружений сохраняют удивительное сходство с круглоплановыми культовыми объектами эпохи неолита и энеолита Европы и Зауралья, что свидетельствует не только о близости материальной культуры и возможной родственности населения, но и о существовании на данной территории сходных представлений о Вселенной, оформленных в похожей по структуре модели Мира.

Примеры и анализ таких курганных святилищ

эпохи энеолита – ранней бронзы на широкой территории Евразийских степей, рассмотренных автором с использованием данных археоастрономии, планируются изложить в последующих публикациях.

Библиографический список

- 1 Агапов, С. А. Хвалынский энеолитический могильник / С. А. Агапов, И. Б. Васильев, В. И. Пестрикова. – Куйбышев, 1990.
- 2 Алексеев, В. П. О смешанном происхождении уральской расы / В. П. Алексеев // Вопросы археологии Урала. – Вып. 1. – Свердловск, 1961.
- 3 Алексеева, И. Л. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья / И. Л. Алексеева // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 8. – Киев, 1976.
- 4 Багашев, А. Н. Об особенностях краниологического типа западных манси / А. Н. Багашев // III конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. – Москва, 1999.
- 5 Бекени, Ш. Роль степей Евразии в распространении коневодства / Ш. Бекени // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984.
- 6 Белановская, Т. Д. Ракушечная культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону / Т. Д. Белановская // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983.
- 7 Богданов, С. В. Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка / С. В. Богданов // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1999.
- 8 Богданов, С. В. Материалы типа Касимча-Суворово из окрестностей Новоорска в системе энеолитических древностей Восточной Европы / С. В. Богданов // Культурное наследие степей Северной Евразии. – Вып. 1. – Оренбург, 2000.
- 9 Богданов, С. В. Проблемы формирования древнейших курганных культур востока южнорусских степей / С. В. Богданов // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000а.
- 10 Вадецкая, Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Ленинград, 1986.
- 11 Варуценко, С. И. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени / С. И. Варуценко, А. Н. Варуценко, Р. К. Клизе. – Москва, 1987.
- 12 Васильев, И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь : учебное пособие к спецкурсу / И. Б. Васильев. – Куйбышев, 1981.
- 13 Васильев, И. Б. К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур / И. Б. Васильев // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995.
- 14 Васильев, И. Б. Хвалынская энеолитическая культура и сложение классической курганной «городцовской» культуры в Волго-Уральской степи и лесостепи / И. Б. Васильев // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы конференции. – Самара, 2001.
- 15 Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье / И. Б. Васильев, А. А. Выборнов, З. С. Габышев и [др.] // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980.
- 16 Васильев, И. Б. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур) : учебное пособие к спецкурсу / И. Б. Васильев, А. Т. Синюк. – Куйбышев, 1985.
- 17 Викторова, В. Д. Сосновый остров – стоянка эпохи энеолита и бронзы Среднего Зауралья / В. Д. Викторова // СА. – № 4. – 1968.
- 18 Вохменцев, М. П. Раскопки Савина / М. П. Вохменцев // АО. – 1984. – Москва, 1986.
- 19 Вохменцев, М. П. Работы Курганского краеведческого музея / М. П. Вохменцев // АО. – 1985. – Москва, 1987.
- 20 Вохменцев, М. П. Энеолитический памятник с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // АО. – 1994. – Москва, 1995.
- 21 Вохменцев, М. П. Энеолит лесостепного Притоболья : автореферат дисс. на соиск... канд. ист. наук / М. П. Вохменцев. – Москва, 2000.
- 22 Вуд, Дж. Солнце, Луна и древние камни / Дж. Вуд. – Москва, 1981.
- 23 Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – Иерусалим-Москва, 1994.
- 24 Громов, А. В. Происхождение и связи населения окуневской культуры / А. В. Громов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – Санкт-Петербург, 1997.
- 25 Грязнов, М. П. Афанасьевская культура на Енисее / М. П. Грязнов. – Санкт-Петербург, 1999.
- 26 Гузовская, М. Троянские связи: роль Трои в контактах Энеолита с Северным Причерноморьем / М. Гузовская // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тысячелетиях до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конференции. – Челябинск-Аркам, 1999.
- 27 Данищенко, В. М. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование / В. М. Данищенко. – Киев, 1974.
- 28 Даниленко, В. М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи / В. М. Даниленко, М. М. Шмаглій // Археологія. – № 6. – Київ, 1972.
- 29 Дворянинов, С. А. К изучению ориентировки ямных погребений / С. А. Дворянинов, В. Г. Петренко, Н. А. Рычков // Древности Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1981.
- 30 Дергачев, В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (анализ и характеристика культурных групп) / В. А. Дергачев. – Кишинев, 1986.
- 31 Дергачев, В. А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы / В. А. Дергачев // *Stratum plus* (Ваш археологический журнал). – № 2. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999.

- 32 Дрябина, Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны 2 под Тюменью / Л. А. Дрябина // *Словцовские чтения-1995: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф.* – Тюмень: ТОКМ, 1995. – С. 37-38.
- 33 Зайберт, В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В. Ф. Зайберт. – Петропавловск, 1993.
- 34 Зах, В. А. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени / В. А. Зах, С. В. Зотова, А. Н. Панфилов // *Древние погребения Обь-Иртышья.* – Омск, 1991.
- 35 Зданович, Г. Б. *Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации)* / Г. Б. Зданович. – Свердловск, 1988.
- 36 Иванов, В. В. *Лунарные мифы* / В. В. Иванов // *Мифы народов мира.* – Т. 2. – Москва, 1988.
- 37 Иванов, И. В. *Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене* / И. В. Иванов, И. Б. Васильев. – Москва, 1995.
- 38 Калиева, С. С. *О зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики* / С. С. Калиева // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.* – Томск, 2001.
- 39 Калиева, С. С. *Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры* / С. С. Калиева, В. Н. Логвин. – Кустанай, 1997.
- 40 Кауров, Э. Н. *К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия»)*, Москва, 1994 / Э. Н. Кауров, Т. М. Потемкина. // *РА.* – № 3. – 1995.
- 41 Ковалева, В. Т. *Неолит Среднего Зауралья* / В. Т. Ковалева. – Свердловск, 1989.
- 42 Ковалева, В. Т. *Энеолит Среднего Зауралья: андреевская культура* / В. Т. Ковалева. – Екатеринбург, 1995.
- 43 Ковалева, И. Ф. «Вытянутые» погребения из раскопок В. А. Городцовым курганов Донетчины в контексте постмарииупольской культуры / И. Ф. Ковалева // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы конференции.* – Самара, 2001.
- 44 Косарев, М. Ф. *Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку* / М. Ф. Косарев // *Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР.* – Москва, 1987.
- 45 Косарев, М. Ф. *Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири* / М. Ф. Косарев // *Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР.* – Москва, 1987.
- 46 Косарев, М. Ф. *Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда* / М. Ф. Косарев. – Москва, 1991.
- 47 Косарев, М. Ф. *Из древней истории Западной Сибири. Общия историко-культурная концепция* / М. Ф. Косарев // *Российский этнограф.* – № 4. – Москва, 1993.
- 48 Крижевская, Л. Я. *Раннебронзовое время в Южном Зауралье* / Л. Я. Крижевская. – Ленинград, 1977.
- 49 Лаврушин, Ю. А. *Геолого-палеологические события севера аридной зоны за последние 10 тыс. лет* / Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова, А. Д. Сулержицкий // *Проблемы древней истории Северного Прикаспия.* – Самара, 1998.
- 50 Логвин, В. Н. *Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит)* / В. Н. Логвин. – Алма-Ата, 1991.
- 51 Логвин, В. Н. *К проблеме становления синташтинско-петровских древностей* / В. Н. Логвин // *Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: материалы конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия».* – Часть V, кн. 1. – Челябинск, 1995.
- 52 Лугова, Л. М. *Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавської області* / Л. М. Лугова, Ю. А. Рассамкін // *Археологія.* – № 49. – Київ, 1985.
- 53 *Малая Советская энциклопедия (МСЭ).* – 1960. – 3-е изд. – Т. 9.
- 54 Мамонов, А. Е. *Елищанский комплекс стоянки Чекалино IV / А. Е. Мамонов // Древние культуры лесостепного Поволжья.* – Самара, 1995.
- 55 Манзура, И. В. *Археология основного мифа* / И. В. Манзура // *Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической и индоевропейской истории.* – Санкт-Петербург, 1997.
- 56 Марковин, В. И. *Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья* / В. И. Марковин. – Москва, 1997.
- 57 Матвеев, А. В. *Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине* / А. В. Матвеев, В. А. Зах, Е. Н. Волков // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* – Вып. 1. – Тюмень, 1997.
- 58 Матюшин, Г. Н. *Энеолит Южного Урала* / Г. Н. Матюшин. – Москва, 1982.
- 59 Мерперт, Н. Я. *О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке* / Н. Я. Мерперт // *КСИА.* – Вып. 105. – 1965.
- 60 Мерперт, Н. Я. *Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций* / Н. Я. Мерперт // *Studia Praehistorica,* 3. – София, 1980.
- 61 Мерперт, Н. Я. *Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века* / Н. Я. Мерперт // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* – Москва, 1984.
- 62 Мерперт, Н. Я. *О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария)* / Н. Я. Мерперт // *РА.* – № 3. – 1995.
- 63 Меццержаков, Д. В. *К проблеме происхождения коневодства на Южном Урале* / Д. В. Меццержаков, Н. Л. Моргунова // *Вопросы археологии Западного Казахстана.* – Вып. 1. – Самара, 1996.
- 64 Мовша, Т. Т. *Триполье-Кужутень в контексте Восточного и Среднеевропейского энеолита – ранней бронзы (контакты и связи)* / Т. Т. Мовша // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья*

- 7 тысячелетии до н. э. – V в. н. э. : тезисы конференции. – Тирасполь, 1994.
- 65 Моргунова, И. Л. Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области / И. Л. Моргунова // Древняя история Поволжья. – Куйбышев, 1979.
- 66 Моргунова, И. Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области / И. Л. Моргунова // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986.
- 67 Моргунова, И. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья / И. Л. Моргунова. – Оренбург, 1995.
- 68 Мосин, В. М. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. М. Мосин. – Санкт-Петербург, 1993.
- 69 Мосин, В. М. Стоянка Агаповка I и вопросы периодизации Зауральского энеолита / В. М. Мосин // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000.
- 70 Мосин, В. С. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье и Северном Казахстане на рубеже энеолита и бронзового века / В. С. Мосин // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. – Челябинск, 1995.
- 71 Мосин, В. С. Новые материалы со стоянок каменного века оз. Чебаркуль / В. С. Мосин, Е. М. Беспрозванный // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985.
- 72 Мошинская, В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири / В. И. Мошинская. – Москва, 1976.
- 73 Мошинская, В. И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири / В. И. Мошинская. // История, археология и этнография Сибири. – Томск, 1979.
- 74 Мэллори, Дж. П. Индоевропейские прародины / Дж. П. Мэллори // ВДИ. – № 1. – 1997.
- 75 Нечитайло, А. Л. Общее и особенное в развитии скотоводов Северного Причерноморья / А. Л. Нечитайло // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) : тезисы конференции. – Тирасполь, 1994.
- 76 Нечитайло, А. Л. Трансрегиональные связи в культурогенезе восточноевропейских степей в эпоху палеометалла (на примере кавказско-степных взаимодействий) / А. Л. Нечитайло // Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – Санкт-Петербург, 2000.
- 77 Николова, А. А. К вопросу об эволюции погребального обряда ямной культуры Евразийских степей / А. А. Николова // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) : тезисы конференции. – Тирасполь, 1994.
- 78 Николова, А. А. Проникновение ямной культуры в бассейн Нижнего Дуная / А. А. Николова // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) : тезисы конференции. – Тирасполь, 1994.
- 79 Новожинов, В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы) / В. А. Новожинов. – Алматы, 1994.
- 80 Овчинникова, Н. В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Поволжье / Н. В. Овчинникова // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995.
- 81 Охрименко, Г. В. Некоторые аспекты хозяйства буго-днестровской и линейно-ленточной культур / Г. В. Охрименко // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) : тезисы конференции. – Тирасполь, 1994.
- 82 Павленко, Ю. В. Праславяне и арии. Древнейшая история индоевропейских племен / Ю. В. Павленко. – Киев, 2000.
- 83 Посредников, В. А. О ямных миграциях на восток и афанасьевская прототохарская проблема / В. А. Посредников // Донецкий археологический сборник. – Вып. I. – Донецк, 1992.
- 84 Потемкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – Москва, 1985.
- 85 Потемкина, Т. М. Святилище-обсерватория – новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье / Т. М. Потемкина // Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ» : тезисы докладов. – Екатеринбург, 1994.
- 86 Потемкина, Т. М. Об истоках ряда ритуалов в культовых обрядах обских угров / Т. М. Потемкина // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : тезисы докладов. – Томск, 1995.
- 87 Потемкина, Т. М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н. э. / Т. М. Потемкина // Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции. – Москва, 1996.
- 88 Потемкина, Т. М. Зауральский «Стоунхендж» / Т. М. Потемкина // Наука в России. – № 4. – Москва, 1998.
- 89 Потемкина, Т. М. Новые исследования святилища Савин в Зауралье / Т. М. Потемкина // АО. – 1997. – Москва, 1999.
- 90 Потемкина, Т. М. Одна из моделей организации сакрального пространства и методы ее фиксации / Т. М. Потемкина // Исторический ежегодник. Специальный выпуск (к 70-летию В. И. Матюценко). – Омск, 2000.
- 91 Потемкина, Т. М. Раскопки в Курганской области / Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев // АО. – 1983. – Москва, 1985.
- 92 Потемкина, Т. М. Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич // Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции. – Москва, 1996.
- 93 Потемкина, Т. М. Из опыта археoaстрономического

- исследования археологических памятников (методический аспект) / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич. – Москва, 1998.
- 94 Потехина, И. Д. Происхождение и генетические связи носителей некоторых раннеэнеолитических культур Юга Восточной Европы / И. Д. Потехина // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): тезисы конференции. – Тирасполь, 1994.
- 95 Рассамакин, Ю. А. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная / Ю. А. Рассамакин // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. – Киев, 1988.
- 96 Рассамакин, Ю. Я. Проблемы периодизации энеолитических памятников Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья на примере развития «скелянской» погребальной традиции / Ю. А. Рассамакин // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы конференции. – Самара, 2001.
- 97 Рыкушина, Г. В. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай / Г. В. Рыкушина, В. Ф. Зайберт // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984.
- 98 Рындина, Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите) / Н. В. Рындина. – Москва, 1998.
- 99 Рысин, М. Б. Кавказско-степные связи и проблема культурогенеза начала средней бронзы / М. Б. Рысин // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы конференции. – Самара, 2001.
- 100 Савинов, Д. Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) / Д. Г. Савинов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – Санкт-Петербург, 1997.
- 101 Сафронов, В. А. Индоевропейские прародины / В. А. Сафронов. – Горький, 1989.
- 102 Серова, Н. Л. Григориопольские курганы / Н. Л. Серова, Е. В. Яровой. – Кишинев, 1987.
- 103 Симченко, Ю. Б. Календари народов Сибири / Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк, З. П. Соколова // Календарь в культуре народов мира. – Москва, 1993.
- 104 Синюк, А. Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона / А. Т. Синюк // СА. – № 4. – 1981.
- 105 Соколова, З. П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) / З. П. Соколова // III конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. – Москва, 1999.
- 106 Старков, В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья / В. Ф. Старков. – Москва, 1980.
- 107 Субботин, Л. В. Мегалитическое погребение у с. Татарбунары / Л. В. Субботин // Новые памятники культуры степной зоны Украины. – Киев, 1988.
- 108 Телегин, Д. Я. Середньо-стопвська культура епохи мін / Д. Я. Телегин. – Київ, 1973.
- 109 Телегин, Д. Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы / Д. Я. Телегин // РА. – № 3. – 2000.
- 110 Тесленко, Д. Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект) / Д. Л. Тесленко // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы конференции. – Самара, 2001.
- 111 Титов, В. С. Поздний неолит / В. С. Титов // Археология Венгрии. – Москва, 1980.
- 112 Ткачев, В. В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы / В. В. Ткачев // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000.
- 113 Топоров, В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии / В. Н. Топоров // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – Москва, 1981.
- 114 Турецкий, М. А. Средневожско-приуральский вариант ямной культуры / М. А. Турецкий // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1999.
- 115 Формозов, А. А. Очерки по первобытному искусству / А. А. Формозов. – Москва, 1969.
- 116 Хлопин, И. Н. Афанасьевская культура (историческое содержание) / И. Н. Хлопин // Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. – Санкт-Петербург, 1999.
- 117 Хоккинс, Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Дж. Хоккинс, Дж. Уайт. – Москва, 1984.
- 118 Хохлов, А. А. Соотношение археологических и антропологических данных в вопросе о происхождении хвалынской энеолитической культуры Волго-Уралья II III конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов / А. А. Хохлов. – Москва, 1999.
- 119 Хохлов, А. А. Палеоантропологические реконструкции как источник изучения этногенетических процессов (по материалам эпохи бронзы Волго-Уралья) / А. А. Хохлов // Бронзовый век Восточной Европы; характеристика культур, хронология и периодизация: материалы конференции. – Самара, 2001.
- 120 Чаиркина, Н. М. Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) / Н. М. Чаиркина // Уральский исторический вестник. – № 4. – Екатеринбург, 1997.
- 121 Черных, Е. Н. Каргалы. Забытый мир / Е. Н. Черных. – Москва, 1997.
- 122 Черных, Е. Н. Феномен и парадоксы Каргалинского комплекса / Е. Н. Черных // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: материалы международной научной конференции. – Воронеж, 2000.
- 123 Черных, Е. Н. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология / Е. Н. Черных, Л. И. Авилова,

- Л. Б. Орловская. – Москва, 2000.
- 124 Шишлина, Н. И. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тысячелетии до н. э. / Н. И. Шишлина, В. Э. Булатов // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. – Москва, 2000. – Вып. 120.
- 125 Шнирельман, В. А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема) / В. А. Шнирельман. – Москва, 1980.
- 126 Шнирельман, В. А. Модель или модели: некоторые аспекты становления кочевого хозяйства в Прикаспийско-Причерноморских степях / В. А. Шнирельман / Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н.э.) – Тирасполь, 1994.
- 127 Шорин, А. Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики / А. Ф. Шорин // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1993.
- 128 Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблемы культурогенеза) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Ф. Шорин. – Новосибирск, 1995.
- 129 Шорин, А. Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий : учебное пособие к спецкурсу / А. Ф. Шорин. – Екатеринбург, 1999
- 130 Шорин, А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза / А. Ф. Шорин. – Екатеринбург, 1999а.
- 131 Юдин, А. И. Новые энеолитические памятники на р. Большой Узень / А. И. Юдин // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986.
- 132 Юдин, А. И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья / А. И. Юдин // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.
- 133 Яблонский, П. Л. Антропология раннеэнеолитического населения Прикаспия / П. Л. Яблонский // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986.
- 134 Agius G., Ventura E, 1981. Investigation into the Possible Astronomical Alignments of the Copper Age Temples in Malta // *Archaeoastronomy. The bulletin of the Center for archaeoastronomy. Vol. IV. № 1. University of Maryland.*
- 135 Behrens H., 1981. The first 'Woodhenge' in Middle Europe // *Antiquity. NLV.*
- 136 Levine Marsha, Kislenko A.M., 1997. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia // *Published Cambridge Archaeological Journal. Vol. 7. № 2. October. Shorter Notes.*
- 137 Makkay I. 1982. Eine kultstatte der Bodrogkeresztur-kultur in Szarvas und Fragen der sakralen Htigel // *Mitteilungen des ArchSologischen Instituts der Un-garischen Akademie der Wissenschaften 10-11. 1980-1982. Budapest.*
- 138 Merpert N. Ya., 1995. Bulgaro-Russian archaeological inverstigations in the Balkans // *Ancient Civilizations. №№ 2, 3.*
- 139 Nemejcovd-Pavukova V, 1977. Kreisgrabenanlage der Lengyel-kultur in Ruzin-dol-Borova // *Studia Archaeologica et Mediaevalia. T.III. Bratislava.*
- 140 Neugebauer J.W., Neugebauer Ch.-Maresh, Winkler E.-M., WilfingH., 1983. Die doppelte mittelneolithische Kreisgrabenanlage von Friebritz // *Fundberichte Aus Osterreich. Herausgegeben vom Bundesdenkmalamt. № 22. Wien.*
- 141 Plestovd-Stikovd E., Marek E, Horsky Z., 1980. A square enclosure of the funnel beaker culture (3500 B.C.) at Makotfasy (Central Bohemia): a palaeoastronomic structure // *Arheologicke rozhledy XXXII. Praha. 1980.*
- 142 Podborsky V., 1988. Tesetice-Kyjovice 4. Rondel osady lidu s moravskou malovanou keramikou. Brno.
- 143 Potyomkina T., 1999. Archaeoastronomical abject of the Eneolithic epoch in Russia // *Oxford VI and SEAC 99 «Astronomy and cultural diversity»*). Editors Cesar Esteban, Juan Antonio Belmonte. *Proceedings of the International Conference «Ox-ford VI and SEAC 99».* La Laguna.
- 144 Potyomkina T.M., 1998. The Trans-Ural «Stonehenge» (The stone age Sanctuary with astronomic reference-points // *Astronomical and Astrophysical Transactions. Vol. 15. Issue 1-4.*
- 145 Vyner B.E., 1988. The Street House Wossit: The Excavation of a Late Neolithic and Early Bronze Age Palisaded Ritual Monument at Street House, Loftus, Cleveland // *Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 54.*

Раскопки святилища Савин-1. В лагере археологической экспедиции, 1985 год

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**МИРОПОНИМАНИЕ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ
ОБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ**

Памяти В.Н. Чернецова

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издательство «ТАУС»
Москва, 2006

**ДИНАМИКА
МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
ЮЖНОТАЕЖНОГО
ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ
(ОТ ЭНЕОЛИТА
ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)¹**

Т. М. Потемкина

О предмете и методике исследования

Исследователи, обращаясь к реконструкции древнего мировоззрения, в качестве основных источников своих концептуальных построений используют, как правило, археологические и этнологические материалы, реже – мифологические, фольклорные и другие данные. При этом методы археоастрономических исследований в отечественной науке пока используются крайне редко. Основная часть статей этого направления опубликована в сборниках материалов конференций по археоастрономии («Археоастрономия», 1996; «Древнее Небо», 1998; «Астрономия древних», 2002) и в отдельных археологических изданиях (Гусаков, 2001, с. 132–149; Потемкина, 2001, с. 166–256). Изданы также две небольшие монографии по методике археоастрономических исследований в полевых условиях (Потемкина, Юревич, 1998; Марсадалов, 2001). Серия статей и ряд научно-популярных монографий В. Е. Ларичева посвящены расшифровке знаковых текстов на предметах искусства малых форм и в пещерной живописи, реконструкции календарных систем древнего населения Евразии от эпохи палеолита до раннего средневековья (Ларичев, 1999а; 1999б; 2002а; 2002б).

Между тем, данные археоастрономии должны являться важной составной частью мировоззренческих исследований и реконструкций, поскольку в основе миропонимания всех времен и народов находится представления и знания о Космосе.

Привлечение данных астрономии как науки, основанной на точных методах исследования, придает выводам, связанным с древним и традиционным мировоззре-

нием, определенную доказательную силу, выверенную системой расчетов, как правило, не свойственной гуманитарным наукам. В настоящее время археоастрономические методы исследования достаточно широко используются в археологии, астрономии, истории, этнографии, лингвистике, геофизике и других науках во многих странах мира (Астрономия древних, 2002).

В данной публикации автор на основе археологических и этнологических источников, с привлечением результатов археоастрономических исследований, делает попытку показать: 1) как тема Неба, отражающего ритм существования всего живого в природе, получила отображение в объектах материальной культуры первобытного общества южнолесного и лесостепного Зауралья, прежде всего в мировоззренческой ее части; 2) как эта тема находила и находит отражение в сезонных культово-обрядовых, языческих по характеру, празднествах, отголоски которых сохранились до наших дней в народной памяти и культуре аборигенного населения исследуемой территории – манси и хантов.

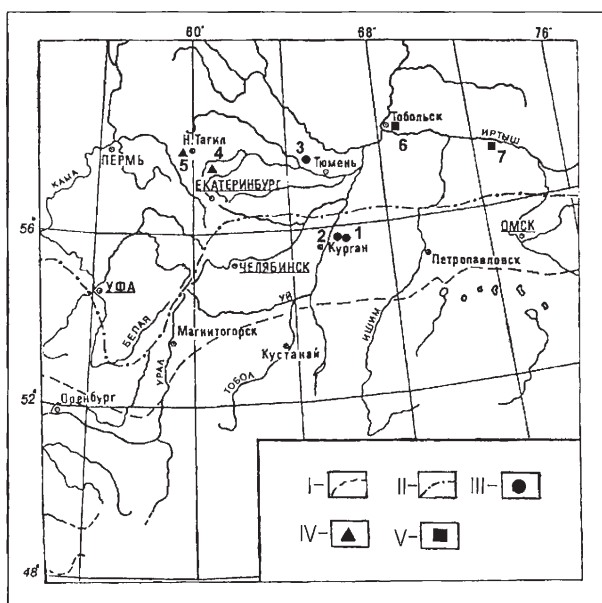
Манси и ханты ещё в XVIII-XIX вв. плотно заселяли Средний Урал и южнолесные районы Тоболо-Иртышья («Мифология», 2001, с. 6–9). К территории расселения этих народов, называемых обскими уграми и относящихся к угорской ветви финно-угорских народов уральской языковой семьи, тяготеют рассматриваемые с позиций археоастрономии археологические памятники культового назначения: неолитические и энеолитические святылища на Горбуновском и Шигирском торфяниках Среднего Урала; круглоплановые святылища Савин-1, Слободчики 1, Велижаны 2 на р. Тобол в пограничье лесостепной и южнолесной зон; культовые места Сузгун 2 и Чудская гора сузгунской культуры эпохи бронзы в южнотаежной зоне Тоболо-Иртышья (рисунок 1). Часть этих памятников исследовалась под непосредственным руководством автора.

Опыт использования методов археоастрономии при реконструкции мировоззрения древнего населения свидетельствует, что как в археологии, так и в этнологии, они одинаково плодотворны, свидетельством чего являются сходные результаты.

Правомерность археолого-этнографических сопоставлений при реконструкции мировоззрения древнего населения урало-западносибирского региона основано, в частности, на особенностях его географических и исторических условий.

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) / Т. М. Потемкина // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В. Н. Чернецова : сб. статей / отв. ред. д-р ист. наук М. Ф. Косарев. – Москва : Изд-во Таус, 2006. – С. 120–188.

На протяжении последних 6-7 тысяч лет оставались во многом неизменными хозяйственные занятия населения, связанные преимущественно с охотничьим и рыболовным промыслом, что способствовало существованию сходной системы жизнеобеспечения и схожей манеры адаптации к природной среде от неолита до этнографической современности. Специфической особенностью данного региона являются ежегодные сезонные миграции копытных животных (лося, оленя, косули) с западных склонов Урала на восточные (осенью) и обратно (весной), что обуславливало относительную надежность основного вида промысла, от которого зависело благополучие людей в течение круглого года (Чернецов, 1971, с. 73, 110).

I – граница степи-лесостепи; II – граница лесостепи и лесной зоны; III – святилища с круговой планировкой; IV – святилища на торфяниках с неисследованной планировкой; V – культовые места сузгунской культуры.

1 – Савин-1; 2 – Слободчики 1; 3 – Велижаны 2; 4 – Шигирский торфяник; 5 – Горбуновский торфяник; 6 – Сузгун 2; 7 – Чудская гора

Рисунок 1 – Карта святилищ эпохи энеолита Среднего Зауралья

Со спецификой природной среды тесно связана и особенность историко-культурной ситуации этой территории, основанная на длительной преемственности культурных традиций и близости этнического состава населения.

К числу немаловажных историко-культурных факторов урало-западносибирского региона относятся и постоянные связи и взаимодействия с населением степной зоны, среди которых на протяжении многих эпох (от позднего неолита до раннего железного века включительно) преобладали юго-западные импульсы, периодически усиливающиеся или затухающие, но оставляющие заметный след в истории и культуре населения лесостепной-южнолесной зоны Западной Сибири (Потемкина, 2001, с. 219–233). М. Ф. Косарев отмечает, что для последних десяти тысяч лет фиксируется примерно шесть волн мощного культурного воздействия, которое шло с юга на север и существенно влияло на исторические судьбы древнего урало-сибирского населения (Косарев, 2003, с. 303, 304). В формировании мировоззренческого комплекса древних народов Урала и Сибири, особенно обских угров, приняли также участие проникавшие сюда элементы ведийско-зороастрийских верований.

Все отмеченные природно-географические и историко-культурные особенности составили основу мировоззренческих представлений, связанных с пониманием Вселенной, которые оставались у населения урало-западносибирского региона практически неизменными на протяжении последних пяти тысячелетий.

Сходная ситуация, по данным археологии и этнологии, имела место и в других регионах Евразии, прежде всего на территории лесостепной и южнолесной зон Восточной Европы, исторические судьбы которой были тесно связаны, с одной стороны, с Южной и Центральной Европой, с другой – с Уралом и западносибирско-казахстанским регионом (Потемкина, 2001, с. 218–240).

Изложенные положения убедительно иллюстрируются конкретным археологическим и этнографическим материалом. К числу рассматриваемых здесь археологических источников относятся названные выше святилища эпохи энеолита и бронзового века. При наличии общих признаков, позволяющих интерпретировать эти памятники в качестве культовых объектов, каждое из них имеет свои яркие особенности, наряду с традиционными археологическими показателями – керамикой, орудиями, остеологическими остатками и др.

На нео-энеолитических Горбуновском и Шигирском святилищах, благодаря консервирующим свойствам торфа, сохранились деревянные идолы и разно-

го рода культовые предметы (сосуды, ковши и т. п.) с зооморфными изображениями; настилы из бревен, на которых совершались обрядовые действия (Толмачев, 1916; Эдинг, 1937; 1940).

На энеолитических святылищах Савин-1, Слободчики 1, Велижаны 2 выявлена круглоплановая архитектура с кольцевыми рвами, столбовыми и культовыми ямами, очагами, имеющими астрономическое значение. Наиболее близкие аналогии круговым святылищам Зауралья известны на достаточно удаленной территории – в Центральной и Северной Европе (Потемкина, 2001, с. 186–218). Важно также отметить, что подобные конструкции и характер функционирования имеют и энеолитические курганы-святылища Северного Причерноморья (Потемкина, 2004, с. 214–250, рис. 2; 7–9). Эти обстоятельства свидетельствуют о практически одновременном формировании сходных мировоззренческих традиций на широкой территории степной и лесостепной зон Евразии, что обусловлено рядом факторов, требующих специального исследования.

Своеобразие культовых мест эпохи бронзы Сузгун 2 и Чудская гора в южнотаежном Тоболо-Иртышье состоит в их приуроченности к наиболее высоким местам в округе и наличии специальных культовых площадок в виде земляных и деревянных сооружений (возвышений, уступов, помостов) и построек в качестве мест для жертвоприношений.

Организация сакрального пространства и особенности ритуалов в эпоху энеолита и бронзового века (по материалам раскопок святылищ)

В лесостепном-южнолесном Зауралье основным источником для характеристики мировоззрения населения конца каменного века является святылище **Савин-1** в Белозерском районе Курганской обл. на правом берегу р. Тобол (55,4° с. ш.).

Святылище расположено в широкой пойме на береговом останце высотой 2–4 м, длиной 350 м, шириной 50–60 м, вытянутом в направлении запад-восток и окруженном старым заболоченным руслом реки. Возвышение занимает господствующее положение на местности. Узкий проход на территорию останца имеется с восточной стороны и доступен только в летне-осеннее время, когда заболоченная старица пересыхает в этом месте (Потемкина, 2001, с. 168, рис. 1).

Раскопки произведены на наиболее возвышенной западной части останца. На вскрытой площади (1 100 кв. м) обнаружены основные сооружения святылища. Они представляли собой два примыкающих друг к другу круга с внутренним диаметром 14 и 16 м, очерченных рвами и имеющих в плане форму восьмерки (рисунок 2). В первом круге строго с восточной и западной сторон имелись коридорообразные входы длиной до 4 м, шириной 1,2 – 1,4 м, стены которых состояли из сплошь вкопанных бревен. Во втором круге был только один проход с северо-восточной стороны в виде разрыва во рву шириной около 3 м со следами кострища посередине (рисунок 3).

В центре первого круга находилось углубление прямоугольной формы (7,5 x 6 м), образованное канавкой шириной около 1 м, глубиной 0,3–0,4 м, с проходом с северной стороны. Длинная ось сооружения сориентирована по направлению запад-восток, а проход в северной стенке – на север.

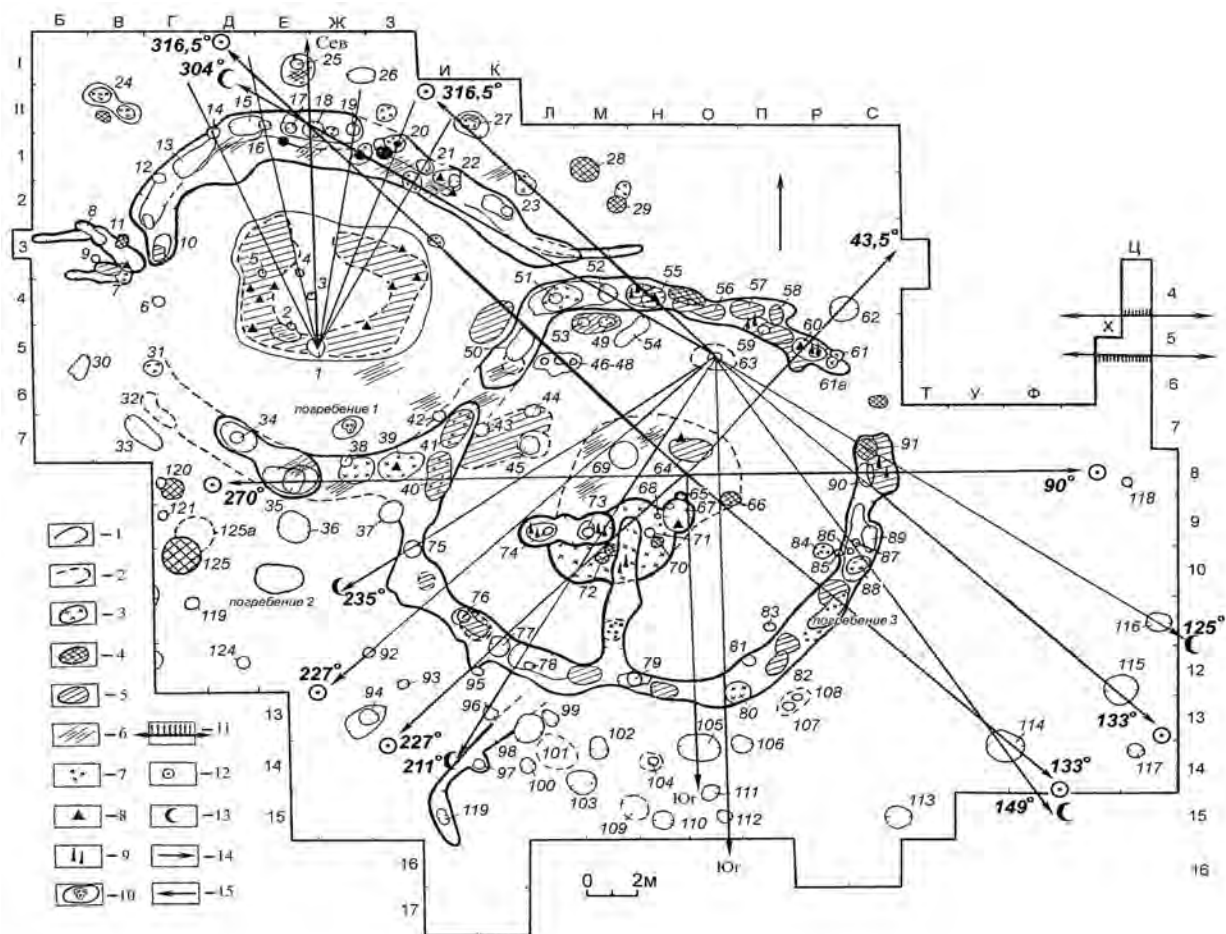
В центральной части второго круга также прослеживается подпрямоугольное углубление (9x5,6) в виде утоптанной углистой площадки вытянутой в северо-восточном направлении, в сторону разрыва во рву.

Существенной, возможно, даже основополагающей конструктивной особенностью сооружений святылища являлись столбы, установленные в центре круговых площадок, по дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны, расположенные с интервалом 1,5–2,5 м (более 120). Среди них имеются также ямы со следами разведения огня (около тридцати). Многие из столбов ориентированы на значимые астрономические направления, связанные с восходами и заходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также луны в крайних её позициях (Potyomkina, 1998, p. 307–324; Потемкина, 2001, с. 166–185; Потемкина, Юревич, 1998, с. 29–41). К астрономически ориентированным столбам приурочены наиболее мощные скопления находок – костей животных, керамики, орудий труда.

Комплексный археоастрономический и археологический анализ полученных на памятнике материалов свидетельствует, что не все выявленные столбы являлись визирами для определения точек восходов и заходов основных светил: слишком много ориентиров, к тому же близко расположенных. Некоторые из столбов – результат уточнения нужных направлений, перестройки, замены пришедших в негодность. Многие из них могли иметь чисто ритуальное значение,

Святылище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье

как это известно по этнографическим материалам аборигенов Западной Сибири, где столбы выполняли функции идолов или жертвенных столбов, на некоторые подвешивали шкуры жертвенных животных вместе с черепами и костями ног и другие жертвенные дары. Но основная часть наиболее толстых и глубоко вкопанных столбов, несомненно, являлась важными астрономическими ориентирами.

1 – очертания канав, ям и столбовых ямок с указанием номера на глубине 100 см; 2 – нечеткие очертания; 3 – углистый слой с углями; 4 – прокаленный слой; 5 – ямы, заполненные костями животных; 6 – скопление костей на уровне древнего горизонта и в ямах; 7 – пятна охры; 8 – развалы сосудов; 9 – скопление керамики; 10 – яма с черепами взрослого и ребенка; 11 – границы «малого вала» в пределах раскопа; 12 – солнце; 13 – луна; 14 – восход; 15 – заход

Рисунок 2 – Святылище Савин-1. План раскопа

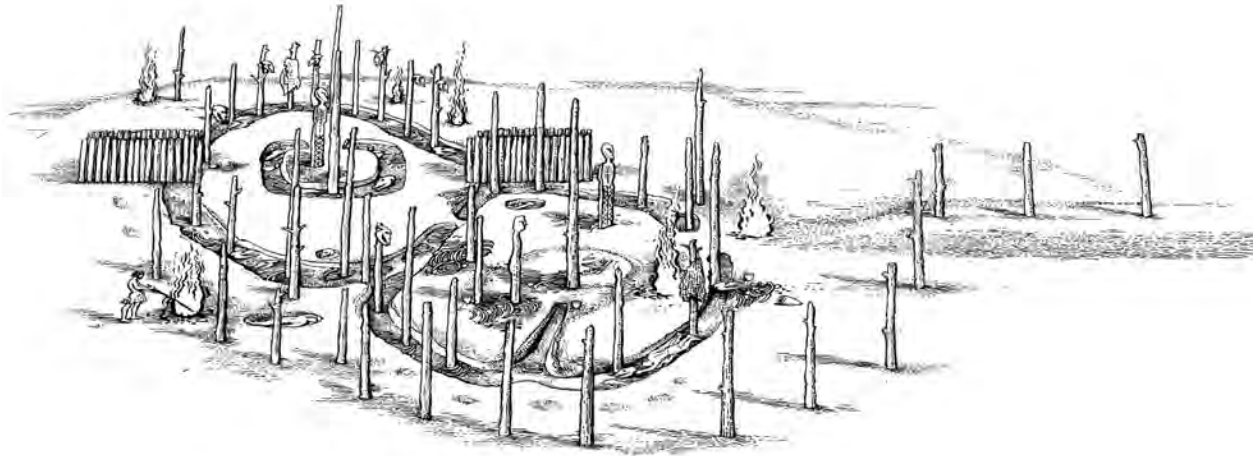

Рисунок 3 – Реконструкция сооружений святылища Савин-1

Не менее значимой частью архитектуры святылища, связанной с его пространственной и временной организацией, являлись два вала, расположенные строго к востоку от центров круговых сооружений.

Первый вал длиной 30 м начинался в 8–10 м от восточного входного коридора первого круга, в 16–18 м от его центра (рисунки 2; 3). Ось вала составляла одну линию запад-восток с центральным столбом круга (№ 3), двумя другими во рву (№№ 51, 52) и за его пределами (№ 62) и находящимися рядом с ними мощными скоплениями костей животных, керамики, каменных орудий, залегающих на углистом или прокаленном слое.

Второй вал длиной 100 м, высотой 0,9–0,4 м находился в 150 м к востоку от центра второго круга. Его ось также составляла одну линию запад-восток с центром этого круга и двумя столбами во рвах с противоположных сторон (№№ 35, 90) и столбом за пределами рва (№ 118). Под насыпью обоих валов выявлены столбовые ямы, древесный тлен, следы кострищ (Potyomkina, 1999, p. 72–76, fig. 1–5; Потемкина, 2001, с. 166–185, рис. 1–3).

Интересной особенностью строительства святылища являлась очистка от верхнего слоя земли до материковой глины очерченной рвами площадки перед установкой столбов. Аналогичная ситуация прослежена под насыпью малого вала, где, кроме того, отмечалась подсыпка из белого речного песка.

На святылище Савин обнаружен массовый археологический материал. Находки концентрировались в основном большими и малыми скоплениями, преимущественно в районе столбовых ям. Коллекция предметов со святылища включает более одиннадцати тысяч единиц: 5 400 фрагментов керамики от 380 сосудов; орудия труда из камня (1 670) и глины (более 100); кости животных (3 900 единиц).

В керамической коллекции памятника выделяется несколько культурных типов сосудов – постсосновоостровский, шапкульский, липчинский, андреевский, – связанных с северо-лесостепным и южнолесным кругом памятников эпохи энеолита. Но преобладающей (64–68 %) является керамика с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом типа сосновоостровской и аятской.

Среди орудий из камня основную часть составляют скребки (44 %) и ножи (18 %) на отщепах. Присутствуют также скребки, резчики, долота, сверла, наконечники копий и стрел, шлифованные топоры и тесла (Потемкина, 2001, с. 218–225, рис. 4–8).

Полученный в процессе раскопок материал позволяет относить святылище Савин-1 к сосновоостровской культуре зауральско-казахстанской культурно-исторической общности гребенчатого геометризма эпохи энеолита. Носители культур данной общности в этническом плане связываются большинством исследователей с угорским (или финно-угорским) населением (Косарев, 1987, с. 314–317). Памятник датирован в рамках первой половины III тысячелетия до н. э. (Потемкина, 2001, с. 220).

Интересные результаты по вопросам, связанным с культовой практикой древнего населения, дает корреляция остеологических остатков с конкретными астрономическими ориентирами. На святылище Савин-1 получен массовый костный материал, принадлежащий лошади (3 057 костей от 160 особей), козуле (615/72), лосю (128/25), кабану (15/9), медведю (1/1), волку (1/1) (определение В. П. Данильченко). Костные данные позволяют получить представление не только о видовом соотношении животных, приносимых в жертву, но и о времени года, о масштабах совершаемых жертвоприношений, а также о месте и роли отдельных животных в космологических представлениях древнего населения.

Самые мощные скопления костей животных встречены на двух участках святылища, в центре первого круга вокруг центральных столбов (1 292 единицы костей от 49 особей); вокруг столбовых ям в кольцевом рве у входного коридора первого круга, ориентированных на восход солнца 21 марта и 23 сентября (1 043/49²). Оба эти участка расположены на одной линии с малым и большим валами главными визирами восходов солнца в равноденственные дни.

В данных скоплениях сосредоточено 62 % костей и 37 % особей различных животных от числа обнаруженных на святылище (3 806/268). Лошадь среди них занимает ведущее место (83 %, по числу костей, 67 % – по числу особей), козуля – второе (15 % – по числу костей, 21 % – по числу особей). Кости лошади и козули представлены здесь всеми элементами скелета, кости лося – только фрагментами черепа и

нижних конечностей, кабана – нижними челюстями, волка – одним зубом. Вместе с костями животных на этих участках найдена основная часть развалов сосудов, орудий труда и оружия.

В скоплениях находок возле ориентационных маркеров восходов солнца в дни солнцестояний (21 июня и 21 декабря) костей животных сравнительно немного (соответственно, 212/15 и 174/11), что предполагает незначительное число жертвоприношений в эти дни. Заметны сезонные отличия. Среди жертвенных животных на восход солнца в летнем солнцестоянии преобладает лошадь (9 особей), в зимнем солнцестоянии – козуля и лось (7). С азимутом восхода солнца в зимнем солнцестоянии связано также ритуальное погребение трех человек во рву, о чем упоминалось выше.

Выявлены также следы жертвоприношений, приуроченных к заходу солнца в значимые дни года. Наиболее заметные из них находились у западного входного коридора первого круга, ориентированного в направлении захода солнца в дни равноденствий. Здесь обнаружены кости от черепов и нижних частей конечностей лошади (7 особей), козули (4), лося (3) и кабана (2). В этих же скоплениях находились сосуды с календарным орнаментом и культовые предметы с лунарной символикой (рисунок 4, 2–5).

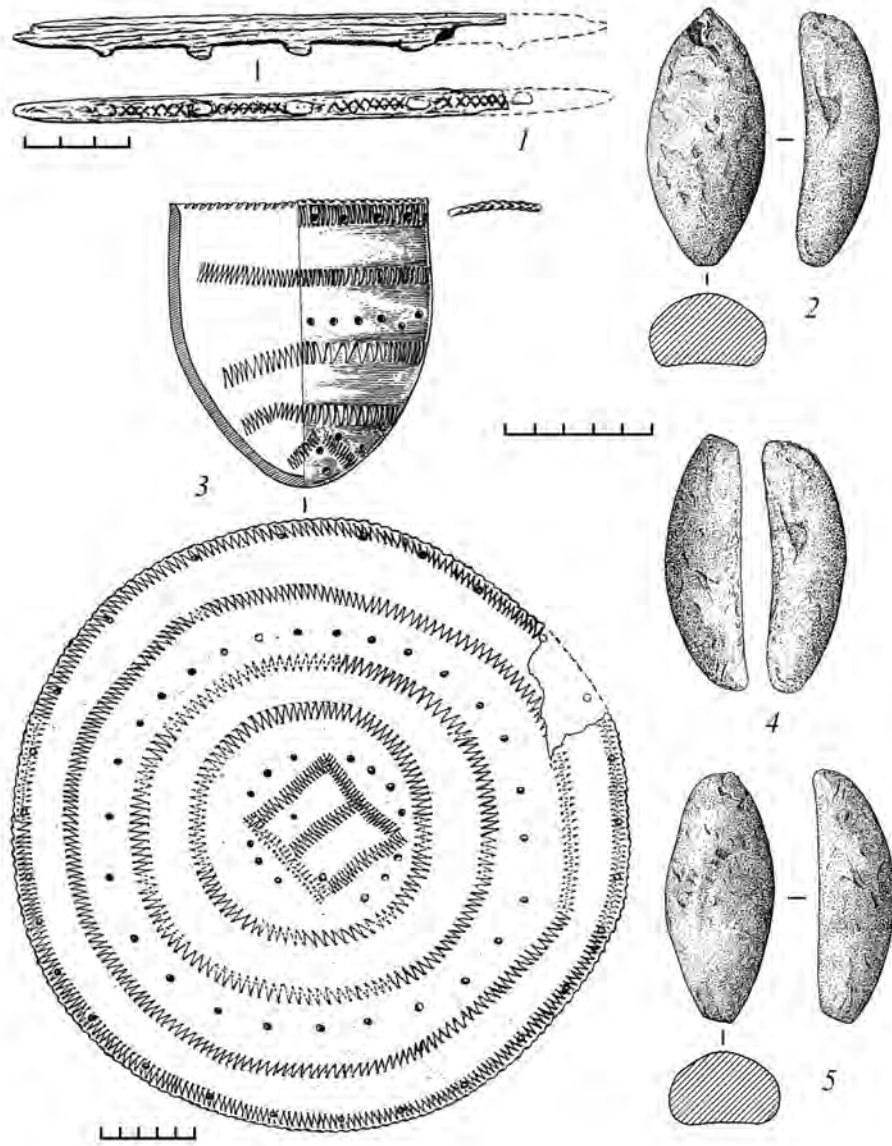
Определенную роль в обрядовой практике посетителей Савина играли жертвоприношения, приуроченные к восходам луны (11 случаев с общим числом костных остатков 515/53 единиц). Более всего костей встречено у столбов-маркеров, ориентированных на восходы низкой луны в дни равноденствий (130/18) и высокой луны в дни летнего солнцестояния (201/10). Видовое соотношение животных здесь близко раскладу, характерному для жертвоприношений восходу солнца в дни равноденствий, но состав костей аналогичен обнаруженному в направлениях заходов солнца.

На святылище Савин-1 прослежена также интересная особенность распределения костей, связанная с лошадью: в верхнем заполнении столбовых ям, расположенных в северной половине кольцевого рва первого круга, встречены исключительно кости черепа и нижней части конечностей по одной особи лошади (9 случаев) и лося (1 случай). Все эти столбы, как было установлено в процессе реконструкции святылища, фиксировали по тени центрального столба-гномона положение солнца на небосводе в течение светового дня, как бы отмечая этапы дневного пути солнца

² В числителе – количество костей, в знаменателе – число особей, которым они принадлежат.

(своего рода солнечные часы) (Потемкина, 1998, с. 12, 13. Фото). Еще четыре аналогичных случая обнаружены в южном секторе рва первого круга в направлении полуденной линии и рядом с ней.

На наш взгляд, столбы, отмеченные только черепами и конечностями одной особи лошади (остатки шкур с головой и частью ног?), могли служить своеобразными маркерами, фиксирующими конкретные отрезки времени, которыми руководствовались распорядители культовых церемоний в процессе проведения ритуалов. Одновременно эти данные могут свидетельствовать об особой роли лошади в космогонических представлениях энеолитического населения.

1 – кость, 2–5 – глина

Рисунок 4 – Святылище Савин-1. Предметы с лунарной символикой

Реально предположить, что уже в энеолите конь приобретает астральные функции – в определенных ритуальных ситуациях ассоциируется с солнечным божеством или спутником солнечного божества. Своего расцвета эти представления достигли в последующие эпохи бронзового и раннего железного веков. Так, в Ригведе конь является атрибутом и символом солнца: солнце неоднократно названо то конем, то колесницей, то колесом, то есть объектами, связанными с конем (Хазанов, Шкурко, 1976, с. 46, 47).

У скифов и родственных им азиатских племен саков и массагетов связь солнца и коня осуществлялась через жертвоприношения коня верховному (часто солнечному) божеству. Представления об астральной и солнечной сущности коня нашли отражение в практике жертвоприношения и фольклоре народов Сибири (Николаев, 1987, с. 156–158).

По имеющимся археологическим материалам есть все основания предполагать, что святилище Савин-1 осмысливалось его создателями как модель Мира и потому имело строго организованную пространственную структуру. Энеолитические курганы-святилища Северного Причерноморья со сходной организацией сакрального пространства датируются более ранним временем (вторая половина IV – начало III тысячелетия до н. э.) и в этническом плане увязываются исследователями с индоиранским населением (Потемкина, 2004, с. 247).

На расстоянии 0,8 км к западу от святилища Савин-1 в пойме р. Тобол на берегу старицы находится еще одно круглоплановое святилище **Слободчики 1**. Памятник исследован частично (Вохменцев, 1995, с. 260; 1997, с. 9, 10). На вскрытой площади (288 кв. м) выявлена часть кольцевой канавы диаметром 14 м, шириной 0,6–1,5 м, глубиной 0,2–0,4 м. Западная ее часть разрушена обрывом, в южной имеется проход. В центре круга находится прямоугольное углубление размером 7 х 8 м, глубиной 0,6 м.

В пределах круговой конструкции фиксировались остатки кострищ. В центральном углублении и канаве встречены скопления костей животных, среди которых найдены фрагменты керамики, изделия из камня, глины и кости (орнаментированные биконические грузила, гарпуны, наконечники копий, обломки костяных рукоятей). На дне углубления отмечены довольно мощные наслоения углистой супеси и прокаленного грунта. В юго-восточном секторе канавы обнаружен неполный скелет женщины в возрасте

50–60 лет (определение А. Н. Багашева).

Керамическая коллекция памятника, как и на святилище Савин-1, включает посуду различных культурных типов. Наиболее многочисленной является керамика с гребенчатым орнаментом сосновоостровского типа (60 %) и орнаментированная фигурным штампом – шапкульского облика (39 %). Встречаются фрагменты посуды, сопоставимые с липчинской, андреевской, сургандинской. Набор каменных орудий немногочисленный – всего 20 экз. Половина из них – скребки на отщепках (Вохменцев, 2000, с. 15, 16).

Несмотря на отмеченное сходство керамики двух расположенных рядом памятников, посуда святилища Слободчики 1, как и характер каменного и костяного инвентаря, оставляет впечатление принадлежности к более раннему времени.

Это предположение в какой-то мере подтверждается и остеологическими данными. Весь костный материал по своему видовому составу принадлежит дикой фауне (определение П. А. Косинцева). Преобладающими являются кости лося (37 особей). Далее следует медведь (14 особей), кабан (12), косуля (10), лошадь (5), заяц (2), выдра (2), куница (2), волк (1). На памятнике также найдено много костей рыбы (Вохменцев, 2000, с. 15).

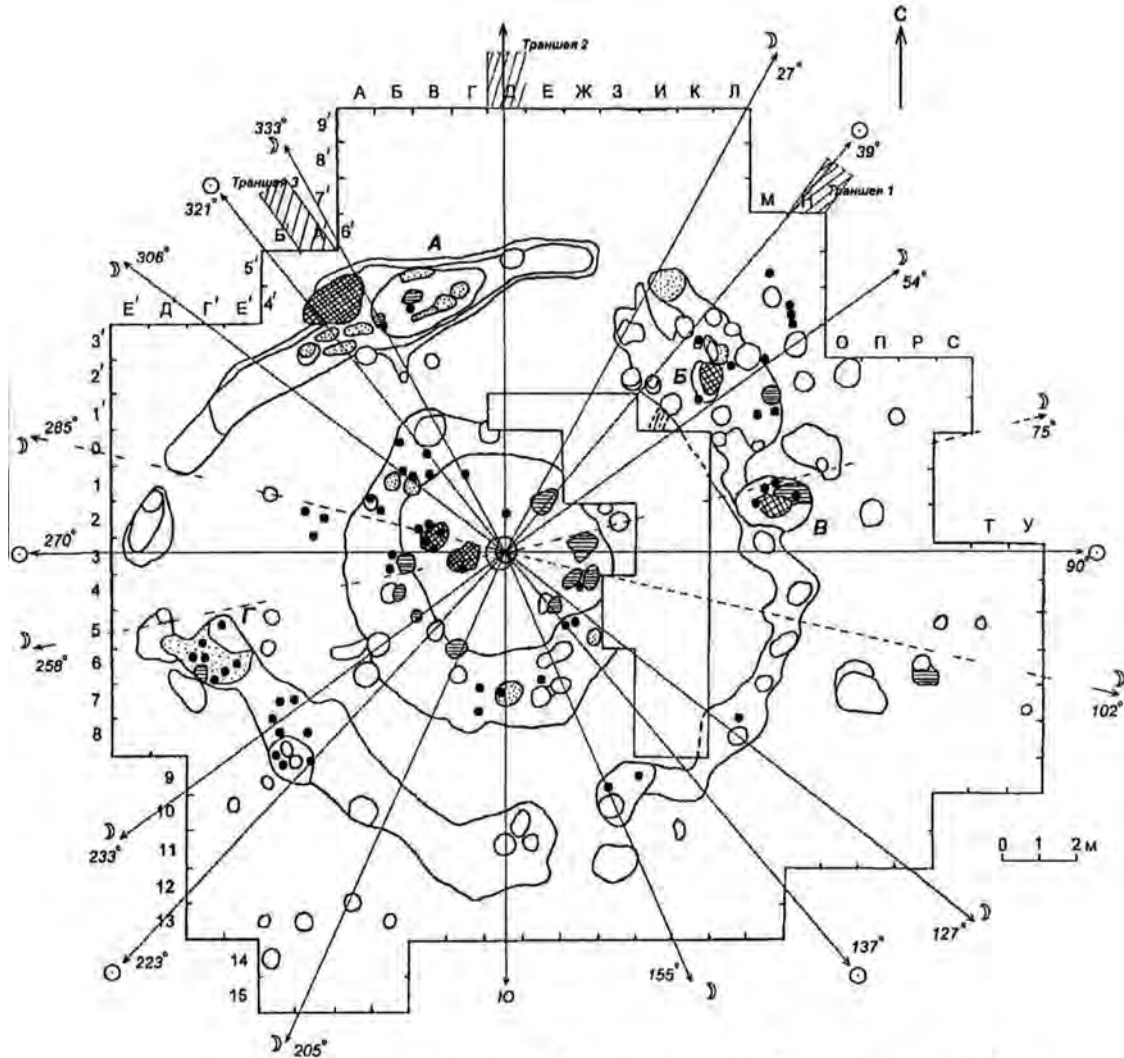
Присутствие сравнительно большого числа особей медведя в остеологической коллекции – редкое явление для памятников пограничья лесостепной и южно-лесостепной зоны. Возможно, это связано не только с более ранней датировкой святилища Слободчики 1 по сравнению с Савином 1, но и особым статусом памятника в системе мировоззренческих представлений и ритуальных действий энеолитического населения Зауралья.

Окончательная культурная и хронологическая атрибутика святилища Слободчики 1 может быть определена после более полного его исследования.

На предмет присутствия конкретных астрономических ориентиров памятник не изучался.

Святилище Велижаны 2 находится в 40 км к северу от Тюмени (57,4° с. ш.), на высоком мысе, образованном изгибом р. Иски, притока Тобола, и ручьем Шайтанкой. Высота мыса – 10 м, площадь – около 600 кв. м. Памятник исследовался в 1989–1993 гг. Л. А. Дрябиной (Тюменский университет). Раскопом 527 м вскрыта основная площадь памятника. На исследованной части обнаружены два вписанных друг в друга концентрических круга общим диаметром

19,2 м (рисунок 5)³ Центральную часть комплекса составляет углубленная, сильно утоптанная площадка диаметром 5,2 м. Ее окружает ровик незначительной глубины (до 0,2–0,3 м) шириной 1,0–1,6 м (Дрябина, 1995, с. 37, 38; 2003, с. 60–62).

1 – очертания канав и ям на глубине – 90–100 см; 2 – столбовая яма; 3 – сосуд; 4 – кострище; 5 – ямы с охрой; 6 – ямы с углистым слоем и отдельными углями; 7 – участок с высокими соснами; 8 – солнце; 9 – луна

Рисунок 5 – Святылище Велижаны 2. План раскопа (выполнен по полевым чертежам Л. А. Дрябиной, астрономические ориентиры рассчитаны Т. М. Потемкиной)

³ План святылища Велижаны 2 публикуется впервые. Чертеж для публикации выполнен Т. М. Потемкиной по полевым чертежам автора раскопок Л. А. Дрябиной. План был передан автору данной статьи Л. А. Дрябиной в 1993 году во время совместных работ по выявлению астрономических ориентиров на памятнике. В тот полевой сезон по данному направлению исследований были получены интересные результаты (рисунок 5А).

Полагаю, что публикация плана святылища Велижаны 2 (рисунок 5) имеет значение не только как дань неожиданно ушедшему из жизни исследователю уникального памятника, но и как важный документ, который значительно дополнит результаты его исследования и усилит те концептуальные положения, которые изложены Л. А. Дрябиной в ее опубликованных работах.

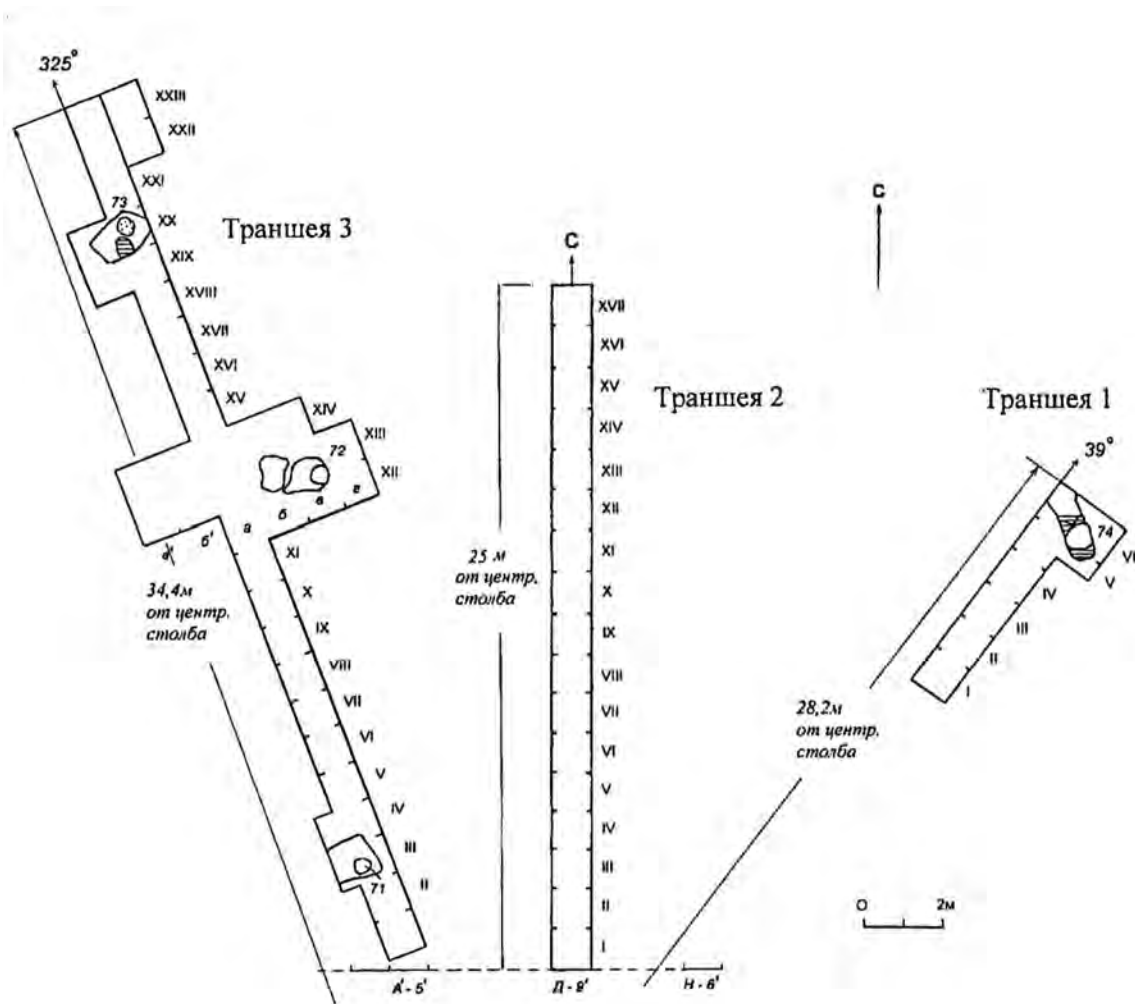

Рисунок 5А – Святилище Велижаны 2. Траншея

В центре площадки находился мощный столб, который определял центр всего святилища. К западу от него располагались два кострища. На расстоянии около 2 м от столба на площадке и у внутреннего края рва 0,8–1,6 м, глубина 0,4–0,6 м. Ров прерывался в северо-восточной, западной и южной частях. На дне рва фиксируются восемь ямок с охрой. Далее по кругу в радиусе 2,8 м от центрального столба по дну рова было поставлено 13 столбов-мет, вкопанных в ямы глубиной 0,6–0,8 м. Вокруг кострищ, ямок с охрой и столбов стояло множество сосудов (большинство – вверх дном). В некоторых из них остался нагар, иные содержали охру. Практически всё пространство внутри круга было заполнено сосудами, их обломками, глиняными поделками.

Центральную площадку с ровиком окружал внешний ров, внутренняя граница которого находилась в 6 м от центрального столба. Ширина этого рва 0,8–1,6 м, глубина 0,4–0,6 м. Ров прерывался в северо-восточной, западной и южной частях. На дне рва фиксируется 29 ямок от столбов, три кострища и четыре глубокие ямы, расположенные в северо-восточном, восточном, северо-западном и юго-западном направлениях.

Вокруг кострищ и в ямах находились сосуды, многие из них с охрой, а также угли и мелкие кальцинированные косточки. В культовых комплексах святилища Велижаны 2 кости животных и следы захоронения людей не встречены, как это имело место

на святылищах Савин-1 и Слободчики 1. За пределами второго рва располагались еще 19 столбовых ямок различной толщины и глубины. Возле некоторых из них, в основном в северо-восточном направлении, стояли сосуды. Всего на святылище обнаружено более 70 столбовых ям.

На святылище Велижаны 2, как и на Савине-1, значительная часть столбовых и жертвенных ям с сосудами, охрой и углистой супесью приурочена к значимым астрономическим направлениям, связанным с точками восходов и заходов солнца и луны на горизонте в дни солнцестояний и равноденствий. Четко обозначены все шесть основных солнечных направлений и 8 лунных, фиксирующих восходы и заходы высокой и низкой луны в крайних позициях, а также направления север-юг (рисунок 5). По мнению автора раскопок, большинство столбов связано с фиксацией изменений в положении луны после захода солнца от новолуния до полнолуния (Дрябина, 1995, с. 38; 2003, с. 60). Часть столбов фиксировала промежуточные календарные даты между солнцестояниями и равноденствиями. Некоторые из них служили для уточнения направлений и различных ритуальных целей. Археологические материалы свидетельствуют, что среди выявленных астрономических ориентиров особое значение для людей, посещавших Велижаны 2, имели направления, указывающие на восходы и заходы солнца, высокой и низкой луны в дни солнцестояний и близкие к ним.

С целью проверить эти наблюдения и выявить возможные более дальние визиры, уточняющие важные для неолитического населения астрономические направления, в 1993 г. к северной стенке раскопа были прирезаны три траншеи⁴. Две из них визуально продолжали направления на восходы и заходы солнца в дни летнего солнцестояния, а третья указывала северное направление (рисунки 5; 5А).

Траншея 1 длиной 15 м, шириной 1 м была привязана к участку Н-6¹ и имела протяженность от центрального столба 28,2 м в направлении 39°–45° с. ш. В конце траншеи на расстоянии 27 м от центра святылища в направлении 45° была обнаружена столбовая яма с подсыпкой охры вокруг.

Траншея 2 длиной 17 м, шириной 1 м, привязанная к участку Д-9, имела северное направление. Никаких находок и сооружений в ней обнаружено не было.

⁴ В исследованиях в качестве научного консультанта принимала участие автор данной публикации.

Траншея 3 длиной 23 м, шириной 1 м, расширенная на отдельных участках от двух до пяти метров, была привязана к квадрату А¹–5¹ в направлении 325°–330°, что соответствовало промежуточному положению между направлениями захода солнца в день летнего солнцестояния и захода высокой луны в зимнем солнцестоянии. В траншее в направлении 327°, на расстоянии 12 м и 29–30,5 м от центрального столба, были обнаружены столбовая яма и две ямки с углистым слоем и охрой. На расстоянии 23–24 м в направлении 345° находилась еще одна столбовая яма.

Таким образом, при вскрытии траншей 1 и 3 были выявлены искомые дополнительные меты, которые подтвердили достоверность вычисленных солнечных и лунных азимутов в летнем солнцестоянии.

По своей культурной принадлежности святылище Велижаны 2 близко неолитическим святылищам, описанным выше. Здесь также присутствует керамика таких культурных типов, как липчинская, андреевская, шапкульская, постсосновоостровская, которые залегали в культурном слое совместно. Однако количественное соотношение сосудов различных традиций иное (Дрябина, Шехова, 2001, с. 90; Дрябина, 2003, с. 61). Керамический комплекс святылища Велижаны 2 содержит в основном сосуды андреевской и липчинской культур в притобольском варианте, в то время как на Савине-1 преобладающей является керамика постсосновоостровского типа. Эти различия могут объясняться как территориальными, так и хронологическими особенностями двух памятников.

Наличие мощных кострищ, огромного количества сосудов, охры, их план и графическое распределение и связь с определенными астрономическими явлениями, зафиксированными столбовыми конструкциями, свидетельствует, что памятник являлся местом отправления культов. Совместное нахождение в сооружениях памятника сосудов разных культурных традиций свидетельствует, что святылище посещалось различными группами населения либо в одно время, либо по определенному календарному распорядку жертвоприношений. Несомненно одно – святылище одинаково почиталось окружающим населением разных культурных групп.

Обряды жертвоприношений на святылище Велижаны 2 имели свои особенности (Дрябина, 2001, с. 87, 88; 2003, с. 60–62). Данные археоастрономии свидетельствуют, что основные культово-обрядовые действия совершались летом и в весенне-осенний

период. Очевидна их связь с пятью пунктами святилища, отмеченными скоплениями столбовых ям, кострищами и жертвенными ямами, где находилось основное количество сосудов, каменных орудий и охры.

Первым из них, где наблюдалась наибольшая концентрация упомянутых артефактов, является северо-восточный участок внешнего рва у края прохода во рву (участки Л-0/4¹-0). Здесь ров на протяжении 5,5 м расширялся до 2,5 м (рисунок 5). Именно в пределах этой части рва находились столбы, которые выполняли роль ближних визиров (по отношению к центральному столбу), указывающих на точки восходов солнца в летнем солнцестоянии (39°) и высокой (27°) и низкой (54°) луны в зимнем солнцестоянии.

В центре площадки находилась глубокая яма. На дне ее лежали обгорелые плахи, вероятно, остатки настилов, на которые ставились сосуды с пищей, жидкостью, охрой. К яме примыкало мощное кострище. Стратиграфические данные свидетельствуют, что огонь разводился в яме и рядом многократно, после чего засыпался песком. Вокруг ямы и кострища во всех слоях стояли сосуды (Дрябина, 2001, с. 89).

Л. А. Дрябина склонна считать, что в этой части рва был сооружен навес или легкая хижина (сооружение Б), где и совершались ритуальные процедуры (Дрябина, 2003, с. 61). Трудно представить на месте столбов-ориентиров, указывающих направления на точки восходов основных светил на горизонте, какие-либо постройки, которые бы превышали высоту человеческого роста. Это затрудняло бы процесс визирования на дальние ориентиры, в том числе и на горизонте, и тем самым утрачивался весь смысл установки в этом месте столбов-мет.

Вторым местом на святилище, где совершались аналогичные описанным ритуальные действия, являлась северо-западная часть внешнего рва (кв. Б¹, В¹, А-В/5¹-3¹). На этом участке ров также расширялся до двух метров. Через его центральную часть проходит линия, указывающая на точку захода солнца в летнем солнцестоянии (321°), четко обозначенная тремя столбами: центральным, во внутреннем ровике и у внутреннего края внешнего рва. На этой же линии находится большое кострище и ряд небольших ямок, заполненных углистой супесью и углем (рисунок 5). Через расширенную часть рва проходит также направление на заход высокой луны в дни зимнего солнцестояния. Она фиксируется столбом у внутреннего края внешнего рва, ямкой с охрой и сосудом во рву.

В пределах этой части рва находилась большая яма (3,2x1,8 м) глубиной 2,2 м (обозначена как сооружение А). В яме насчитывается до 9 слоев: черная углистая супесь переслаивается серым песком. Каждый слой представлял собой сгоревшие плахи, на которых стояли сосуды, в том числе и с охрой. У северо-западного края ямы находился мощный прокаленный слой (до 1,1 м). Предполагается, что в яме периодически возводилось сооружение типа помоста, на который подносили жертвенные дары. После совершения ритуала помост сжигали и засыпали песком (Дрябина, 2003, с. 60).

Сходные объекты, связанные с культово-обрядовыми действиями энеолитического населения, находятся также в юго-западной и восточной частях внешнего рва.

В юго-западной части, у южного края западного прохода во рву, рядом с фиксированным с помощью столбов направлением на заход низкой луны (258°) в дни равноденствий, находилась яма Г диаметром 1,5 м, глубиной 1,8 м. Заполнение ямы с самого дна состояло из жирной углистой супеси с угольками, комочками охры, мелкими кальцинированными косточками и разбитыми сосудами. Горшки стояли и у края ямы на поверхности.

В двух метрах к юго-востоку выявлена еще одна яма с большим числом сосудов в ее пределах и рядом. Яма, наряду с другими столбами, была расположена на линии, указывающей на точку захода солнца в зимнем солнцестоянии (223°). В этой части рва были отмечены также направления на заходы высокой (205°) и низкой (233°) луны в летнем солнцестоянии. В направлении захода низкой луны во рву стояли несколько сосудов.

Азимут восхода солнца в дни равноденствий маркирует яма В в восточной части рва, расширяя его до 1,8 м. Центральную часть ямы занимало кострище, слою которого пересыпались охрой из сосудов, оставленных здесь же (Дрябина, 2003, с. 61).

Направление на заход солнца в дни равноденствий (270°) отмечено разрывом во рву с большой ямой посередине, в которой был установлен столб.

Но наиболее почитаемым местом на святилище Велижаны 2, судя по характеру находок, была центральная площадка, окруженная ровиком, с большим центральным столбом посередине. Здесь сосредоточены почти половина сосудов и основная часть ямок с охрой из числа обнаруженных на памятнике.

Обращает на себя внимание особенность распределения жертвенных комплексов в этой части святилища. Очевидна приуроченность жертвенных комплексов к западному и восточному секторам круга. Лишь небольшая часть их размещена в южном направлении (рисунок 5). При этом в восточном секторе, в направлении восхода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий, находятся исключительно ямки с охрой. В западном секторе, в направлении захода солнца в равноденственные дни, а также заходов низкой луны (306°) в зимнем солнцестоянии и высокой луны (285°) в дни равноденствий, находятся в основном сосуды и следы возжигания огня (два кострища и две ямки с углистым слоем и углями). При этом большинство сосудов стояли вверх дном, многие содержали охру (Дрябина, 1995, с. 37).

Таким образом, выявляется интересная закономерность: во внешнем рву все крупные жертвенные комплексы, кроме ямы В (участки М, Н/1,2), приурочены к восходам и заходам солнца и луны в дни солнцестояний; во внутреннем ровике и на центральной площадке – к восходам и заходам солнца и луны в равноденственные дни. Объяснить это можно, на мой взгляд, не только особенностями ритуалов в разное время года, но и условиями, в которых они совершались.

Есть основания предполагать, что святилище Велижаны 2 являлось достаточно крупным календарным сооружением, служившим местом ритуальных действий для населения разных культурных традиций. Основные обряды, сопровождаемые жертвоприношениями, совершались в середине лета и в весенне-осеннее время, близкое к дням равноденствий. Жертвенные дары представлены сосудами с пищей, напитками, охрой, которые ставились у огня или бросались в огонь, разводимый в больших ямах и рядом, расположенных в направлениях восходов и заходов основных светил в значимые дни года. Следов жертвоприношений животных на святилище Велижаны 2 не обнаружено. Только в одной яме Г встречены мелкие пережженные косточки, видовое определение которых практически невозможно. О регулярности посещения святилища свидетельствуют многослойные культовые ямы на северо-восточном и северо-западном участках внешнего рва, где прослежена периодичность возведения сооружений, предназначенных для жертвоприношений.

Исследователь памятника предполагает несколь-

ко вариантов совершаемых на святилище Велижаны 2 жертвенных ритуалов (Дрябина, 2001, с. 88; 2003, с. 61, 62). Наиболее гипотетичный, с ее точки зрения, – связь жертвоприношений с водой, а через нее и с луной, с обитателем вод – рыбой, углубляющей ритуальный смысл до подземных сфер.

Данное предположение подкрепляется находкой 13 грузил, лежавших компактно в небольшой ямке, расположенной в юго-западной части святилища на краю мыса. находка рассматривается как жертвенный комплекс, насыщенный сакральной символикой, связанной с водной стихией (Дрябина, 2001, с. 88; 2003, с. 61). Количество изделий согласуется с доминантной числовой символикой на посуде, которую авторы склонны рассматривать как количество месяцев в году (Дрябина, 2003, с. 61; Дрябина, Шехова, 2001, с. 90, 91). Главным аргументом является наличие столбовых мет и других археологических свидетельств, фиксирующих восходы и заходы луны в крайних позициях в дни солнцестояний и равноденствий, когда и проводились основные праздники.

Автором раскопок высказано предположение, что сосуды святилища Велижаны 2 изготавливались специально для обрядов и предназначались для возлияний, жертвоприношений, дарений, что нашло отражение в особенностях ее орнаментации. На основе круговых разверток была предпринята попытка дешифровки орнаментов на велижанских сосудах, благодаря которой выявлены определенные числовые коды и пространственные символы (5:13; 5:10:13). По мнению авторов публикации, они могут свидетельствовать о существовании у энеолитического населения Притоболья календарной традиции, когда год в течение трех лет состоял из 13 месяцев, а на протяжении пяти лет – из 12 месяцев, как это имело место в ближневосточных государствах в древности (Дрябина, Шехова, 2001, с. 90, 91).

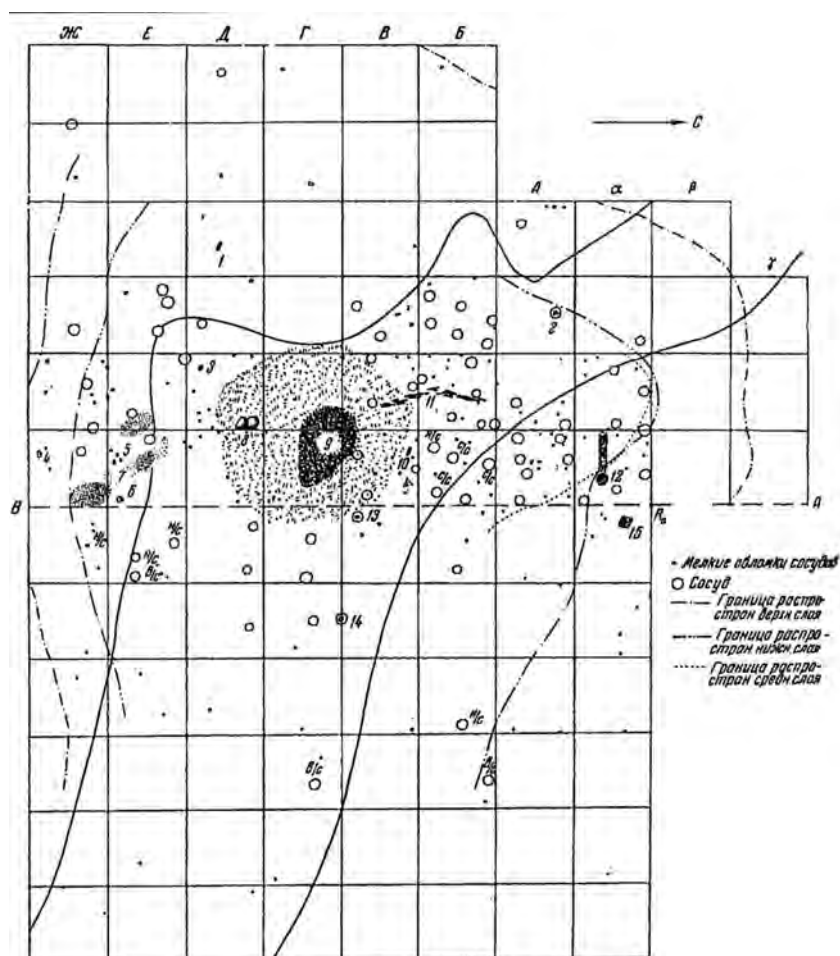
Данные раскопок свидетельствуют, что совершаемые на святилище обряды носили более широкий и глубокий смысл и были более разнообразны по форме по сравнению с предложенной реконструкцией. Во всяком случае, связь ритуалов с солнцем выявляется не в меньшей, а в значительно большей степени, чем с луной. И это требует своего объяснения.

Культовое место **Сузгун 2** находится на правом берегу Иртыша в 9 км ниже устья Тобола ($58,2^\circ$ с. ш.). Памятник расположен в небольшом ложке у подножия высокой сопки, представляющей собой

громадный останец, высотой около 70 м, с крутыми склонами. Раскопками В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской (125 кв. м.) обнаружен мощный культурный слой со следами кострищ, углистых прослоек, пятен охры, массовых остатков фрагментов керамики и целых сосудов, отдельных предметов разного назначения (Мошинская, 1957, с. 116–120, рис. 2; 3).

На наиболее возвышенной северной части святилища у подножья горы находился вертикально врытый столб. В средней части ложка располагалось большое кострище, состоящее из скопления углей и

обугленной бересты (рисунок 6). По обе стороны от кострища, в северной и южной части ложка, найдены сосуды, стоящие в вертикальном положении. В некоторых из них (и рядом с ними) встречались обгорелые куски бересты. Видимо, сосуды были покрыты берестой. Основная их часть находилась между кострищем и упомянутым вертикально врытым столбом, вероятно, функционировавшем в качестве идола. Сосуды располагались рядами в направлении запад-восток, что позволило исследователям предполагать наличие к северу и югу от кострища искусственных земляных возвышений, на которые устанавливались сосуды.

1 – точильный брусок; 2 – скульптурное изображение головы животного; 3 – кремневое сверло; 4, 10 – кремневые наконечники стрел; 5 – куски охры; 6 – камни; 7 – насыпной песок; 8 – обожженные камни; 9 – кострище; 11 – обгорелое дерево; 12 – пятно от столба; 13 – пряслице из черепка; 14 – глиняное пряслице; 15 – литейная форма для отливки кельта
Рисунок 6 – Жертвенное место Сузгун 2. План раскопа (по: Мошинская, 1957).

Сплошная линия – граница древнего ложка

Интересной деталью обрядов сузгунского населения, имеющей отношение к цветовой символике, являются выявленные на памятнике искусственные подсыпки из мелкого желтого песка, на которые ставились сосуды.

Песок приносился на культовое место специально, как и куски охры, найденные на южных участках раскопа, к югу от кострища. Кроме того, среди обломков крупных сосудов в большинстве случаев встречались маленькие круглые гальки белого цвета, отсутствующие в материковом грунте и также, видимо, специально принесенные (Мошинская, 1967, с. 117, 119). Среди обломков крупных сосудов обнаружены миниатюрные сосудики, которые, возможно, в свое время находились в крупных. Памятник датируется авторами раскопок в пределах второй половины II тысячелетия до н. э. (Мошинская, 1957, с. 125–127).

Хотя Сузгун 2 специально на присутствие астрономических ориентиров не проверялся, планиграфическое распределение сооружений и находок на памятнике свидетельствует о присутствии здесь направлений как минимум по четырем сторонам света, которые учитывались при организации сакрального пространства и совершении культово-обрядовых действий. Вертикально врытый столб, вероятно, выполняющий функции маркера (гномона?) и идола одновременно, был помещен на наиболее возвышенной северной части культового места. Точно к югу от него располагалось основное кострище (рисунок 6). На этой же линии север-юг к югу от кострища находилось скопление кусков охры, вокруг которого отмечены три крупных пятна из насыпного желтого песка (напомним, что южная сторона в мировоззренческих представлениях многих древних народов, в том числе урало-сибирских, рассматривалась как жертвенная (Потемкина, 2004, с. 221–223, 240).

Основная часть принесенных в жертву сосудов и предметов находилась между столбом и центральным кострищем и располагалась рядами по линии запад-восток. Очевидно, именно в этом направлении, перпендикулярном центральной осевой линии север-юг, выявляемой для культового места Сузгун 2, были устроены предполагаемые земляные возвышения (уступы?), на которые помещались жертвоприношения. Не вызывает сомнения, что культовая площадка в период функционирования памятника была четко спланирована и все обряды совершались по определенной схеме. На это указывает также

и распределение наиболее интересных с точки зрения символики находок на площади святилища. Например, скульптурное изображение головы животного из глины, предположительно лошади, располагалось по отношению к центру святилища (кострища) в направлении захода солнца в дни летнего солнцестояния (328°) для широты расположения памятника; пряслице – к востоку от кострища, в направлении восхода солнца в дни равноденствия (рисунок 5).

Обращает на себя внимание сходство характера совершаемых обрядов на территориально близких святилищах Велижаны 2 и Сузгун 2, хотя они и относятся к различным эпохам, разделенным временем в 1000–1500 лет. И в том, и в другом случаях основным предметом жертвоприношения являлись сосуды с напитками и растительной пищей, которые ставились на деревянные помосты в ямах (Велижаны 2) или на земляные возвышения на поверхности (Сузгун 2). В обоих случаях кости животных не обнаружены. На святилище Сузгун 2 встречено несколько обожженных птичьих (?) косточек.

Городище **Чудская гора** находится на левом берегу р. Иртыша в Знаменском районе Омской области ($57,1^\circ$ с. ш.). Памятник занимает останец материкового иртышского берега высотой 10–12 м. Он имеет форму вытянутого с юго-запада на северо-восток (230° – 50°) треугольника длиной 400 м. Вокруг останца простирается широкая пойма с заливными лугами (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 5–16, рис. 2–5).

Чудская гора – памятник многослойный. Наиболее ранние культурные наслоения относятся к эпохе бронзы и связаны с поселением сузгунской культуры (XII–VIII вв. до н. э), которое занимало центральную часть горы и было укреплено валами и рвами с юго-западной и северо-восточной сторон. Жилища располагались по кругу вдоль продольных склонов горы. Культовая часть памятника находилась в юго-западной, более узкой части горы, обращенной в сторону коренного берега и отделенной от него заболоченным логом.

Сакральная часть памятника включала четыре постройки полуземляночного типа с каркасно-столбовыми конструкциями, обозначенные как жилища 1–4 (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 16–34, рис. 7–9). Три из них располагались вплотную друг к другу, возможно, имели общую кровлю; четвертая находилась на расстоянии трех метров к востоку и

представляла собой литейную мастерскую. Площадь построек составляла, соответственно, 63, 108, 33 и 27 кв. м.

От жилой части поселения сакральное пространство было отделено рвом с отвесными стенками шириной около 5 м, глубиной 0,3–0,6 м (первоначально это сооружение было обозначено как жилище 5). Со стороны лога к постройкам вплотную примыкали сильно оплывший вал высотой 0,5–0,7 м и ров с внешней стороны глубиной 0,6–0,7 м.

Судя по характеру культурного слоя в шурфах на мысовой части останца за валом и рвом, сплошь состоящего из золы, углей, прокаленного грунта и сузгунской керамики, юго-западная оконечность горы также использовалась для совершения разного рода ритуальных действий. Исследованная раскопками площадь памятника составляет 640 кв. м, из которой культовая часть занимает 534 кв. м.

Территория сакральной площадки была плотно застроена вдоль вала от северного до южного склона горы на площади 300 кв. м. Во внутрь построек с юго-восточной стороны, направленной к берегу реки, вели коридорообразные входы длиной 5 м, шириной 1–1,5 м. Вдоль северо-восточных стенок сплошной линией тянулись канавообразные углубления шириной 2–3 м, в пределах которых расчищены обугленные жерди и плахи, лежавшие в большинстве случаев поперек отмеченных углублений. Обугленные жерди и углистые полосы обнаружены и вдоль других стен построек (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 16–28, рис. 7).

На месте скопления остатков деревянных конструкций находилась также значительная часть ямок, оставленных столбиками или колыями толщиной 8–15 см, вкопанных на глубину 6–12 см. Только небольшое число ям принадлежало здесь толстым (20–25 см) и глубоко врытым столбам (30–35 см). Положение жердей, плах и столбовых ямок в пределах канавообразных углублений свидетельствует о существовании вдоль северо-восточных стен специальных деревянных настилов. Некоторая часть сохранившихся деревянных конструкций представляла собой остатки рухнувшей в результате пожара кровли.

На полу каждой из построек выявлено по несколько очагов (3–6), ям (2–5), кучек золы с мелкими кальцинированными косточками, сосредоточенных преимущественно в восточной половине сооружений вдоль предполагаемых настилов. Очаги пред-

ставляют собой следы кострищ, глиняных вымоستок с обмазкой, некоторые сложены из крупных слабообожженных глиняных кирпичиков.

В очагах, ямах и вокруг них, а также в канавообразных углублениях вдоль северо-восточных стен сосредоточены скопления целых сосудов и их развалов (по 3–7 экз.), костей животных, чешуи и костей рыбы. В скоплениях встречаются также находки отдельных предметов.

Всего в пределах культовых построек 1–3 обнаружено более 120 целых и раздавленных сосудов и 17 тысяч фрагментов керамики, которые встречались как на дне котлованов, так и в толще земляной массы, заполнявшей углубленную часть жилищ. Только в котловане постройки 1 обнаружено 23 крупных целых сосуда, развалы и обломки еще 417 крупных горшков, а также 44 миниатюрных сосудика, представленных целыми и разбитыми экземплярами. В общей сложности – это около 500 сосудов на площади 60 кв. м. В постройке 2 найдено 17 крупных и 11 миниатюрных сосудов, а также фрагменты более 300 горшков; в постройке 3 – 12 целых горшков и фрагменты еще 89 сосудов. Подавляющая часть сосудов богато орнаментирована по всей внешней поверхности, во многих случаях включая и дно.

Многие сосуды (16 экз.) находились в положении вверх дном. Они найдены как в скоплениях с другими горшками, так и расположенными поодиночке. Во всех случаях донышки перевернутых вверх дном сосудов орнаментированы. В их орнаментации преобладает солярная символика (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, рис. 15, 2; 25; 30; 32).

В пределах котлованов построек 1–4, в основном в скоплениях керамики и костей животных, обнаружено 25 разновидностей других находок (более 100 единиц). Среди них: из бронзы – антропоморфная фигурка, зеркало-бляха, однолезвийный нож и обломок ножа, наконечник стрелы; из кости – вкладыши для лука, наконечники стрел, проколки; из глины – обломки литейных форм, тигли, льячки, стержни (в основном из жилища 4), пряслица, кружочки из стенок сосудов, грузила, шарики; из камня – оселок, терочник, песты, гальки с зашлифованной поверхностью (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 40–51, рис. 16; 17; 26; 27; 34).

Исключительный интерес представляет бронзовая фигурка – первая находка антропоморфного литья в андроновидных комплексах (рисунок 7, 1). Прямые

аналогии данному изделию нам не известны, но довольно близкие по манере исполнения скульптуры человека из дерева и бронзы найдены в ряде древних культовых мест Урала и Западной Сибири (Горбуновский торфяник, Гляденовское костище и др.). Данные типы культовой скульптуры характерны и для обь-иртышского угорского населения, особенно южных групп хантов и манси, а также нганасан, селькупов, кетов (рис. 7, 2–5; 8, 1–3).

В постройках культового назначения обнаружен обширный фаунистический материал, среди которого преобладают черепа, их фрагменты и кости конечностей животных. Всего в сузгунском слое памятника собрано 326 единиц костей от 83 особей разных животных (определение В. П. Данильченко). Половина из них как по числу костей, так и числу особей, принадлежит лошади (159 костей от 34 особей, что, соответственно, составляет 49 % и 41 % от общего числа). Крупный рогатый скот занимает второе место – 82 единицы костей от 23 особей (25 % и 28 %). Далее следуют собака (41/10 или 12,6 % и 12 %), лось (20/8 или 25 % и 28 %), косуля (18/6 или 6 % и 7 %). Имеются кости выдры и куницы (по одной особи).

Почти все кости обнаружены в скоплениях на полу построек, преимущественно в канавообразных углублениях вдоль северо-восточных стенок, а также у очагов или в верхних заполнениях ям. В скоплениях вместе с костями животных найдены целые и раздавленные сосуды (некоторые в положении вверх дном) и многие другие предметы (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 19, 23, 24, 86–88).

Особенностью остеологической коллекции Чудской горы является многочисленность костей собаки. Отсутствие традиции употребления мяса этого животного, а также многочисленные примеры использования собак в ритуале жертвоприношений населением Западной Сибири и, более того, существование почтительного, уважительного отношения к собаке у сибирских аборигенов (Мошинская, Лукина, 1982; Косарев, 1991, с. 143–146; Михайлов, 1992) позволяют связывать достаточно необычный состав фауны на Чудской горе с культовой стороной жизни ее населения, в частности, с практикой жертвоприношений.

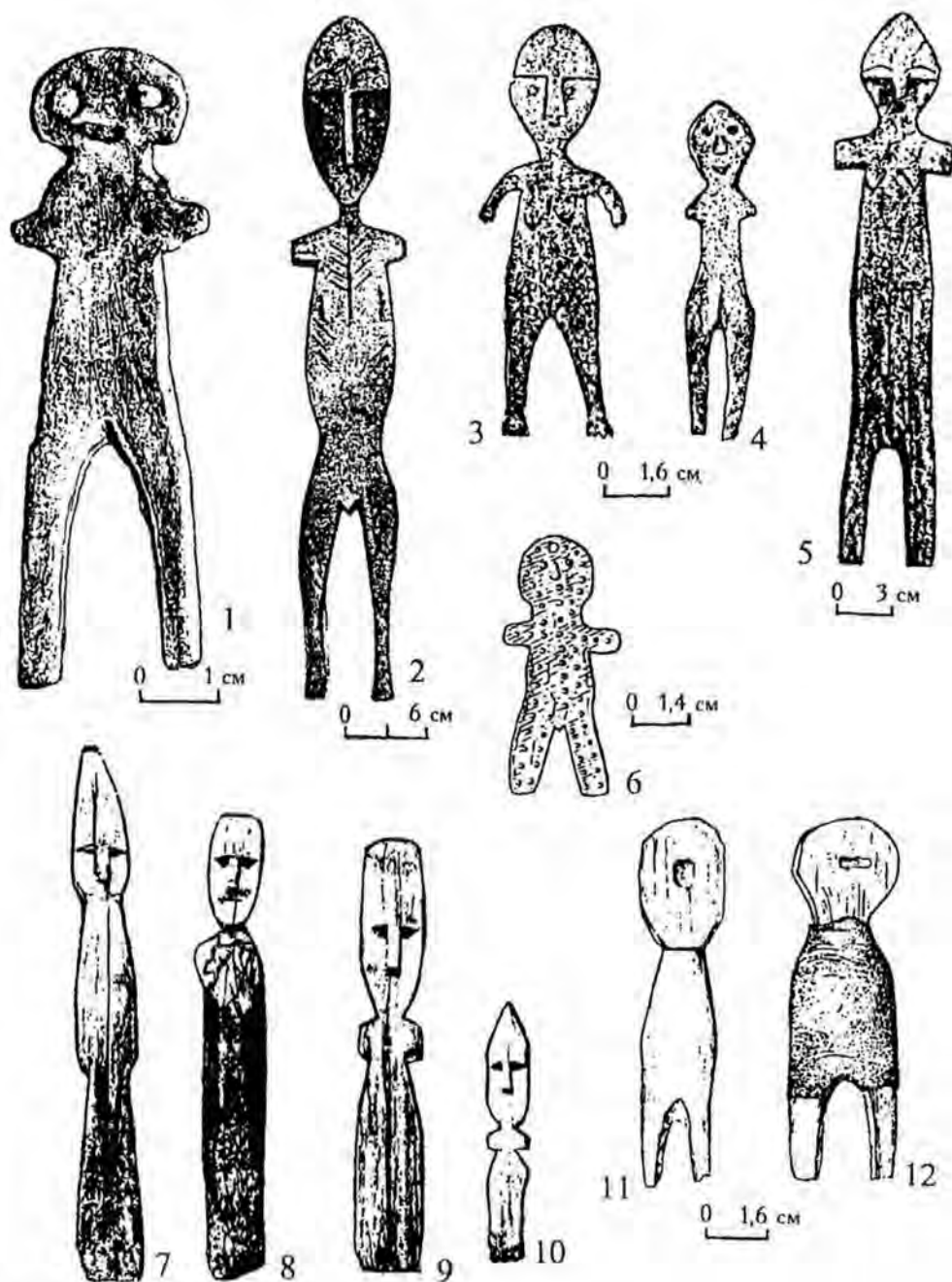
В сузгунском слое городища, в основном в местах скопления костей животных и сосудов, присутствуют также находки человеческих останков (5 случаев). Их особенностью является неполный состав костей скелета и особый характер нахождения, никак

не связанный с существовавшей у населения бронзового века практикой захоронений. Больше оснований предполагать связь обнаруженных отдельных костей человека с существовавшим в древности обрядом человеческих жертвоприношений.

Способ организации сакрального пространства и формы проявления ритуальной деятельности на Чудской горе имеют свои особенности. Культовые постройки 1–3 составляют обособленный на специально отведенном месте, определенным образом оформленный, сакральный комплекс, где совершались разного рода церемонии. Одновременно культовые сооружения являлись неотъемлемой частью сузгунского укрепленного поселка. Приуроченность к священному месту, огражденному рвом и валом, бронзолитейной мастерской (постройка № 4) не противоречит характеру его функционирования. Общеизвестно, что связь металлург – кузнец – культ имеет такое же всеобщее значение и распространение, как культ огня (Косарев, 1991, с. 190).

В пользу культового назначения раскопанных на мысовой части горы объектов свидетельствуют многие факты (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 79–90). Прежде всего это обилие керамики и особенности ее залегания в котлованах построек (высокая концентрация на ограниченной площади и характер сопутствующих остатков: угли, зола, прокалы, состав костных остатков). Эти признаки можно рассматривать как результат общественных ритуальных действий, связанных с принесением жертв и потреблением жертвенной пищи.

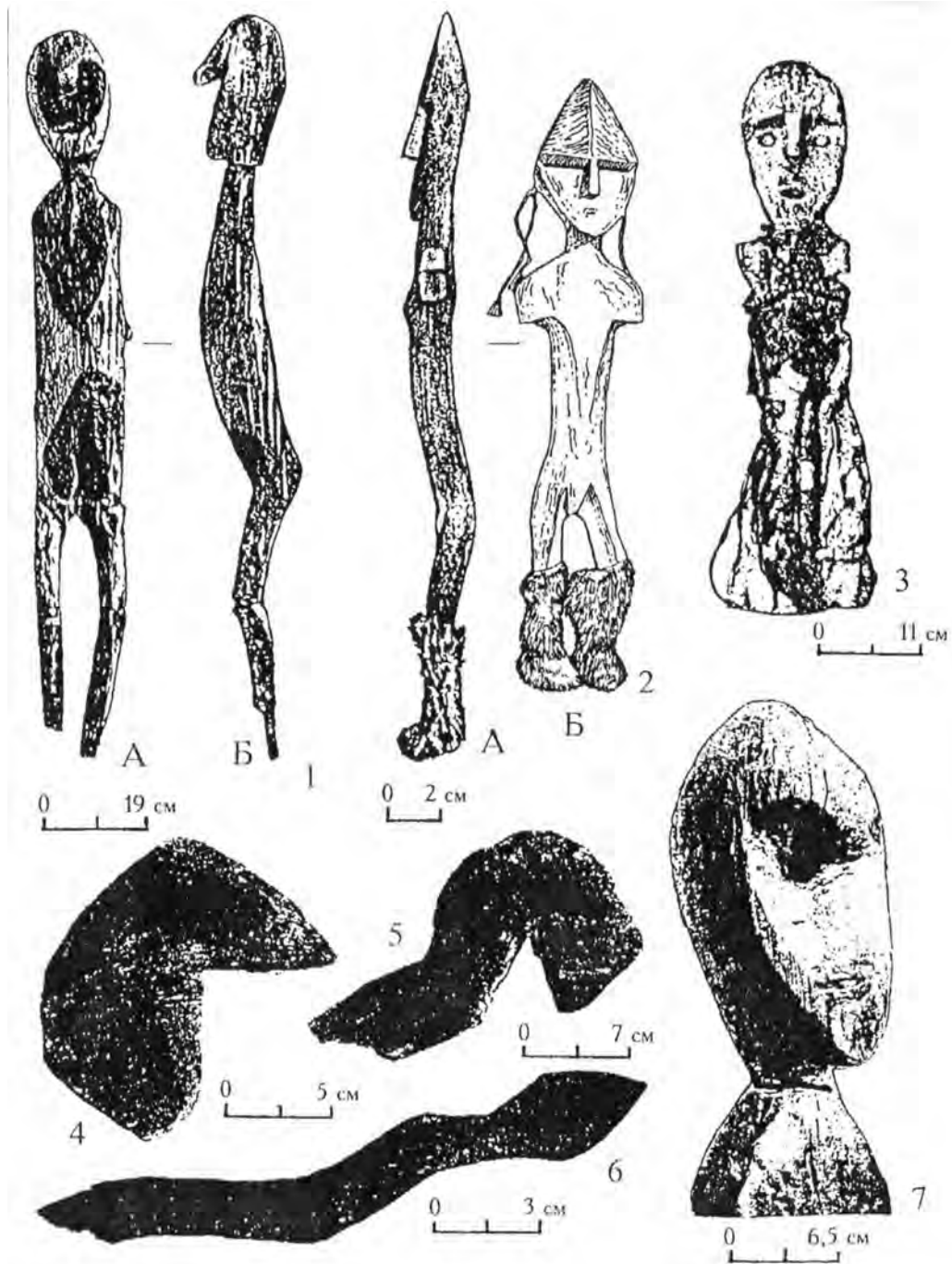
Имеет значение присутствие сосудов, поставленных вверх дном, что является одним из характерных признаков культовых памятников Урала и Западной Сибири – Велижаны 2, Сопка 2 (Молодин, 1990, с. 128), Гляденовское костище (Новокрещенных, 1914, с. 50, 51). Перевернутые вверх дном сосуды повсеместно встречаются также в жертвенных комплексах могильников разных эпох, начиная с неолита. Предполагается, что данный обряд – свидетельство тризны (Членова, 1994, с. 34, 35).

1 – идол; 2 – изображение младшего сына духа неба; 3, 4 – «хозяйка» воды и ее служанка; 5 – дух-женщина; 6 – подвеска от шаманского костюма для камлания духам Нижнего мира; 7–10 – изваяния поселковых духов-покровителей;

11, 12 – изображения умерших. 1 – эпоха бронзы (по: Потемкина и др., 1995); 2–5 – васюганские ханты; 6 – авамские нганасаны; 7–10 – манси («Мифология...» 2001); 11, 12 – обдорские и березовские ханты (по: Иванов. 1970), 1 – бронза; 2, 5, 7–12 – дерево; 3 – свинец; 4 – олово; 6 – железо

Рисунок 7 – Древняя и современная религиозная скульптура Западной Сибири

1 – идол: А – вид спереди, Б – вид сбоку; 2 – дух-женщина: А – вид сбоку, Б – вид спереди; 3 – изображение умершей женщины; 4–6 – изображение птиц и змеи; 7 – голова идола. 1, 4–7 – Горбуновский торфяник; 2 – васюганские ханты, 3 – манси (по: Иванов, 1970). 1–7 – дерево

Рисунок 8 – Древняя и современная религиозная скульптура Урала и Западной Сибири

В керамической коллекции Чудской горы особую группу образуют миниатюрные сосуды. Всего их найдено 61 экз., среди которых почти половина целых. Они представлены разнообразными формами и орнаментированы в характерной для сузгунской культуры манере. Как известно, маленькие сосудики встречаются на всех видах археологических памятников и в разные исторические периоды. Но особенно много миниатюрных сосудов обнаружено на знаменитом Гляденовском костыше (Новокрещенных, 1914), которое интерпретируется исследователями как место жертвоприношений, а сосуды малых форм рассматриваются как ритуальные. Возможным подтверждением использования миниатюрных сосудов в обрядах жертвоприношений является свидетельство П. С. Палласа, который писал, что в Сибири «из этих малых чашечек кровь выпивали» (Паллас, 1786, с. 83).

Показательно также, что на стенках сосудов из культовых построек Чудской горы практически отсутствует нагар, что не предполагает их использования для приготовления пищи, т. е. в повседневной жизни. С этим обстоятельством согласуется и малочисленность, по сравнению с керамикой, орудий труда и предметов быта.

Соответствует особенностям памятника и находка бронзовой антропоморфной фигурки, обнаруженной в постройке 1, которая имеет сходство с религиозной скульптурой населения Обь-Иртышья от эпохи раннего средневековья до этнографической современности.

И еще одна интересная деталь: около коридорообразного входа в постройку 2, у южного края склона горы, на ограниченном участке площадью 1 кв. м зафиксировано необычное скопление из 36 ямок от жердей и кольев. Рядом с ними обнаружено три скопления костей животных и два очага. Основываясь на этнографических параллелях (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 94, 95), реально предположить, что на этих жердях и кольях могли развешиваться шкуры жертвенных животных.

В жертвоприношениях животных на Чудской горе, как это следует из остеологических материалов, предпочтение отдавалось лошади, крупному рогатому скоту и собаке. Особый статус лошади, как жертвенного животного, оформился в Притоболье еще в энеолите (Савин) и получил дальнейшее развитие в последующие эпохи. Культ коня был широко

распространен у аборигенного населения Тоболо-Иртышья до сравнительно недавнего времени, о чем будет сказано ниже. Что касается использования собаки в ритуале жертвоприношений, то это – особенность верований древнего населения Западной Сибири, также сохранившаяся до этнографической современности. Во время совершения обрядовых действий значительная часть костных остатков сжигалась. На это указывают большие и малые кучи золы, обнаруженные как в помещениях, так и за их пределами, содержащие множество пережженных или обугленных костей. Связь зольников с культом огня, очага носит на культовых местах универсальный характер и не требует специальных доказательств.

Все приведенные выше археологически фиксируемые проявления культово-обрядовых действий сузгунского населения на Чудской горе свидетельствуют, что святилище посещалось обитателями городища и людьми из прилегающей округи с той или иной периодичностью на протяжении длительного времени. Это подтверждается также присутствием в керамическом материале построек 1–4 посуды как раннего, так и позднего облика. При посещении сакрального места люди приносили с собой глиняную, специально изготовленную посуду, которую использовали затем в ритуалах. Всякий раз посуду оставляли на территории культового места в специальных постройках в определенных местах. Наиболее почитаемым местом было пространство вдоль восточных стен, где были устроены помосты, на которые клались жертвенные дары и рядом с которыми находилась основная часть очагов для разведения жертвенного огня (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, рис. 7). Именно около северо-восточных стен котлованов была сосредоточена основная часть находок, в том числе целых сосудов. При этом помещения практически совсем не очищались, либо делалось это крайне редко.

Культовый комплекс Чудской горы можно классифицировать как жертвенное место, функционировавшее на протяжении длительного времени и имевшее большой территориальный охват. В данной ситуации реально предположить, что на территории поселка проживали люди, отвечавшие за поддержание в порядке объектов сакрального комплекса, соблюдение календарных сроков обрядов, подготовку и проведение общественных ритуалов жертвоприношений и иных обрядовых действий. Высокий статус святилища обуславливал высокое положение этих

служителей культа в обществе. Формирование основ западносибирского шаманизма предполагается в эпоху развитой бронзы (Косарев, 1991, с. 192).

Основные структурообразующие признаки древних святилищ

Каждое из описанных выше святилищ имеет свои неповторимые особенности. Одновременно во всех этих памятниках присутствуют общие признаки, характерные для культовых мест, фиксируемые археологически и, что особенно важно, встречающиеся в совокупности и тем самым свидетельствующие о сакральной нагрузке памятника (Потемкина, 2000, с. 170–178; 2004, с. 246, 247). К числу основных из них относятся:

а) явная приуроченность к возвышенным участкам рельефа, господствующим над окружающей местностью и расположенным близко к воде;

б) защищенность (очерченность) территории естественным путем (высокие мысы, останцы, холмы), дополненная возведением искусственных сооружений (рвов, валов, каменных оградок и т. п.);

в) планомерное строительство, предварительно размеченное на местности;

г) расположение мест совершения жертвоприношений на сакральной площадке с учетом ориентации в направлениях восходов и заходов основных светил в дни солнцестояний и равноденствий, с преобладающей ролью солнечных ориентиров;

д) высокая степень насыщенности культурного слоя керамикой, остеологическими остатками и другими находками; концентрация материала на ограниченных участках (скоплениями, кучами);

е) многочисленность целых и раздавленных сосудов, в том числе стоящих в положении вверх дном;

ж) большое количество миниатюрных сосудов;

з) сравнительно большой процент сосудов с нарядным геометрическим орнаментом, среди которого имеются солярные и другие космологические символы;

и) многочисленные следы частого и длительного использования огня – очаги, прокалы, зольники, кальцинированные кости;

к) преобладание в составе остеологического материала костей особо почитаемых животных (лошади, лося, собаки, крупного и мелкого рогатого скота), во многих случаях представленных черепами и костями конечностей;

л) относительная малочисленность орудий и предметов быта;

м) находки предметов культового назначения;

н) наличие человеческих останков в культурном слое (черепов, нестандартных захоронений, отдельных костей);

о) присутствие оппозиции цветовой символики в различных проявлениях (охра, мел, белая и желтая глина, уголь и т. п.);

п) характер функционирования в качестве центров с культово-социальным и календарным назначением.

Мировоззренческие модели по археологическим источникам

Совокупность отмеченных признаков с учетом особенностей отдельных святилищ позволяет составить общее понятие об уровне мировоззренческих представлений и связанных с ними ритуальных действий для древнего населения в целом и для конкретных эпох и территорий в частности. Сопоставление археологических данных с этнографическими, мифологическими, фольклорными, природно-климатическими и другими свидетельствами значительно расширяет круг этих представлений и наполняет их более конкретным содержанием.

В последние годы в вопросах моделирования космологических представлений древних, связанных с пространством и временем, особое значение имеют данные археоастрономических исследований. Это убедительно доказывается тем фактом, что выявленные на многих неолитических круглоплановых святилищах Европы и Зауралья, а также курганах-святилищах Северного Причерноморья астрономические направления приурочены к основным положениям солнца и луны, соответствующим их наиболее значимым циклам (заходам и восходам солнца в дни равноденствий и солнцестояний, фазам луны) и фиксирующим таким образом смену определенных отрезков времени (сезонов года, дня и ночи и т. п.). Как показывают исследования, наблюдения за астрономическими явлениями были тесно связаны с хозяйственной деятельностью, бытом и календарной обрядностью энеолитического общества (Потемкина, 2001, с. 166–218; 2004, с. 214–250).

Используя эти данные в единой системе сопоставления археологических, этнографических и дру-

гих материалов, мы имеем возможность, с одной стороны, установить связь планировки и архитектурных элементов этих святилищ, а также целого ряда обнаруженных там находок с конкретными представлениями древнего населения о Вселенной; с другой – попытаться выявить пути дальнейшего развития возникших и оформившихся в эпоху неолита и энеолита мировоззренческих схем и моделей, вплоть до этнографической современности.

Наиболее убедительные свидетельства для реконструкции существовавших у древнего населения моделей Мира представлены в материалах святилищ Зауралья. В первую очередь это относится к достаточно полно исследованным энеолитическим памятникам с круговой планировкой и четко фиксируемыми астрономическими ориентирами (Савин-1, Велижаны 2).

Культовые места эпохи бронзы Тоболо-Иртышья (Сузгун 2, Чудская гора) не имеют столь четкой планировки, как отмеченные выше памятники, и на предмет археоастрономии не исследовались. Тем не менее полученные на памятниках обширные материалы могут быть привлечены для реконструкции мировоззренческих представлений и кульрово-обрядовой деятельности древнего угорского населения, к числу которого принадлежало население, оставившее данные памятники (Косарев, Потемкина, 1985, с. 37).

В основу реконструкции принципов организации сакрального пространства зауральских святилищ положены археологические материалы, скоррелированные с данными астрономии, этнологии, мифологии. Основные требования к сакральному оформлению святилищ включали ряд признаков, связанных с ландшафтной привязкой, планировкой и архитектурой сооружений: кольцевые рвы; прямоугольные углубления в центре; разного рода столбовые конструкции; валы кольцевые и вытянутые в направлении запад-восток на линии центральной оси круговых сооружений (рисунки 2; 3; 5; 6).

Отражением конкретных представлений о космосе являются также следы различных ритуальных действий: очищение сакральной площадки святилищ от верхнего слоя до материковой глины; подсыпки светлого речного песка, охры, мела; разведение многочисленных костров; приношение в жертву животных, сосудов с пищей, орудий труда и оружия; отдельные ритуальные захоронения людей и человеческих черепов. Большое значение для полноты и достоверности реконструкций имеет план и графическое распреде-

ление находок на очерченной сакральной площадке, приуроченность скоплений к выявленным астрономическим ориентирам. При характеристике святилищ отмечалось, что наиболее значимые жертвенные скопления костей животных с керамикой, каменными орудиями и сакральными предметами находятся либо в центре очерченных сакральных площадок, либо к востоку и к югу от них, в направлениях, связанных с восходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также восходов высокой и низкой луны в эти дни.

Общая архитектура рассматриваемых культовых объектов, присутствие на некоторых из них астрономических ориентиров, характер выявляемых ритуально-обрядовых действий, приуроченных в основном к восходам и заходам основных светил в значимые дни года, особенности отдельных находок свидетельствуют о четко сложившейся мировоззренческой системе.

Имеющиеся материалы позволяют предполагать, что у энеолитического населения Европы и Зауралья уже оформилась трехмастная модель мира в ее горизонтальной и вертикальной проекциях с делением Вселенной на три основные сферы – нижнюю, среднюю и верхнюю (Потемкина, 2001, с. 166–185; 2004, с. 214–250, рис. 2; 7–9).

Повсеместно горизонтальная модель четко прослеживается на примере основных архитектурных элементов святилищ и курганов: рвов, кромлехов, входных коридоров и проходов, столбовых конструкций, ориентированных в направлении восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний (рисунки 2; 3; 5; 5А; 6). Связь этих конструкций с Верхним (светлым) и Нижним (темным) мирами была основана в представлении древних на появлении диска восходящего солнца и его исчезновении в соответствующих направлениях в разные сезоны года.

Средний мир, чаще всего, ассоциировался с прямоугольными сооружениями в центре очерченных кольцевыми рвами площадок. В качестве смыслового центра Среднего мира следует предполагать углубления с центральными столбами-гномонами на круглоплановых святилищах (Савин-1, Велижаны 2) или основные погребения в курганах-святилищах. Это предположение соответствует представлениям о Среднем мире как месте, откуда можно вести наблюдения, «видеть» Верхний и Нижний миры, контактировать с ними и его обитателями путем разного рода ритуалов и обрядов, главным образом посредством жертвоприношений.

Вертикальная трехчастная модель Вселенной также выявляется по материалам неолитических святилищ и курганов, где каждый из трех миров этой модели несет практически ту же смысловую нагрузку, что и в горизонтальной проекции.

Символом Верхнего мира в вертикальной проекции, вероятнее всего, являлись столбы-маркеры того или иного солнечного направления. Возможность с помощью столбов отмечать положения и смещения основных светил на небе сыграла здесь первостепенную роль (рисунок 3). Таким первым и самым простым астрономическим инструментом был гномон – вертикальный столб, установленный на площади, где размещались положения его тени в разные дни и часы (Юревич, 2004, с. 13). К тому же сама направленность столбов вверх, к Небу, к месту обитания божеств светлого мира, создавала представление о возможных путях контакта людей и божеств посредством столбов. Некоторые столбы имели сходное смысловое содержание, но связанное с Луной и представлениями о ее месте во Вселенной.

По аналогии с материалами святилищ Горбуновского и Шигирского торфяников на Урале, где хорошо сохранились деревянные конструкции и изделия (Толмачев, 1916, с. 94–98, рис. 1–3. Табл. II; Эдинг, 1937, с. 132–139, рис. 1; 2; 5; 1940, с. 62–68, рис. 64), можно предположить, что отдельные столбы на святилищах Савин-1, Велижаны 2 и других синхронных и более поздних святилищах также могли быть оформлены в виде идолов и отмечены разного рода знаками, изображениями.

Отдельные столбы-меты на святилищах могли обозначать также мировое или космическое дерево, к разным частям которого были приурочены определенные миры: вершина столба, «приближенная» к Небу, была связана с Верхним миром; основание столба, вкопанное в землю – с Нижним миром; средняя часть, возвышающаяся над землей и связывающая две остальных части, – со Средним миром. Реально предположить, что идентификация столбов-маркеров, особенно выполняющих функции гномонов, с мировым деревом связана с появлением самой идеи гномона в результате наблюдения за перемещением тени одиноко стоящего дерева, фиксирующей положение и смещение солнца (луны) на небе. Вероятно, с этим явлением в определенной степени связаны и представления древних людей о древе жизни как связующем звене между мирами, а о его вершине – как

месте возможного пребывания (отдыха) солнца во время дневного путешествия по небу, сохранившиеся в фольклоре многих народов мира, в том числе и сибирских (Чернецов, 1947, с. 123; Карьялайнен, 1996, с. 69, 70).

Часть столбов могла одновременно являться «жертвенными столбами», на которые вывешивались и к которым крепились (или помещались у их подножья) разного рода жертвоприношения (шкуры с черепом и нижней частью конечностей, снятые с жертвенных животных; копья, стрелы, ножи и другие виды оружия и орудий; сосуды с различной пищей), что подтверждается характером и условиями залегания находок в заполнении многих столбовых ям. Особенно показательны в этом отношении материалы раскопок Савина 1.

По представлениям древних, столбы-ориентиры, как и мировое дерево, и «жертвенные столбы», соединяли Небо и Землю, были связующим звеном между мирами. Подтверждением тому могут быть находки рядом с Горбуновским идолом изображений животных, символизирующих, по более поздним представлениям, различные миры; птица – «верхний», небесный; змея – «нижний»; идол – средний, связующий два других, и, возможно, выступающий в качестве «мирового» «священного» дерева (рисунок 8, 1, 4–7). Это положение не противоречит оценке данного комплекса вещей исследователем памятника (Эдинг, 1940, с. 70, рис. 59; 60; 63).

С Верхним миром в вертикальной модели Вселенной, возможно, был связан огонь, следы которого имеются у каждого значимого столба-маркера и в пределах жертвенных комплексов практически на всех рассматриваемых здесь памятниках. Мифы многих народов мира, прежде всего индоевропейских и индоиранских, свидетельствуют о персонификации огня с Солнцем.

С Нижним миром ассоциировалось место ниже поверхности земли. Как средство сообщения с Нижним миром могут рассматриваться ритуальные человеческие захоронения и часть жертвоприношений животных, помещенных в ямы, встречающиеся практически на всех культовых объектах. Особенно показательны в этом отношении ритуальные погребения. Человеческая жертва у древних народов считалась наиболее действенной и приносилась, как правило, в экстремальных условиях. В древнем индоевропейском ритуале жертвоприношение человека, его

расчленение связано с представлением о достижении блага, о новой организации Космоса («Мифы...» 1987, с. 532).

Правомерность вышевысказанных предположений находит также подтверждение в наскальных рисунках восточных склонов Среднего Урала с изображениями небосвода, солярных знаков, фигур животных и птиц, дерева (мирового?). Нередко с солярными знаками встречаются антропоморфные существа и человеческие фигуры (рисунки 9; 10). Изображения небосвода и солярных знаков относятся к числу наиболее ранних на Урале (IV-III тыс. до н. э.) и одновременно являются отличительным признаком этих писаниц от сопредельных территорий (Чернецов, 1971, с. 59, 60, 69, 70, 78, 116, рис. 42; 43; 49; 51). В наскальных изображениях Среднего Урала, как и в материалах раскопок святилища Савин-1, отражены действия больших коллективов, связанные с промысловой охотой и определенными культами.

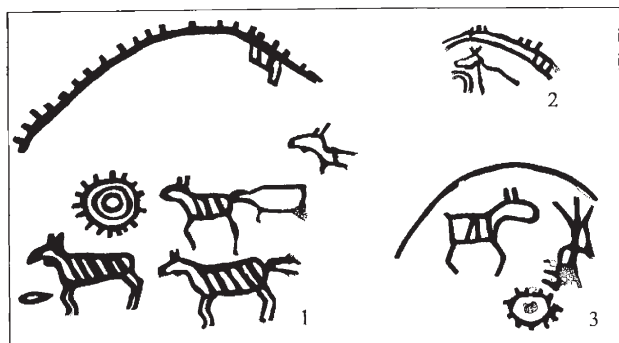

Рисунок 9 – Сводная таблица композиций с изображением животных, небесного свода и солярного знака. Средний Урал, р. Тагил (по: Чернецов В.Н., 1971, рис. 42)

Привлечение данных археоастрономии при исследовании энеолитических святилищ позволяет сделать следующие выводы, касающиеся космогонических представлений населения в то время, которые не могут быть получены только при рассмотрении археологических, этнологических и других гуманитарных источников.

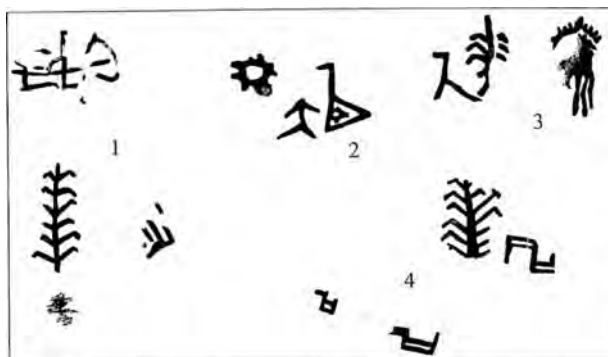

Рисунок 10 – Композиции с изображением птиц и деревьев. Средний Урал (по: Чернецов В.Н., 1971, рис. 49)

1 Общая архитектура святилищ, специфика отдельных конструктивных деталей, так же как связь основных церемоний с восходами солнца в астрономически значимые дни года, свидетельствуют о существовании у энеолитического населения Зауралья, как и на других территориях Евразии в это время, солярного культа, где солнце выступало в качестве главного или одного из главных божеств. Луна в этом пантеоне занимала менее значимое место.

Представления о солнечном божестве, вероятно, выглядели примерно так, как это имело место в хурритских гимнах Богу и Солнцу среднего периода Хеттского царства (XV-XIV вв. до н. э.):

Солнцу – слава! В сердце человеку
Смотришь, Солнце, прямо с высоты...
Если кто-нибудь поступит дурно,
Ты вверху увидишь и осудишь.
Господин мой, Бог небесный Солнца,
Человечества пастух! Из моря
Ты приходишь в вышину, небесный
Солнца Бог. Вступаешь ты на небо!
Бог небесный Солнца, господин мой,
Ты над человеком, над собакой...
И над зверем диким
Ежедневно суд вершишь, Бог Солнца!

Подобные мотивы одновременно существовали в вавилонских и египетских гимнах Солнцу («Луна...» 1977, с. 18, 105).

2 Большие жертвоприношения, в зависимости от территории расположения памятника и занятия населения, совершались либо в дни солнцестояний (Велижаны 2), либо в дни равноденствий (Савин-1).

В последнем случае больше данных в пользу дней осеннего равноденствия (сентябрь-октябрь), когда начиналась массовая охота на копытных животных. У столбов-ориентиров на восходы и заходы основных светил в этот период сосредоточено 35 % костей и 34 % особей животных (1311/92) от числа обнаруженных на святылище Савин. Жертвоприношения в дни летнего и зимнего солнцестояний были менее значительны, составляя всего по 10 % от числа представленных здесь особей животных.

Такая ситуация в значительной степени определялась особенностями экологических условий, связанными с ежегодными сезонными миграциями копытных (косули, лося, оленя) с глубоких снегов западных склонов Урала на территорию Зауралья с тонким снежным покровом. Переходы начинаются ближе к середине осени, с падением первого снега, а возвращение животных на западный склон происходит весной, когда снег сходит (Чернецов, 1971, с. 73, 110). Это время фактически совпадает с равноденствиями.

В древности, вероятно, таким образом мигрировали и дикие лошади, пока не были частично истреблены, частично приручены человеком. В различных источниках указывается на наличие диких коней в Приуральских, Тоболо-Ишимских и Прииртышских степях еще в середине XVIII в. (Мошинская, 1979, с. 40–42).

На сезонности этих миграций и был основан массовый охотничий промысел, который требовал коллективных усилий для сооружения засек и ям-ловушек на путях переходов животных – на горных проходах и берегах рек. Следовательно, периодичность миграций животных, связанных с определенными временами года (осень и весна) и способствующих охотничьему промыслу, получила отражение и в космологических представлениях древнего населения Зауралья, дошедших до нас в символике архитектуры и планировки святылищ, наскальных изображений, орнаментов на керамике, в различных проявлениях ритуальной практики. Отмеченные экологические особенности сыграли свою роль и в религиозных традициях региона.

3 Судя по материалам святылища Савин-1, существовал *определенный ритуал в обращении с жертвенными животными*, в зависимости от масштаба жертвоприношений, времени года, положения основных светил на небосводе (восход-заход и т. п.),

статуса божеств, которым предназначались жертвы. В дни массовых осенних жертвоприношений, а также во время летних обрядов, часть мяса жертвенных животных, по всей вероятности, съедали присутствующие на обряде непосредственно на святылище; часть – вместе с орудиями и сосудами с пищей «преподносились» почитаемым божествам, ассоциируемым, в первую очередь, с солнцем и луной, для чего складывались преимущественно у столбов, маркирующих азимуты восходов и заходов этих светил, и бросались в огонь, горевший во рву и отдельных ямах рядом со столбами. Это подтверждается наличием мощных прослоек углистой супеси и прокаленного грунта вместе с обожженными и пережженными костями и другими находками в заполнении рвов и во многих ямах.

Подобные действия с жертвенными животными и другими предметами одновременно совершались и в центре первого круга, на что указывает полное сходство культурных наслоений, характера и численности находок. Объяснить это возможно ведущей ролью центральных столбов и центра в организации сакрального пространства святылища, их прямой связью со всеми основными маркерами солнечных и лунных азимутов, что согласуется с предполагаемыми для того времени представлениями о Среднем мире.

Черепя и части нижних конечностей, возможно, вместе со шкурами приносились в жертву ритуальному западу в сторону заходящего солнца и восходящей луны, о чем свидетельствует состав костных остатков у столбов в этих направлениях.

Зимой (декабрь), если судить по характеру костных остатков, в качестве жертвы божеств приносили в основном головы и нижние части ног животных, а мясо либо не приносили, либо уносили с собой. Этот факт вполне объясним, учитывая холодное и голодное время года. Возможно, этими обстоятельствами объясняется и приуроченность к восходу солнца в зимнем солнцестоянии ритуального человеческого захоронения во рву.

Аналогичная ситуация с обрядом жертвоприношений имела место и на святылище Велижаны 2. Но здесь в качестве жертвенных даров приносились сосуды с растительной пищей и напитками. Сама же процедура совершения обрядов практически не отличалась от наблюдаемой на Савине.

Обряд жертвоприношений животных в эпоху бронзы, судя по материалам культового места на

Чудской горе, мало отличался от моделируемого для эпохи энеолита. Сходны с энеолитическими и жертвоприношения в сосудах, имевших место на святилище Сузгун 2.

Основные жертвоприношения на святилищах, имеющие точную астрономическую привязку к дням солнцестояний и равноденствий, вероятнее всего, были связаны с календарной обрядностью, приуроченной к знаменательным периодам в жизни древнего населения. Подобные праздники могли служить своеобразным способом отсчета времени. Например, для населения, посещавшего святилище Савин, исходя из имеющихся данных, дни осеннего равноденствия, как наиболее значимые в году, знаменовали начало года или полугодия (Потемкина, 1996, с. 115–119).

4 Ряд установленных фактов, прежде всего выявленная на святилище Савин-1 связь лошади как численно преобладающего промыслового и жертвенного животного с восходящим солнцем и этапами его дневного пребывания на небосводе, позволяют предполагать, что связь образа коня с солярным культом оформилась уже в энеолите с началом процесса domestikации лошади в волго-уральском и западносибирско-казахстанском регионах на рубеже IV–III тысячелетий до н. э.

О существовании образа коня как символа социальной престижности в мировоззренческих представлениях энеолитического населения свидетельствует серия каменных жезлов с навершием в виде головы коня, обнаруженных на территории степной Евразии от Днестра до верховьев Оби (Леонтьев, 1975, с. 63–67; Мошинская, 1976, с. 71, 72; Телегин, 2000, с. 18–22, рис. 3, 1–10; Кирюшин, Иванов, 2001, с. 44, рис. 1), а также изображения лошади на костяных пластинах из ряда нео-энеолитических памятников степного и лесостепного Заволжья (Васильев, 1981, с. 92, табл. 7, 1–3; 13, 12; Юдин, 2003, с. 21, 22, рис. 8, 2–4).

Истоки космологических представлений, связанных с образом лошади, вероятно, уходят в еще более глубокую древность. На Урале изображения лошадей, выполненные красной краской, встречены на стенах Каповой (Бадер, 1965, с. 18, табл. III; VI) и Игнатьевской пещер (Петрин, 1992), относящихся к финальной стадии верхнего палеолита (15–12 тысяч л. н.). Исследование смысловой композиции рисунков Игнатьевской пещеры позволило сделать вывод, что они представляют собой числовые

и образные тексты календарно-астрономического и астрально-мифологического содержания (Ларичев, 1999а, с. 58).

Исторические условия формирования космологических моделей в энеолите и бронзовом веке

Полученные на основе археологических материалов и данных археоастрономии реконструкции мировоззренческих моделей и связанной с ними обрядности в энеолите и бронзовом веке Тоболо-Иртышья позволили сделать вывод, что основные принципы понимания Вселенной оформились на рассматриваемой территории в результате активных связей местных охотников и рыболовов с ранними скотоводами более западных и южных территорий.

Имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о преобладании в эпоху энеолита южного и юго-западного направления контактов (Потемкина, 2001, с. 221–240). Антропологические определения из коллективного ритуального погребения святилища Савин-1, выполненные Г. В. Рыкушиной (Институт этнологии и антропологии РАН), также свидетельствуют о проникновении южных европеоидов на территорию Западной Сибири в то время. Видимо, активными юго-западными связями объясняется тот факт, что круглоплановые святилища Зауралья близки европейским ронделам и вудхенджам, а также ранним курганам со столбовыми конструкциями Северного Причерноморья по всем отмеченным выше архитектурным и функциональным признакам (Потемкина, 2001, с. 166–218, рис. 2; 3; 9–14; 2004, с. 214–250), равно как по времени появления и бытования (первая четверть III тыс. до н. э. по некалиброванным датам).

Есть основания предполагать, что носителями идеи сооружения святилищ типа Савин-1, Велижаны 2 явились древнейшие степные скотоводческие группы причерноморско-прикаспийских степей доямного и раннеямного времени, которые в этническом плане связываются исследователями с индоевропейским (индоиранским) этносом (Мерперт, 1984, с. 243; Мэллори, 1997, с. 61–82). Многочисленные материалы разных регионов свидетельствуют, что в эпоху энеолита для раннескотоводческого и охотничьего населения степей и лесостепей Восточной Европы и Уральского региона ведущими являлись прямые и опосредованные южные и юго-западные

связи с сельскохозяйственным населением Юго-Восточной Европы (поселение Ракушечный Яр на Дону, могильники I и II Хвалынский на Волге, Старо-Нагаевский в Башкирии, Верхняя Алабуга на Тоболе). Эти связи были разноплановыми и многоступенчатыми, где основную роль передаточного элемента между крайними – западной (Балканы) и восточной (Южное Зауралье) – территориями играло население контактной территории между Днепром и Волгой (Мерперт, 1965, с. 14–18; 1984, с. 239–242; Васильев, Синюк, 1985, с. 9–31, 40, 41; Рындина, 1998, с. 152, 156–159; Телегин, 2000, с. 22, 23; Потемкина, 1985, с. 150–157, рис. 63; 2001, с. 221–233). Определенную роль играли также связи с Арало-Каспийским регионом.

Такая активность степного и лесостепного населения Восточной Европы может быть связана с переходом к новому типу хозяйства, основанного на доместикации лошади, начиная с раннеэнеолитического времени. С началом приручения лошади связана относительная быстрота и легкость осуществления межплеменных контактов. Благодаря мобильности скотоводческого населения воспринятые у земледельцев Подунавья новшества не являлись прерогативой какой-то конкретной территории. Новые импульсы передавались и воспринимались по цепочке от одной группы населения к соседней, находящейся в сходных историко-природных условиях.

Для энеолитического населения лесостепного и южнолесного Тоболо-Иртышья одним из таких последствий явилось опосредованное многоступенчатое и поэтапное восприятие мировоззренческих представлений ранних земледельцев, выразившееся в сооружении круговых святилищ с астрономическими ориентирами. Именно они наиболее соответствовали дальнейшему прогрессу общества, связанному со становлением производящего хозяйства, основанного преимущественно на коневодстве, – Савин-1, Ботай, Кожай (Зайберт, 1993, с. 196–210; Калиева, Логвин, 1997, с. 100–123). Появление святилищ типа Савина-1 в Зауралье связано с освоением степным скотоводческим населением новых экологических ниш, богатых промысловыми животными. Поиски мест массового обитания копытных, в первую очередь дикой лошади в процессе ее приручения, стимулировали активные миграции из более западных территорий в восточные (Потемкина, 2001, с. 233–241). В этом процессе заметную роль сыграли особенности экологических условий Зауралья, связанные с сезонными миграци-

ями копытных животных с западных склонов Урала на восточные.

Новые формы идеологии более передовых социальных структур, возникшие и получившие развитие в индоевропейской среде степной и лесостепной зон Восточной Европы, в первую очередь закреплялись среди угорского зауральского населения, находившегося на стадии, близкой к древним скотоводам, – у охотников на лошадь, имевших навыки ее приручения. Архитектура памятников и следы разного рода кульново-обрядовых действий подтверждают, что идеология пришлого из западных и южных районов групп европеоидного населения была воспринята и трансформирована местными угорскими группами в соответствии с уровнем культурного развития и условиями среды обитания (Потемкина, 2001, с. 166–247). Оформившиеся в энеолите мировоззренческие представления и связанные с ними ритуалы население Зауралья сохранило на длительное время.

Следующая более широкая и мощная миграционная волна степных индоиранцев в лесную зону происходит в эпоху средней бронзы (XVI–XIV вв. до н. э.) и связана с носителями культур андроновской общности. В результате сложных интеграционно-ассимиляционных процессов взаимодействия пришлых индоиранских и местных угорских групп в южнотажной зоне Западной Сибири складывается круг андроновидных культур (Косарев, 1981, с. 112–180). Носители андроновидных культур в дальнейшем, преобразовав в своей среде достижения, традиции, идеологические представления населения андроновской культурно-исторической общности, постепенно внедрились в более северные области (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 133–138; Потемкина, 1995а, с. 20–24). С андроновидными культурами связаны глубокие изменения в материальной и духовной культуре таежных народов, которые сохранили специфический андроновидный колорит до этнографической современности. Это выявляется по многим культурным признакам – от геометрических орнаментальных традиций до мировоззренческих моделей и соответствующих им ритуалов. Особенно заметный след андроновидные традиции оставили в культуре манси и хантов.

В эпоху поздней и финальной бронзы в западносибирском регионе с изменением историко-культурной традиции меняется ориентация миграционных движений по сравнению с предшествующими

эпохами. Происходит значительный сдвиг лесного и лесостепного населения (носителей черкаскульской, черкаскульско-федоровской, межовской культур – наиболее вероятно, угорских), в юго-западном и южном направлениях в лесостепные и степные районы Приуралья, Поволжья, Северного Казахстана (Потемкина, 1995б, с. 15–18). Одновременно наблюдается постепенное продвижение андроновского населения Восточного и Центрального Казахстана (носителей алакульских и федоровских культурных традиций) в более южные районы Средней Азии, традиционно заселенные земледельческими племенами. В результате длительности и многократности данных миграционных процессов и сопровождающих их трансформаций и инноваций в Средней Азии сложились культуры степной бронзы. В отличие от местного земледельческого населения, главным занятием населения этих культур было скотоводство, основанное на сезонном кочевании.

В свете изложенных археологических свидетельств о характере взаимодействия угорских и индоиранских групп населения на протяжении длительного времени (IV – II тысячелетия до н. э.) могут быть в какой-то мере объяснены особенности восприятия этими этносами сакрально-положительного верха и сакрально-отрицательного низа (Лушникова, 2002, с. 281–296). Обские угры (ханты, манси), сохранившие в облике своей культуры и верований немало южных черт (Соколова, 1999, с. 30–36), унаследованных ими от пришлых индоиранских племен, главным образом, андроновских, соотносят с верхним уровнем устройства Вселенной юг а с Нижним миром – север. Для индоиранцев, переселившихся в Среднюю Азию из уральских и западносибирско-казахстанских лесостепей и степей, напротив, понятия «родина», «тыл», «верх», «верхняя сторона», «Верхний мир» согласуются с севером и северной стороной, а нижний уровень вертикальной и горизонтальной модели пространства (Нижний мир) – с югом и южной стороной. Эту исторически сложившуюся ситуацию необходимо учитывать при интерпретации ориентации древних погребений, культовых и других объектов, отражающих мировоззренческие представления прошлых времен.

Религиозно-мифологические представления населения Тоболо-Иртышья по этнологическим источникам

Важным свидетельством древних контактов уральского угорского населения с индоевропейцами (индоиранцами) являются результаты этнологических исследований в Западной Сибири, которые в значительной мере дополняют имеющиеся археологические и антропологические свидетельства.

В облике культуры хантов и манси этнологи отмечают, наряду с общесибирскими, немало черт южного характера, в числе которых следы коневодства в прошлом, культ коня, своеобразные формы жилищ, одежды, утвари, геометрических орнаментов, религиозных верований, обряда, фольклора, произведений искусства, наличие сходных с индоиранскими терминов. Близки и представления об огне. Отличительные черты культуры обских угров, выделяющие их из ряда всех остальных сибирских народов, теснейшим образом связаны с индоиранским компонентом (одним из трех основных) их происхождения (Соколова, 1999, с. 30–36).

К выводам об особенно интенсивном взаимодействии хантов и манси с иранскими элементами по сравнению со смежными территориями приводит изучение мифологии народов Сибири («Мифология...», 2001, с. 27–32). При этом исследователи обращают внимание не только на отдельные элементы, но и на целые схемы, объединяющие следы иранского влияния. Прослеживается глубокий и обширный иранский пласт угорского религиозно-языкового сознания (Топоров, 1981, с. 146–150).

Наблюдаемые особенности физического типа западных манси, отличающие их от остальных обско-угорских групп, объясняются наличием в их составе европеоидного компонента. Это, в совокупности с данными этнографии и археологии, ставит вопрос об особых путях формирования манси и хантов (Багашев, 1999, с. 102).

Моделируемые по материалам раскопок описанных выше святилищ энеолита и бронзового века мировоззренческие представления и культово-обрядовая практика находят поразительные параллели в верованиях и культах обских угров. Одновременно структура святилищ и совершавшийся там характер обрядов соответствовали уровню мировоззренческих представлений на широкой территории обитания народов индоевропейской семьи, в том числе индоиран-

ских. Это позволяет предполагать начало сложения южного пласта угорского религиозного сознания уже на рубеже IV–III тыс. до н. э. Именно к этому времени, в свете вышеизложенного материала, относится проникновение индоевропейского (индоиранского) субстрата в угорскую среду носителей культур гребенчатого геометризма лесостепного Зауралья (Потемкина, 2001, с. 225–233).

Наиболее ярко древние истоки космогонических представлений проявляются в следующих аспектах мировоззрения обских угров:

- а) особенности ландшафтной привязки культовых объектов;
- б) сходство структурообразующих элементов сакрализованного пространства;
- в) существование представлений о трехчастной модели Вселенной;
- г) конструктивные особенности специальных шаманских чумов;
- д) присутствие в космогонических представлениях в качестве основных культов солнца, луны, огня, коня;
- е) специфика обрядов, относящихся к культуре мирного (священного) дерева;
- ж) сходство религиозной скульптуры;
- з) близость «сценария» жертвоприношений и других церемоний;
- и) связь обрядности с календарной системой;

Остановимся подробнее на каждом из отмеченных положений.

Топографическая приуроченность к возвышениям в поймах, окруженных старинными озерами, откуда хорошо обозревается окружающая местность и просматривается горизонт, удобный для наблюдений за восходящими и заходящими светилами, выявляется не только для древних культовых памятников Тоболо-Иртышья (Савин-1, Сузгун 2, Чудская гора и др.), но и для мест жертвоприношений обских угров (Новицкий, 1884, с. 51, 72). Лишь с конца XVIII века манси и ханты приносили жертвы не на открытых и доступных холмах, а в глухих местах (Георги, 1799), что было связано с насильственной христианизацией и уничтожением идолов (Иванов, 1970, с. 23, 24). Общесельские святылища устраивались обычно на возвышениях среди болота. Центром священной территории являлась площадка, где находились культовые сооружения и совершались кровавые и бескровные жертвоприношения («Мифология...», 2001, с. 26. рис. 1–5).

Структурообразующими элементами святы-

лиц обских угров по данным этнографических исследований, как правило, являлись: амбарчики с изображением духа-покровителя и его супруги; кострище; деревья, к которым привязывали приклады и вешали черепа жертвенных животных и медведя; деревянные изваяния персонажей, сопутствующих главному изображению (Гемуев, Сагалаев, 1986; «Мифология...», 2001, с. 26). Аналогичные составляющие части древних культовых мест Тоболо-Иртышья выявлены и по археологическим данным.

Основные обряды, сохранившиеся в ритуальной практике угорско-самодийских народов Обь-Иртышья до сравнительно недавнего времени, связаны с космологическими представлениями, в основе которых лежит концепция трехчастной вертикальной модели Вселенной, основанной на понятиях о Верхнем (место обитания добра и света), Среднем (наша земля с лесами, водами, людьми, животными) и Нижнем (подземном, населенном темными силами) мирах (Кулемзин, 1984, с. 170–172; Косарев, 1991, с. 167–183; 2001, с. 113–121; «Мифология...», 2001, с. 16, 25).

Одновременно все три мира осмысливались и в горизонтальной проекции. Как правило, восток и юг воспринимались как хорошие стороны; запад, север – как плохие стороны. Данные представления хорошо объяснимы с точки зрения астрономии: восток связан с восходом солнца, появлением тепла и света; юг – с направлением, где солнце излучает максимум тепла и света, особенно когда находится в зените; запад – с заходом солнца, наступлением темноты и холода; север – направление, где вообще никогда не бывает солнца. Именно поэтому в верованиях многих народов во все времена небо и восток выступали в качестве направлений, где обитали боги и исходящие от них свет и добро; запад и ассоциируемый с ним подземный мир – как мир мертвых, обиталище темных и злых сил.

Это хорошо иллюстрируют изображения на шаманских бубнах, которые, как и сам бубен, олицетворяют картину Мира, являются картой Вселенной, транспортным средством, на котором шаман путешествует по разным пространствам. Есть данные, что бубен как ритуальный атрибут появился еще в неолите (Косарев, 2001, с. 223–225, рис. 33).

Образ Вселенной в том виде, в котором он существовал в традиционном мировоззрении народа, повторяли жилища и все уровни общественной организации обских угров. Так, у манси в соответствии с трехчленным строением модели Мира обиталище

семьи также делилось на три сферы, как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Чердак дома являлся местом высшей сакральной значимости, символизируя область Верхнего мира, где хранились изображения богов – персонажей общешаманского пантеона (пупыги) и другие предметы культовой атрибутики. Пространство между местом расположения пупыг (чердак или полки под потолком) и полом жилища считалось местом человеческого бытия, т. е. обычной повседневной жизни. Сфера Нижнего мира обозначалась в углублении ниже пола жилища («Мифология...», 2001, с. 23–27).

Имело место зонирование жилища и в горизонтальной плоскости. Сакрально наиболее значимой частью жилища, более других задействованной в ритуальной сфере, была южная (противоположная входу) стена. Здесь хранились семейные фетиши и иные святыни. Снаружи перед стеной обязательно вкапывался столб для привязывания жертвенных животных, совершались жертвоприношения, ставилось угощение центральному божеству.

Противоположным знаком была отмечена северная, привходная часть жилища. Здесь между очагом и стеной находилось изображение духа, причастного к Нижнему миру и призванного охранять вход (порог), который имел подчеркнуто низкий статус («Мифология...», 2001, с. 23–27).

Отражением представлений о трехчастном вертикально-горизонтальном строении Мироздания являлись некоторые **специально построенные шаманские чумы**, известные по этнографическим данным. Наблюдается их сходство с архитектурными особенностями планировки древних круглоплановых святилищ Притоболья, в частности Савина. Так, на Нижней Тунгуске в 20-е годы шаманом и доверенными мужчинами селения был построен специальный чум, чтобы выяснить причину смерти своих сородичей и оградить оставшихся в живых от дальнейших потерь (Иванов, 1970, с. 152–155).

Чум состоял из трех частей: центрального, круглого в плане, помещения и примыкающих к нему с востока и запада длинных входных коридоров (галерей) (рисунок 11, II). С восточной стороны галерея строилась из молодых живых лиственниц (лиственница считалась символом жизни на земле, самым чистым деревом, свободным от посещения его злыми духами). Через этот коридор присутствующие на шаманстве члены рода проникали в чум и уходили из

него. Восточный коридор рассматривался как мост, соединяющий «средний» мир (землю, населенную людьми) и чум, который осмысливался как шаманский остров, окруженный рекой.

Западный вход был сделан из высохших и гнилых деревьев, символизовавших смерть. Этот вход был запретным и для шамана, и для людей. Через него шаман «сообщался» с душами предков и существами мира мертвых.

Исследователи считают, что данная обстановка камлания в шаманском чуме является исторически поздней. Когда-то действие разворачивалось не в чуме с галереями, а на более обширной территории, с более активным участием в обряде сородичей шамана (Иванов, 1970, с. 155). В описываемой ситуации чум, вероятно, был условным обозначением местности, где когда-то разворачивались действия, носившие коллективный характер и игравшие важную роль в обрядах и жизни населения. Изученные в последние десятилетия святилища Савин-1, Велижаны 2, Чудская гора подтверждают высказанные ранее предположения.

При сравнении планировки и конструктивных деталей энеолитического святилища и шаманского чума особое внимание обращает на себя факт, что несмотря на архитектурное своеобразие, оба культовые сооружения демонстрируют общие конструктивные закономерности, отражающие наличие у строителей устойчивых навыков, основанных на продолжительных наблюдениях за повторяющимися изменениями в природе (рисунок 11, I, II). В обоих случаях основную роль играли две ведущие точки, выделенные на горизонте восходов и заходов солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий. Оба памятника в мировоззренческой среде своего времени – модели Вселенной с привязкой к астрономическим явлениям и событиям.

К числу наиболее древних культов обских угров, прослеживаемых по археологическим материалам, относятся культы солнца, луны, огня, коня. Пережитки их также сохранились в фольклоре, культовых обрядах и предметах, орнаментах на посуде и одежде.

Культе солнца у обских угров по этнографическим данным не проявляется столь ярко, как это имело место в древности, в эпохи энеолита и бронзы. Начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. солярный культ постепенно отмирал, но присутствие солярно-лунарных образов в обрядах угорского населения, особенно приуроченных к календарным праздникам, продолжает оставаться заметным явлением.

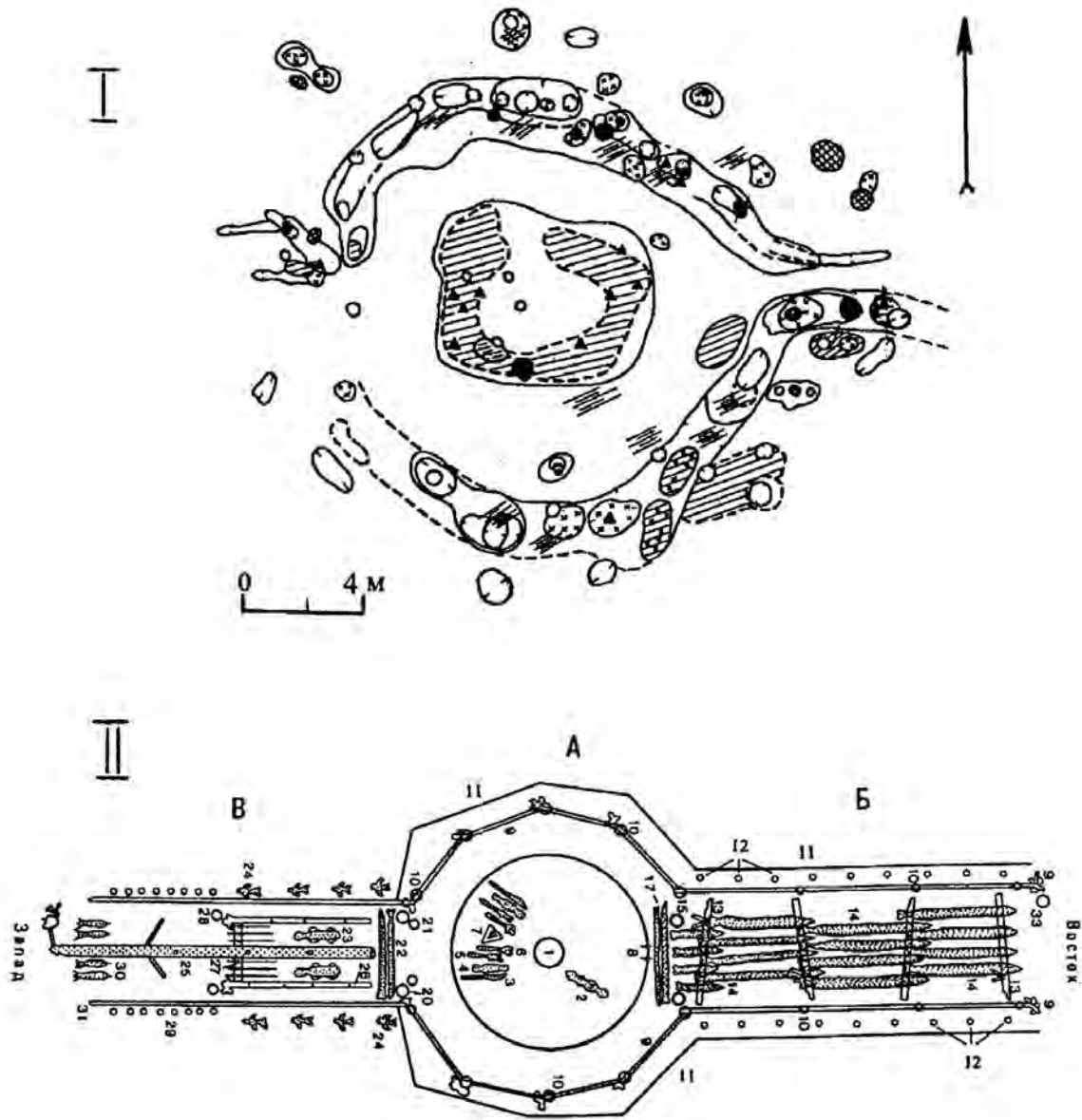

Рисунок 11 – I – Святылище Савин-1. План первого, более раннего, кругового сооружения (см. рис. 2, 1). II – План шаманского чума (по: Иванов, 1970): А – центральная часть чума, Б – восточный вход, В – западный вход. 1–30 – конструктивные детали чума, изображения – символы и предметы, связанные с действиями шамана

В мифических и фольклорных описаниях обских угров солнце выступает персонифицированным существом в образе женщины (Карьялайнен, 1996, с. 44–46). В более поздних представлениях солнце связывалось с мужским началом (Чернецов, 1927, с. 21). Всеми чертами дневного светила обладает верховное божество обских угров Нуми-Торум, хозяин Верхнего мира (слово «торум» относится к числу иранизмов, означающих «бог», «дух», «видимое небо», «мир»). Нуми-Торум блестит, как золото, посылает на землю солнечный свет,

постоянно следит за всем происходящим в человеческом мире. Один из его эпитетов – «Золотой свет». Обителю Нуми-Торума является небосвод. Туда можно попасть, поднявшись по лестнице или столбу («Мифология...», 2001, с. 101, 102).

Существующие о верхних божествах представления воплощались в их изображениях. Как известно из ранних этнографических источников, отличительной чертой особо почитаемых верхних божеств (Мир-сусне-хума у манси, Ортик-ике у хантов и др.) являлось металлическое лицо, чаще всего из серебряной пластины. Гораздо реже металлом покрывалась вся фигура идола (Новицкий, 1884, с. 72; Теплоухов, 1896, с. 149, 150).

Наглядной иллюстрацией представлений сибирских аборигенов о месте верховного божества в системе Мироздания является рисунок на алтайском шаманском бубне («Историко-этнографический...», 1961, табл. 23, 1). Здесь верховный бог изображен с круглой головой в виде солнца, покоящегося на столбе, соединяющем три сферы – верхний, средний и нижний миры. Зигзагообразная линия вдоль оси столба, вероятно всего, являлась символом лестницы (рис. 12, 11). Обращает на себя внимание сходство изображенного на бубне божества с шигирским идиолом как по форме головы и туловища, так и по нанесенному на их фигурах орнаменту (рис. 12; 1, 2, 11). Возможность сопоставлять уральские археологические и алтайские этнографические материалы дает признанное специалистами сходство археологических культур этих территорий с эпохи энеолита и до раннего железного века включительно, а также этническую близость североалтайских и южноугорских групп населения по заметному присутствию европеоидных признаков (Багашев, 2002, с. 94–99; Молодин, 2002, с. 36, 37).

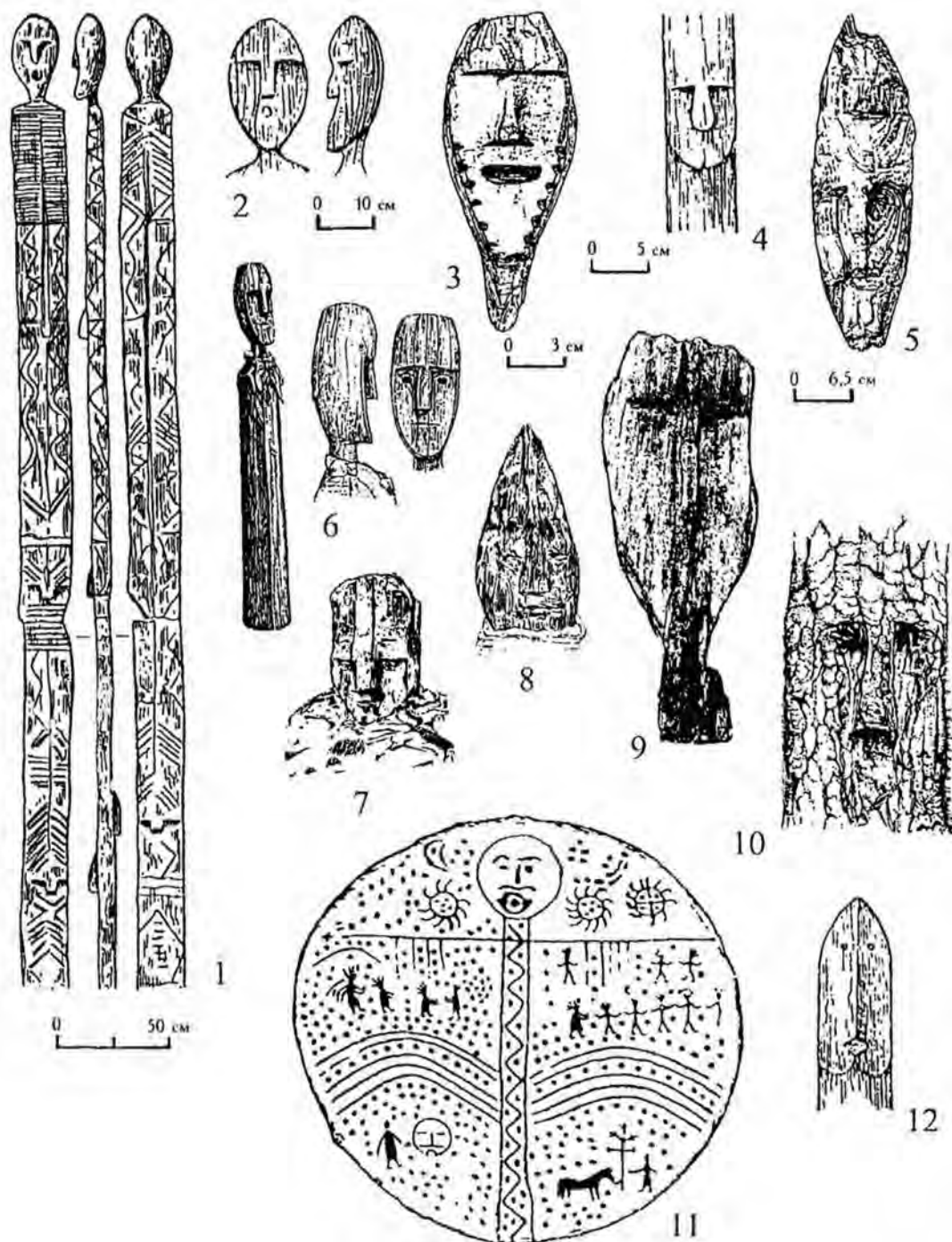
Воплощением солнечного божества у манси является Мир-сусне-хум, «за народом смотрящий человек», младший сын Нуми-Торума и Калтась-эквы («матери земли»). Изображался как всадник, объезжающий мир на белом коне, выступая главным посредником между верховным божеством и людьми. О принадлежности Мир-сусне-хума к солнечному божеству свидетельствует наличие в его культе солярных символов – четырех серебряных блюд (тарелок), на которые должен был становиться копытами его конь, когда опускался на землю (Чернецов, 1947, с. 121; «Мифология...», 2001, с. 19, 20, 89, 90). Серебряные блюдца (тарелки), как солярные символы, яв-

лялись неременной атрибутикой на груди антропоморфных изображений Мир-сусне-хума, помещенных на святилищах манси и хантов. В идеальных случаях на тарелках должны были быть изображения всадника или лошади (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 71, 72).

Серебряные блюда, так же как металлические диски и зеркала, в угорских космологических представлениях часто почитались как самостоятельные культовые объекты. По свидетельству источников XVI–XVIII вв. у манси существовал обряд, когда во время жертвоприношений на дерево вывешивали два блюда, обращенных выпуклыми сторонами к молящимся, которые таким образом изображали солнце и луну. Серебряные тарелки привязывали также к мешкам, набитым мехами, предназначенными для жертвоприношений (Чернецов, 1947, с. 121–125).

В данной ситуации с серебряными блюдами, вероятнее всего, наблюдается адаптация ранних обрядов жертвоприношений Солнцу и Луне к условиям лесной зоны, где такие наблюдения затруднены. В условиях плохой видимости горизонта население этой зоны переходит к заменяющим основные светила символам, в данном случае металлическим блюдам. При этом никакие конкретные азимуты восходов и заходов основных светил не учитываются, а реальные природные божества (Солнце, Луна) заменяются их предметно-хозяйственными эквивалентами.

Луна, как и звезды, в представлениях обских угров играет менее значительную роль по сравнению с солнцем. Она также персонифицирована, и по ранним фольклорным данным относилась к мужскому началу, если исходить из ее названий: «ночной свет-старик», «месяц-старик». В сказаниях манси и хантов с почитанием луны связан культовый персонаж Тункпох, он непрерывно объезжает землю, и его возраст постоянно меняется по лунным фазам: он взростает по времени полнолуния, а на новолуние снова молодеет (Карьялайнен, 1996, с. 47, 48). В более поздних представлениях луна выступает как женское божество и во всех мифах в разных ипостасях связана с Солнцем (Чернецов, 1927, с. 21). В различных местах расселения угров ее называют по-разному: «Бегущая по кругу», «Свет ночи». Для каждой из фаз луны существуют свои названия: «месяц родился», «месяц растет», «месяц истощается», «месяц погас». По луне манси и ханты предсказывали погоду. Жертвы луне (бескровные) у манси приносили дети, непременно в полнолуние («Мифология...», 2001, с. 164, 165)

1–3 – Шигирский торфяник; 4, 5 – Горбуновский торфяник; 6–10 – религиозная скульптура манси («Мифология...», 2001); 11 – алтайский шаманский бубен; 12 – современный обскоугорский идол (по: Иванов, 1970). 1–10, 12 – дерево
Рисунок 12 – Древняя и современная религиозная скульптура Урала и Западной Сибири

Жертвоприношения верховному богу Нуми-Торуму, солнцу и месяцу манси и ханты совершали два раза в год – в декабре и начале июля (Чернецов, 1927, с. 21). Как известно, это время года соответствует дням зимнего и летнего солнцестояний. Обычно обряды жертвоприношений, приуроченные к важным астрономическим датам и являющиеся календарными, совершались отдельными родами или группой родов на общем священном месте (святилище).

В свете рассматриваемых вопросов заслуживает внимания обычай начинать церемонии общественных жертвоприношений на восходе солнца, как это реконструируется и по материалам раскопок энеолитических святилищ с астрономическими ориентирами. У иртышских хантов во время подобных жертвоприношений присутствующие становились по возможности лицом к восходу солнца, в течение ритуального дня медленно двигались по ходу солнца. При этом шаман в своих действиях также обращался «в направлении хода доброго солнца, в направлении хода доброй луны» (Карьялайнен, 1996, с. 46).

Очень интересно, что положение солнца учитывалось не только при жертвоприношениях на святилищах под открытым небом, но и в доме. К. Ф. Карьялайнен был свидетелем, как жертва для домашнего духа приносилась на полу дома, когда солнце в середине дня падало на заднюю (южную) стенку, где находились фигурки духов.

Эти наблюдения привели исследователя почти сто лет назад к выводу, что солнечный культ в подобных его проявлениях появился у угорского населения Приобья в результате южного (земледельческого) влияния. Ибо: «...только земледелец понимает его (солнца. – Т. П.) значение для средств существования». Другие обстоятельства «не могли поднять значение солнца выше повседневного и надежного источника тепла и света, каковым его признает каждый человек» (Карьялайнен, 1996, с. 46, 47).

С солярным культом тесно связан культ огня. Как и в древности, на святилищах обских угров огонь являлся существенным элементом всех церемоний. В обрядах жертвоприношений огонь играл не просто утилитарную роль (как средство освещения, источник тепла и т. п.), он являлся действующим лицом, к нему относились как к сверхъестественному существу. Огонь также был персонафицирован и представлялся как женщина («Огонь-старуха», «Огонь-мать»). Культ огня у хантов и манси проявлялся в почтитель-

ном и заботливом отношении к нему, в кормлении куски мяса, хлеба и другие виды пищи, потребляемой во время церемоний, лили кровь и жир жертвенных животных, бросали оставшиеся после еды кости. Огонь в этой ситуации считался средством, через которое жертвы могут достигнуть божества, которому они предназначались. Одновременно эти действия должны были умиловить и сам огонь (Карьялайнен, 1996, с. 50–58; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 184).

Конь в космологических представлениях обских угров занимает значительное место, хотя навыки коневодства, известные в древности, со временем были утрачены. Память о коне сохранилась в религии, фольклоре, изобразительном искусстве, шаманском ритуале, где имеются свидетельства существования культовой связи коня с представлениями о святости верховных божеств и представителей господствующих классов.

Связь лошади с солнечным божеством отражает мифический рассказ манси, согласно которому верховный бог Нуми-Торум избрал младшего сына Мир-сусне-хума старшим над людьми и своими братьями благодаря тому, что тот первым привязал своего коня к серебряному столбу у дома своего отца. Связь коня с солярным культом просматривается и на примере серебряных тарелок с изображениями всадника или коня, которые крепились к области груди идолов, изображавших Мир-сусне-хума на родовых и межродовых святилищах (Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 157-159, 165).

Подавляющая часть исследователей считает, что появление в лесном Приобье, неблагоприятном для распространения коневодства, идеи о всаднике – посланце неба есть результат южного влияния. Предполагается, что образ Мир-сусне-хума генетически связан с образом общеиранского божества Митры, заимствованным у иранцев предками манси и хантов. При этом угры переняли не только образ Митры, но и соответствующую идеологию («Мифология...», 2001, с. 90). Митра почитался ариями еще за две тысячи лет до н. э. В «Авесте» Митра — солнечное божество, бог правды и договора; награждается эпитетами «самый первый из всех божеств небесных», «дающий процветанье, изобилие, быстрых коней» («Авеста», 1997, с. 269–287).

Как уже отмечалось выше, культ лошади и связь образа коня с солярным культом оформились в ле-

состепном-южнолесном Зауралье в энеолите. Культ всадника-богатыря появляется в эпоху раннего железного века (вторая половина I тыс. до н. э.) (Чернецов, 1947, с. 121; Косарев, 1991, с. 133).

В верованиях и обрядах обских угров широко представлен культ **мирового (или космического) дерева**, в основе которого лежит концепция трехчастной модели Вселенной.

В этом отношении большой интерес представляют обряды, связанные с «божьем жертвенным деревом», известные по этнографическим свидетельствам. Участники церемонии при жертвоприношении срубали под корень маленькое деревцо, обрубили нижние ветки, оставляя часть из них только на вершине; на коре дерева вырезали изображение духа, которому предназначались жертвы. Подготовленное таким образом деревцо устанавливали на культовом месте (летом – в земле, зимой – в снегу) на восход солнца, на которое подвешивали «подарки» богам и духам-покровителям. Поклонами и заклинаниями приглашали на праздник духа жертвенного места. Считалось, что, прилетая, он опускается на вершину священного дерева и по нему, как по лестнице, поднимает дары к небесному богу (Карьялайнен, 1996, с. 69, 70).

Деревья заменялись при каждой новой церемонии. Такие деревца обычно соответствовали конкретным божествам и были различных размеров и из различных пород (березы, сосны, ели, кедра, лиственницы), в зависимости от божества, которому предназначалась жертва. Самое высокое деревцо, как правило, из кедра, предназначалось Нуми-Торуму. У ляпинских манси перед каждым таким деревцом ставили «копье бога» (березовую жердь с заостренным концом), на которое насаживали три куска от сваренной головы животного («Мифология...», 2001, с. 139). В большинстве случаев на установленные рядом жерди вывешивали шкуры с черепом и нижней частью конечностей, снятые с принесенных в жертву животных. В литературе описаны случаи, когда в качестве жертвенных даров приносили луки, стрелы, сети, топоры, укрепляя (втыкая) их на шестах или жертвенных столбах (Карьялайнен, 1996, с. 69).

Данный обряд особенно интересен в плане возможного рассмотрения его как отголоска ритуала установления столбов-маркеров на древних круговых святылищах в направлениях восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний; отношения

к некоторым из них (оформленных в виде идолов) как к божествам. Это подтверждается расположением основной части находок и скоплений костей животных у наиболее значимых в астрономическом отношении столбов, которые в древности могли использоваться также в качестве жертвенных столбов.

Близок вышеописанному и обряд, наблюдаемый у манси в 20-е годы XX века. При приобщении юноши из рода Орла к родовому культу его заставляют взбираться на вершину священного дерева и читают заклинания (в основном добрые пожелания). Тем самым юноша как бы приобщался к высшим божествам, получал силу от солнца, выступающего в данном конкретном случае в образе орла – тотема рода (Чернецов, 1947, с. 123). В мансийском сказании подобному ритуалу подвергается и младший сын верховного божества Мир-сусне-хум. Будучи привязанным к столбу, «вращенному небом и землей», получает божественную силу.

Иллюстрацией к описанным обрядам, связанным со строением Вселенной и местом в ней мирового (или космического) дерева, является рисунок на алтайском шаманском бубне («Историко-этнографический...», 1961, табл. 23, 7), который, как и почти всякий сибирский шаманский бубен, в первую очередь несет в своей орнаментации идею о трехчленности Мироздания и тесной связи всех трех миров (Верхнего, Среднего и Нижнего) посредством мирового (космического) дерева (рисунок 12, 11).

Одновременно на рисунке показаны некоторые детали, связанные с исполнением обрядов, в том числе и с жертвенным деревом. Доминирующим является изображение главного небесного божества в виде солнца на вершине мирового столпа, вдоль которого вертикальным зигзагом изображена лестница. Рядом с головой божества – другие небесные знаки; луна и разные положения движущегося по небосводу солнца, связанные с сезонными изменениями, если судить по крайне правому его изображению. Внизу справа – жертвенное дерево с обрубленными нижними ветками и перекрестием для вывешивания жертвенных даров. К дереву привязана лошадь – самое значимое для верховного божества жертвенное животное. Изображены также участники празднично-обрядовых действий в процессе танцев – представлений в масках, если судить по их головным уборам, воспроизводившим лесных духов и т. п. Рисунок солнцеподобной головы внизу слева со «злым лицом» возможно трак-

товать как изображение брата и одновременно антипода верховного божества – владыки Нижнего мира Эрлика. В таком случае жертвенная лошадь (черная), помещенная на том же уровне, может предназначаться для последнего.

Имеет свои особенности и **религиозная скульптура** обских угров, которая за период от энеолита до этнографической современности по характеру изображений и манере исполнения изменилась весьма незначительно, что особенно хорошо иллюстрируется на примере древней антропоморфной скульптуры из дерева и бронзы с культовых мест Урала и Западной Сибири (рисунки 7; 8; 12).

Для религиозной скульптуры обских угров, как и для древних идолов, характерна своеобразная «оголенность» – у них оформлялись главным образом голова и туловище. Схематизм антропоморфных существ часто объясняется тем, что по этнографическим данным изображения духов-покровителей имели одежду и украшения, закрывавшие условно переданную или недооформленную фигуру (рисунок 8, 3). Открытыми оставались голова или только лицо (Иванов, 1970, с. 28,37,40, рис. 28 и др.; Гемуев, Сагалаев, 1986).

Однако еще Д. Н. Эдинг, анализируя прекрасно сохранившуюся деревянную скульптуру Горбуновского торфяника, обратил внимание на предельно схематичную, условную трактовку изображения идола и найденных рядом с ним фигурок птиц и змей (рисунок 8, 4–7), в то время как изображения, связанные с утилитарным назначением (ковши и др.), чрезвычайно реалистичны. По его мнению, изображения, дающие только схему, как в целом, так и в деталях, указывают на стремление резчика отойти от природы, т. е. сделать изображение в соответствии с существующими представлениями, а не с реальностью (Эдинг, 1940, с. 63–69, 75). Вероятно, здесь важны были не детали изображений, а их символика. Трактовка образов, их формы были целиком предопределены функциональным назначением изображений – все находки идолов связаны с культовыми местами. Следует полагать, что именно в этом причина сходства идолов от энеолита до современности.

Данными обстоятельствами объясняется и тот факт, что в качестве ритуальных атрибутов ханты и манси нередко использовали археологические предметы из старых городищ, кладов, поселений. Особенно это относится к предметам культового литья.

Сравнительный анализ археологических и этнографических коллекций этого типа свидетельствует, что обращение с культовыми вещами предметов регламентировалось сходными правилами, что предполагает одинаковый статус самих вещей как в древности, так и в новейшее время. Этнологи рассматривают это явление как два разновременных проявления одной этнокультурной традиции, разделенной во времени (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 156, 172).

Обряды жертвоприношений у сибирских народов, в том числе и у обских угров, достаточно подробно описаны во многих трудах путешественников и исследователей, начиная с XVI века и до современности. Ниже отметим лишь основные особенности этих обрядов, имеющих отношение к рассматриваемым в публикации вопросам.

Жертвоприношения совершались как отдельными родами и группой родов, если у них общий божественный предок (преимущественно звериный), так и отдельными семействами. Существовал также целый ряд индивидуальных жертвоприношений (Чернецов, 1927, с. 21).

Большое внимание ханты и манси уделяли угощению «богов» питьем и пищей. При этом пищевые жертвы разделялись на бескровные (каша, рыба, напитки) и кровавые. Бескровные жертвы приносились духам-предкам на локальных святилищах. Кровавые жертвоприношения совершались преимущественно на общеродовых святилищах и посвящались главным божествам. Кровавая жертва считалась наиболее значимой, т. к. в этом случае как бы устанавливалась прямая связь с божеством, которому эта жертва предназначалась.

В этой важнейшей части всех обрядов, совершаемых на главных святилищах, существовали разного рода ограничения и запреты, связанные с видом и мастью животных, в зависимости от «статуса» божеств (духов). Например, манси лесным духам приносили в жертву мясо лося; духам-предкам селений и родовым божествам общемансийского пантеона – домашних животных и птиц. Но повсеместно соблюдалось главное правило – принесение божеству Верхнего мира Нуми-Торуму животных белого, а его антиподу Кульотыру (владыке Нижнего мира) – черного цвета. Самой главной жертвой, приносимой верховному богу, считалась жертва семи животных, среди которых обязательно должна была быть хотя бы одна лошадь (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 150, 151; Чернецов, 1927, с. 25).

О лошади как наиболее значимом жертвенном животном, предназначенном Верховному божеству, пишут практически все исследователи религиозных традиций и обычаев обских угров:

«Прославляем этот идол настолько, что из отдаленнейших селений приходят сюда совершать жертвы, обычно скотом, а более всего лошадой приводят...» (Новицкий, 1884, с. 58; начало XVIII в);

«У всех народов приносятся в жертву более всего лошади, а в большие годовые праздники на жертву приводят по большей части белых лошадей» (Миллер, 1791, с. 54; середина XVIII в);

«Вторым (после оленя. – Т. П.) важным жертвенным животным является лошадь...»; «... остякам в районе Березово приходится доставать лошадей для жертвоприношений с величайшими трудностями и невыносимыми расходами...» (Карьялайнен, 1995, с. 99; конец XIX в).

Сходные данные о приоритетной роли лошади при жертвоприношениях у скифов имеются у Геродота (1972. Кн. IV. С. 61): «В жертву приносят всяких домашних животных, в особенности же коней». Сведения Геродота получают подтверждение в материалах элитных курганов скифского времени на широкой территории степной Евразии. Яркий пример – царский курган Аржан в Туве (VIII-VII вв. до н. э.), где обнаружено 160 захоронений верховых коней вместе с предметами конского снаряжения (Грязнов, 1980, с. 25–44, рис. 3; 12–14). Более половины лошадей (90 особей) были помещены в восточном и юго-восточном секторах кургана в направлениях восхода солнца в дни солнцестояний и равноденствий.

Не менее впечатляюще выглядят массовые захоронения коней вместе с боевыми колесницами и конской упряжкой в могильнике андроновской знати Синташта (XVII-XVI вв. до н.э.) на Южном Урале (Генинг В. Ф., Зданович, Генинг В. В., 1992, с. 113, 119, 127, рис. 45; 48; 53). Захоронения лошадей встречаются и в других курганах эпохи бронзы Тоболо-Ишимья (Раскатиша, Верхняя Алабуга, Берлик, Улюбай) (Потемкина, 1984, с. 93, 96, 97). В предшествующую эпоху энеолита на этой территории роль лошади в качестве основного жертвенного животного отражена в материалах раскопок святилища Савин (первая половина III тыс. до н. э.).

Следовательно, с древнейших времен более всего в жертву приносились животные, которые являлись главным объектом охоты, источником пищи и жизни.

Многие из этих животных, такие как лось, олень, лошадь, сами обожествлялись, ассоциировались с солнцем, становились космическими животными. В мифологии индоевропейских народов образы бога солнца на боевой колеснице, запряженной конями, «небесных коней», «крылатых коней» занимают особое место («Мифы народов мира», 1987, с. 666). В верованиях урало-сибирских народов не менее значимую роль играют образы лося-солнца и оленя-солнца («Мифы народов мира», 1988, с. 70).

Все имеющиеся источники свидетельствуют, что церемония кровавых жертвоприношений была разработана у аборигенов Приобья до мельчайших деталей (Новицкий, 1884, с. 48–58; Миллер, 1791, с. 42–60; Карьялайнен, 1995, с. 98–104; 1996, с. 59–110; Чернецов, 1927, с. 21–25), равно как и у древнего степного ирано-язычного населения (Геродот, 1972. Кн. IV. С. 60, 63).

В самом сжатом виде «сценарий» одной из таких церемоний, наблюдаемой у манси В. Н. Чернецовым сравнительно не так давно – в 20-х годах XX века, выглядит следующим образом:

«... Жертвоприношение было совершено членами рода... на реке Ляпин. Приготовление началось с утра. Позади юрт поставили две нарты, а за ними воткнули в снег три деревца... В это же время были принесены из юрт сундучки с пупых (человекоподобные божки, духи-покровители. – Т. П), бубен, оленьи рога... Всё это поставили на нарты, после чего вынули из сундучков пестрые рубашки, платки,... шкурки лисиц и куниц... Все это навесили на три деревца, причем ель изображала Мир-сусне-хума, береза – Калтась-сянь и кедр – Нуми-Торума. Справа от священного места развели костер, а перед пупых поставили в чашках угощение... В это же время привели жертвенных животных: шесть оленей и одну лошадь. Всем им на спины разостлали большие платки, по углам которых были пришиты колокольчики... Поставили их полукругом перед пупых, а потом повели вокруг домов рода... Опять поставили перед пупых, и один из Вогул поворожил на сабле... После ворожбы вокруг животных три раза обнесли всех грудных детей, что должно было отвращать все болезни. Теперь всё было готово для заклания» (Чернецов, 1927, с. 21–25).

За закланием следовали: «кормление» божеств мясом и кровью; приобщение самих присутствующих к жертвенной пище; развешивание на деревьях, помостах или специально укрепленных жердях шкур с головами и конечностями.

Описанный обряд жертвоприношения практически ничем не отличался от подобных церемоний, известных по другим упомянутым источникам на всей территории расселения обских угров.

Очень интересной для нас деталью этих обрядов является обращение голов жертвенных животных и вывешивание шкур в сторону отправления молитв, т. е. на восход солнца (Новицкий, 1884, с. 51, 52; Миллер, 1791, с. 56, 59; Костиков, 1930, с. 126; Потапов, 1935, с. 144).

Но самой значимой жертвой богам в разные эпохи у многих народов мира, в том числе и сибирских, с древнейших времен до позднего средневековья считались человеческие жертвоприношения. Смысл их был разным, но в большинстве случаев жертва человека имела значение искупления и очищения, вызывалась стремлением умиловить богов и добиться благоденствия для живущих. Исследователи подчеркивают, что в культовой практике сибирских аборигенов человеческие жертвоприношения совершались в особо ответственных случаях и явно демонстрировали связь с войной и межплеменными столкновениями (Карьялайнен, 1996, с. 104–106; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 188).

Коллективные жертвоприношения у обских угров были тесно связаны с **календарной обрядностью** и осуществлялись в культовых центрах в сроки, обусловленные хозяйственным циклом и традицией. Периодические праздники приурочивались к определенному времени года; среди них наибольшую роль играли ежегодные. Годовой цикл представлялся наиболее ощутимым воплощением круговорота жизни общины и отдельного человека.

Основные праздники соответствовали весне и осени как началу наиболее важных в промысловом отношении периодов и приурочивались в большинстве случаев к дням равноденствий. Эти праздники, как правило, знаменовали собой новогодия и полугодия. Новогодние праздники посвящались Нуми-Торуму как олицетворению неба и солнца (Чернецов, 1971, с. 83, 87, 88).

В общем ряду календарных праздников особое место принадлежит осенним жертвоприношениям. У многих групп обских угров они были единственными, означавшими новогодие, и должны были обеспечивать благополучие и успехи участникам обрядов в течение года. Особая роль осенних праздников нашла отражение в традиционных названиях месяцев.

Например, у аганских хантов октябрь был «малых жертвоприношений месяц», а ноябрь – «больших жертвоприношений месяц». У тромьеганских хантов месяцем больших жертвоприношений был октябрь (Новикова, 1995, с. 186, 187).

Осенние жертвоприношения, как и в древности, были тесно связаны с массовой промысловой охотой, основанной на сезонных миграциях копытных животных (косули, лося, оленя) с западных склонов Урала на восточные в середине осени и в обратном направлении весной (Чернецов, 1971, с. 73, 110).

Одной из наиболее характерных черт осенних праздников у обских угров являлась их связь с культом пещер и гор. Некоторые группы манси проводили осенние праздники в пещерах, где приносили в жертву идолам промысловых животных. Археологические исследования свидетельствуют о культовом использовании этих пещер и в древности. Местом осенних обрядов-жертвоприношений для обских угров служили также горы или близлежащие холмы, в том числе «шаманские круглые горы» (древние курганы). Представления хантов и манси о пещерах и горах связаны с понятием о первопроднике, времени, когда зарождались праздничные традиции. Все это свидетельствует о древних истоках особой значимости осенних жертвоприношений (Новикова, 1995, с. 187–197).

Связь жертвоприношений с календарными датами, солнечными и лунными циклами отражают медвежьи праздники, имеющие особое значение для обских угров. Так, у манси периодические (семилетние) медвежьи праздники проходили от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия и делились на несколько периодов. Первые обряды совершались в полнолуние «месяца короткого дня», то есть в конце декабря. У северных манси существовал особый праздник новолуния, когда луна имела форму узкого серпа, который приурочивался к середине января (Новикова, 1995, с. 44, 159, 160).

Характер календаря обских угров, как и других сибирских народов, тесно связан с природными явлениями и хозяйственными занятиями. Год делился на полугодия – теплое и холодное, сезоны и периоды, приблизительно соответствующие месяцу. Начало года приходилось либо на весну, либо на осень. Например, весной, в марте, начинался год у ваховских и васюганских хантов; в апреле – у лозьвинских, кондинских манси; осенью, в сентябре, – у салымских хантов, в октябре – у ваховских, среднеобских,

васюганских хантов и ляпинских манси. У некоторых групп угров новогодие приходилось на декабрь и январь (Симченко, Смоляк, Соколова, 1993, с. 203). Месяцы, судя по их названиям, скорее выделялись не для счета времени, а для определения важнейших явлений или занятий: «малый наст месяц» – март, «лед уходит месяц» – май, «икряной месяц» (нерест) – май, «охота на лося месяц» – ноябрь, «низкого солнца месяц» – декабрь и т. п.) (с. 245, 246).

Отмеченные особенности календарных праздников и календарей угорских народов уходят в глубокую древность. Об этом свидетельствуют ранне-средневековые (рубеж I–IX тыс. н. э.) промысловые календари финно-угров, обнаруженные в Верхнем Прикамье и в республике Коми. Оба календаря представляют собой бронзовые кольца с изображениями промысловых животных и разного рода знаков, в том числе солярных, где по расчетам исследователей начало года приходится на весеннее и осеннее равноденствия (Конаков, 1987, с. 9–11; Ларичев, 2002, с. 166). Сходная ситуация с календарной обрядностью реконструируется по материалам раскопок энеолитических святылищ Савин-1 (Потемкина, 1996), Велижаны 2 и наскальным изображениям Урала эпохи неолита-энеолита (Чернецов, 1971, с. 87).

Характер календаря обских угров, как и других сибирских народов, тесно связан с природными явлениями и хозяйственными занятиями. Год делился на полугодия – теплое и холодное, сезоны и периоды, приблизительно соответствующие месяцу. Начало года приходилось либо на весну, либо на осень. У некоторых групп угров новогодие приходилось на декабрь и январь (Симченко, Смоляк, Соколова, 1993, с. 203).

Заключение

Изложенные в данной публикации материалы свидетельствуют, что по археологическим данным ранние проявления мировоззренческих представлений, известные из угорской этнографии, встречаются уже в эпоху позднего неолита и энеолита. Это позволяет утверждать, что все рассмотренные выше основные признаки традиционной атрибутики культовых мест и ритуальной практики обских угров известны на территории их расселения с более древнего времени, чем предполагалось исследователями ранее. В свете новых данных нижняя граница угорской культовой традиции может быть определена не усть-пуйским временем (III в. до н. э. – IV-V вв. н. э.)

(Чернецов, 1947, с. 113–115; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 187), а периодом существования урало-казахстанской энеолитической общности гребенчато-геометрической керамики (последняя четверть IV – конец третьей четверти III тысячелетия до н. э.).

Выявляемая на протяжении нескольких тысячелетий устойчивость основных элементов культовых мест в целом и совершавшихся там ритуалов несомненно свидетельствует об устойчивости культовой практики. Вероятно, те ее признаки, которые присущи древности и этнографической современности, несли наибольшую функциональную нагрузку и являлись ее структурообразующими элементами.

В их числе те, что возникли в угорской аборигенной среде под влиянием индоиранского и ираноязычного населения, трансформировались в соответствии с местными условиями и сохранились в лесной зоне благодаря преемственности культурных традиций, близости этнического состава населения и специфики среды обитания практически до этнографической современности. Эти ритуалы связаны со всеми аспектами общественного бытия древнего человека.

Библиографический список

- 1 *Авеста*. – Санкт-Петербург, 1997.
- 2 *Астрономия древних обществ*. – Москва, 2002.
- 3 *Богатев, А. Н. Генезис южных самодийцев по данным антропологии / А. Н. Богатев // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири*. – Томск, 2002.
- 4 *Багашев, А. Н. Об особенностях краниологического типа западных манси / А. Н. Багашев // III конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов*. – Москва, 1999.
- 5 *Бадер, О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись / О. Н. Бадер*. – Москва, 1965.
- 6 *Васильев, И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь / И. Б. Васильев*. – Куйбышев, 1981.
- 7 *Васильев, И. Б. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур) : учебное пособие к спецкурсу / И. Б. Васильев, А. Т. Синюк*. – Куйбышев, 1985.
- 8 *Вохменцев, М. П. Энеолитический памятник с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // АО*. – 1994. – Москва, 1995.
- 9 *Вохменцев, М. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – Вып. 1. – Тюмень, 1997.
- 10 *Вохменцев, М. П. Энеолит лесостепного Притоболья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. П. Вохменцев*. – Москва, 2000.

- 11 Гемуев, К. Н. Религия народа манси. Культурные места XIX – начала XX в. / К. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. – Новосибирск, 1986.
- 12 Гемуев, К. Н. Легенды и были таежного края / К. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев, А. К. Соловьев. – Новосибирск, 1989.
- 13 Генинг, В. Ф. Синташта / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. – Челябинск, 1992.
- 14 Георги, К. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / К. Георги. – Санкт-Петербург, 1799.
- 15 Геродот. История в девяти книгах. – Ленинград, 1972.
- 16 Грязнов, М. П. Аржан. Царский курган раннекифского времени / М. П. Грязнов. – Ленинград, 1980.
- 17 Гусаков, М. Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы (опыт археоастрономии) / М. Г. Гусаков // Практика и теория археологических исследований. – Москва, 2001.
- 18 Древнее Небо и Человек. – Москва, 1998.
- 19 Дрябина, Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны II под Тюменью / Л. А. Дрябина // Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения», посвященной 150-летию И. Я. Словцова. – Тюмень, 1995.
- 20 Дрябина, Л. А. О жертвоприношениях на святилище Велижаны 2 / Л. А. Дрябина // Словцовские чтения–2001 : тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень, 2001.
- 21 Дрябина, Л. А. Реконструкция ритуалов на энеолитическом святилище Велижаны 2 / Л. А. Дрябина // Человек в пространстве древних культур : материалы всероссийской научной конференции. – Челябинск, 2003.
- 22 Дрябина, Л. А. Семантика культовой посуды святилища Велижаны 2 / Л. А. Дрябина, В. Н. Шехова // Словцовские чтения – 2001 : тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень, 2001.
- 23 Зайберт, В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В. Ф. Зайберт. – Петропавловск, 1993.
- 24 Иванов, С. К. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. / С. К. Иванов. – Ленинград, 1970.
- 25 Историко-этнографический атлас Сибири. – Москва ; Ленинград, 1961.
- 26 Калиева, С. С. Скотоводы Тургая в III тысячелетии до нашей эры / С. С. Калиева, В. Н. Логвин. – Кустанай, 1997.
- 27 Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов / К. Ф. Карьялайнен. – Томск, 1995. – Т. 2.
- 28 Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов / К. Ф. Карьялайнен. – Томск, 1996. – Т. 3.
- 29 Кирюшии, Ю. Ф. Новый сейминско-турбинский мозильник Штупуново V на Алтае / Ю. Ф. Кирюшии, Г. Е. Иванов // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001.
- 30 Конаков, Н. Д. Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря) / Н. Д. Конаков. – Сыктывкар, 1987.
- 31 Косарев, М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири / М. Ф. Косарев. – Москва, 1981.
- 32 Косарев, М. Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири / М. Ф. Косарев // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – Москва, 1987.
- 33 Косарев, М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда / М. Ф. Косарев. – Москва, 1991.
- 34 Косарев, М. Ф. Язычество Сибири / М. Ф. Косарев. Серия «Российские исследования по мировой истории и культуре». – Т. 9. Lewinston, New York, 2001.
- 35 Косарев, М. Ф. Основы языческого миропонимания / М. Ф. Косарев. – Москва, 2003.
- 36 Косарев, М. Ф. Городище Чудская гора в свете этнической интерпретации андронидных культур Западной Сибири / М. Ф. Косарев, Т. М. Потемкина // Урало-Алтайстика. Археология, этнография, язык. – Новосибирск, 1985.
- 37 Костиков, Л. Боговы олени в верованиях хасов / Л. Костиков // Этнография.– 1930. – №№ 1-2.
- 38 Кулемзин, В. М. Человек и природа в верованиях хантов / В. М. Кулемзин. – Томск, 1984.
- 39 Ларичев, В. Е. Космографические фигуры и знаковые тексты Игнатьевской пещеры: «Большой зал» (календарно-астрономические циклы и персонажи астральной мифологии в искусстве палеолита Южного Урала) / В. Е. Ларичев // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999а. – № 3.
- 40 Ларичев, В. Е. Лунные и лунно-солнечные календари эпохи ашеля и мустье (к проблеме истоков палеоастрономии) / В. Е. Ларичев // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск, 1996.
- 41 Ларичев, В. Е. Звездные боги / В. Е. Ларичев. – Новосибирск, 2002а.
- 42 Ларичев, В. Е. Средневековые календари финноугров / В. Е. Ларичев // История и культура Востока Азии. – Т. 1. – Новосибирск, 2002б.
- 43 Леонтьев, К. В. Каменные фигурные жезлы Сибири / К. В. Леонтьев // Первобытная археология Сибири. – Ленинград, 1975.
- 44 Лушиникова, А. В. О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов / А. В. Лушиникова // Астрономия древних обществ. – Москва, 2002.
- 45 Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Перевод с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. Иванова. – Москва, 1977.
- 46 Марсадолов, Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае / Л. С. Марсадолов. – Санкт-Петербург, 2001.
- 47 Мерперт, Н. Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке / Н. Я. Мерперт // КСИА. – 1965. – Вып. 105.

- 48 Мерперт, Н. Я. *Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века* / Н. Я. Мерперт // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. – Москва, 1984.
- 49 Миллер, Г. Ф. *Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш, вотяков* / Г. Ф. Миллер. – Санкт-Петербург, 1791.
- 50 *Мифология манси. Энциклопедия уральских мифологий*. Новосибирск, 2001. – Т. 2.
- 51 *Мифы народов мира. Энциклопедия*. – Москва, 1987. – Т. 1.
- 52 *Мифы народов мира. Энциклопедия*. – Москва, 1988. – Т. 2.
- 53 Михайлов, Ю. И. *Собака в ритуальной практике андроновского населения* / Ю. И. Михайлов // *Маргулановские чтения, 1990 : сборник материалов конференции*. – Москва, 1992. – Ч. 1.
- 54 Молодин, В. И. *Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии)* / В. И. Молодин // *Мировоззрение финно-угорских народов*. – Новосибирск, 1990.
- 55 Молодин, В. И. *Междисциплинарные исследования в археологии Сибири* / В. И. Молодин // *Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири*. – Томск, 2002.
- 56 Мошинская, В. И. *Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири* / В. И. Мошинская // *МИА*. – 1957. – № 58.
- 57 Мошинская, В. И. *Древняя скульптура Урала и Сибири* / В. И. Мошинская. – Москва, 1976.
- 58 Мошинская, В. И. *Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири* / В. И. Мошинская // *История, археология и этнография Сибири*. – Томск, 1979.
- 59 Мошинская, В. И. *О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров* / В. И. Мошинская, Н. В. Лукина // *Археология и этнография Приобья*. – Томск, 1982.
- 60 Мэллори, Дж. П. *Индоевропейские прародины* / Дж. П. Мэллори // *ВДИ*. – 1997. – № 1.
- 61 Николаев, Р. В. *Солнечный конь (к вопросу о культе коня у народов Евразии)* / Р. В. Николаев // *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. – Новосибирск, 1987.
- 62 Новикова, К. И. *Традиционные праздники манси* / К. И. Новикова. – Москва, 1995.
- 63 Новицкий Григорий. *Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким*. – Санкт-Петербург, 1884.
- 64 Новокрещенных, Н. Н. *Гляденовское костыще на р. Каме в Пермской области* / Н. Н. Новокрещенных // *Труды Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссии*. – Пермь, 1914. – Т. XI.
- 65 Паллас, П. С. *Путешествия по разным провинциям Российского государства* / П. С. Паллас. Часть вторая. – Санкт-Петербург 1786.
- 66 Петрин, В. Т. *Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале* / В. Т. Петрин. – Новосибирск, 1992.
- 67 Потапов, Л. П. *Следы тотемистических представлений у алтайцев* / Л. П. Потапов // *СЭ*. – 1935. – №№ 4-5.
- 68 Потемкина, Т. М. *Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры* / Т. М. Потемкина // *Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи*. – Воронеж, 1984.
- 69 Потемкина, Т. М. *Бронзовый век лесостепного Притоболья* / Т. М. Потемкина. – Москва, 1985.
- 70 Потемкина, Т. М. *Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранние и средние этапы)* / Т. М. Потемкина // *РА*. – 1995а. – № 1.
- 71 Потемкина, Т. М. *Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы)* / Т. М. Потемкина // *РА*. – 1995б. – № 2.
- 72 Потемкина, Т. М. *Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н. э.* / Т. М. Потемкина // *Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции*. – Москва, 1996.
- 73 Потемкина, Т. М. *Зауральский «Стоунхендж»* / Т. М. Потемкина // *Наука в России*. – 1998. – №4.
- 74 Потемкина, Т. М. *Одна из моделей организации сакрального пространства и методы ее фиксации* / Т. М. Потемкина // *Исторический ежегодник*. – Омск, 2000.
- 75 Потемкина, Т. М. *Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии* / Т. М. Потемкина // *Мировоззрение древнего населения Евразии*. – Москва, 2001.
- 76 Потемкина, Т. М. *Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья)* / Т. М. Потемкина // *Памятники археологии и древнего искусства Евразии*. – Москва, 2004.
- 77 Потемкина, Т. М. *Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы* / Т. М. Потемкина, О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов. – Москва, 1995.
- 78 Потемкина, Т. М. *Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект)* / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич. – Москва, 1998.
- 79 Рындина, Н. В. *Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите)* / Н. В. Рындина. – Москва, 1998.
- 80 Симченко, Ю. Б. *Календари народов Сибири* / Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк, З. П. Соколова // *Календарь в культуре народов мира*. Москва, 1993.
- 81 Соколова, З. П. *Обско-угорский феномен (Север и Юг)* / З. П. Соколова // *III конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов*. – Москва, 1999.

82 Телегин, Д. Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы / Д. Я. Телегин // РА. – 2000. – № 3.

83 Теплоухов, Ф. А. Чудское жертвенное место на р. Колве / Ф. А. Теплоухов // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. – Пермь, 1896. – Вып. III.

84 Толмачев, В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника / В. Я. Толмачев // Известия Императорской Археологической Комиссии. – Петроград, 1916.

85 Топоров, В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии / В. Н. Топоров // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – Москва, 1981.

86 Хазанов, А. М. Социальные и религиозные основы скифского искусства / А. М. Хазанов, А. И. Шкурко // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве. – Москва, 1976.

87 Чернецов, В. Н. Жертвоприношение у Вогулов / Чернецов В. Н. // Этнограф-исследователь. – 1927. – № 1.

88 Чернецов, В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье / В. Н. Чернецов // Труды Института этнографии. Новая серия. – Москва, 1947. – Том. 1.

89 Чернецов, В. К. Наскальные изображения Урала / В. К. Чернецов // САИ. В4-12(2). – Москва, 1971.

90 Членова, Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири / Н. Л. Членова. – Москва, 1994.

91 Эдинг, Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника / Д. Н. Эдинг // СА. – 1937. – № IV.

92 Эдинг, Д. Н. Резная скульптура Урала / Д. Н. Эдинг // Труды Государственного Исторического Музея. – Москва, 1940. – Вып. X.

93 Юдин, А. И. Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки / А. И. Юдин // РА. – 2003. – № 4.

94 Юревич, В. А. Астрономия доколумбовой Америки / В. А. Юревич. – Москва, 2004.

95 Potyomkina T.M., 1998. The Trans-Ural «Stonehenge» (The stone age Sanctuary with astronomic reference-points // Astronomical and Astrophysical Transactions. Vol. 15. Issue 1-4.

96 Potyomkina T., 1999. Archaeoastronomical object of the Eneolithic epoch in Russia // Oxford VI and SEAC 99. («Astronomy and cultural diversity»). Editors Cesar Esteban, Juan Antonio Belmonte. Proceedings of the International Conference «Oxford VI and SEAC 99». La Laguna.

Список сокращений:

САИ – Свод археологических источников

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

ВДИ – Вестник древней истории

МИА – Материалы и исследования по археоло-

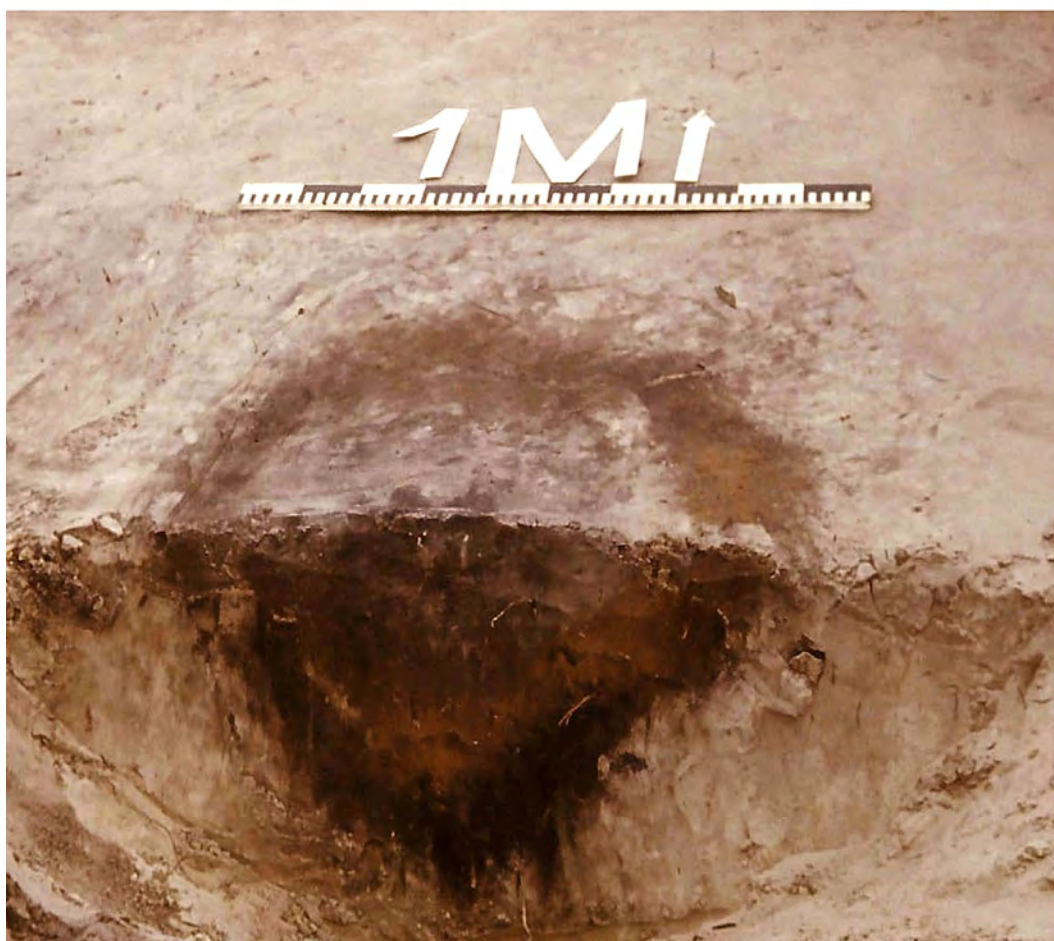
гии

Савин-1, раскопки 1984 г. Жертвенный комплекс из заготовок каменных орудий у столба № 72 в центре второго круга, кв. М-10 (см. страницы книги 86, 142, 143)/ Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1983 г. Вотивные предметы из глины в скоплении охры в яме II в пределах западного коридора круга I, кв. В-3 (см. страницы книги 35, 86, 91, 174). Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1983 г. План и разрез культовой ямы 28 (кв. М-1) со следами первоначального разведения сильного огня и последующей установкой столба в центре (см. страницы книги II, 86 п.9, 91, 170). Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1983 г. Остатки обгоревшего столба в яме 25 (кв. Е, Ж-1) на линии север-юг относительно центрального столба круга 1 (см. страницы книги 11, 79, 86) Фото Т. М. Потемкиной

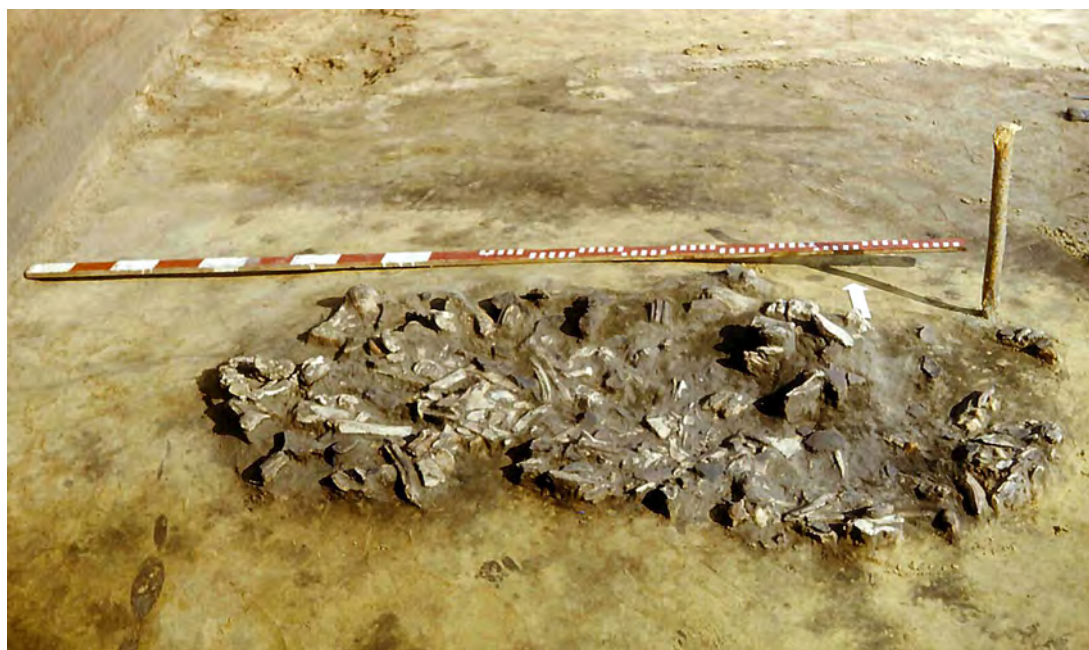
Савин-1, раскопки 1984 г. Прокаленный и углистый слой со скоплениями костей животных, керамикой и каменными орудиями в нижнем заполнении рва круга 2 (кв. О-Р, 4-5) на линии расположения малого и большого валов по направлению запад-восток (см. страницы книги 9, 11, 15-17, 65, 80 п.4, 82 п.7, 86 п. 9, 91, 142, 161, 162, 170, 172-173). Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1984 г. Скопление костей животных с включением керамики и каменных орудий в ямах №№ 51, 52 на месте южной стенки в пределах восточного коридора (кв. Л-Н/4) на линии запад-восток относительно центра первого круга в направлении восхода Солнца в дни равноденствий (20 марта и 22-23 сентября), малого и большого валов (см. страницы книги 9, 11, 15-17, 65, 80 п.4, 82-83, 86, 93-94, 123, 142, 161, 170, 172-174). Фото Т. М. Потемкиной

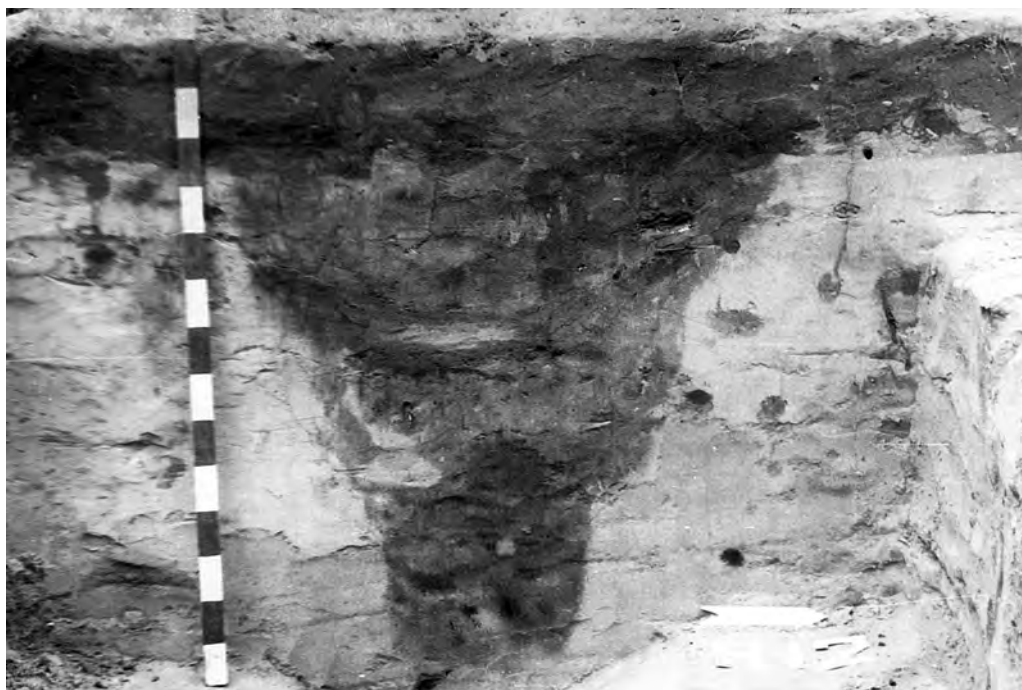
Савин-1, раскопки 1984 г. Скопление костей животных с включением керамики в ямах со следами от столбов №№ 56, 57 на дне (кв. О, П-4,5) в пределах круга 2 (см. страницы книги 9, 11, 15-17, 65, 80 п.4, 82-83, 86, 93-94, 123, 142, 161, 170, 172-174). Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1984 г. Скопление костей животных, керамики и каменных орудий в яме 49 (кв. М-4, круг 2), рядом с восточным входным коридором (см. страницы книги 9, 11, 15-17, 31, 80 п.4, 82-83, 86, 93-94, 116-117, 123, 142, 161, 170). Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1983 г. Столбовая яма 26 на участке Ж, 3-1 (см. страницы книги 80 п.3, 86, 87).
Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1984 г. Профиль столбовой ямы 79 (ров круга 2, кв. Н-12, западная стенка), расположенной на линии столбов и канавки по направлению север-юг относительно центра круга 2 (см. страницы книги 11, 91).
Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1985 г. Ритуальное погребение 3 из трех человек во рву круга 2 (кв. П, Р-11), верхний ярус (мужчина зрелого возраста). Погребение 3 расположено в направлении восхода Солнца в зимнем солнцестоянии (133 градуса) относительно центра второго круга (см. страницы книги 11, 22, 82 п.7, 114, 127-128, 159-160, 174).
Фото М. П. Вохменцева

Савин-1, раскопки 1985 г. Ритуальное погребение 3 из трех человек во рву круга 2 (кв. П, Р-11), нижний ярус (мужчина зрелого возраста и женщина 16 лет) (см. страницы книги 11, 22, 82, 114, 127-128, 163, 174). Фото М. П. Вохменцева

Савин-1, раскопки 1985 г. Южная половина рва круга 2 (кв. 3-С, 9-14). Вид с востока – юго-востока (см. страницы книги 65, 139). Фото М. П. Вохменцева

Савин-1, раскопки 1985 г. Южная половина рва круга 2 (кв. II-С, 10-14). Вид с запада (см. страницы книги 65, 139). Фото М. П. Вохменцева

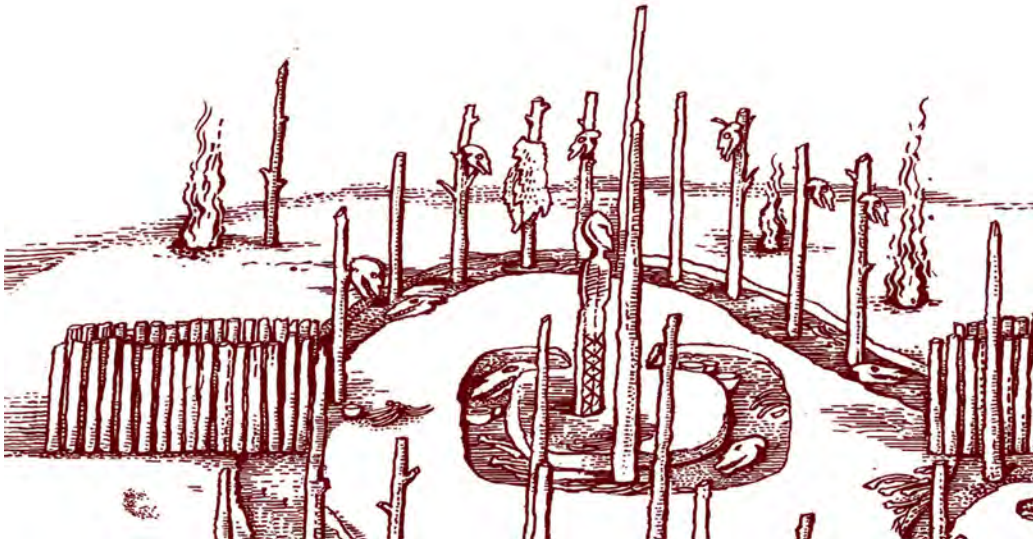
Савин-1, раскопки 1983 г. Северная часть кольцевого рва круга 1 после зачистки на глубине – 120 см (кв. Г-3, II-2). Слева направо в пределах очертаний рва видны круглые темные пятна – следы ям для установки столбов (№№ 14–20, 25) (см. страницы книги 9, 11, 65, 82 п.6, 86, 139). Фото Т. М. Потемкиной

Савин-1, раскопки 1983 г. Дно рва круга 1 (кв. Ж-И, II-1) со следами ям для установки столбов и собственно столбовых ям (№№ 18–22). В пределах ям и рядом на глубине 150 см – развалы сосудов и кости черепов лошади. На переднем плане виден разрез столбовой ямы № 18 в пределах ямы для установки и забутовки столба (см. страницы книги 9, 11, 15-17, 31, 65, 82 п.6, 82-84, 116-117, 142-144, 162, 170-171). Фото Т. М. Потемкиной

Святылище Савин-1, исследования 1997 г. Реконструкция характера функционирования столбов как визиров восходов-заходов основных светил на горизонте в северной половине круга 1 (кв. Г-3, I-5) (см. страницы книги 11, 14, 15, 31, 50-51, 65, 67, 71, 82 п.6, 91, 142-144, 159, 160, 171). Фото Т. М. Потемкиной

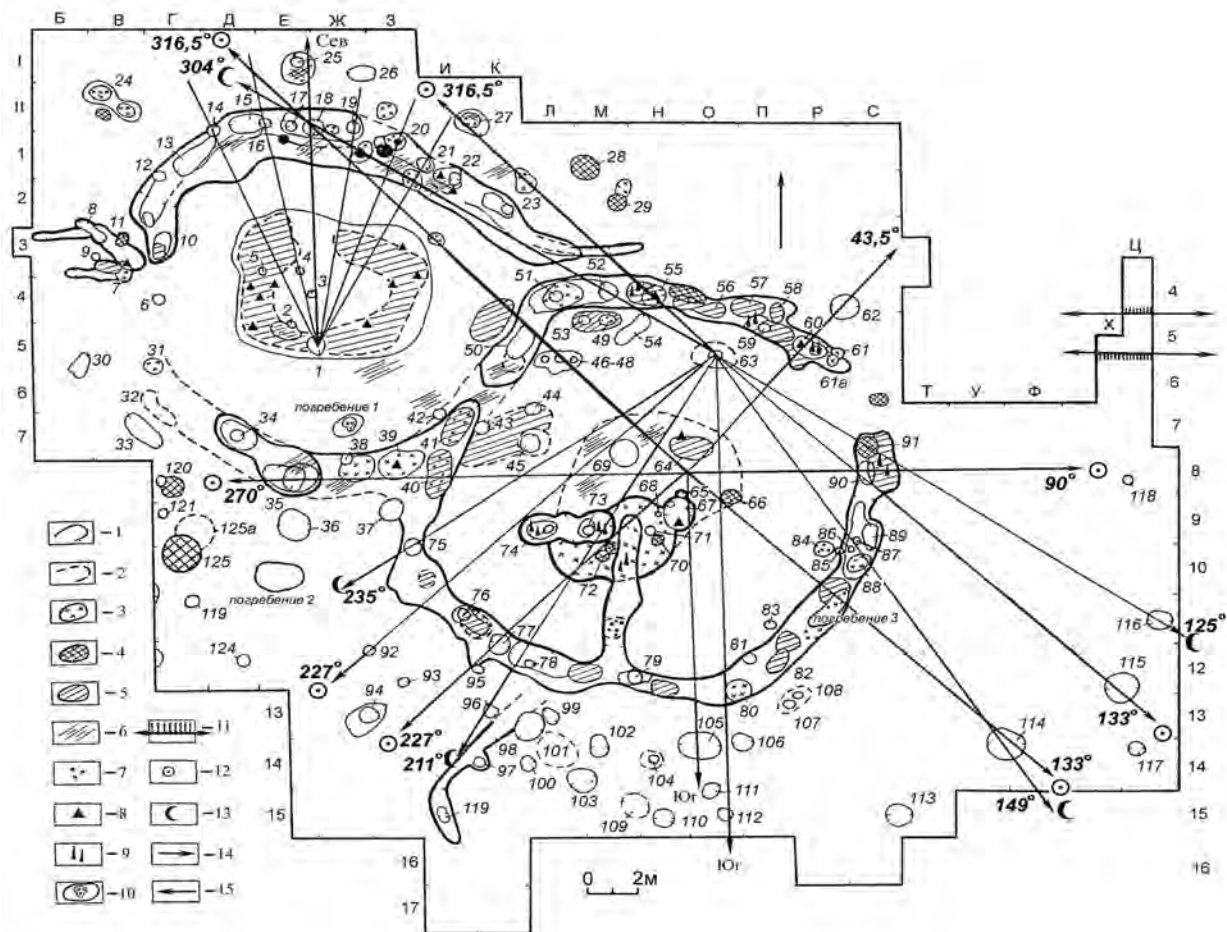

Святылище Савин-1, исследования 1997 г. Графическая реконструкция вида круга 1 святылища Савин в период его функционирования (1-я половина III тысячелетия до н. э.) по данным материалов раскопок (см. страницы книги 7, 11-12, 14, 15 п.5, 28-29, 31, 35-37, 49-52, 53, 65, 67, 71, 81-82, 83, 86, 87-91, 94, 139, 142-144, 158, 161, 166-167, 172-174). Реконструкция Т. М. Потемкиной

Святылище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье

Святылище Савин-1. Реконструкция святилища Савин по материалам раскопок 1982–1985, 1997 гг. (см. страницы книги 11–12, 14, 21–23, 25, 28, 32, 35–36, 49–52, 65–70, 71–73, 81–82, 83, 86, 87–94, 121–122, 139, 158). Автор – Т. М. Потемкина

Святылище Савин-1. План раскопа святилища Савин (раскопки 1982–1985, 1997 гг.) (см. страницы книги 11–12, 14, 15–17, 21–23, 25, 28–29, 31–32, 65–70, 81, 83, 87–92, 121–122, 139, 161)

*Святылище Савин-1, работы по реконструкции в 1997 г.
Вид на малый и большой вал от центрального столба круга 2. Столбы и продольная ось валов расположены на линии восток-запад, маркирующей направления на восход-заход Солнца в дни равноденствий (20 марта и 22-23 сентября).
Вид с запада (см. страницы книги 71, 72, 86, 87, 159). Фото Т. М. Потемкиной*

Святылище Савин-1, 1997 г. Вид на большой вал с юго-востока, с внутренней стороны площадки останца. Напротив машины находится траншея разреза вала по линии север-юг (см. страницы книги 51-52, 71-72, 82, 86, 121-122, 141).

Фото Т. М. Потемкиной

Святылище Савин-1, работы по реконструкции в 1997 г. Вид на малый и большой вал с центральной площадки круга 2 с запада на восток – в направлении восхода Солнца в дни равноденствий. На переднем плане фото – А. Н. Саливон, на втором – В. А. Кислицын (см. страницы книги 51-52, 71, 72, 82, 86, 121-122, 159). Фото Т. М. Потемкиной

Святылище Савин-1, 1997 г. Большой вал, вид с северо-запада (см. страницы книги 51-52, 71-72, 82, 86, 121-122, 141).
Фото Т. М. Потемкиной

Разрез большого вала по линии север-юг. Вид с северо-запада. На материковом слое по центру возвышения вала видна древняя насыпь, сложенная из темно-серой супеси, вынудой из прилегающих участков вдоль насыпи, на месте которых с двух сторон (северной и южной) образовались ровики вдоль вала. Ровик с южной стороны виден на фото на переднем плане. Сверху древняя насыпь и ровик перекрыты многократными аллювиальными отложениями, выше – золовыми наносами (см. страницы книги 51-52, 71-72). Фото Т. М. Потемкиной

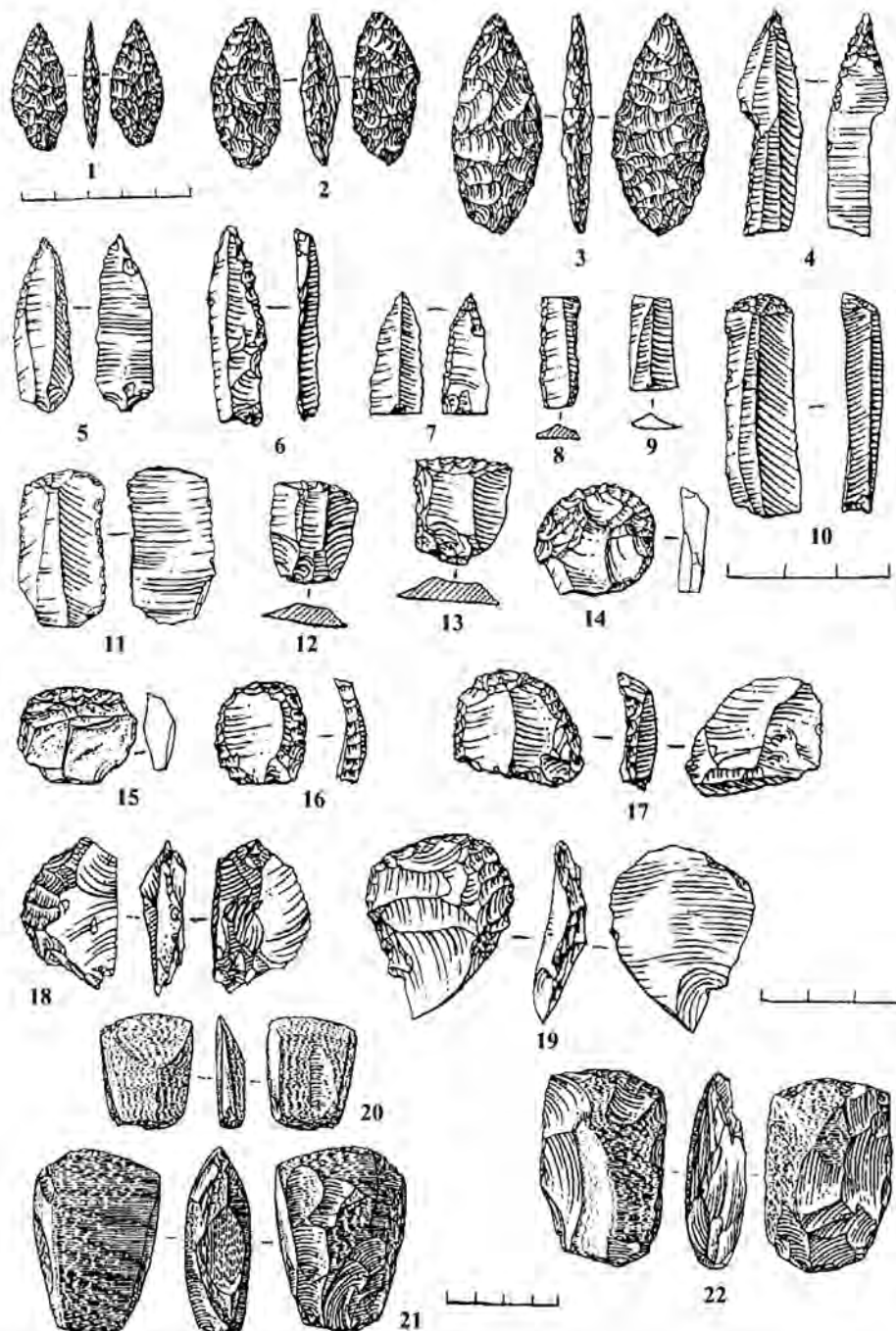

Святилище Савин-1, исследования 1997 г. Профиль восточной стенки траншеи через малый вал по линии север-юг, вид с севера-северо-запада.

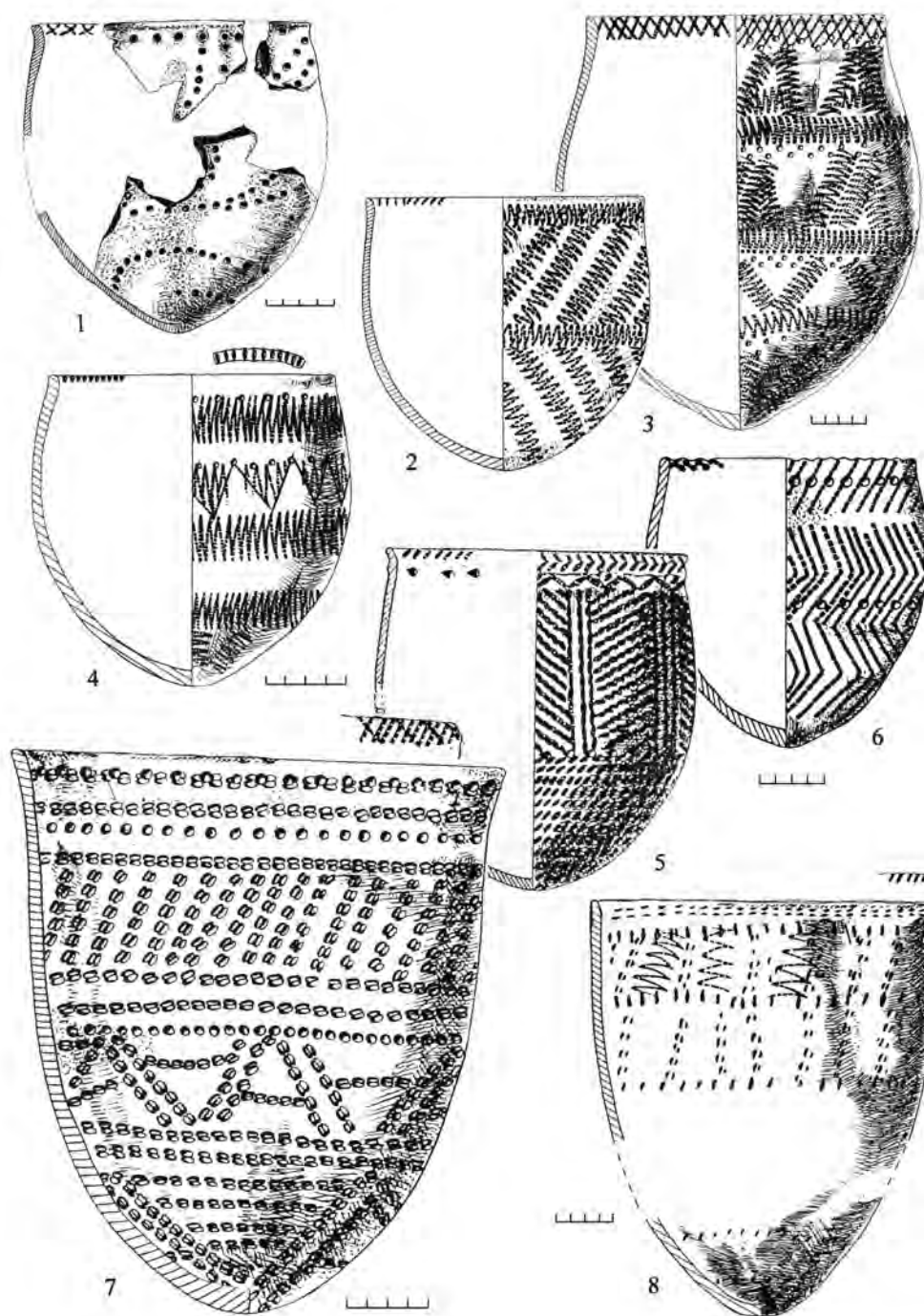
Хорошо заметная по центру траншеи линза древнего вала, сложенная из светло-серой супеси, залегает на двух тонких прослойках, которые в свою очередь покоятся на материковом слое из желтого суглинка, предварительно очищенного от темного верхнего слоя древней дневной поверхности. Нижняя прослойка под насыпью поверх суглинка состоит из белого песка; верхняя непосредственно под насыпью – из темной углистой супеси. Палинологический анализ образца почвы, взятого из-под насыпи вала, указывает на присутствие большого количества пыльцы разнообразных травянистых растений (65 %), среди которых господствует пыльца злаков, много пыльцы полыни (22 %), что отражает не только зональный тип растительности, близкий к спектрам энеолитического времени, а чисто локальные особенности формирования спектра. Это может свидетельствовать, что при сооружении насыпи вала в ее основание укладывались ветви, тростник и др. травянистые растения (Определения Е. А. Спиридоновой, Лаборатория естественно-научных методов ИА РАН).

Как и в разрезе большого вала, вдоль насыпи малого вала с северной и южной стороны прослеживаются неглубокие ровики, заполненные серой (в нижней части) и темно-серой (в верхней) супесью с углистыми включениями.

Насыпь древнего вала и заполнение ровиков перекрыта мощными золовыми и аллювиальными наслоениями (см. страницы книги 48, 51-52, 71-72, 82, 86, 141). Фото Т. М. Потемкиной

1-4 – наконечники стрел; 5, 7 – остря; 6 – сверло; 8, 9 – ножевидные пластины; 10-13 – скребки на пластинах; 14-17, 19 – скребки на отщепках; 18 – нож на отщепе; 20 – долото; 21, 22 – топоры
Святылище Савин-1. Каменные орудия (см. страницы книги 11, 86, 113, 142)

1 – кв. К-4, ров круга 1; 2 – кв. 3-4, центральное углубление круга 1; 3 – 3, И, К-1, 2 – ров круга 1; 4 – кв. И-1, яма 22 во рву круга 1; 5 – кв. В-II, яма 24; 6 – кв. И-1, ров круга 1; 7 – кв. О-7, яма 64, центр круга 2; 8 – кв. 3, Ж - 3, центральное углубление круга 1
Святылище Савин-1. Керамика (см. страницы книги 85-86, 111-112, 141)

Савин-1, 1997 г. Члены Археологического кружка Курганского пединститута в 1966–1973 гг., участвовавшие в экспедиции на Савине в 1997 г. Слева направо: Н. В. Деткова, Н. Н. Куминов, Г. В. Кологорова, А. Н. Саливон, Т. М. Потемкина, Н. Н. Бутакова, В. А. Кислицын. Фото из архива Т. М. Потемкиной

Участники экспедиции на Савине-1 в 1997 г. Слева направо: Н. В. Деткова, Валерий Донченко, М. П. Вохменцев, водитель экспедиции Андрей., Н. Н. Бутакова, А. И. Кайдалов, М. Г. Малахова. Фото Т. М. Потемкиной

Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга
Московского государственного университета
Институт археологии РАН
ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
Специализированный природно-ландшафтный
и историко-археологический центр «Аркаим»

**Астрономическое и мировоззренческое содержание
археологических памятников Южного Урала**

Тезисы докладов полевого семинара
19–25 июня 2006 года
Аркаим

Челябинск
2006

АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ЮЖНОГО УРАЛА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Т. М. Потемкина
Институт археологии РАН, Москва

Археoaстрономия (синонимы – астроархеология, палеoaстрономия) – междисциплинарное научное направление, изучающее астрономические знания древних и традиционных (архаических) обществ.

Археoaстрономические исследования позволяют реконструировать многие важные стороны древних мировоззренческих систем – основные модели мира, представления о душе и жизненном круговороте, равно как природно-хозяйственные циклы, социальную стратификацию древних коллективов, пространственную и временную организацию поселенческих и ритуальных комплексов, тесно связанных с уровнем понимания структуры Вселенной и основным смыслом существования Природы.

Принципы построения научного исследования в археoaстрономии сводятся к фиксации предмета поиска, постановке проблемы, определению задачи методов исследования и интерпретации полученных материалов. При выявлении и классификации археoaстрономических объектов, в том числе и на Южном Урале, намечается две их разновидности.

1 Объекты, свидетельствующие об обычном интересе к небу, небесным телам и явлениям и их циклическому проявлению. К их числу в рассматриваемом регионе могут быть отнесены:

- некоторые рисунки в пещерах (Игнатьевская пещера эпохи верхнего палеолита – Петрин, 1992; Ларичев, 1999, с. 57–68, рис. 810);

- наскальные писаницы, наиболее ранние из которых датируются эпохой неолита-энеолита (IV–III тыс. до н. э.), где наряду с животными, птицами, антропоморфными существами, различными знаками предметом изображения являлись солнце, луна, небесный свод и другие космические символы

¹ Впервые опубликовано: Потемкина, Т. М. Археoaстрономические объекты Южного Урала: особенности и перспективы исследования / Т. М. Потемкина // *Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала: тезисы докладов полевого семинара 19-25 июня 2006 года, Аркаим. – Челябинск, 2006. – С. 3–6.*

(Чернецов, 1971, с. 59-60, 69-70, рис. 42, 43, 49, 51; Культурные памятники 2004. с. 302-311, рис. 82, 84, 86, 89, 95, 96-Б);

- орнаменты с космической символикой на некоторых бытовых и ритуальных сосудах, сакрально значимых предметах разных эпох (Potyomkina, 1998, p. 320. Fig. 7, 8; Потемкина, 2001, с. 175-177, рис. 4, 6, 9).

Эти познания неба представляли собою констатацию простых наблюдаемых фактов, которые играли важную роль в зарождающейся духовной жизни пер.

2 Объекты, которые свидетельствуют о конкретных астрономических знаниях и умениях их практического использования. При их изучении открываются факты, показывающие, что древние люди, начиная с неолита-энеолита (IV–III тыс. до н. э.), не только созерцали небо, но и отмечали и использовали в конкретных практических целях те или иные закономерности движения небесных тел.

Свидетельством древних астрономических знаний на Южном Урале могут быть следующие археологические памятники:

- круглоплановые святилища эпохи энеолита Савин-1, Слободчики 1, Велижаны 2, в основу пространственной и временной организации которых положена астрономическая ориентация, связанная со значимыми положениями солнца и луны (Потемкина, 1993, с. 85–94; 2001, с. 166–185; Potyomkina, 1998, p. 307–324; Потемкина, Юревич, 1998, с. 26–41; Вохменцев, 1994, с. 260; Дрябина, 1995, с. 37-38);

- поселенческие комплексы с круговой архитектурой эпохи средней бронзы (Аркаим, Синташта и др.), относящиеся к синташтинской культуре – XVIII–XVI вв. до н. э. в рамках традиционной хронологии, или XXI–XVIII вв. до н. э. по калиброванным радиоуглеродным датам, планировка которых четко отражает представления их населения о горизонтальной модели Мира (Кириллов, Зданович Д., 2002, с. 158–161);

- отдельные курганы в системе курганных могильников эпохи средней и поздней бронзы (синташтинская, алакульская культуры) с четко спланированным сакральным пространством, земляными и деревянными конструкциями, детали которых, как и размещение погребальных камер и находящихся в них захоронений, увязаны с конкретными значимыми астрономическими ориентирами в соответствии с существующими представлениями о Вселенной (Большой Синташтинский курган, курган 25 Большекара-

ганского могильника; курган 1 могильника Чекагай) (Зданович Д., Кириллов, 2002, с. 11-36; Полякова О., 1999, с. 29-30; 2005, с. 24–35);

- мегалитические памятники, архитектурные элементы которых фиксируют астрономически значимые направления и точки горизонта на небесной сфере: кромлехи эпохи поздней бронзы (черкаскульская культура) – Ахуново (Петров, 2002, с. 146–148); аллеи менгиров (всего одиннадцать), увязываемые с культурами поздней бронзы (срубная, алакульская) – Чека I, II, Черкасинская, Симбирская, и др. (Полякова Е., 2002, с. 49–56; 2004, с. 191–200; Петров, 2002, с. 114–126; Кириллов, 2002, с. 132–134); одиночные менгиры, в ряде случаев приуроченные к поселениям поздней бронзы (Полякова Е., 2002, с. 53–56; 2004, С. 198, 199);

- курганы с «усами» раннего средневековья (V–VII вв. н. э.), известные на территории Центрального и Южного Казахстана (более 300) и Южного Зауралья (около 60), с четко выявленной значимой солнечной ориентацией, интерпретируемые как культурно-ритуальные памятники, имеющие отношение к мифолого-мировоззренческим представлениям и календарной практике – Солончанка IX, Кондуровский, Городищенское IX и др., всего восемь курганов, исследованных на Южном Урале на предмет археоастрономического значения (Бекбасаров, 1998, с. 32–37; Любчанский, Таиров, 1999, с. 5–62; Зданович Д., Кириллов, 2002, с. 36–55).

Все перечисленные выше виды археоастрономических объектов демонстрируют путь развития астрономической культуры в разные эпохи и отражают абстрактные представления о времени как координатах бытия, стремление древних сопоставлять во времени события на небе с теми, которые происходили в социуме.

Данные археологические памятники свидетельствуют также, что изначально в истории социумов использовался метод наблюдения как один из способов проверки природных закономерностей. Повсеместно на всех видах памятников зафиксированы, как основные, наблюдения за наиболее значимыми положениями солнца и луны, связанными с их суточными и сезонными изменениями. В каждом из упомянутых памятников содержится по несколько значимых астрономических направлений, имеющих отношение к экстремальным положениям солнца и луны на горизонте и прохождению их через меридиан (кульминациям).

Постепенное накопление наблюдаемых фактов привело к созданию методов предсказания будущего поведения небесных тел. Так обычный интерес к небу и наблюдения за его явлениями превратились в первые элементы зарождающейся астрономической науки.

Бесспорные аналогии всем отмеченным южноуральским памятникам с астрономическим значением имеются на широкой территории Евразии, что свидетельствует о конвергентном развитии сходных астрономических знаний и соответствующих им представлений о Вселенной.

При всем разнообразии видов археоастрономических объектов в процессе их исследования используются сходные методы, в основе которых лежит корреляция данных, полученных на междисциплинарном уровне. Исследование таких памятников требует привлечения не менее десяти научных дисциплин: археология, астрономия, история (письменные свидетельства), этнология, антропология, палеозоология, палеоботаника, функциональная семиотика, геодезия и др. При этом надо учитывать, что каждое из этих научных направлений будет иметь свою специфику исследований, включая методические и методологические подходы. Но на начальном этапе исследования в экспедиционных условиях максимально полно и четко должны учитываться данные, полученные методами археологии и астрометрических измерений. В дальнейшем успешные результаты могут быть получены только при использовании методов археоастрономии на всех этапах археологических исследований: в полевой практике; в кабинетных условиях при камеральной обработке материала; в процессе интерпретации и реконструкции исследуемых объектов.

Перспективы археоастрономических исследований на Южном Урале видятся в комплексном междисциплинарном изучении объектов в отдельном микрорайоне, где уже известны и частично изучены археологические памятники с астрономическим значением разных эпох (Кизильский район). Такой проект должен включать в качестве основных следующие вопросы:

- культурно-историческое содержание исследуемых объектов в рамках определенного историко-географического пространства;

- типы памятников разных эпох с акцентом на особенности их планировки и ориентации конструктивных деталей;

- причины их трансформации;

- общие и специфические элементы верований и совершаемой обрядности;

- интерпретация знаковых систем, связанных с религиозными представлениями различных эпох, впоследствии сохранившихся в мифологии, фольклоре и верованиях различных народов урало-сибирского региона и сопредельных территорий; отличие и совпадение их кодов в наиболее существенном и сакральном.

Таким образом, основой исследовательских методов в изучении археоастрономических объектов должен стать принцип «происхождение – традиция – реликт», который очерчивает обширную проблемную ситуацию. Итогом должна явиться реконструкция памятников, времени и этапов их функционирования, роли в социальной, религиозной и хозяйственной деятельности оставившего их населения.

Камеральная обработка материалов раскопок Савина-1 в лагере археологической экспедиции, 1985 г.

Список публикаций Т. М. Потемкиной о святилище Савин-1

- 1 Потемкина, Т. М. Раскопки в Курганской области / Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев // *Археологические открытия 1983 года*. – Москва : Наука, 1985. – С. 236-237.
- 2 Потемкина, Т. М. Культовое место эпохи энеолита в лесостепном Зауралье / Т. М. Потемкина // *Всероссийская археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке» : тезисы докладов*. – Баку, 1985. – С. 389–391.
- 3 Потемкина, Т. М. Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин) / Т. М. Потемкина, М. Г. Гусаков // *Религиозные представления в первобытном обществе : тезисы докладов*. – Москва, 1987. – С. 153–157.
- 4 Потемкина, Т. М. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита – ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) / Т. М. Потемкина, В. Т. Ковалева // *Российская археология*. – 1993. – №1. – С. 250–260.
- 5 Потемкина, Т. М. Святилище-«обсерватория» – новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье / Т. М. Потемкина // *Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ». 12-16 апреля 1994 г. : тезисы докладов*. – Екатеринбург, 1994. – С. 85–90. (0,4 п. л.)
- 6 Потемкина, Т. М. К вопросу о функциях святилищ с круговой архитектурой эпохи энеолита – бронзового века / Т. М. Потемкина // *Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье : тезисы докладов международной конференции. Сыктывкар 7–10 июня 1994 г.* – Сыктывкар, 1994. – С. 74–77. (0,2 п. л.)
- 7 Кауров, Э. Н. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археoaстрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва, 1994) / Э. Н. Кауров, Т. М. Потемкина // *Российская археология*. – 1995. – № 3. – С. 240–248. (1,2 п. л.)
- 8 Потемкина, Т. М. Об истоках ряда ритуалов в культовых обрядах обских угров / Т. М. Потемкина // *Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : тезисы докладов X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова*. – Томск, 1995. – С. 151–154. (0,25 п. л.)
- 9 Потемкина, Т. М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе / Т. М. Потемкина // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конференции. Часть V, кн. 1. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Культуры энеолита-бронзы степной Евразии*. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – С. 144–154. (0,6 п. л.)
- 10 Потемкина, Т. М. Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества / Т. М. Потемкина // *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы международной конференции*. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 20–24. (0,3 п. л.)
- 11 Потемкина, Т. М. Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич // *Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции. Москва, 15-18 октября 1996 г.* – Москва, 1996. – С. 109–115. (0,25 п. л.)
- 12 Потемкина, Т. М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н. э. / Т. М. Потемкина // *Археoaстрономия: проблемы становления : тезисы докладов международной конференции. Москва, 15-18 октября 1996 г.* – Москва, 1996. – С. 115–119. (0,3 п. л.)
- 13 Потемкина, Т. М. Зауральский «Стоунхендж» / Т. М. Потемкина // *Наука в России. Издание Президиума Российской академии наук, Министерства науки и технологии Российской Федерации*. – 1998. – № 4. – С. 8–15. (0,9 п. л.)
- 14 Potemkina Tamila. A Stonehenge beyond the Urals // *Science in Russia. Russian Academy of Sciences Presidium and Ministry of Science and Technology of the Russian Federation*. №4. 1998. – Moscow. – P. 8-15. (0,9 п. л.) См текст на русском
- 15 Potemkina Tamila. The Trans-Ural «Stonehenge» (The stone age Sanctuary with astronomic reference-points) // *Astronomical and Astrophysical Transactions*, 1998, Vol. 15, pp. 307-324. (1,2 п. л.)
- 16 Потемкина, Т. М. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект) / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич. – Москва, 1998. – 52 с. (3,2 п. л.)
- 17 Potemkina, T. M. A Stonehenge beyond the Urals // *Journal of Journals. Review of Global Scientific Achievements*. 1998. Vol. 2. №1. Pp. 82-87. (0,9 п. л.). Перепечатана из ж-ла «Наука в России», 1998, №4.
- 18 Потемкина, Т. М. Савин / Т. М. Потемкина // *Уральская историческая энциклопедия*. – Екатеринбург, 1998. – С. 456–457.

- 19 Потемкина, Т. М. Зауральские энеолитические святыица с астрономическими ориентирами в системе сходных моделей Евразии / Т. М. Потемкина // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. : материалы международной конференции. – Челябинск-Аркаим, 1999. – С. 232–234.
- 20 Потемкина, Т. М. Новые исследования святыица Савин в Зауралье / Т. М. Потемкина // Археологические открытия 1997 года. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 227–229.
- 21 Potyomkina Tamila. Archaeoastronomical object of the Eneolithic epoch in Russia // Oxford VI and SEAC 99. «Astronomy and cultural diversity». Editors Cesar Esteban, Iuan Antonio Belmonte. Proceedings of the International Conference «Oxford VI and SEAC 99». La Laguna, 1999. Pp. 71-76. (0,6 п. л.)
- 22 Потемкина, Т. М. Одна из моделей организации сакрального пространства и методы ее фиксации / Т. М. Потемкина // Исторический ежегодник. Специальный выпуск (к 70-летию В. И. Матющенко). – Омск : Издание ОмГУ, 2000. – С. 170–178. (1 п. л.)
- 23 Потемкина, Т. М. Методы археоастрономии в системе археологических исследований / Т. М. Потемкина // XV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов международной конференции. – Оренбург, 2001. – С. 28-29. (0,25 п. л.)
- 24 Потемкина, Т. М. Энеолитические круглоплановые святыица Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии / Т. М. Потемкина // Мировоззрение древнего населения Евразии. – Москва, 2001. – С. 166–256. (6 п. л.)
- 25 Потемкина, Т. М. Модели организации сакрального пространства в энеолите степной Евразии / Т. М. Потемкина // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 216–221. (0,6 п. л.)
- 26 Potemkina Tamila. Sources of Perceptions of the Cosmos in the World View of the Ob-Ugrians // Cultural Context from the Archaeoastronomical Data and the Echoes of Cosmic Catastrophic Events. Abstracts submitted for the SEAC 2002 Tenth Annual Conference, 27-30 August in Tartu, Estonia. Tartu, 2002. Pp. 55-56. (0,1 п. л.)
- 27 Potemkina, T.M. The Trans-Ural Eneolithic Sanctuaries with Astronomical Reference Points in System of Similar Eurasian Models // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Ed. by Karlene Jones-Bley, D.G. Zdanovich. Vol. 1 / Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man, Washington D.C., 2002. Pp. 269-282. (0,9 п. л.)
- 28 Потемкина, Т. М. Представления о Вселенной или модель Мира у населения Зауралья 5000-4500 лет назад / Т. М. Потемкина // Музей – ты мир : материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Курганского областного краеведческого музея. 1-2 ноября 2001 года. – Курган, 2002. – С. 41–50. (0,6 п. л.)
- 29 Потемкина, Т. М. О преемственности мировоззренческих традиций в Зауралье / Т. М. Потемкина // Шестые исторические чтения памяти Михаила Павловича Грязнова. – Омск, 2004. – С. 115–120. (0,5 п. л.)
- 30 Потемкина, Т. М. Святыица эпохи энеолита и бронзового века Тоболо-Иртышья (сравнительный анализ) / Т. М. Потемкина // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия : сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения чл.-кор. Российской Академии наук Сергея Влад. Киселева, г. Минусинск, 20-26 июня 2005. – Красноярск, 2005. – С. 51–53. (0,25 п. л.)
- 31 Потемкина, Т. М. Археoaстрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения / Т. М. Потемкина // Российская археология. – 2005. – №3. – С. 45–60. (1,5 п. л.)
- 32 Potemkina Tamila. Sources of Perceptions of the Cosmos in the Worldview of the Ob-Ugrians // Cosmic Catastrophies. A Collection of Articles. Proceedings of the European Society for Astronomy in Culture (SEAC) 2002, Tenth Annual Conference, 27-30 August in Tartu, Estonia. Eds: M. Koiva, I. Pustyl'nik, L. Vesik. Tartu, 2005. Pp. 129-144. (1,8 п. л.)
- 33 Potyomkina Tamila. «Sanctuary Savin in Trans-Ural region» // International conference «The Roc-cut Sacred places of the Thracians and other Palaeo-Balkan and Ancient Anatolian Peoples». 2-6 November 2005, Stara Zagora Spa, Bulgaria. The project is realized with the financial assistance of «Cultural National Fund», Bulgaria. <http://www.rock-cut.thracians.org>, 2005. (0,8 п. л.)
- 34 Потемкина, Т. М. Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) / Т. М. Потемкина // Мировопонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В. Н. Чернецова : сб. статей / отв. ред. д-р ист. наук М. Ф. Косарев. – Москва : Изд-во Таус, 2006. – С. 120–188. (5 п. л.)
- 35 Потемкина, Т. М. К методологии археоастрономических исследований / Т. М. Потемкина, П. В. Маглова, А. Д. Стоев // Мировопонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В. Н. Чернецова : сб. статей / отв. ред. д-р ист. наук М. Ф. Косарев. – Москва : Изд-во Таус, 2006. – С. 189–197. (0,5 п. л.)
- 36 Потемкина, Т. М. Археoaстрономические объекты Южного Урала: особенности и перспективы исследования / Т. М. Потемкина // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала :

тезисы докладов полевого семинара 19–25 июня 2006 года, Аркаим. – Челябинск, 2006. – С. 3–6. (0,4 п. л.)

37 Потемкина, Т. М. Древние святылища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) / Т. М. Потемкина // II Северный Археологический Конгресс : тезисы докладов. Ханты-Мансийск, 24–30 сентября, 2006. – Екатеринбург, Ханты-Мансийск : Изд-во «Чароид», 2006. – С. 219–220. (0,1 п. л.)

38 Potemkina, T. M. *The Archeoastronomical Aspect in the Reconstruction of the Worldviews of Ancient Peoples // Anthropology & Archeology of Eurasia. Volume 45. Number 1 / Summer 2006. P. 7–28. (1,5 п. л.).* Перепечатано из ж-ла *Российская археология*. – 2005. – № 3. – С. 45–60

39 Потемкина, Т. М. Древние святылища как источник мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) / Т. М. Потемкина // Миф, обряд, ритуальный предмет в древности / главный редактор чл.-кор. РАН С. А. Арутюнов. – Екатеринбург – Сургут, 2007. – С. 197–223. (3,1 п. л.)

40 Potemkina, T. M. *Sanctuary of Eneolithic and Bronze Age in Western Siberia as a source of astronomical knowledge and cosmological ideas in antiquity // Archaeoastronomy and Ancient Technologia. – 2014. – Vol. 2, – № 1. – P. 50–89. (Russian) (English translation).* «Святылища энеолита и бронзового века Западной Сибири как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности». (Russian, pp. 50–89) 3,6 п.л. <http://aaatec.org/vol2n1.php> Раздел 1.

Список публикаций М. П. Вохменцева о святылище Савин-1

- 1 Потемкина, Т. М. Раскопки в Курганской области / Т. М. Потемкина, М. П. Вохменцев // *Археологические открытия-1983*. – Москва : Наука, 1985. – С. 236–237.
- 2 Вохменцев, М. П. Раскопки Савина / М. П. Вохменцев // *Археологические открытия-1984*. – Москва : Наука, 1986. – С. 171.
- 3 Вохменцев, М. П. Работы Курганского краеведческого музея / М. П. Вохменцев // *Археологические открытия-1985*. – Москва : Наука, 1987. – С. 233–234.
- 4 Вохменцев, М. П. Энеолитический памятник с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // *Археологические открытия-1995*. – Москва : Наука, 1995. – С. 260.
- 5 Вохменцев, М. П. Святылище Савин как результат наблюдения за природой / М. П. Вохменцев // *Вопросы экологии Зауралья. Земля Курганская: прошлое настоящее : краеведческий сборник*. – Курган, 1995. – Вып. 12. – С. 68–72.
- 6 Вохменцев, М. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой / М. П. Вохменцев // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 1997. – Вып. 1. – С. 9–14.
- 7 Вохменцев, М. П. Энеолитические святылища Зауралья / М. П. Вохменцев // *Святылища: археология ритуала и вопросы семантики*. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – С. 147–149.
- 8 Вохменцев, М. П. Эпоха энеолита лесостепного Притоболья (вопросы культурной принадлежности, относительной и абсолютной хронологии) / М. П. Вохменцев // *Ученые записки Шадринского государственного педагогического института*. – 2006. – Вып. 10. – С. 146–158.
- 9 Вохменцев, М. П. Влияние степных культур на энеолит лесостепного Зауралья / М. П. Вохменцев // *Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения*. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 23–25.
- 10 Вохменцев, М. П. Этно-историческая ситуация в Зауралье (по археологическим источникам) / М. П. Вохменцев // *Инновационные процессы в российском праве, экономике и исторической науке : сборник материалов Международной научно-практической конференции 13 марта 2009 года*. – Шадринск : Изд-во ШГПИ, 2009. – С. 18–22.
- 11 Вохменцев, М. П. Святылище Савин-1 в системе древних экологических представлений / М. П. Вохменцев // *Экология древних и традиционных обществ*. – Тюмень : Изд-во ИППОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 147–149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вохменцев Михаил Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ГУ «НПЦ по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области» (г. Курган, Россия)

Мосин Вадим Сергеевич – доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск, Россия)

Потемкина Тамила Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН (до 2015 г.) (г. Москва, Россия)

Юревич Валентин Антонович (1938–2008 гг.) – кандидат физико-математических наук, профессиональный астроном, сотрудник редакции журнала «Земля и Вселенная» (до 2004 г.) (г. Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Мосин В. С.	
Введение	3
Потемкина Т. М., Вохменцев М. П.	
Раскопки в Курганской области	9
Потемкина Т. М., Гусаков М. Г.	
Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин)	11
Потемкина Т. М.	
Святилище-«обсерватория» – новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье	15
Потемкина Т. М.	
О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе	21
Потемкина Т. М.	
Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества	27
Потемкина Т. М., Юревич В. А.	
Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России	31
Потемкина Т. М.	
Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н. э.	35
Вохменцев М. П.	
Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой	39
Потемкина Т. М.	
Зауральский «Стоунхендж»	47
Потемкина Т. М., Юревич В. А.	
Из опыта археoaстрономического исследования археологических памятников (методический аспект)	55
Потемкина Т. М.	
Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии	79
Потемкина Т. М.	
Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья)	137
Потемкина Т. М.	
Археoaстрономические объекты Южного Урала: особенности и перспективы исследования	199
Список публикаций Т. М. Потемкиной о святилище Савин-1	202
Список публикаций М. П. Вохменцева о святилище Савин-1	205
Сведения об авторах	206

Научное издание

Святылище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье

Антология статей

Редактор Л. П. Чукомина

Подписано в печать 25.02.20

Печать цифровая

Заказ № 18

Формат 60×84 1/8

Усл. печ. л. 26,00

Тираж 200

Бумага 80 г/м²

Уч.-изд. л. 26,00

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.

Потемкина Тамила Михайловна (род. в 1937 г.) – кандидат исторических наук, археолог, специалист по проблемам энеолита и бронзового века Урала, Западной Сибири, Казахстана, а также археоастрономии. В 1960–1963 гг. работала научным сотрудником, заместителем директора Курганского областного краеведческого музея; в 1963–1972 гг. – старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Курганского государственного педагогического института, одновременно являясь начальником археологической экспедиции. В 1972–2015 гг. – в Институте археологии РАН (Москва): аспирант, м. н. с., с. н. с. отдела бронзового века; в 1987–1990 гг. была заместителем директора ИА РАН по научной работе; в 1990–1993 гг. – заведующим редакционно-издательским отделом. Участник и организатор археологических экспедиций на Урале, в Западной Сибири, Таджикистане, Венгрии, в том числе в качестве начальника различных отрядов и экспедиций. Автор 156 научных статей и трех монографий, в числе которых фундаментальное исследование «Бронзовый век лесостепного Притоболья» (Москва, 1985).

Вохменцев Михаил Павлович (род. в 1955 г.) – кандидат исторических наук, археолог, специалист по вопросам энеолита Зауралья. В 1981 г. открыл и исследовал уникальный памятник археологии святилище Савин-1. В 1981–1988 гг. работал научным сотрудником в Курганском областном краеведческом музее; с 1988 г. – в Курганском государственном педагогическом институте, где создал первую археологическую хоздоговорную лабораторию; с 1996 г. – в Научно-производственном центре по охране памятников – объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области, в том числе с 2008 по 2019 г. в качестве директора. Участник археологических экспедиций в Омской, Челябинской, Свердловской областях, Северном Кавказе, Ханты-Мансийском автономном округе. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Энеолит лесостепного Притоболья» в Институте археологии РАН. С 2015 года – аттестованный эксперт по государственной историко-культурной экспертизе. Автор 39 научных публикаций.

Юревич Валентин Антонович (1938–2008 гг.) – кандидат физико-математических наук, профессиональный астроном. Основные области интересов: фотографическая астрометрия, археоастрономия. С 1960 г. по 1990 г. работал старшим научным сотрудником в Звенигородской обсерватории Института астрономии РАН. В 1987–1988, 1990–1994 гг. был директором Астрономической обсерватории Кито (Эквадор), обнаружил и исследовал несколько археоастрономических памятников Эквадора. С 1997 г. по 2004 г. являлся сотрудником редакции журнала «Земля и Вселенная». Автор 140 опубликованных научных и научно-популярных статей, двух книг. Одна из них – «Астрономия доколумбовой Америки» – издана на русском и испанском языках.

ISBN 978-5-4217-0529-1

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр

65-48-12